

"Сердце рыцаря"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Позже Мари казалось, что она появилась на свет в тот майский день, когда пришло известие о смерти ее брата. До этого она пряталась в коконе своих фантазий – бесформенная девочка-червячок, изо всех сил старавшаяся быть не собой, а кем-то другим. Только когда роковое известие разбило все ее мечты, она, растерянно моргая, вышла в реальный мир.

Тот день Мари провела так же, как сотни других дней в монастыре, куда приехала почти три года назад, – за копированием рукописей и молитвами. Однако после дневной службы она внезапно почувствовала, что все в ее жизни скоро изменится. Прислужница настоятельницы подбежала к Мари, когда она выходила из храма, и сказала, что настоятельница желает ее видеть.

– Меня? – переспросила Мари с удивлением и беспокойством. – Зачем?

И она попыталась вспомнить, не высказала ли вслух какое-нибудь критическое замечание, которые мысленно адресовала настоятельнице. Настоятельница Констанция, аристократка-вдова, отличалась практичностью, и Мари – девятнадцатилетняя страстная идеалистка – испытывала к ней одно только презрение.

– Не могу знать, миледи, – равнодушно ответила девушка. – Какие-то рыцари прибыли с известиями, и миледи велела передать, чтобы вы пришли к ней сразу после службы.

У Мари от страха перехватило дыхание. Рыцари с известиями, касавшимися ее, могли прибыть только от отца, лорда Гийома Пантьевра Шаландрийского, который уехал, чтобы принять участие в крестовом походе. Он болен? Он получил награду от своего сюзерена, герцога? Или... может быть, он распорядился относительно ее замужества? На секунду она погрузилась в темную пещеру своих воспоминаний, ощутила вонь, наполнившую комнату после смерти матери, запахи родильной горячки, совокупления, брака. Она не хочет выходить замуж – никогда. Она хочет стать настоящей святой. Она перекрестилась и в смятении отправилась на зов настоятельницы.

Идти нужно было недалеко: монастырь Святого Михаила состоял из большого здания с внутренним двором и примыкавшей церковью. Конечно, он не был частью древнего аббатства, венчавшего холм, а располагался в городе, прилепившемся к его склонам. Однако монастырь пользовался покровительством аббатства и так же был защищен от постоянных грабежей и волнений. Все монахини были из уважаемой знати, и в качестве послушниц принимали только девиц благородного происхождения: такая респектабельность крайне претила пылко верующей Мари.

Комнаты настоятельницы находились на первом этаже дома. Еще приближаясь к ним, Мари услышала аристократический блеющий голос леди Констанции. Он разносился по дворику, прерываясь неслышными ответами гостей.

– Нет-нет! – вскричала она в тот момент, когда Мари вошла на темное крыльцо. – Она – милая, тихая девушка, очень скромная и послушная. Мы были рады видеть ее здесь – пожалуйста, заверьте в этом вашего господина! Мне очень неприятно вызывать ее для столь печальных известий, господа, очень неприятно, право. И мне будет очень жаль с ней расставаться.

Мари замерла на месте, не пытаясь разобрать почти неслышный ответ. Дубовая дверь гостиной прямо перед ней была закрыта, а за ее спиной теплый весенний день продолжал плавно течь под лучами солнца. Дурные известия для нее – настолько дурные, что ей предстоит покинуть монастырь Святого Михаила. Ей показалось, будто нити, связывавшие ее сердце и разум, внезапно порвались: она поняла, что случилось нечто такое, что безвозвратно поменяет ее жизнь, однако это понимание не сопровождалось никакими чувствами. Наблюдатель, поселившийся в ней, бесстрастно ждал, что же она, Мари Пантьевр Шаландрийская, предпримет в минуту кризиса. И единственной внятной мыслью, оформившейся в ее голове, была молитва: «О Боже, не допусти, чтобы мой отец был мертв!»

Она подняла руку и постучала в дверь.

Комната была полна народу. Леди Констанция, пятидесятилетняя дама с резкими чертами лица, сидела на дубовом стуле с высокой спинкой. На ней было одно из тех украшенных вышивкой и камнями облачений, которые возмущали и шокировали братию аббатства на холме. Перед ней стояли три рыцаря. Все они повернулись к вошедшей Мари, и та с облегчением поняла, что не знает ни одного из них. Дурные вести из дома принес бы знакомый посланец. Все рыцари были молодыми людьми и все держали чаши с монастырским вином. Их островерхие шлемы стояли в ряд на столе настоятельницы. На двух мужчинах были простые кольчуги – кожаные куртки до колен с нашитыми по всей поверхности железными кольцами, кольчуга третьего была более дорогой, скованной из мельчайших скрепленных между собой колечек, с позолоченным перекрестьем на груди. Рукава кольчуги по обычаю доходили только до локтей, и из-под них выглядывал жакет алого цвета, отделанный мехом куницы. Похоже, он был человеком довольно богатым, и Мари решила, что он возглавляет этот отряд. Он был светловолосым и выбритым – красивый мужчина с большими голубыми глазами и ровными белыми зубами, которые блеснули, когда он хотел было ей улыбнуться, но вспомнил, что привез дурные известия, и стал серьезен.

– Мари, милая, – мягко сказала Констанция, – спасибо, что пришла так быстро. Дитя, ты должна крепиться и довериться Господу нашему Иисусу Христу. Боюсь, что эти господа привезли тебе плохие вести.

Мари скрестила руки на груди и склонила голову. Ее сердце по-прежнему было отрезано от разума, в горле возник тошнотворный привкус.

– Да будет милосерден Господь наш Иисус Христос, – проговорила она. – Милорды, что у вас за весть?

Весть сообщил ей светловолосый мужчина в дорогих доспехах. Он сказал, что его имя – Ален де Фужер. Его самого и его спутников послал сюзерен ее отца, герцог, чтобы сообщить, что ее брат, Роберт, был убит при осаде Никеи.

Мари приготовилась к бедствию – и теперь была ошеломлена. Она почти не знала брата. Он жил при дворе сюзерена ее отца, герцога Роберта Нормандского, уехав еще до ее рождения. Сначала он был у герцога пажом, потом – сквайром и рыцарем. В Шаландри брат приехал только для того, чтобы привезти домой глупенькую жену, которая невзлюбила Мари, а потом почти там не бывал. Она со стыдом сознавала, что испытывала к нему горькую ревность: он был ребенком, которого ее отец любил, унаследовал все, что в ее мире служило поводом для похвал. Однако она каждый день послушно молилась о нем. Он был крепким жизнерадостным мужчиной, любившим сладости и вино. Мари помнила, как он танцевал с женой гавот, пока все лицо у него не покраснело. Как он мог умереть? Она недоуменно моргала, глядя на светловолосого рыцаря, а он смотрел на нее с добропорядочной серьезностью. Молчание

затягивалось. Она поняла, что все ожидают от нее каких-то слов, но, страшно смутившись, не знала, что говорить.

В ее голову пришла единственная мысль, которая была слишком честной, чтобы высказывать ее вслух: если Роберт мертв, то отцу наконец придется ее заметить. Он никогда этого не делал, никогда, хотя она старалась сделаться скромной, сдержанной и набожной – такой, какой положено быть благородной даме. Она даже сумела приобрести необычное умение – научилась читать. У Мари загорелись щеки. Дурно было радоваться смерти брата. Она крепче прижала к груди скрещенные руки и почувствовала, как колотится ее сердце. Один из рыцарей поспешно подошел и поставил ей табурет. Шатаясь от стыда и смущения, она тяжело на него опустилась.

Ален де Фужер покашлял с видом человека, который покончил с неприятным вступлением и теперь может перейти к главному.

– Из-за печальной смерти доброго рыцаря, вашего брата, – сказал он, – мой господин герцог прислал нас, чтобы сопроводить вас к его двору.

– Что? – слабо пискнула Мари, а потом уже резче спросила: – О чем вы говорите?

– В отсутствие вашего батюшки вы становитесь подопечной герцога, – сказал ей Ален, словно непонятливому ребенку. – Теперь, когда вы лишились других членов вашей семьи, его обязанностью стало заботиться о вас.

Щеки Мари разгорелись еще жарче. Она не хуже его знала правила. Сюзерен всегда был опекуном жены или сирот своего вассала. Но она – не сирота и не понимает...

А потом она внезапно поняла. У ее брата не было детей, так что в соответствии с брачным контрактом его вдова не может стать его наследницей. Теперь сама Мари стала наследницей поместья Шаландри и, как наследница, приобрела ценность. Брак с наследницей становится прекрасной наградой рыцарю, которым доволен его сеньор. Тошнотворный вкус во рту усилился, и она начала дрожать.

– Мой отец уже обо мне позаботился! – слишком высоким голосом воскликнула она. – Он отправил меня сюда.

– Ради твоей безопасности, дитя, – мягко вмешалась леди Констанция. – Твой отец распорядился, чтобы ты оставалась здесь на время крестового похода, но он очень твердо сказал, чтобы ты не приносила обетов без его разрешения. Теперь обстоятельства изменились – и тебе следует отправиться ко двору.

Мари устремила на нее отчаянный взгляд, а потом поспешно повернулась обратно к Алену де Фужеру:

– Как герцог Роберт мог вас послать? Он в крестовом походе вместе с моим отцом!

– Я действую от имени герцога, – ответил Ален и после короткой паузы добавил: – У герцога Роберта есть управляющий, знаете ли.

Один из рыцарей ухмыльнулся. Мари перевела взгляд с его ухмылки на лицо Алена де Фужера, пытаясь победить ужас и заставить свой потрясенный разум работать. Ей казалось, что она упустила нечто очень важное. Однако она была не в состоянии связно мыслить. Она обязана подчиняться сюзерену отца. Она обязана будет по его приказу выйти замуж за какого-нибудь незнакомца – вероятно, человека, который окажется намного старше ее самой. А потом она

будет обязана считать мужа своим господином и безропотно принимать любое его обращение. Большинство мужчин хотя бы изредка бьют жен. Ей придется отдать свое тело – неловкое, хрупкое, нежное – в грязную лихорадку и кровь деторождения. Ей придется полностью потерять власть над собой. Давясь паникой, не находящей выхода, она прижала ладони к лицу и разрыдалась.

Мари покинула монастырь Святого Михаила в тот же день. Леди Констанция объяснила, что ей не следует медлить.

- Ты знаешь, что должна повиноваться своему сеньору так, как повиновалась бы отцу, – сказала она. – А раз тебе необходимо ехать, то лучше сделать это немедленно. Незачем предаваться мрачным мыслям. Я уверена, что при дворе герцога о тебе хорошо будут заботиться, а по пути туда эти господа будут к тебе добры. Иди и собери вещи.

Однако немногочисленные пожитки, с которыми Мари приехала в монастырь, упаковала прислужница настоятельницы. Мари могла только сидеть на узкой кровати, сложив руки на коленях, и молиться. Она продолжала дрожать, но теперь уже не только от страха, но и от стыда. Спокойный наблюдатель, живший в ней, смотрел, как она поведет себя в момент кризиса. И ему видны были дурные мысли, постыдный страх и ребяческие слезы. И не было следа твердости и веры, которые должны были бы сопровождать столь ожидаемую святость.

Солнце все еще стояло высоко над горизонтом, когда ошеломленная Мари села на костистую серую кобылу, которая привезла ее в монастырь три года назад, и отправилась в путь с тремя рыцарями.

Леди Констанция оказалась права хотя бы в одном: дорога мгновенно заставила Мари забыть о своих тревогах. Ее кобылу Дагу отец когда-то назвал «доброй лошадкой»: она была сильная, быстрая и выносливая. А еще она была упрямая, раздражительная и тряская – и в течение трех лет ею пользовались в монастыре, что нисколько не улучшило ее от природы дурного характера. Мари с детства умела ездить верхом, но она не садилась на лошадь с момента приезда в монастырь, и Дагу потребовала от нее столько внимания, что на протяжении нескольких миль ей некогда было даже оглядеться. Однако она заметила, когда они повернули, чтобы переправиться через реку Куэнон в Бретань. Такого не заметить было нельзя.

В течение шестидесяти лет граница между герцогствами Нормандским и Бретонским проходила по Куэнон. Хотя формально оба герцогства считались собственностью короля Франции, на самом деле они являлись независимыми государствами и воевали между собой чаще, чем жили в мире. Однако многие бретонские семьи устраивались по обе стороны реки. Бретань была бедна, а Нормандия – богата. И вполне естественно было, что бедные бретонцы – вторые и третьи сыновья, не получавшие наследства, искали удачу на севере. И если они эту удачу находили, то почему бы сеньорам малых владений в Бретани не получать больших в других местах? Многочисленные ветви семейства Пантьевр были самыми удачливыми из всех этих перебежчиков отчасти из-за успешного двоедушия самых знатных представителей рода. Семейство Мари – более скромная ветвь Пантьевров – было твердо в своей верности Нормандии. Отец Гийома Пантьевра ушел со службы герцога Бретонского и принес вассальную клятву герцогу Вильгельму Завоевателю. И Гийом гордо утверждал, что эту клятву нельзя взять обратно, не потеряв чести семьи. Он хвастался тем, что никогда не пересекал Куэнон.

Мари осадил кобылу перед низким деревянным мостиком. Дагу фыркнула и прижала уши, дергая головой поводья и возмущенно переминаясь на месте. Трое рыцарей тоже развернули коней и подъехали к ней. Позади лежали безлюдные пространства засоленного болота, а вдаль

высилась вершина Сен-Мишель, от которой их отделяло уже мили четыре, но которая казалась такой близкой, что можно дотронуться рукой. Перед ними плавно несла свои коричневые воды река: течение было таким слабым, что поверхность казалась неподвижной.

- Миледи, - Ален де Фужер, как водится, говорил за всех троих, - почему вы остановились?

Мари недоуменно посмотрела на него.

- Вы едете не в ту сторону, - проговорила она и мысленно содрогнулась от того, насколько неуверенно звучали ее слова.

Де Фужер колебался, и один из двух рыцарей посмотрел на него с досадой. Мари решила, что раздосадованный мужчина скорее всего состоит в родстве с командиром отряда, хотя красота Алена казалась почти чрезмерной, а его спутник до странности походил на жабу - щербатую жабу с волосами песочного цвета. Насколько она поняла, спутника звали Тьер.

- Скажи ей правду, Ален, - посоветовал он. Ален колебался еще секунду, но потом кивнул:

- Хорошо. Леди Мари, мы едем в Ренн.

Мари замерла в изумлении. Ренн был столицей одного из трех крупных графств Бретани. Ее сердце снова отделилось от разума, и она почувствовала странную отстраненность, словно все это происходило с кем-то другим.

- Вы же говорили, что мы едем к управляющему герцога Роберта! - запротестовала она.

- Нет, - возразил Ален, страшно довольный собой. - Я сказал, что мы едем ко двору герцога. Герцог Хоэл сейчас находится в Ренне.

Герцог Хоэл Бретонский! Мари растерянно смотрела на своих сопровождающих. Дагу воспользовалась удобным моментом, выдернула поводья из рук Мари и боком отошла к сочной траве на обочине дороги. Мари поспешно ударила ее по бокам, чтобы повернуть лошадь обратно, откуда они приехали, но тут зловредная кобыла прижала уши и заартачилась. Тьер моментально оказался рядом с ней. Перегнувшись, он поймал поводья - этот жест мог бы быть услужливым, но внезапно оказался совсем иным. С жабьей усмешкой он надел конец поводьев себе на руку. Только тут Мари поняла, что происходит похищение. Вот почему у нее было ощущение, будто она что-то упустила! Дело не в том, что она была глупа: просто ее обманывали.

«Герцог Хоэл! Иисусе сладчайший, мне следовало бы сообразить! Конечно, герцог Бретонский не откажется заполучить такое богатое владение, как Шаландри!»

- Вы мне лгали! - яростно крикнула она Алену.

- Я не лгал! - самодовольно возразил тот. - Я сказал вам, что меня прислали вас сопровождать к герцогу, который является вашим законным сюзереном. И это правда.

- Мой законный сюзерен - это Роберт Нормандский! - запротестовала Мари. - Вы сказали, что получили приказ от управляющего герцога Роберта!

Ален покачал головой.

- Я этого не говорил, - заявил он, кичась собственным хитроумием. - Я сказал, что действую

именем герцога и что герцог Роберт назначил управляющего, а он это сделал. Я не лгал. А вы думали то, что вам хотелось думать.

- Вы знали, что обманываете меня! - крикнула Мари, покраснев от ярости. - Конечно, я была дурочкой, приняв вас за настоящего и благородного рыцаря и поверив...

Она замолчала. Поверила она леди Констанции. Она сочла Алена честным, потому что настоятельница велела ей ехать с ним. Невозможно было поверить, чтобы настоятельница с ее любовью к родословным и знакомством со всеми благородными семействами Бретани обманулась относительно вассалитета какого бы то ни было рыцаря. И Мари теперь вспомнила, что сама Констанция была из бретонских Пантьевров и единокровной сестрой герцогини Бретонской. Констанция потворствовала похищению.

Мари старалась стать святой и смиренной, однако ее род давно славился рыцарями, отличавшимися яростью в сражениях. Известие о том, что ее предательски отдали в руки врагов, погрузило ее в холодное бешенство. Ее внутреннее «я» уже не играло роль стороннего наблюдателя. Оно с яростной сосредоточенностью искало наилучший способ бегства.

Мари больше не протестовала. Слишком много шума, слишком яростное сопротивление - и рыцари могут привязать ее к седлу на весь остаток пути. Она набросила на лицо длинный белый плат послушницы и сделала вид, будто безуспешно пытается справиться с чувствами. Наклонив голову, она сжала на коленях руки, дрожавшие от гнева.

Ален возмущенно заявил, что он и есть настоящий рыцарь и верный слуга герцога, однако, не получив от нее ответа, пришпорил коня и гордо прогрохотал по мосту впереди нее. Тьер секунду колебался, а потом крепче сжал поводья Дагу и звонко шлепнул ее по крупу, направляя на мост. Третий рыцарь, Гийомар, чуть приотстал - и они молча поехали по Бретани.

Тьеру было жаль пленницу. Смерть брата явно стала для нее большим потрясением; его тронуло то, с какой молчаливой болью она приняла это известие. И конечно же, жестоко было пользоваться ее горем. Нехорошо было и то, что они обманом увезли послушницу из монастыря - пусть даже настоятельница посмотрела на их уловку сквозь пальцы. И хотя справедливость на их стороне (Тьер не сомневался в том, что Бретонский герцог имеет права на Шаландри), но для девушки это было тяжело. К тому же она хорошенькая, решил он про себя, глядя сбоку на ее опущенную голову. У Мари были сильные, четкие черты и по-модному высокий лоб, которого не коснулись такие уловки, как выщипывание или выбривание. Ее глаза под ровными темными бровями были темно-серыми. Простое монашеское одеяние - черное платье и белый плат - конечно, ей не к лицу, но Тьер с удовольствием представил себе, какова она без этих одежд. Славные широкие плечи, славные широкие бедра - да и то, что между ними, тоже очень славное.

Мари подняла глаза, и Тьер адресовал ей ухмылку, которая должна была бы стать ободряющей. Она сразу же снова стала смотреть на свои сложенные руки, и он безнадежно вздохнул. У него никогда не шли дела с хорошенькими девицами - по крайней мере с благородными. Он был не только уродливый, но и безземельный. Безземельные рыцари не женятся. Как можно взять жену, если у тебя нет дома, а постель у тебя - в зале твоего господина, где спят еще дюжина или две твоих товарищей по оружию? Даже Ален (который, как Мари правильно угадала, был кузеном Тьера) вряд ли сможет жениться, а ведь он - второй сын сеньора, а не просто нищий племянник. Однако Тьер любил общество женщин, когда ему удавалось в него попасть.

- Мы не сделаем вам ничего дурного, леди Мари, - пообещал он. - Герцог Хоэл обойдется с вами честно.

Она ничего не ответила. Тьер снова вздохнул, и дальше они ехали в молчании.

В тот день они находились в пути почти четыре часа. Кобыла Дагу продолжала безобразничать: упиралась у ручьев, рвалась на луга, а порой лягала коня Тьера или пыталась кусаться. Тьер выломал ивовый прут и стегал кобылу всякий раз, как она принималась артачиться - но все равно к тому моменту, когда они добрались до аббатства Бонн-Фонтейн, где им предстояло переночевать, у него заболели руки из-за того, что постоянно приходилось дергать поводья. Мари побледнела от усталости и болезненно понурилась в седле. Она отвыкла ездить верхом, а ход у Дагу был тряский. Тем не менее когда аббат вышел к сторожке, чтобы поздороваться с ними, Мари быстро соскользнула с лошади и упала перед ним на колени.

- Помогите мне, святой отец! - громко воскликнула она. - Эти люди меня похитили. Мой отец отправил меня в монастырь Святого Михаила, а они украли меня оттуда против моей воли!

Мгновение аббат смотрел на нее - скорее устало, чем удивленно. Бывали случаи, когда рыцари увозили красивых девушек из монастырей. Он бросил гневный взгляд на Тьера, который несколько лет назад ходил в школу аббатства.

- Так приказал герцог, святой отец! - поспешно объяснил он. - Эта леди - наследница Шаландри, и герцог захотел увести ее из монастыря Святого Михаила, чтобы защитить от нормандцев.

Лицо аббата прояснилось. Он был истинным бретонцем. Он ненавидел нормандцев, которые порой подвергали набегам земли его аббатства. Он не помнил за Тьером ничего особенно предосудительного, и Алена де Фужера он знал в лицо. Мать Алена много жертвовала на аббатство. Ему стало понятно, кому следует верить.

- Вам не нужно бояться, дочь моя, - успокоил он ее. - Герцог Хоэл позаботится о том, чтобы с вами хорошо обращались. И вы должны знать, дитя: что бы вам ни говорили, герцог Хоэл - ваш законный сюзерен. Принеся вассальную клятву нормандцу, ваш отец украл у Бретани то, что принадлежало ей по праву.

Мари прикусила язык. Было ясно, что ее мольбы ничего не дадут, а упорствовать означало бы только затруднять себе бегство. Она стыдилась своего плача и ошеломленного отупения в монастыре, но теперь молча благодарила Бога за то, что показала себя дурочкой. Если ее считают слабой и глупой, то не будет ждать от нее ничего, кроме слез.

Аббат провел их в монастырскую гостиницу, где слуги приготовили им комнаты: одну для трех рыцарей и одну, рядом, но отдельную, для Мари. Рыцари благоразумно позаботились о том, чтобы закрыть окно в комнате Мари деревянным ставнем и задвинуть засов снаружи. Тяжелую дверь они заперли, оставив ключ у себя. Мари устало опустилась на кровать и закрыла лицо руками. Руки и ноги у нее еще дрожали от езды, и она настолько устала, что боялась заснуть на месте. Однако она понимала, что ей необходимо сбежать этой ночью. Они уже отъехали от монастыря на двадцать миль дальше, чем ей случалось проходить пешком. После еще одного дня езды расстояние станет для нее слишком большим. Однако сначала ей необходимо немного отдохнуть и поесть, чтобы восстановить силы. Лучше всего сбежать ранним утром. Она привыкла просыпаться до рассвета, чтобы прочитать «часы», и не сомневалась в том, что звучный колокол аббатства разбудит ее так же легко, как и пронзительный колокол монастыря.

А вот как ей выбраться отсюда? Мари встала с кровати и внимательно осмотрела комнату при свете единственной сальной свечи, которую оставили ей слуги аббата. Ставень был не только надежно закрыт, но и скрипел при малейшем прикосновении. Стены комнаты были сложены из прутьев, обмазанных толстым слоем глины, и стояли на крепком каменном фундаменте, крыша была надежно крыта соломой, а под толстым слоем тростника оказалась утрамбованная глина. Прокопать лаз было возможно, но на это ушло бы много часов труда, так что у нее не осталось бы ни времени, ни сил, чтобы уйти хоть сколько-нибудь далеко.

Оставалась дверь. Мари подошла к ней в последнюю очередь. Подняв свечу выше, она увидела задвижку, которая входила в паз косяка. На одном уровне с ней в деревянном косяке шла впадина – видимо, кто-то открывал дверь, не отодвинув задвижку до конца. Секунду Мари смотрела на эту впадину, и дыхание ее прерывалось. Она чувствовала, что это ее спасение, однако не сразу сообразила, каким образом можно открыть дверь. Потом непослушными от волнения пальцами она сняла с себя плат и комом зачихнула его между дверью и каменным порогом рядом с петлями.

Спустя несколько минут к ней зашел монастырский слуга, который принес поднос, где стояли миска с похлебкой и чашка вина на ужин, а также кувшин с водой для умывания, тазик и чистая тряпица. Все три рыцаря пришли с ним и стояли в дверях, глядя на нее, пока слуга ставил поднос на кровать.

- Вам нужно что-нибудь еще, леди Мари? – вежливо спросил Ален.

- Ваше отсутствие, – холодно ответила Мари.

Ален с обиженным видом поклонился и ушел. Тьер адресовал ей свою жабую улыбку и последовал за ним, а третий рыцарь, Гийомар, закрыл дверь за слугой. Скомканный плат сделал ее неподатливой – настолько неподатливой, что на мгновение Мари затаила дыхание, испугавшись, как бы он не стал проверять, что мешает ее закрыть. Однако он этого не сделал и с трудом закрыл дверь. Сквозь шум удаляющихся шагов Мари услышала звук поворачивающегося в замке ключа. Вскочив, она бросилась к двери. Задвижка чернела в щели между краем двери и косяком, но невозможно было рассмотреть, осталась ли она во впадине или вошла в паз. Мари не осмелилась проверить это сейчас. Прислонившись лбом к косяку, она молча и горячо помолилась о том, чтобы дверь оказалась открытой. Она представила себе отца в лагере под невообразимо далекой Никеей, горюющего о Роберте.

«Я сохраню твою честь, – мысленно пообещала она ему. – Я не отдам твоих земель врагам. Ты будешь мной гордиться, отец. Наконец-то ты будешь мной гордиться!»

А потом она трижды прочитала «Отче наш», чтобы успокоить отчаянное биение сердца, и повернулась, чтобы умыться перед ужином.

Когда зазвонил колокол к чтению утренних «часов», Мари встала: после трех лет монастырской жизни ноги привычно опустились в заранее приготовленные башмаки еще до того, как она проснулась окончательно. А потом она замерла. Даже в полной темноте она поняла, что находится в незнакомой комнате. Это не ее маленькая келья в монастыре Святого Михаила, это... Воспоминание принесло с собой поток почти нестерпимого возбуждения.

Мари заставила себя сидеть неподвижно, прислушиваясь. Колокол смолк. Во дворе стихло шуршание шагов, и от храма еле слышно донеслись первые слова службы, читаемые слабыми сонными голосами. Мари глубоко вздохнула, поднялась и в кромешной тьме ощупью добралась до двери. Так. Грубый косяк, более гладкие доски. Задвижка. Она провела рукой вниз – по

задвижке, по краю двери, по порогу. Ее плат оказался там, где она его оставила. Первый нетерпеливый рывок не освободил ткани, и она заставила себя вынимать ее медленно, слегка подергивая взад-вперед. Наконец дверь пронзительно скрипнула, и плат оказался у нее в руках. Она замерла, скорчившись у порога. Однако по-прежнему единственным доносившимся до нее звуком был далекий шепот монахов, читавших «часы». Она выпрямилась, стиснув в потной руке плат.

- Христос и святой Михаил, помогите мне! - прошептала она.

Тщательно обернув платком дверную задвижку, она с силой потянула ее.

Плат немного приглушил звук, но все равно задвижка снова заскрипела, царапая по косяку. А потом дверь открылась. Секунду Мари, у которой кровь звенела в ушах, стояла, прижав ладонь к двери и прислушиваясь, не раздастся ли звук тревоги. И опять она слышала только молитвы.

Она осторожно вышла в коридор. Из комнаты, в которой спали рыцари, был слышен только храп. Конечно, у них не было привычки вставать на утренние «часы», так что они проспали колокол. Мари постаралась подавить прилив торжества: ей предстоял еще долгий путь. Осторожно закрыв дверь своей комнаты, она поспешно пошла по коридору, на ходу покрывая голову и заправляя волосы под плат.

Двор аббатства был пуст. Ворота оказались закрыты на ночь на засов, но только изнутри, а привратник спал в своем домике. Мари без труда отодвинула засов и вышла.

Луна уже села, и все казалось темным и странным. Дорога различалась только как серая полоса среди бесформенной черноты вокруг. Тишина была настолько глубокой, что от нее закладывало уши, и самые тихие звуки - шуршание одежды, стук подошв, даже собственное дыхание - казались гулкими и оглушительно громкими. Трава у дороги отяжелела от росы. Пройдя несколько шагов, Мари остановилась, снова слыша, как стучит в висках. Впервые ей стало страшно. Она еще никогда не бывала ночью вне дома одна - а в темноте, за полосой возделанной земли, тянувшейся вдоль дороги, лежал лес. Она видела его накануне днем - то как тень на холмах, то как стену вдоль дороги, то как туманную полосу вдаль, но он никогда не исчезал полностью. Лес Броселианд - тайна, заполнявшая самое сердце герцогства Бретонского, глубокая, как море. Там жили волки и другие хищные животные. Были там и создания, гораздо более опасные - те, которые со смехом и звоном хрустальных колокольцев убегали в полые холмы или улыбались вам из колодцев, когда вы пытались увидеть свое отражение. Эти демонические создания могли украсть вашу тень и свести с ума.

Мари была бретонкой равнин, где говорили по-французски, а еще принадлежал к старинной Бретани, говорившей на более древнем языке. Однако она слышала рассказы. Деревенские жители не трогали некоторые деревья, ежемесячно убирали некоторые родники цветами, ежегодно разводили костры на определенных плоских камнях, оставляли в подарок прекрасному народу хлеб с молоком. Церковь все это осуждала, но крестьяне упорно поступали по-своему, и мало у кого из сельских священников хватало храбрости запретить им делать это. Даже священники могли пострадать, если бы прекрасный народ обиделся.

Мари судорожно сглотнула, перекрестилась и прошептала молитву святому Михаилу. Она вырвалась на свободу и не позволит своему страху перед невидимым сделать ее пленницей. Однако она направилась к Сен-Мишелю по дороге. Накануне днем Мари планировала добираться обратно по лесу, чтобы обмануть преследователей, но войти в лес безлунной ночью было для нее так же невозможно, как отрастить крылья. До рассвета на дороге ей будет безопаснее. А днем она твердо решила идти лесом.

Она шла - и окрестности постепенно, почти незаметно, стали снова обретать свои формы. На востоке черным силуэтом выгнулся холм. Ручей бежал по впадине под тенью, которые превратились в ивы, А потом нарушилась тишина: на какой-то ферме закричал петух - и сердце ее от облегчения пропустило один удар. Всем известно, что при крике петуха все злые создания возвращаются в свои логова. Вскоре неуверенно чирикнули первые птицы. Им откликнулись другие. А потом вдруг весь утренний хор - дрозд и славка, малиновка и жаворонок - во весь голос запели на кустах и прогалинах, и на приливе их песни уплыли остатки страхов Мари. Становилось все светлее, и луга превратились в зеленые ковры, усеянные белыми и желтыми крапинками таволги и лютиков. Кролики при ее приближении бросались к своим норкам, рыжей стрелой через дорогу промчалась лиса. Два лебедя пролетели низко над ее головой, шумно взмахивая крыльями. Когда пугающая тишина ночи ушла, Мари поймала себя на том, что радостно улыбается и идет размашистым упругим шагом. Это была не греза, не фантастическая святость - это была реальность. Она сбежала! Рыцари сочли ее глупой, робкой, легковверной - но это они оказались обманутыми, а она возвращается домой.

Ей следовало сойти с дороги, пока они не прискакали за ней во весь опор. Мари вприпрыжку побежала туда, где проселок уходил вдоль ручья налево. За поле, через канаву, по пастбищу... и перед ней оказался лес - ближе, чем она ожидала. Сейчас, когда солнце встало, он не выглядел зловещим. Деревья были покрыты яркой майской зеленью, которая была пышнее, чем листья ранней весны, но светлее, чем летняя. Утреннее солнце касалось их вершин светом, который был аппетитным и желтым, как свежее масло. Яркие цветы покрывали пространство, открытое и просторное, словно зал, полный солнечных зайчиков. Проселок шел дальше среди деревьев. Страх, который она испытывала в начале пути, теперь казался нелепым: Броселианд был местом прекрасным.

Какое-то время идти было легко, так что у нее была возможность представлять себе, что она сделает, когда вернется в монастырь. Она отправится прямо к леди Констанции. «Леди настоятельница, - скажет она, - эти рыцари, которые приезжали за мной, были вовсе не от герцога Роберта Нормандского. Хоэл Бретонский отправил их, чтобы они меня похитили. Он собрался выдать меня замуж за кого-то из своих вассалов и украсть земли моего отца. Но мне удалось убежать. Я благодарю Бога и святого Михаила, которые избавили меня от измены моему сюзерену. Предательство мне ненавистно, - добавит она многозначительно. - Меня удивляет, леди настоятельница, как это вы не догадались, кто такой этот Ален де Фужер и кому он служит. Ведь вам известны родословные всех рыцарских семейств Бретани».

Тут радость Мари несколько поблекла. Констанция определенно это знала. И что она предпримет, когда послушница, которую она предала, вдруг снова окажется у ее порога?

Мари закусила губу и попыталась убедить себя в том, что Констанция ничего не сможет поделать. Она не посмеет признаться в том, что содействовала похищению юной аристократки, порученной ее заботам. Она притворится, будто тоже была обманута. «Монастырь - безопасное убежище, - поспешила успокоить себя Мари. - Иначе и быть не может». Другого убежища в пределах досягаемости все равно не было, и Мари продолжила путь.

Проселок начал сужаться, и вскоре участок расчищенного леса остался позади. Идти становилось все труднее. Молодые деревья чередовались колючими зарослями. Спустя какое-то время Мари заметила тропу, которая отходила от ее дороги направо. Она была малохоженной и наполовину затянута плетями ежевики, но зато вела на север, в том направлении, которое было ей нужно. Она подоткнула подол, чтобы он не цеплялся за колючки, и повернула направо.

Идти стало намного труднее. Землю покрывала прошлогодняя листва, которая прятала

упавшие ветки, камни и впадины на тропе, так что Мари часто спотыкалась. В более светлых местах появились крапива и терн. Усталость неприятно напомнила ей о том, что она уже прошла немалое расстояние на голодный желудок. Мышцы у нее болели после вчерашней верховой езды, и ей ужасно хотелось прилечь и отдохнуть. Она напомнила себе о том, как горд будет ее отец, когда услышит о ее отважном побеге, расправила плечи и продолжила путь. Однако она шла медленнее и высматривала какую-нибудь ферму или домик, где можно было бы купить еды. Накануне вечером она наполнила свой кошель теми деньгами, которые были упакованы с ее вещами: их должно было с лихвой хватить на то, чтобы добраться до дома.

Прошло два часа, так и не попало никаких следов жилья. С тех пор как Мари сошла с дороги, она видела одни только деревья, сквозь которые странными узорами пробивались солнечные лучи, слышала только щебет птиц и редкое цоканье белок. Тропинка давным-давно затерялась в траве, и она шла по оленьим тропам, каждая из которых вела ее по лесу какое-то время, а потом внезапно обрывалась. Мари поймала себя на том, что с тоской думает о воде, но ей не встретилось ни одного источника с того времени, как она сошла с проселка. Ее ноги были исцарапаны ежевикой и обожжены крапивой, лицо и руки покрылись комариными укусами. Она гадала, успели ли ее опередить рыцари, поехавшие по дороге, потому что чувствовала, что затянувшегося пути по лесу не выдержит.

Мари уселась рядом со стволом упавшего дерева, чтобы отдохнуть и проверить направление своего пути по солнцу. Однако первые несколько минут она не могла шевельнуться от усталости и просто сидела, прижавшись щекой к зеленой коре дерева. Наконец она перекрестилась и прочла молитву, а потом подняла голову и посмотрела на солнце, которое бросало неровные блики сквозь листву над ее головой. Был полдень, и тени стали совсем короткими. Она посмотрела на тень от дерева, падавшую рядом с ней, и поняла, что шла на запад, а не на север. На запад, в сердце леса! Что еще хуже, она не могла вспомнить, когда в последний раз проверяла направление, так что теперь нельзя было определить, насколько сильно она углубилась в Броселианд.

У нее защипало глаза, и к горлу подступили рыдания. Лес заманил ее, убаюкал пролесками, а потом сомкнулся у нее за спиной. Возникло предчувствие, будто что-то поджидает ее чуть дальше, в тени деревьев, – что-то звериное, вонючее и чудовищное. Ночь застанет ее в лесу, и тогда она окажется в лапах этого притаившегося неизвестного.

Мари гневно сказала себе, что не могла сильно отклониться в сторону: она шла не слишком быстро, так что отсюда до дороги не может быть больше пары миль. Если она пойдет прямо на восток, то выйдет на дорогу задолго до темноты. Там будут дома, люди и еда. А пока ей следует постараться найти воду. Когда она напьется, то почувствует себя гораздо лучше.

Она села прямо, сжала зубы, прижала основания ладоней к глазам и прочла дважды «Аве, Мария» и свою любимую молитву святому Михаилу. А потом она решительно поднялась на ноги и двинулась на восток, пробираясь сквозь густую поросль и не обращая внимания на соблазнительные тропинки, которые вели в другом направлении. Она надеялась, что скоро отыщет ручей.

После того как она минут десять продиралась через кусты, до нее донеслось журчание воды. Спустя несколько мгновений она вырвалась из зарослей и оказалась на прогалине среди дубов. Ручей весело сбегал в густо-зеленое озерцо, а потом уходил дальше, через ковер неестественно зеленой травы, уже как речка. Лесные анемоны, чистотел и фиалки росли по берегам, а вода была наполовину покрыта сверкающими белыми чашечками шелковника. Выйдя на солнечный свет, она остановилась – сначала потому, что была поражена красотой этого места, а потом из-за волка, лежавшего на траве у озерца.

Радость и мучения моментально потерялись в ледяном ударе ужаса, и она бесконечно долгое мгновение смотрела на зверя. Потом оказалось, что самые мельчайшие детали так четко впечатались ей в память, что она могла вспомнить всю картину, просто закрыв глаза и вспомнив свой страх. Волк лежал на боку, подняв голову, как будто Мари его разбудила. Мех у него был темно-серый, с черным пятном на кончике хвоста и черной полосой вдоль спины, а на брюхе светлел, становясь почти белым. Морда и уши были коричневые. Карие глаза окружены нелепой черной полосой, словно у накрашенной куртизанки на ярмарке. Пасть была открыта, обнажая сверкающие белые клыки, красный язык был высунут из-за жары и чуть подрагивал. Он казался чудовищно большим и смотрел на нее с мрачной уверенностью владельца замка, взвешивающего на провинившегося крепостного. Мари вспомнились рассказы об этих зверях: о детях, пропадавших в лесу, о младенцах, выкраденных из колыбелек. Она удивилась тому, что не визжит.

Волк пошевелился первым. Он вскочил на ноги, вздыбив шерсть на загривке и прижав уши. В ту же секунду Мари тоже избавилась от своего оцепенения. Она нагнулась и схватила сухую ветку.

- Убирайся! - крикнула она, взмахнув палкой так, что она со злобным шипением вспорола воздух.

Губы волка изогнулись в нахальной собачьей ухмылке, а потом он повернулся и прыжками умчался в лес.

Спустя минуту Мари пошла вперед и встала над озерцом, опасливо прислушиваясь. В подлеске не слышно было ни шороха. Волк просто убежал.

«Он испугался не меньше меня», - сказала она себе неуверенно.

Утолив жажду, она села на траву, сняла башмаки и опустила в воду усталые исцарапанные ноги. Казалось, что прикосновение воды унесло всю боль. На дереве поблизости куковала кукушка, время от времени принимался стучать дятел: т-т-тук... тук, - а потом длинная пауза, словно он устал.

Воздух был наполнен тяжелым летним гулом, состоявшим из журчания воды, стрекотания насекомых и тихого шепота листьев, которые шевелил ветерок - настолько слабый, что ощутить его не удавалось. Мари легла на солнышке и стала шевелить пальцами ног. Усталость, с которой она уже много часов боролась, захлестнула ее. Она ведь так и не отдохнула, когда села у поваленного дерева. Она отдохнет сейчас.

Мари не думала, что заснет: ведь ей не терпелось выйти из леса, особенно после встречи с волком. Но утомление, которое она тщетно старалась побороть, охватило ее, и очень скоро у нее закрылись глаза. Под одеялом из солнечных лучей она свернулась на мху и заснула.

Она спала, считая, что бодрствует. Лежа на мху на солнцепеке, она увидела, что волк вернулся. Его губы по-прежнему раздвигала нахальная улыбка, красный язык свесился. Он проскальзывал через молодые ростки папоротника и, приближаясь, становился крупнее, тяжелее, менял форму. А потом он поднялся на задние лапы, и Мари увидела, что это - мужчина, похожий на волка дикарь. Он был обнажен, но его тело покрывали длинные волосы, похожие на кабанью щетину. Его ногти закручивались в желтые когти, а зубы были клыками, обнаженными в такой же волчьей ухмылке. Его член был красным и торчал. Мари попыталась вскрикнуть, убежать - но не смогла пошевелиться. Он подошел ближе. Теперь щетина на его теле превратилась в грубую пеньковую мешковину, залатанную шкурами, а свою волчью кожу

он надел как плащ с капюшоном. Он навис над ней, продолжая ухмыляться, а потом повернулся и заговорил с двумя другими, появившимися рядом с ним. Его грубый голос произносил слова, которые ей не удавалось понять.

Мари резко распахнула глаза, испуганно посмотрела вверх – и обнаружила, что этот мужчина действительно здесь.

Мужчина расхохотался и что-то ей сказал.

Она все еще ничего не понимала, но теперь ей стало ясно почему: он говорил по-бретонски. Она узнала этот язык, хотя сама им не владела. В Шаландри даже крестьяне говорили по-французски.

Мужчина сказал что-то еще и протянул ей руку, чтобы помочь встать.

Мари села, глядя на протянутую руку, на самого мужчину, а потом на двух его спутников, которые стояли чуть в стороне, опираясь на свои короткие луки, и ухмылялись. Это были грубые, довольно молодые мужчины, одетые в старые куртки и штаны, залатанные кусками шкуры из ее сна. На том, что стоял ближе всех, действительно был плащ из волчьей шкуры, но она оказалась старой, облезшей, плохо обработанной. Мари вернулась в реальность, ослабев от чувства облегчения. Это всего лишь дровосеки или свинопасы, простые крестьяне, оказавшиеся в лесу по своей надобности. Она увидела их сквозь сон, и Волчья Шкура слился с тем волком, которого она видела в кошмаре. Но облегчение тут же сменилось тревогой: она спала, но сколько?

Мари посмотрела на небо и увидела, что солнце уже стоит низко и его лучи косо падают сквозь листву. Она вскочила, но неуверенно закачалась на босых ногах.

- Мне очень жаль, любезный, я не говорю по-бретонски, – сказала она человеку в волчьей шкуре. – Но если ты сможешь мне выйти из леса до вечера, я буду благодарна.

Один из двух дровосеков рассмеялся и что-то сказал. Волчья Шкура пожал плечами и ответил ему. Он поймал Мари за рукав.

- Нан галлек, – сказал он и снова ухмыльнулся.

Это она поняла: «Нет французского». Она брезгливо высвободила свою руку – его пальцы и одежда были ужасно грязными.

- Я хочу выйти из леса, – медленно повторила она, а потом указала рукой сначала на деревья вокруг них, а потом на восток. – Выйти отсюда. Лес Броселианд – нет, нан. – Она потянулась к кошель, висевшему у нее на поясе. – Вот, – сказала она, достав оттуда монету, – Я заплачу тебе за груд.

Волчья Шкура присвистнул и взял монету. Тот, который смеялся, сказал еще что-то – пошутил, потому что они все засмеялись. К ее ужасу, Волчья Шкура протянул руку и схватил ее кошель, подвешенный к поясу. Мари удержала его рукой.

- Нет! – сердито воскликнула она. – Сначала отведите меня в монастырь Святого Михаила. Там вы сможете получить все деньги, какие у меня есть.

- Монастырь! – повторил Шутник. – И-эх, религез!

Он произнес очередную шутку, которую остальные двое сочли еще более смешной.

Волчья Шкура схватил руку Мари и решительно оттянул ее от кошель. Она сердито запротестовала и стукнула его по руке. Тем временем Шутник зашел ей за спину, поймал одну руку, потом вторую – и завел их ей за спину. Боль была потрясающей. Волчья Шкура хладнокровно развязал ее пояс, снял с него кошель и с удовольствием взвесил на ладони.

- Вор! – крикнула Мари с гневным изумлением.

С ней никогда не случалось ничего такого, что приготовило бы ее к грубому лесному разбою. Она стала вырывать руки, и Шутник резко завел их вверх, усмирив ее новой вспышкой боли. Она застыла на месте, моргая и давясь негодованием. Что ей делать без денег? Как она теперь попадет домой?

Третий дровосек – она мысленно назвала его Богач – подставил ладони, и Волчья Шкура высыпал в них содержимое ее кошель. Он взвесил монеты, перебрал их и что-то сказал – видимо, назвал сумму. Остальные двое удовлетворенно хмыкнули. Шутник показал на Мари и снова пошутил. На этот раз Волчья Шкура не рассмеялся. Он только улыбнулся, что-то дружелюбно сказал Мари и ущипнул ее за щеку. Его жизнерадостность была еще хуже его воровства, и Мари могла только молча сверкать глазами. Волчья Шкура добавил еще что-то, а потом развязал ее головную повязку и стянул с нее. Он погладил заплетенные в косы волосы, медленно провел пальцами по щеке и шее, а потом улыбнулся.

- Кер, – проговорил он почти ласково.

Только теперь Мари поняла, что ей нужно бояться чего-то похуже грабежа. Она отпрянула, ужасаясь и не веря происходящему, а потом ахнула, когда ее движение отозвалось болью в руках.

- Нет! – сказала она, отчаянно мотая головой. – Нан. Нет, вы не понимаете. Я – аристократка, благородия послушница. Моя семья заплатит за меня выкуп!

Говоря это, она вдруг поняла, что даже если бы это их заинтересовало, она не похожа на знатную даму. Конечно, она одета по-монастырски, но в ее одежде нет ничего необычного: любая женщина могла бы надеть простое черное платье и белую головную повязку. И если уж на то пошло, для того чтобы жить в монастыре, не обязательно иметь призвание свыше. То, что ее платье сшито из хорошей материи, не слишком заметно: оно покрыто кусочками коры и мха и подоткнуто над босыми ногами. Эти мужчины наверняка принимают ее за крестьяночку, возможно – за послушницу, которая убежала отдохнуть, а теперь хочет вернуться на работу. Они нашли ее одну в лесу. Она явно не пасет свиней, не ломает хворост, не собирает травы – не делает никакой черной работы. И если трое грубых здоровых молодых мужчин наткнутся в пустынном месте на отбившуюся от рук бесчестную девчонку, то чего от них можно ждать?

Волчья Шкура сжал ее голову обеими руками и жадно поцеловал. У него изо рта воняло, язык был склизким. Она с ошеломляющей ясностью вспомнила смертное ложе матери и холодную слизь на коже своей мертвой новорожденной сестренки. И как только он оторвал от нее свой рот, она завопила как можно громче.

Он удивился. Он дал ей пощечину и сказал что-то – раздраженно и нетерпеливо. Она снова закричала, и он зажал ей рот ладонью. В этот момент ярость, которую она испытывала с того мгновения, как он схватил ее кошель, перешла все границы. Как смеет этот грязный увалень обращаться с ней, как со шлюхой? Она выпрямила руки, насколько смогла, откинулась назад, чуть не сбив Шутника с ног, и лягнула Волчью Шкуру босой ногой. Она с силой ударила его по

бедру. Он крикнул и снова отвесил ей оплеуху – на этот раз такую мощную, что Мари закричала от боли. Волчья Шкура схватил ее за плечи и встряхнул.

– Нет! – закричала она, разъярившись настолько, что в ней не осталось даже места для страха. – Нет! Даже такая глупая деревенщина, как ты, уж столько-то по-французски должна понимать! Ты, вонючее животное! Нет! Нет!

Богач оттолкнул Волчью Шкуру и попытался заглушить ее крики новым поцелуем. Мари изо всей силы прикусила его язык, и он отскочил, выплевывая кровь. Все трое начали возмущенно ругаться, словно она намеренно их дразнила, разжигала в них похоть сначала своим появлением у них на пути, а теперь отказом эту похоть удовлетворить. Шутник вывернул ей руки, а Богач ударил ее кулаком в живот. Она не в состоянии была защититься и обвисла, борясь с позывами рвоты. Волчья Шкура оттолкнул Богача и схватил ее. Он впился пальцами ей в ягодицы и притиснул к себе, раскачивая свои бедра вперед и назад. Он снова начал ухмыляться. Она глотнула воздуха и закричала еще громче, пытаясь высвободиться. Шутник раздраженно прикрикнул на нее. Казалось, его тон говорил: «Кончай глупить, приступай к делу». Происходящее казалось ей нереальным – кошмаром. Такого не могло произойти с ней – оберегаемой девушкой из благородной семьи, ученой девушкой, которой хотелось стать монахиней. «Нет!» – снова крикнула она, отчаянно мотая головой. Она яростно лягала Шутника, пытаясь вырваться, но он зацепил ее лодыжки ногой и повалил на траву на бок. Он сказал еще что-то. Богач рассмеялся. Волчья Шкура кивнул, встал над ней на колени и начал снимать с нее платье с такой же обстоятельностью, с какой украл ее деньги. Богач задрал ей подол и уселся на ее ноги, прижав их к земле. Тогда остальные двое ненадолго перестали выкручивать ей руки, чтобы стянуть с нее платье. Она снова закричала: «Нет! Нет! Нет!» Но единственным результатом ее криков стало то, что Волчья Шкура заткнул ей рот ее головной повязкой. Богач задрал льняную рубашку ей до бедер, а Шутник подхватил ее и стянул через голову. Рубашка была узкой, а он не стал возиться с завязками. Когда он потащил подол вверх, рубашка зацепилась ей за подбородок, заставив вывернуть голову. Ее руки в узких льняных рукавах он вытянул ей за голову. С прижатыми руками и ногами, вспоротая, словно кролик, с которого снимают шкуру, она с тоскливым ужасом услышала, как все трое хохочут.

Дальнейшего Мари не видела. Она только почувствована, как заскорузлые руки Богача судорожно впелись ей в ляжки, а потом обмякли. Кто-то издал крик ужаса. Шутник наконец выпустил ее руки. Она попыталась опустить их, чтобы прикрыться, но не смогла. Тогда она перекатилась на бок и повторила попытку. Тут чья-то рука схватила ее и грубо поставила на ноги. Волчья Шкура что-то кричал. Мари судорожно задергала свободной рукой и сумела стряхнуть рукав вниз, так что ткань упала с ее лица. Она выплюнула изо рта кляп. Волчья Шкура моментально завел ее вторую руку ей за спину – и вторая сторона рубашки тоже упала вниз. Он приставил к ее горлу что-то холодное: она поняла, что это нож.

Она посмотрела прямо перед собой и увидела, что Богач лежит лицом вниз на траве, а из спины у него торчит стрела. Она непонимающе заморгала.

Волчья Шкура снова закричал. На этот раз после короткой паузы ему из-за деревьев ответил чей-то голос, такой же спокойный и обстоятельный, как грабеж Волчьей Шкуры.

Волчья Шкура выругался. Он потянул Мари назад, к другому краю прогалины. Сразу же раздалось шипение – и стрела вонзилась в траву перед ним. Он остановился и что-то крикнул. Невидимый человек ответил несколькими спокойными, бесстрастными фразами; возможно, это были распоряжения или условия.

Волчья Шкура выкрикнул какой-то вопрос. Ответа не последовало.

Волчья Шкура выкрикнул новый вопрос. Тишина. Неожиданно Волчья Шкура оттолкнул Мари в сторону так резко, что она упала. Она поднялась на колени и начала отползать к лесу. Волчья Шкура не обратил на нее внимания. Он снял с плеча лук и швырнул его на землю. Мари впервые заметила Шутника: он лежал на боку со стрелой в глазнице. Волчья Шкура повернулся к невидимому лучнику и широко развел руки с вызывающим криком; Мари поняла, что он бросает своему противнику вызов, требуя, чтобы он прекратил наносить удары из укрытия, словно трус, и вышел сразиться со своим врагом, как подобает мужчине. Она добралась до деревьев и рухнула. Ее била дрожь.

Наступило долгое молчание, а потом из-за деревьев вышел мужчина.

Волчья Шкура издал торжествующий крик. Вновь появившийся положил лук, который нес в руке, у подножия дуба, бросил рядом с ним колчан со стрелами и неспешно направился к Волчьей Шкуре, на ходу снимая с пояса длинный охотничий нож. На нем был обычный костюм охотников и егерей: куртка и штаны из простой зеленой шерсти, а не из дешевой мешковины. Его лицо было наполовину скрыто под капюшоном куртки и венком из листьев, который он, как водится у охотников, надел для маскировки. Мари смогла разглядеть только черную бороду, коротко подстриженную на щеках, и спокойные темные глаза. Он был чуть ниже и стройнее Волчьей Шкуры, но почему-то казался более опасным. А когда он подошел ближе, то сдернул с головы переплетенные дубовые листья и бросил их.

Первое торжество Волчьей Шкуры сменилось изумлением, а потом, мгновенно, страхом. Когда его противник остановился перед ним, он неожиданно бросил одно слово, которого Мари не поняла, но которое потом вспомнила:

- Бисклаврэ!

Охотник прищурил глаза. Волчья Шкура указал в сторону деревьев и сказал еще что-то. Охотник резко ему ответил. Он встал в боевую стойку, пригнувшись и выставив вперед нож. Волчья Шкура сделал то же, но шагнул назад. Его глаза отчаянно бегали по сторонам, ища путь к бегству.

Охотник рванулся вперед с дикой яростью. Его нож метался из стороны в сторону, словно обладая собственной кровожадной волей. Волчья Шкура отчаянно отпрянул назад, а потом внезапно сделал выпад вперед. Охотник отклонился в сторону, парировал удар, остановил руку Волчьей Шкуры своей рукой и сильно ударил ножом снизу вверх. Но Волчья Шкура пошел следом за блокирующим движением, и в тот момент, когда Охотник наносил удар, он сорвал с себя плащ из шкуры и с криком бросил его на голову противнику.

Мари закричала, вскочила на ноги и заковыляла к сражающимся с отчаянным и смутным намерением помочь. Охотник упал на землю и откатился в сторону, уходя от удара и обнимая одной рукой накрывшую его Мари. Однако Волчья Шкура не нападал - он убежал. Опустив голову, прижав одну руку к боку, а второй дергая, словно ручкой насоса, он умчался в лес.

Охотник крикнул что-то вслед своему противнику - что-то гневное и презрительное. Он встал на ноги, смял шкуру и швырнул ее на землю. А потом он остановился, глядя в тол направлении, где скрылся Волчья Шкура. На его лице отражалось мрачное раздумье.

- Ты ранен? - спросила Мари и только потом поняла, что скорее всего он ее не поймет.

Он посмотрел на нее с удивлением:

- Ты говоришь по-французски? Она не знала, что сказать. После тех чудовищных вещей,

которые только что происходили, этот простой вопрос показался ей не имеющим ответа. Как она может сказать, на каком языке говорит, если у нее такое чувство, что она стала незнакомкой для себя самой? Она засунула согнутый указательный палец левой руки в уголок рта и прикусила его: привычка раннего детства, от которой она уже давно избавилась. Ее снова начала бить дрожь. Охотник встревожился: – А ты не ранена?

Она покачала головой и села, все еще кусая палец. Кажется, у нее было вывихнуто плечо, от ударов болели лицо и живот, ноги ныли от грубых пальцев, но ранена она не была. И вообще, все было не так плохо, как могло быть.

Охотник осмотрелся, а потом направился туда, где на траве у озерца лежало ее платье, и поднял его.

– Вот. – Он протянул ей платье. – Ты можешь меня не бояться, сестра. Я не сделаю тебе дурного. Надень его, и мы отправимся. – Он говорил по-французски с бретонской напевностью, но безупречно правильно. Он оказался совсем молодым – не старше двадцати пяти лет, И теперь от него не исходило ощущения опасности, как в тот момент, когда он показался из-за деревьев. – Тебе не следовало приходить сюда одной, – серьезно добавил он. Мари расплакалась.

Секунду Охотник неловко стоял рядом, а потом опустился рядом с ней на колени. Он набросил платье ей на плечи, словно плащ.

– Тш-ш, – мягко сказал он. – Я знаю, что ты девушка храбрая. Будь храброй еще немного. Нам надо отсюда уходить. Эон убежал, но он будет считать своим долгом меня убить, отомстить за товарищей. Поблизости может оказаться еще кто-то из его людей, вооруженный луком. Нам нельзя здесь оставаться.

Мари вытерла глаза, продолжая кусать палец. Она вытерла нос и встала. Охотник одобрительно кивнул. Дрожащими руками Мари стянула платье со своих плеч. Во время борьбы косы ее расплелись и волосы густыми темно-русскими прядями упали на плечи. Ей снова показалось, что она превратилась в кого-то другого – может, в фею, которая стояла сейчас на лесной поляне в меркнувшем золотом свете, одетая только в белую рубашку, босая, с распущенными волосами. Она просунула голову в ворот черного шерстяного платья и стала искать взглядом свою головную повязку.

– Нам... нам надо торопиться? – спросила она у Охотника.

Он кивнул.

Мари увидела повязку, лежавшую на траве рядом с телом Шутника, и пошла ее поднимать. Лицо Шутника невидяще смотрело на нее: один глаз остекленел, другой превратился в кровавое месиво. Она медленно наклонилась и подняла повязку. Ткань оказалась влажной из-за того, что ее использовали как кляп, и на ней была кровь. Мари отнесла ее к озерцу и выполоскала в прохладной воде. Она знала, что должна торопиться, – и не могла. Она опустилась на колени, глядя на свое отражение. Лицо опухло от ударов, а на подбородке была кровь. У нее губа треснула, или это кровь с языка Богача? Ее снова начала бить неудержимая дрожь. Она закрыла глаза и прочитала «Отче наш». Потом она выпила немного воды, омыла пылающее лицо, вытерла его льняной повязкой, снова выполоскала ее, выжала и надела на голову. Волосы под повязкой остались распущенными, но даже если бы у Мари было время их заплести, она опасалась, что ее дрожащие пальцы с ними не справились бы. Когда она попробовала снова встать на ноги, то обнаружила, что они тоже дрожат.

- Я... наверное, я не смогу торопиться, - сказала она Охотнику. - Я целый день ничего не ела, и я не привыкла ходить пешком...

Казалось, это Охотника не встревожило. Пока Мари была у воды, он оттащил оба трупа к самому краю прогалины и положил их на спины. Ее сообщение только заставило его снять с одного из мертвецов сумку с припасами. Кроме того, он взял кошель Богача, но больше ничего с трупов забирать не стал, только выбрал несколько стрел из их колчанов. Остальные стрелы и все три лука приставил к поваленному дереву и сломал несколькими сильными ударами каблука. С той же быстрой обстоятельностью он поднял венок из дубовых листьев, который был на нем в тот момент, когда он вышел на прогалину. Подойдя к ручью, он бросил венок в него, что-то пробормотав, а потом отправил туда же и кошель.

Мари судорожно сглотнула. Несмотря на свое потрясение, она поняла его действия. Это был именно такой ручей. Это место было пристанищем прекрасного народа, и Охотник извинялся перед ним за то, что запятнал его кровью. Ей пришло в голову, что большая часть денег в кошеле принадлежала ей - но после того, что Охотник для нее сделал, она не собиралась просить его выудить деньги.

Охотник вложил отобранные стрелы в свой колчан, который все еще лежал около дуба.

- Мы пойдем туда, - сказал он Мари, вручая ей сумку с припасами, и кивком указал в ту сторону, откуда вышел. - Ты можешь поесть на ходу.

Она промолчала, хотя не имела представления о том, какое направление он выбрал.

Охотник помедлил еще секунду, глядя на прогалину, а потом снова повернулся к Мари.

- Я... не хочу допытываться, - проговорил он. - Но... тот человек, с которым ты собиралась встретиться в лесу, может оставаться где-нибудь поблизости? Потому что если это так, то ему может угрожать опасность.

Мари недоуменно воззрилась на него и только потом поняла, что Охотник сделал тот же вывод, что и Волчья Шкура: что она пришла в лес на свидание с возлюбленным.

- Я ни с кем не встречалась в лесу! - гневно объявила она, краснея. - Я заблудилась.

- О! - удивленно отозвался Охотник. - Извини.

В сумке оказался хлеб - грубый черный хлеб с большим количеством отрубей и крупных кусочков зерна. У него был странный горький привкус, от которого заныли зубы. Мари заподозрила, что мельник добавлял в муку желуди, но все равно ела с жадностью. Охотник не взял у нее своей доли хлеба: он шел с луком в руках, постоянно оглядываясь по сторонам. Уже смеркалось, и лес стал сумрачным и таинственным. Серые стволы деревьев растворялись в сером свете, листья шептались друг с другом. Спустя недолгое время они добрались до поросшей травой дороги, и Охотник свернул на нее. Раздался крик совы, заставивший Мари вздрогнуть.

- Ты правда думаешь, что Волчья Шкура идет за нами? - испуганно спросила она.

- Волчья Шкура? - переспросил Охотник. - Ты имеешь в виду Эона?

- Его так зовут?

- Да, - серьезно ответил Охотник. - Наверное, он тебе не назвался.

Мари захотелось истерически захихикать. Она снова прикусила палец.

- Да, нас друг другу не представили. А ты, похоже, его знаешь.

Охотник пожал плечами:

- Я уже с ним встречался. Но я бы угадал его имя, даже если бы видел в первый раз. Он - очень известный разбойник.

- Что?!

- Ты о нем не слышала? Об Эоне из Монконтюра?

- Нет.

- О! Ну, он уже полтора года пугает местных жителей, но все время переходит с места на место, так что отряды, которые посылает герцог, не могут его отыскать. Святой Мен свидетель, мне жаль, что он убежал. Мне следовало бы застрелить его из леса.

- И... ты действительно думаешь, что он нашел других своих подручных и нас преследует?

- Нет, - уверенно ответил Охотник. - Думаю, он убежал. Я ранил его в поединке и сломал его лук. И он меня боится: скорее всего сейчас он уже далеко. Но прошлой осенью с ним были не два человека, а три. Возможно, третий зимой умер, а может, просто был где-то в другом месте, когда остальные на тебя напали. Если это так, они могут нас выслеживать. Эон будет стараться меня убить, если сможет.

Мари немного помолчала. Она вспомнила, как Охотник оценивающе посмотрел на нее, когда разбойник убежал. Наверное, если бы ее не было здесь - избитой, измученной и нуждающейся в помощи - он стал бы преследовать Эона. Неразумно оставлять раненого волка на свободе, дав ему возможность напасть на тебя снова.

- Спасибо тебе за то, что ты меня спас, - заговорила она наконец. - Я... я из хорошей семьи. Мы можем щедро вознаградить тебя за то, что ты для меня сделал.

Он бросил на нее быстрый взгляд.

- Ты из хорошей семьи? - переспросил он, снова удивившись. - Но что...

Он не договорил.

«Что ты делала в лесу одна?» - мысленно закончила за него Мари. На этот вопрос ей отвечать не хотелось - пока она благополучно не доберется до монастыря. Охотник говорил по-французски хорошо, удивительно хорошо, но все же чувствовалось, что это его неродной язык. Бретонец, говорящий по-бретонски, почти наверняка служит герцогу Бретонскому, либо непосредственно, либо через кого-то из вассалов. По тому, как Охотник только что упомянул о герцоге, Мари предположила, что он один из лесничих герцога. Судя по его смелости и ловкости, это могло быть именно так. Как бы то ни было, если ему станет известно, что она спасается бегством от герцога Хоэла, он мгновенно превратится из ее спасителя в тюремщика. Мари удивляло то, что он не задал своего вопроса вслух. Возможно, он продолжал считать, будто она встречалась с возлюбленным, и не хотел допытываться.

- Я из хорошей семьи, - повторила она вместо объяснений. - Пантьевры Шаландрийские. Мое имя Мари.

Он резко остановился и пристально на нее посмотрел.

- Мы - только младшая ветвь семьи, - сказала она ему, смущенная недоверием. - Я - послушница в монастыре Святого Михаила. Он находится в городе Сен-Мишель. Я... я туда возвращалась, ко сглупила, сойдя с дороги, чтобы... избежать встречи кое с кем... и заблудилась в лесу. Если поможешь мне туда вернуться, я заплачу тебе, сколько ты захочешь.

Он еще мгновение смотрел на нее, а потом, похоже, решил, что она говорит правду. Даже в сумерках Мари заметила его улыбку: один уголок губ быстро поднялся, тогда как вторая половина оставалась серьезной. Одновременно его брови вразлет забавно выгнулись. Она обнаружила, что глаза у него светло-карие. Наверное, заметила это еще у ручья, но была слишком потрясена, чтобы запомнить сознательно.

- Значит, я спас члена семьи Пантьевр, родственницу герцогини! - воскликнул он. - Вот как! Это получилось лучше, чем я думал. Но тебе не следует быть столь откровенной с незнакомым мужчиной.

- Ты сказал, что мне можно тебя не бояться, - отозвалась она.

- Это так. Ну что ж, я могу доставить тебя в обитель, принадлежащую монастырю Святого Михаила. Там будут братья, которые смогут сопроводить тебя до дома.

Мари прикусила губу.

- Я бы предпочла... не возвращаться в монастырь по проезжей дороге. Ты не мог бы?..

- Я уверен, что братья обители знают дорогу до Сен-Мишеля, которая бы шла в обход проезжей дороги.

Охотник снова двинулся вперед.

Мари ускорила шаг, чтобы его догнать. Стало уже очень темно, так что она споткнулась о кочку и упала. Охотник вернулся и помог ей подняться.

- Держитесь за мой пояс, леди Мари, - сказал он. - Земля здесь неровная.

Она просунула пальцы ему за пояс и пошла позади него. Под кожаной петлей ощущалось движение мускулов у него на спине. Он выбирал дорогу так уверенно, что ей показалось, будто он может видеть в темноте. Повторяя его движения, она смогла идти не спотыкаясь. Ее охватило умиротворение, похожее на дремоту. Она была застигнута в лесу ночью, она встретила то, что ее там поджидало, - но оно было укрощено, и страха не осталось. Темнота и деревья не имели власти над ней, она была соединена с ними, связана кожаной петлей, за которую держались ее пальцы. Тело и душа, которые у нее всегда были в ссоре, двигались сквозь ночь вместе, как два конца одного ярма, две рыбы, скользящие в шелковистом течении ручья. Она вдруг поняла, что не хочет возвращаться в Сен-Мишель с каким-то неизвестным братом из обители. Ее потрясенный разум подсказал ей, что без Охотника все снова погрузится в ужас и хаос.

- А ты не мог бы сам пойти со мной до Сен-Мишеля? - спросила она. - Я щедро тебе отплачу.

- Извините, леди Мари. У меня важное дело в Ренне. Мари больно закусала губу. У нее защипало глаза. Она сурово сказала себе, что это всего лишь потрясение и усталость и что утром все будет казаться другим. Однако собственная суровость на нее не подействовала. Ей хотелось, чтобы Охотник остался подле нее. Но он не желал.

- Ну что ж, - проговорила она после нового долгого молчания, - тогда приходи в Сен-Мишель, когда сможешь, и я тебя вознагражу.

Он негромко рассмеялся.

- Я не тот человек, которого нужно вознаграждать, - сообщил он ей. - Я тоже из хорошей семьи, леди Мари. Я владею поместьем Таленсак и землями у Компера и Пемпона. Мое имя Тиарнан.

- О! - воскликнула Мари. - Вы рыцарь?

Он кивнул - она ощутила это движение по мышцам его спины, хотя темнота сделала кивок невидимым.

- О! - снова повторила она, чувствуя, как у нее разгораются щеки. - Мне очень жаль.

- Почему?

- Я... я приняла вас за лесничего. Я предложила вам деньги.

- Конечно. И будь я лесничим, я с удовольствием их взял бы. А что еще вы должны были подумать, встретив мужчину - пешего и одетого в простую зеленую куртку? В охотничьей одежде все выглядят одинаково. Так же как послушница или служанка, за кого я вас и принял, выглядит, как благородная монахиня... Ну вот. Мы пришли.

Она почувствовала вонь от свиней и запах горящих дров. Яростно залаяла собака. Охотник... Тиарнан... остановился и застыл на месте.

- Салюд! - громко крикнул он, и спустя мгновение они услышали ответный крик.

А потом впереди открылась дверь, из которой вырвался свет.

- Где мы? - спросила Мари.

- У дома свинопасов, неподалеку от развилки Дола, - ответил Тиарнан, направляясь к дому.

Мужчина стоял в дверях, держа в одной руке горящую ветку, выполнявшую роль факела, а другой придерживая за ошейник собаку. Из темноты снова вынырнуло лицо Тиарнана: он бросил ей быстрый взгляд и полуулыбку.

- Это братья аббатства Бонн-Фонтейн, леди Мари, - казал он ей. - Ночь, проведенная здесь, не повредит вашей репутации.

Глава 2

Ален де Фужер стащил с головы шлем, пригладил пальцами намокшие от пота русые волосы и повернулся в седле, чтобы кинуть взглядом окрестности. Поля расстилались под полуденным солнцем, холм Сен-Мишель высился у них за спиной синим силуэтом: до него было двенадцать миль, но виден он был яснее колокольни соседней церкви. Они доехали до края прибрежной

равнины и находились приблизительно на половине пути к аббатству Бонн-Фонтейн. Им так и не удалось найти следы женщины, которую они искали.

Ален устремил умоляющий взгляд на своего кузена Тьера.

- Где она? - спросил он плачущим голосом, который мало подходил благородному рыцарю.

Тьер пожал плечами. За последние полтора дня Ален задал этот вопрос не меньше тридцати раз, и Тьеру это надоело.

Ален застонал.

- Должно быть, она сошла с дороги, - сказал он. - Если бы она шла по дороге, мы бы ее догнали.

Тьер снова пожал плечами. Эта фраза тоже повторялась - не так часто, как первая, но только потому, что до прошлого полудня Ален ее не произносил. До тех пор, пока они галопом не домчались до монастыря Святого Михаила, где потрясенная и возмущенная настоятельница вышвырнула их вон. До этого времени он надеялся, что Мари чуть их опередила. Самому Тьеру уже на половине пути стало ясно, что этого быть не могло. У нее не было лошади, и ни у одной знатной дамы не хватило бы сил уйти так далеко пешком. Совершенно ясно, что она сошла с дороги. И если она вошла в лес, то одному Богу известно, что с ней стало. Если бы их отрядом командовал Тьер, то он бы...

Но эта мысль была пустой. В какой бы отряд Тьер ни вошел, им всегда командовал Ален или его старший брат. Лорд Жюльде Фужер оскорбился бы, если бы его сыновьями распоряжался всего лишь сын его сестры.

- Возможно, братия Бонн-Фонтейна что-нибудь о ней узнала, - предположил Гийомар. Когда обнаружилось бегство Мари, аббат отправил людей искать ее по округе. - Может быть, они уже ее нашли!

Ален бросил на него благодарный взгляд.

- Молю Бога, чтобы это было так! - горячо проговорил он и перекрестился.

Тьер хмыкнул. Ведь именно Гийомар запер дверь Мари в Бонн-Фонтейне, и Ален винил его в ее бегстве. Ален никогда ни в чем не винил самого себя, а Гийомара винить было легче, чем Тьера, потому что Гийомар не был родственником. Лорд Жюль может уволить его со службы, а куда ему тогда идти? Всю дорогу до монастыря Святого Михаила и половину дороги обратно Гийомар смиренно говорил Алену то, что Ален желал услышать. И вот теперь, похоже, Ален настолько нуждается в утешении, что ради него готов простить своего подчиненного. От своего кузена он никакого утешения не получал. Тьеру было совершенно ясно, что девица нашла бы способ вырваться на свободу, кто бы ни поворачивал ключ в замке. Им следовало установить дежурство, спать у ее порога... даже заковать ее. Но они не сочли нужным это сделать. Они все виноваты, но Ален - больше всех. Он командовал отрядом. Может, Жюль де Фужер и выместит раздражение на Гийомаре, но герцог Хоэл будет считать ответственным Алена. И совершенно справедливо!

Тьер повернулся и злобно сказал:

- Если братья из Бонн-Фонтейна нашли леди Мари, то какой они ее нашли? Живой или мертвой?

Ален поморщился и вытер лицо. Он неловко нацепил шлем на голову и начал возиться с застежкой под подбородком. Дальше они поехали молча, и Тьер пожалел о своих словах. Не потому, что они ранили Алена, а потому, что он высказал вслух мысль, которая приходила в голову всем троим, но оставалась невысказанной. Узнав об исчезновении Мари, обеспокоенный аббат сообщил им, что разбойник Эон из Монконтура находится поблизости: не прошло и трех дней, как на развилке у Дола был ограблен бедный священник. Мари Пантьевр вполне могут найти в лесу мертвой, и это станет позором для всех троих. Если нехорошо обманом увести послушницу из монастыря при попустительстве настоятельницы, то гораздо хуже потерять ее по дороге, так что она отыщется в лесу ограбленной, изнасилованной и убитой.

Настоятельница монастыря Святого Михаила уже обвинила их во всем. Ну конечно: леди Констанции не меньше других хотелось бы избежать обвинений. Она притворилась, будто раньше не знала, кто они такие, будто поверила, что они приехали от герцога Роберта, и поступила так, как ей полагалось. Однако обвинение все равно ляжет и на нее. Хорошенькая вещь скользкая, и человеку ее удержать нелегко, а вот обвинения липнут как мед. Они пристанут ко всем ним.

Тьер представил себе Мари при свете свечей, сидящей на кровати в келье Бонн-Фонтейна, перед тем как они ее заперли: бледную от усталости, но полную решимости. Хорошенькая девица, и к тому же отважная. Он ощутил странный укол в сердце – смесь жалости и вины.

– Молю Бога, чтобы их известия были хорошими, – проговорил он внезапно так же горячо, как Гийомар. – Если эту девицу найдут живой, я куплю святому Михаилу сто свечей для его храма в Доле.

С этими словами он перекрестился. Потом он, бывало, замечал, что святой Михаил, будучи архангелом, действует быстро. Вдали показался всадник. Он пустил коня рысью, и скоро они увидели, что это монах. Все трое замерли в ожидании, инстинктивно пытаясь продлить мгновения надежды. Монах остановил своего коня перед ними.

– Лорд Ален де Фужер? – спросил он почти уверенно, потому что его глаза уже увидели и опознали на щите, заброшенном за седло Алена, герб – белого оленя.

Ален кивнул.

– Ты едешь из аббатства Бонн-Фонтейн? – спросил он и от волнения дал петуха.

– Это так, господин мой. Я – брат Самсон. Господин аббат отправил меня найти вас. Мой господин, дама, которую вы ищете, нашлась целая и невредимая!

Ален хлопнул в ладоши.

– Благодарение Богу! – страстно воскликнул он. – Благодарение Богу и всем его святым!

– Благодарение Богу и святому Михаилу, – прошептал Тьер с чувством облегчения, которое оказалось даже сильнее, чем он ожидал.

Теперь ему не придется всю оставшуюся жизнь думать о том, что он помог убить Мари Пантьевр.

– Ее привели в обитель, принадлежащую нашему аббатству, прошлой ночью, – радостно продолжил брат Самсон. – Там каждое лето живут два послушника – пасут свиней в лесу. Братья не знали о том, что леди потерялась, но этим утром, когда посланец от господина

аббата пришел сказать им об этом, он застал ее за завтраком!

- Благодарение Богу! - повторил Ален, сияя улыбкой.

Гийомар перекрестился и возблагодарил своих святых покровителей.

- А где она сейчас? - спросил Тьер, радостно ухмыляясь, хотя и содрогался при мысли о том, сколько будут стоить сто свечей.

- На пути в Бонн-Фонтейн. Свинопасам было велено доставить ее туда, как только прибудет лошадь для нее. Дело в том, что леди измучена блужданиями по лесу и совсем не может идти, так что посланец господина аббата приказал одному из фермеров прислать лошадь со своей фермы, которая расположена недалеко от обители.

- Тогда я надеюсь, что свинопасы будут крепко держать узду этой лошади, - заявил Тьер. - Иначе леди ускачет в монастырь и у них будет такой же глупый вид, как у нас.

- Рыцарь, который ее нашел, сможет справиться с лошадью, - отозвался брат Самсон.

- Рыцарь? - резко переспросил Ален, и его улыбка исчезла. - Ее нашел рыцарь? Кто?

- Не знаю, мой господин, - жизнерадостно ответил брат Самсон, не подозревающий о том, какой урон он только что нанес карьере Алена. - Господин настоятель просто поручил сказать вам, что дама цела и невредима: рыцарь, охотившийся в лесу, нашел ее и прошлой ночью привел к нашим свинопасам на ночлег, а теперь она возвращается в Бонн-Фонтейн. Если мы прямо сейчас поедem в аббатство, то можем встретить их на дороге.

Когда они тронулись, Ален был мрачен. Если их подопечную спас другой рыцарь, Алену не удастся представить бегство Мари как мелкое осложнение в успешно выполненном задании. Другой рыцарь одним своим присутствием укажет на их промахи и потребует своей доли в герцогской благодарности - доли, которой Алену делиться не хотелось. Он мечтал подольститься к герцогу Хоэлу, и это поручение давало ему идеальный шанс. Герцог много лет досадовал на потерю Шаландри и ухватился за возможность получить поместье обратно, не ведя войны. Однако как извлечь наследницу из монастыря в неуязвимой нормандской крепости? Это казалось делом трудным. В семье де Фужер несколько человек служили герцогу Нормандскому: Ален мог представиться посланцем Роберта, не вызвав никаких подозрений. Он сыграл свою роль в монастыре безупречно. И вот теперь все разладилось.

Тьер вздохнул с досадливой жалостью и перестал сердиться на своего кузена. Он прекрасно понимал, почему Алену хотелось понравиться герцогу. Ален надеялся, что герцогское покровительство поможет ему завоевать расположение отца девушки, в которую он был страстно и безнадежно влюблен. Тьер смотрел в спину ехавшего перед ним Алена. Позолота на красивых доспехах запылилась, голова в коническом шлеме клонилась вниз. «Бедный ты дурень, - думал он. - Твой отец и слышать не хочет о том, чтобы ты женился. Эрве Комперский никогда не позволит тебе жениться на своей дочери только потому, что герцог хорошо о тебе отозвался. Ведь у твоего соперника - богатое поместье. Да и герцог никогда не предпочтет тебя твоему сопернику. Перестань сражаться с судьбой, Ален. Лошадь, которая пытается вырваться из упряжи, получает побои».

Но Тьер никогда бы не смог высказать все это вслух. Порой ему казалось трусостью смиренно тащиться в упряжке, и тогда он восхищался кузеном, который продолжал надеяться на невозможное. И потом - Элин Комперская была так прекрасна, что могла вскружить голову любому мужчине.

Похоже, размышления Алена были настолько мучительными, что оставаться с ними наедине он не мог. Придержав коня, чтобы он пошел рядом с лошадей Тьера, он устремил на кузена свои большие голубые глаза. Он делал это тысячи раз, пока они росли вместе. «Тьер, помоги мне в этом! Тьер, а ты знаешь? Ой, Тьер, что мне делать?» Он всегда обращался именно к Тьеру, а не к своему старшему брату и, уж конечно, не к своему суровому отцу. Тьер всегда терпеливо его выслушивал, давал советы, пытался вытащить из передрыги, в которую он попал. Разница между ними составляла всего несколько месяцев, но Тьер чувствовал себя облеченным мудростью старшего брата. Когда они повзрослели, обращения Алена стали не такими частыми, а советы Тьера приобрели оттенок иронии. Однако основа их отношений не изменилась.

- Тьер, - встревоженно прошептал Ален, - когда брат Самсон сказал, что девицу Пантьевр в лесу нашел охотившийся там рыцарь... Как ты думаешь, он имел в виду - один рыцарь, охотившийся в одиночку?

- Ален, брат Самсон ничего об этом не знает! - отозвался Тьер. - Он всего лишь посланец. Тебе следовало бы радоваться. Подумай, что сказал бы герцог, если бы мы приехали в Ренн без девицы - или, еще хуже, с ее мертвым телом!

Ален горестно пожевал губами.

- И вообще, что это меняет? - спросил Тьер.

- Если это был один пеший рыцарь, охотившийся в одиночку...

- А почему он должен был оказаться пешим?

- Но это же так, верно? Иначе им не пришлось бы посылать на ферму за лошадей. Леди Мари могла бы ехать на его коне.

Тьер понял, что Ален прав, и ему стало больно за родича. Действительно, крайне редко можно было встретить рыцаря, который передвигался бы в одиночку и пешим. Тьер знал в Бретани всего одного рыцаря, который регулярно это делал.

- Не глупи! - громко воскликнул он. - Откуда нам или брату Самсону знать: может, девицу нашла целая группа охотников со сворой в тридцать гончих! Они отвезли девицу к свинопасам и уехали.

- Ставлю моего лучшего ястреба против твоего, что это был один рыцарь, - отрезал Ален. - Тот, кто выходит на охоту пешим. Мой соперник.

Оба несколько мгновений молчали.

- Тиарнан не может обойти тебя в игре, в которую даже не вступал, - проговорил Тьер.

- Что, заключаешь пари?

- Я никогда не заключаю пари. И уж конечно, не поставлю моего единственного ястреба. Не унывай! Что бы ни было, а девица цела - и мы тоже. Если ее действительно нашел Тиарнан, то, может, он в нее влюбится и оставит Эллина тебе.

Ален заметно повеселел:

- Ты думаешь, он мог бы? Тьер пожал плечами:

- Давай скажем так: она - наследница Шаландри, а у Элин приданое в пятьдесят марок и несколько акров земли. Я бы сказал, что в леди Мари любой может влюбиться. Я определенно мог бы.

- Правда? - спросил Ален, с удивлением глядя на своего уродливого кузена.

- Совершенно определенно, - ответил Тьер.

Он удрученно признался себе, что уже немного влюбился. Сотня свечей святому Михаилу! Чистая глупость: сероглазая наследница - не для безземельных рыцарей. Сто свечей по цене серебряный пенни за фунт!

Они действительно догнали леди Мари Пантьевр Шаландрийскую на дороге в Бонн-Фонтейн. Примерно в трех милях от аббатства они увидели отряд, медленно двигавшийся по дороге впереди них. Женщина в белой головной повязке и черном платье ехала верхом в сопровождении трех мужчин: двух монахов и одного охотника в испачканном зеленом костюме. Еще до того как они поравнялись, Тьер понял, что мужчина в зеленом действительно Тиарнан Таленсакский. Он видел его при дворе, и даже сзади его костюм и легкая походка были узнаваемы. Он посмотрел на своего кузена и убедился, что тот снова мрачно нахмурился. Мари повернулась в седле, чтобы устремить на них свои неприветливые серые глаза. Ее лицо было в темных синяках, а одну руку она прижимала к боку, как будто он был ушиблен. На ее лице читалась глубокая печаль.

- Мать Божья, леди Мари! - воскликнул Тьер, на секунду забыв свое подчиненное положение и правила приличия и заговорив раньше Алена. - Что с вами случилось?

Мари устало посмотрела на него и не ответила. Она боялась, что у нее сорвется голос. После всего случившегося ее вернули похитителям, словно беглую крестьянку! Они ехали рядом - та же стена металла, как и два дня назад. Тяжелый, круглолицый, беспокойный Гийомар, уродливый Тьер и Ален, чье прилизанное благообразие испортила двухдневная щетина, появившаяся на прежде чисто выбритом подбородке. Он хмурился, тогда как остальные двое казались просто потрясенными. Она устала от них, устала от своего наследства, плена и спасений. Ей хотелось оказаться кем-то другим, простой крестьянкой, которая никого не может заинтересовать. Она позволила своему взгляду опуститься с них на Тиарнана, державшего под уздцы фермерскую лошадь, которую ей одолжили. Мари знала, что он держал ее так, чтобы она не могла убежать: с того момента, как посланец аббата сказал ему, почему она оказалась в лесу, он был намерен вернуть ее похитителям. Но ей все же казалось, что он не замешан в этом неприятном деле. Он смотрел на рыцарей с бесстрастной настороженностью, словно их появление обрадовало его так же мало, как и ее.

- На нее напали грабители! - возбужденно сообщил один из послушников в коричневом одеянии. Он сообщал эти волнующие подробности всем, кто им встречался. - Но по милости Божьей лорд Тиарнан услышал ее крики и успел вовремя, чтобы спасти ее от великого бесчестья.

Мари хотелось упасть с лошади и провалиться сквозь землю. Все ее усилия оказались тщетными. Ей не удалось совершить побег, и теперь она стала предметом, на который можно было глазеть, - несчастной девицей, спасенной от невыразимого позора. Она гневно потянула головную повязку, пытаясь закрыть хоть часть синяков.

Как и следовало предполагать, Ален адресовал Тиарнану взгляд, полный возмущения.

- Да хранит вас Бог, Ален де Фужер, - вежливо проговорил Тиарнан. - И вас, Тьер. И Гийомара.

Тьер восхищенно покачал головой. Ему понравился скрытый упрек собеседника - типичный для него.

- Да хранит вас Бог, Тиарнан Таленсакский, - ответил он. - И спасибо вам. Мы с ума сходили, тревожась за леди Мари, и, похоже, мы не зря тревожились. Она была нам доверена, и мы были бы опозорены, если бы с ней случилось что-то дурное. Что произошло?

Тиарнан взглянул на Мари, которая опустила голову и смотрела теперь на свое седло.

- Дама зашла в лес, чтобы ее не поймали на дороге. Эон из Монконтурна нашел ее у источника Нимуэ, примерно в двух с половиной милях к югу от Шателье, и повел себя так, как и можно было ожидать. Однако она храбро ему сопротивлялась и звала на помощь, а я оказался недалеко и услышал ее. У нее ушибы и вывихнутое плечо, ничего более серьезного.

- А что стало с Эоном? - спросил Ален.

- Убежал, - бесстрастно ответил Тиарнан. - Лорд Тиарнан застрелил двух его товарищей, - вставила Мари, внезапно поднимая голову. Он не имел права говорить так, будто грабители просто убежали без всякой борьбы. Он вел себя как герой, и ему следует отдать должное. Возможно, он пытался сохранить ее репутацию, но не годится, чтобы она была куплена ценой его собственной. - Наверное, он застрелил бы и Эона тоже, но Эон приставил нож мне к горлу и пригрозил, что убьет меня, поэтому лорд Тиарнан согласился сражаться с ним на ножах. И когда они сражались, грабитель набросил на голову Тиарнану свой плащ и убежал. Трус!

Она гневно посмотрела на Тиарнана. Его глаза искрились смехом.

- Я согласился с ним сразиться потому, что он назвал меня трусом, - мягко поправил он ее. - Возможно, вы нас не поняли, ведь мы разговаривали по-бретонски. Он угрожал вам, потому что решил, что я - возлюбленный, на встречу с которым вы пришли. Когда я сказал ему, что это отнюдь не так, он вас отпустил.

Мари снова понурилась и быстро заморгала. Да, это отнюдь не так. Пожелание, чтобы это было именно так, еще не оформилось в ней, но обида на то, что это не так, поднималась в ее душе и причиняла боль.

- О! - тихо проговорила она. - Да, я не понимала, что вы говорили.

Ален тоже моргал глазами. Он не просто потерял девицу, которую ему полагалось оберегать: его соперник нашел ее в смертельной опасности и спас. Он надеялся расположить к себе герцога, а вместо этого будет возвышен его соперник. Это было несправедливо до полной нелепости. По-ребячески злорадно он спросил:

- А что вы делали у источника Нимуэ? Этот лес принадлежит герцогу. Он вам дал разрешение там охотиться?

«Ошибка, - подумал Тьер. - Мелочное обвинение в браконьерстве только показывает, что ты не умеешь проигрывать. И всем известно, как Тиарнана любят при дворе. Очень может быть, что у него есть разрешение охотиться, где ему вздумается. Бедняга Ален!»

- Я искал того крупного оленя, который ушел от нас в прошлый крестопоклонный день, - ответил Тиарнан. Он, как всегда, выглядел безмятежно серьезным, но Тьер успел заметить, как

блеснули его быстрые глаза: Тиарнан знал, почему Ален это сказал. – Я хотел проверить, остался ли он в этой части леса. Герцог мог бы славно на него поохотиться, когда начнется сезон.

Тут Тьер посмотрел на него с тревогой. Чтобы выслеживать добычу, нужна собака. У Тиарнана была отличная ищейка: при дворе все знали, что один раз он отказался продать ее герцогу за пятнадцать марок серебром.

– А что случилось с вашей собакой? – спросил Тьер. – Надеюсь, грабители не убили эту вашу пятнистую суку.

– Осталась дома, – коротко бросил Тиарнан. – Течка. – Он отпустил повод лошади и вытер руки о запачканную зеленую куртку. – Милорды, поскольку вы здесь и можете сопровождать леди Мари, я вас оставляю. Я собирался этим утром вернуться в Таленсак.

При этих словах Ален преисполнился надежды, а Мари – страха.

– Вы не поедете с нами в Ренн? – спросил Ален с неподобающей поспешностью.

– Нет. Зачем мне вставать у вас на пути?

– Вы говорили, что у вас в Ренне дела! – возмущенно проговорила Мари.

– И это так, – отозвался Тиарнан. – Но я не поеду ко двору в таком наряде. Сначала мне нужно вернуться домой и переодеться. Мы увидимся с вами в Ренне, леди Мари.

Она поднесла руку ко рту и прикусила кончик пальца. Она попыталась представить себе Тиарнана при дворе, одетого в алую парчу и горностаи. Это было похоже на падение с высокой скалы. Значит, он все-таки был частью всей этой гадкой истории, у нее нет защитников. А чтобы принудить женщину к браку, есть десятки способов, начиная со строгих лекций и лишения пищи и кончая избиениями и изнасилованием. Она уже устала. Невозможно сказать, сколько она сможет вынести.

– Стоило ли трудиться мне помогать? – с горечью спросила она Тиарнана. – Зачем было спасать меня от Эона, чтобы потом предать? Боже милостивый! Я предпочла бы умереть, чем стать женой врага моего отца!

Тиарнан ухватился за ее стремя.

– Никто не причинит вам вреда, леди, – пообещал он совершенно серьезно. – Я сам стану вам в этом порукой.

– Я не выйду замуж за вассала Бретани! – яростно объявила Мари. Ее отец заявлял, что если они снова поменяют сюзерена, то лишатся чести. Мари не допустит бесчестья семьи. Нет, никогда! – Вы хотите сказать, что герцог Хоэл с этим согласится? После всего, что он предпринял, чтобы меня заполучить?

– Да, – спокойно ответил Тиарнан и в ответ на ее недоверчивый взгляд добавил: – Герцог Хоэл предложит вам мужей, которые бы вам подходили, но если вы им откажете, никто не станет вас принуждать. Это противоречило бы законам церкви, которые герцог чтит. И потом, вы родственница его супруги и потому неприкосновенны. Я – его вассал, и я его знаю.

Мари взглянула в его замкнутое смуглое лицо – и поверила ему. Пообещав стать для нее

гарантом, он дал слово лично обеспечить ее безопасность, сразившись, если понадобится, с любым, кто станет ей угрожать. Он не стал бы давать такое обещание, если бы это могло заставить его противиться собственному сюзерену. Немалая часть ее тошнотворной усталости испарилась, и Мари поняла, как ее страшила предстоящая борьба.

- Если я скажу герцогу Хоэлу, что не стану женой ни одного из его людей, он позволит мне вернуться домой? - запинаясь спросила Мари, охрипнув от облегчения и краснея под всеми своими синяками.

Тиарнан покачал головой:

- Он оставит вас при дворе в надежде, что вы передумаете.
- Но он не заставит меня выходить замуж против моей воли? Вы становитесь гарантом этого?
- Вот вам моя рука, - серьезно ответил он, протягивая ей руку.

Мари взяла ее обеими своими, заключив договор в присутствии свидетелей. У него оказалась узкая жилистая кисть, запачканная травой, и Мари ощутила скрытую в ней силу. Он чуть сжал ее пальцы, и у нее загорелось лицо. Глаза защипало от слез. И сердце отчего-то защемило.

- Спасибо, - дрожащим голосом сказала она. - Я призову вас, если вы ошиблись.
- Вам это не понадобится. - Тиарнан опустил руку и обвел всех взглядом. Его глаза на секунду задержались на Алене, и его самообладание дало трещину. - Ален де Фужер... - начал он и неловко замолчал.
- Вы рассчитываете, что я стану трубить о ваших подвигах герцогу? - кисло спросил Ален.

Тиарнан покачал головой:

- Нет. Но я еду в Ренн, чтобы сообщить моему сюзерену о том, что я собираюсь жениться на дочери Эрве Комперского.

Ален побледнел и молча воззрился на Тиарнана. Он с такой силой сжал поводья своего коня, что бедное животное захрапело и прижало уши, недовольно грызя удила. Тиарнан смотрел на него бесстрастно, только глаза у него снова сверкнули. «Что в них промелькнуло? - попытался понять Тьер. - Торжество? Нет, жалость».

- Желаю вам всем приятного пути, - сказал Тиарнан и, сойдя с дороги, направился к лесу. - Я увижу вас в Ренне через несколько дней.
- Желаю вам счастья! - сказал Тьер, который на этот раз вовремя вспомнил о хороших манерах.

Тиарнан приостановился - и когда он оглянулся, все его лицо преобразилось благодаря редкой улыбке.

- Думаю, оно у меня есть, - отозвался он и зашагал дальше.

Ален и Мари сидели совершенно неподвижно и смотрели ему вслед, пока он не скрылся из виду. Тогда Ален ударил каблуками по бокам своего коня и понесся по дороге галопом, опустив голову и не оглядываясь назад.

Тьер проводил его взглядом с искренней жалостью. Ален уже два года любил Элин Комперскую, и в течение нескольких месяцев даже казалось, что ему удастся смести все преграды, разделявшие их, одной только силой своей любви. Он даже добился от своего отца неохотного разрешения на женитьбу. А потом девицей заинтересовался Тиарнан. Однако Ален продолжал надеяться вопреки всему. До этой минуты. Тьер вздохнул, подался вперед и взял поводья лошади, на которой сидела Мари.

- Нам следовало бы вернуться в Бонн-Фонтейн, леди Мари, - сказал он. - Время близится к вечеру, и я уверен, что вам нужно отдохнуть.

Мари кивнула и запустила пальцы в гриву фермерской лошади. Она была оглушена тем, что услышала: она не знала слишком многого, чтобы что-то понять. Тиарнан собирается жениться на дочери владетеля Компера. Этот удар она ощущала, несмотря на все остальное. Но почему бы ему было не жениться? Ведь она не могла бы выйти за него замуж: он - верный вассал герцога Хоэла и враг ее дома. «Предательство! - сказала она своему ноющему сердцу. - Разнузданность! А как же честь твоей семьи? И ведь ты почти ничего о нем не знаешь. Ты влюбилась только потому, что он тебя спас. Это недопустимо».

Она боролась со своей болью, а та сопротивлялась, словно злой пес, не желающий отдать кость, которую у него отнимают. «Тиарнан собирается жениться на дочери владетеля Компера, - твердо повторила она себе, - Это уже решено. Он едва обратил на тебя внимание. И с чего ему было это делать, когда он только что заключил помолвку с другой? И когда об этом услышал Ален де Фужер, то побледнел и ускакал в ярости».

Она посмотрела на Тьера, который ехал рядом с ней, надев повод ее лошади себе на запястье.

- Лорд Ален желал жениться на той женщине, которая обещана лорду Тиарнану? - спросила она.

Из-за усталости ее не смутило то, что она явно показывает свое любопытство.

Тьер посмотрел на нее с одобрением.

- Вы правильно поняли, - ответил он. - И боюсь, что он превратит остаток нашего пути в ад. Он не умеет страдать молча, а страдать он будет определенно.

В качестве вознаграждения за то, что ему приходится играть роль советника и наперсника Алена, он позволял себе делать в адрес кузена достаточно резкие замечания.

Мгновение Мари внимательно изучала своего спутника. Он по-прежнему походил на жабу, но в его сардонической ухмылке было нечто симпатичное. И кроме того, он был к ней добр. Когда они ехали из монастыря, она не обратила на него особого внимания: почти все разговоры вел Ален, который к тому же был более заметным благодаря своей привлекательной внешности и дорогому модному наряду.

- Она очень красива? - спросила Мари.

- Конечно, - отозвался Тьер. Он заметил ее любопытство, но не удивился ему. Если бы подобная драма разыгралась перед ним, он тоже начал бы задавать вопросы. Кроме того, он был рад возможности поговорить с Мари. - Иначе Ален не был бы в нее влюблен. Он не стал бы любить девицу за ее ум, поскольку сам не слишком им одарен. Элин Комперская, несравненная Элин! Она очень сладко поет, может играть на лютне и виоле и танцует легко, как подхваченный ветром листок. Они с Аленом - очень красивая пара. Но у нее есть два

старших брата и пара сестер, так что она не принесет своему мужу такого приданого, на которое мог бы жить человек благородного происхождения. Мой дядюшка Жюль, отец Алена, не собирается дробить свое поместье ради Алена: он будет получать пожизненное содержание, но и только. Ему, в сущности, не на что жениться. А Таленсак пусть и не такое крупное и богатое владение, как Фужер, но очень недурное, и Тиарнан был единственным его владельцем с самого своего совершеннолетия. У бедняги Алена не было шансов.

Мари минуту ехала молча, обдумывая услышанное. Она всю свою жизнь слышала похожие истории, не обращая на них особого внимания. Любой брак был для нее чуждой территорией. Теперь же тайная боль в сердце сказала ей о существовании целой долины боли, о которой она прежде не подозревала. И Алenu придется через всю эту долину пробираться.

- А что... леди Элин... об этом думает? - спросила она в конце концов.

- Думаю, она согласилась со своим отцом, - сказал Тьер. - С ее стороны было бы глупо считать иначе. Конечно, юную девицу о таких вещах спрашивать не полагается. Не в упрек вам будь сказано, леди.

Тьер ухмыльнулся.

Она внимательно посмотрела на него:

- А что думаете вы? Что ваш кузен был глупцом, позволив себе надеяться на что-то, потому что земля важнее любви?

Он пожал плечами. Невозможно было объяснить ей, что он больше всего уважает Алена именно тогда, когда тот действует наиболее неправильно.

- Я думаю, что любовь - это растение, которое любит тучную землю, - ответил он вместо этого. - И если она все-таки выживает на тощей песчаной пустоши, кто захотел бы, чтобы любимый человек с трудом добывал пропитание? Нет, следует сначала найти плодородную землю, и если ее должным образом обихаживать, то на ней можно будет вырастить все, что угодно. - Он снова ухмыльнулся. - Кстати, у меня самого земли нет.

- Однако лорд Тиарнан, судя по вашим словам, женится по любви.

- Несомненно. Но этот счастливек может себе такое позволить. Не так много молодых людей сами себе хозяева и свободны делать выбор. Нам, остальным, приходится довольствоваться теми крохами счастья, которые нам перепадают.

Она прикусила согнутый крючком палец, и он вдруг почувствовал себя невесомым от радости. «Господи, мне хочется ее расцеловать! - подумал он. - Но и без этого я получил целый кус счастья. Прекрасный майский вечер, живые изгороди в цвету, мой конь подо мной, и красивая девушка слушает мои разговоры о любви».

- И вы тоже можете почитать себя счастливой, - сказал он Мари. - Если Тиарнан говорил правду (а я в этом уверен), то герцог позволит вам выбрать себе мужа, так что вы будете иметь счастье выйти замуж по любви.

- Я не выйду замуж ни за кого из вассалов герцога, - твердо заявила Мари. - Мой отец принес клятву верности герцогу Роберту, и только ему. Я не предаю честь моей семьи.

Произнесенные вслух, эти слова принесли ей облегчение, став подтверждением того, что она

по-прежнему осталась той, кем всегда себя считала, что боль в сердце не изменила ее целиком и полностью.

Тьер поднял брови.

- Не понимаю, почему вы так говорите. Ваш дед служил Бретани, пока не решил, что выгоднее будет примкнуть к нормандцам. Вы восстановили бы честь семьи, а не предали бы ее.

- Я не ответственна за то, что сделал мой дед, - ответила Мари. - Если бы все вернулись к первоначальному вассалитету своих предков, то мы все присягали бы императору греков. Мой отец - человек герцога Роберта, так что мой переход к другому сюзерену стал бы предательством.

Тьер только засмеялся. Ему не хотелось спорить.

- Скажите, как вам удалось убежать из Бонн-Фонтейна через запертую дверь? Мы так и не смогли понять.

Мари бросила на него суровый взгляд. Однако она уже понимала, что не сделает второй попытки убежать. Она слишком устала - а Тиарнан поручился за ее безопасность.

- Я подложила в дверь мою головную повязку, чтобы она не закрылась до конца, - объяснила она Тьеру.

Он снова рассмеялся.

- Клянусь всеми святыми, я благодарен Тиарнану, несмотря на то, что он сделал моему кузену, и хотя это обошлось мне в шестнадцать серебряных пенни.

Она воззрилась на него, хмурия брови. Он пришел в восторг от того, как морщится у нее лоб. «Еще до нашего приезда в Ренн, - пообещал он себе, - я заставлю ее смеяться. Если это - единственное счастье, которое мне принесет путешествие, с меня и его хватит».

- Я пообещал святому Михаилу сто свечей, если вас найдут целой и невредимой, - объяснил он. - Ну что ж, эти шестнадцать серебряных пенни потрачены не зря.

- Святой Михаил - это великий святой и хорошо защищает от зла, - серьезно отозвалась Мари, перекрестившись.

- Аминь! - радостно подхватил Тьер. - И, будучи архангелом, он действует быстро.

Когда чуть позже они доехали до Бонн-Фонтейна, то обнаружили, что их отряд лишился своего командира. Ускакавшего галопом Алена де Фужера в монастыре не оказалось. Тьер разрывался между досадой и тревогой. Он догадывался, куда уехал Алэн, и считал эту поездку чистым безумием. Если Алэну не удастся добиться своей цели, то ему придется вернуться к герцогу опозоренным из-за брошенного поручения, и к тому же он разгневет отца. Но если он своего добьется, его положение станет еще хуже: он должен будет покинуть Бретань, жить на заработок наемного солдата и содержать жену за счет подачек со стола своего господина - если, конечно, его не убьют при попытке побега с возлюбленной. Потому что Алэн наверняка задумал с ней убежать, а Тиарнан Таленсакский вряд ли согласится принять это безропотно. Тьер не хотел бы иметь такого врага. Тиарнан может быть достаточно миролюбивым за пределами поля сражения, но Тьеру случалось видеть, как он упражняется с оружием: это

было потрясающее яростное наступление, с ударами, точными, как игла вышивальщицы, оставлявшими после себя полосу расщепленных копий и разбитых щитов. Алену до такого очень далеко.

Тьер попытался уверить себя в том, что неудача представляется наиболее вероятным исходом этой глупой затеи. Эрве Комперский вряд ли впустит Алена в свой дом, и можно надеяться, что у леди Элин хватит рассудительности не противиться воле отца и не убежать с человеком, который не может ее обеспечить. Даже если бы она и предпочитала его Тиарнану – в чем, впрочем, Тьер в отличие от Алена отнюдь не был уверен. Но что бы ни происходило или уже произошло с Аленом, от Тьера ничего не зависело. Он мог только придумать какие-то оправдания своему кузену, когда отряд приедет в Ренн без него. Тем временем Тьер был намерен сполна воспользоваться тем счастьем, какое подарит ему остаток пути.

От Бонн-Фонтейна до Ренна был всего один легкий переезд – приятная прогулка по полям и лесам в чудесный весенний день. Даже кобыла Дагу вынуждена была идти спокойно, потому что Тьер привязал ее за короткий повод к своему коню и коню Гийомара. Они приехали в город вечером. В давние времена Ренн был обнесен стеной, и его все еще окружали римские камни, кое-где подкрепленные более новыми башнями или воротами. В течение столетий средневековый город теснился на маленьком пространстве, заключенном в древние стены, но в последние годы заполнил его до отказа, так что первые постоянные дворы и кухарни уже распространились за городские ворота и выстроились вдоль дороги. Уже вечерние огни зажглись, и пелена дыма, поднимавшаяся над соломенными крышами, была освещена опускающимся солнцем, так что город словно парил в золотистом облаке. Мари никогда не бывала в больших городах, и, несмотря на весь свой страх перед неволей и решимостью не уступать своим тюремщикам, она почувствовала, что сердце у нее колотится от радостного возбуждения. Перед ней лежал неизвестный мир, ожидавший ее внимания.

Городские ворота еще не закрылись на ночь, и трое всадников въехали в них под цокот копыт. Главная улица оказалась далека от золотой иллюзии, окутывавшей город: немощеная, покрытая глубокими рытвинами, провонявшая гнилыми отбросами, она шла между рядами домишек из глины и прутьев. Куры копошились в горах мусора, неспешно отходя в сторону при приближении лошадей, свиньи в загонах между домами выглядывали через изгороди и хрюкали. Куст дрока над одной из дверей показывал, что эта лачуга является постоянным двором. Несколько лавок объявляли о своем статусе повешенными на столбы товарами: парой башмаков, метлой, набором ложек из рога. А потом главная улица повернула направо – и там, ближе, чем ожидала, Мари увидела Рейнский замок.

Замок был новым, и его стены были сложены из камня, а не из старомодного дерева, хотя с первого же взгляда было видно, что он имеет традиционную планировку: высокая центральная часть на насыпном холме и замковый двор, окруженный стеной. Тьер повернул налево и поехал по наружной стороне сухого рва, окружавшего стену. Мари повернулась в седле, глядя на стены главной части, которые были ясно видны сверху, в золотистом дыму. Большое красное полотнище полоскалось в последних лучах заката на самом вершине башни, возвещая о присутствии герцога.

– Какой он, герцог? – спросила она у Тьера.

Они непринужденно говорили весь день, так что она начала забывать о том, что он – враг. Тьер немного подумал.

– Вы любите собак? – ответил он вопросом на вопрос, когда они повернули за угол и увидели ворота замка.

- Некоторых - люблю, - сказала Мари, пытаюсь понять, какая тут может быть связь с ее вопросом.

- И это вы хорошо сказали, потому что собаки бывают такие же разные, как люди, и между ними можно найти сходство. Например, борзые благородны, стремительны и красивы - как вы сами, моя госпожа! Гончие - алаунты, брашеты и лимеры - должны быть отважными и мудрыми, чтобы гнать добычу своего лорда и валить ее на землю, и их можно сравнить с рыцарями. А есть еще услужливые спаниели и мастифы - чтобы сопровождать лорда и охранять его.

- А сам герцог в этой вашей аллегории - лев? - Мари улыбнулась этому причудливому образу.

- Нет, - с удовлетворением заявил Тьер. - Герцог Хоэл - терьер. Но очень благородный.

Мари рассмеялась, а Тьер широко ухмыльнулся. Ему все-таки удалось заставить ее засмеяться до приезда в Рейнский замок - правда, в последнюю минуту и отчасти из-за волнения. И смех у нее оказался красивым: нежным и журчащим. До чего же ему нравятся женщины, которые смеются!

Они проехали по подъемному мосту замка, и Тьер вызвал стражника, чтобы их пропустили.

На замковом дворе слуги увели лошадей в конюшню. В кухонных постройках, выстроившихся вдоль наружной стены, уже дымил огонь, и оттуда пахло жарящимся мясом. Тьер и Гийомар провели Мари по каменной лестнице в замок. Еще до того, как они вошли в огромные двустворчатые двери, навстречу им выкатились волна шума и облако ароматов еды. Уже начало смеркаться, и в караульной комнате зажигали факелы, устанавливая их в крепления на стенах. Стражники дружелюбно приветствовали Тьера и спросили, где Алэн.

- Слишком долго объяснять! - ответил Тьер и, странно звеня шпорами по каменному полу, увлек Мари по следующей короткой лестнице в главный зал.

Зал занимал весь первый этаж замка. Его деревянный пол был застелен тростником. Под светом факелов были расставлены столы, и за ужином сидело множество народа. Богатые шелка и ярко окрашенные шерстяные ткани заполняли полумрак золотом, густой синевой и насыщенным кармином. Даже у собак, растянувшихся под столами, были ошейники, сверкавшие при их движении. С каждым шагом Мари чувствовала себя все более некрасивой, жалкой и грязной.

Тьер пробирался между столами в дальнюю часть зала, где на деревянном помосте стоял главный стол. Сидевшие на скамьях при его приближении прерывали разговоры, и к тому моменту, когда они подошли к главному столу, в зале воцарилось молчание. Шедшей позади него Мари приходилось делать над собой усилие, чтобы держать голову высоко. Под грузом любопытных мужских взглядов ей хотелось провалиться сквозь пол.

Тьер остановился перед центром помоста и опустился на одно колено, зазвенев доспехами.

- Да благоволит вам Господь, мой господин! - сказал он. - Вот леди Мари Пантьевр Шаландрийская, о чьем присутствии вы просили.

Мари заставила себя поднять глаза на человека, сидевшего во главе стола. Хоэл, граф Корнуоллский, граф Нантский и, в результате своей женитьбы, граф Реннский и герцог Бретонский оказался низеньким, лысоватым мужчиной между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами в нарядном одеянии, отделанном мехом. Лицо круглое, красное, глаза навывкате. Его

брови гневно хмурились.

- Что случилось с твоим кузеном? - спросил он пронзительно твякающим голосом.

«Боже милостивый, - подумала Мари, - он действительно похож на терьера!»

- Хоэл! - воскликнула дама, сидевшая подле герцога. Это была полная женщина лет сорока пяти, одетая в высшей степени элегантно и украшенная большим количеством драгоценностей. - Бедная девочка стоит здесь, словно заблудившаяся овечка! Сначала поздоровайся с ней, а потом уже разбирайся с де Фужером.

Она улыбнулась Мари. Улыбка и четкие ясные очертания ее лица показались Мари странно знакомыми, хотя она не сразу поняла, откуда может их знать. А потом она догадалась, что это Авуаз, герцогиня Бретонская, единокровная сестра настоятельницы Констанции, обладательница древней крови Пантьевров, продолжавших править Бретанью, хотя разные ветви этой семьи распространились среди знати Нормандии и Англии. Мари видела те же удлиненные черты в собственном зеркале.

- Добро пожаловать, моя дорогая, - проговорила герцогиня.

Мари набрала побольше воздуха. Она не отступится от своего решения только потому, что платье на ней жалкое, а герцогиня соизволила быть любезной.

- Я здесь не по своей воле! - гордо объявила она ясным и звучным голосом, который был слышен даже в дальних углах зала. - Меня увезли из монастыря обманом, предательски. Мой отец не приносил клятвы Бретани, и я никогда не допущу, чтобы его дом и земли достались кому-то другому. Клянусь Богом и своей бессмертной душой, - тут Мари вызывающе перекрестилась, - что скорее умру, защищая мою честь, чем останусь жить, лишившись ее.

Наступила грозовая тишина. Мари слышала, как в висках у нее оглушительно стучит кровь. Треск факелов на стенах казался неестественно громким.

А потом герцог Хоэл фыркнул.

- Она определенно твоя родня! - заявил он герцогине.

- Конечно же, - совершенно спокойно отозвалась Авуаз. - Она - внучка второго сына единокровного брата моего отца. Мы ведь это уже выяснили, помнишь? Дитя, - сказала она, обращаясь к Мари, - Шаландри - это ленное владение, входящее в герцогство Бретань, так что оно не находится в личном владении твоего дома. Твой дед получил управление им от моего отца. Он не имел никакого права передавать его Нормандии: оно ему не принадлежало. Мой муж - твой законный и истинный правитель - имел все права, чтобы призвать тебя сюда.

- А я говорю, что это не так, - ответила Мари неторопливо, хотя у нее участилось дыхание и от страха заныл желудок. - А еще я говорю, что не выйду замуж ни за кого, кто служит врагам моего отца. И Тиарнан Таленсакский, рыцарь, находящийся у вас на службе, господин мой герцог, поручился мне в том, что меня никто не будет принуждать.

- А какое к этому имеет отношение Тиарнан? - озадаченно спросил Хоэл.

Авуаз внезапно нахмурилась и стала пристально вглядываться в лицо Мари. Из-за красного отсвета факелов, белой головной повязки и исключительной непокорности Мари ее синяки поначалу не были замечены.

- Хоэл! - напряженно проговорила герцогиня. - Девушку били!

Эти слова вызвали смятение и крики ярости. Герцог Хоэл с тьяканьем вскочил и снова потребовал ответа на вопрос: что случилось с Аленом де Фужером? Пришлось рассказывать всю историю, после чего герцогиня повлекла Мари ставить примочки из листьев огуречника, а Тьеру устроили выговор из-за глупости его кузена. Герцог сообщил ему, что было чистым безумием оставить представительнице семейства Пантьевров хоть малейшую возможность нападать или бежать, потому что любой глупец должен был бы понять, что она обязательно ею воспользуется. К тому же ни при каких обстоятельствах нельзя допускать, чтобы с родственницей герцогини случилось что-то дурное, когда она находится под его покровительством. И наконец, что человек, получивший задание от своего господина и ускакавший куда-то, бросив его наполовину выполненным, заслуживает того, чтобы его поставили у стены замка и сделали мишенью для испытания рыцарских умений.

Позднее Тьер сказал об этом:

- Теперь я знаю, что чувствует крыса, когда ее за шкуру поймал терьер.

Глава 3

Тиарнан оказался в Таленсаке утром, через два дня после того, как расстался с Мари на дороге в Ренн. Он пришел бы домой накануне вечером, если бы не решил сначала повидать своего исповедника. Это был отшельник, который жил у крошечной часовни в глубине леса примерно в пятнадцати милях к юго-западу от поместья. В результате путь Тиарнана увеличился не меньше чем на пять часов, но его это не тревожило. Лишние пять часов ходьбы по лесу в мае были не трудностью, а настоящей радостью.

Он любил лес. То, что для Мари было сплошной громадой, окутанной тайной, для него было ясной и четко видимой мозаикой мест, которые он хорошо знал. Там были торфяные болота, задуманные зарослями ольхи, и зрелые рощи из буков и дубов, там были акры молодых сосенок и высокие песчаные пустоши, торчащие среди деревьев, словно спины свиней, залегших в грязь. Там были источники и курганы - владения прекрасного народа, были полуразвалившиеся часовни, воздвигнутые в древности святыми, там были черные убогие лачуги, где старухи ворожей продавали любовные зелья и проклятия посетителям, которые старались пробраться к их дверям незамеченными. Любая местность, даже самая дикая, была частью сложной паутины чьих-то владений. В те времена Броселианд занимал всю Бретань, теперь сохранились лишь островки дикой природы в море возделанных земель. Тут были герцогские охотничьи угодья и угодья знати. Такой-то и такой-то имел право собирать дрова в одной части леса, а свиньи другого могли подъедать там желуди, а еще кому-то разрешалось жечь уголь. Тиарнан знал каждую часть, и он не запутался бы в них, как не может человек запутаться в комнатах собственного дома. Он любил Броселианд во все времена: от жестокой зимы до благодного лета, во времена безжалостных бурь и в ласковые солнечные дни. Однако краше всего он был в мае, когда воздух был ароматным, а земля - пестрой от цветов, и животные в укромных местах оберегали своих детенышей. Тиарнан шел под пологом леса быстрыми легкими шагами, полной грудью вдыхая шелковистый воздух. Однако среди этих наслаждений он сохранял бдительность. Пусть Броселианд прекрасен, но сам он любви не знает, и в его зарослях прячется тысяча видов смерти. Разбойник Эон - не единственный, кого следовало опасаться, не страшнее клыка вепря или тысяч кровожадных мошек торфяного болота.

Было еще раннее утро, когда он дошел до границы своих земель. Поместье Таленсак включало в себя около двадцати квадратных миль леса, примыкавших к Броселианду, но Тиарнан с

точностью до минуты знал, когда именно перешел в свои владения. В своем собственном лесу он немного ослабил бдительность и позволил себе вслух запеть песню, которая уже несколько дней крутилась у него в голове. Это была простая песня, которую бретонские крестьяне пели в поле: он не любил придворной музыки.

Как счастлив был бы я пойти

Туда, где ждет моя любовь.

И стала бы моя рука

Подушкой ей для сладких снов.

Ах, долгим, долгим будет путь,

И будет крут, так крут подъем...

Тиарнан оборвал песню: он, как всегда, сфальшивил. Он вздохнул, сорвал росток ежевики и начал его жевать, а потом виновато выплюнул. Его исповедник Жюдикель велел ему поститься: это станет епитимьей за убийство двух разбойников у источника Нимуэ. Жюдикель сказал, что это смертный грех - отнять без предупреждения две жизни. Пусть даже верно то, что погибшие сами были убийцами и совершали насилие, пусть верно, что предостережение поставило бы под угрозу как их жертву, так и самого Тиарнана: две человеческие жизни оборвались кроваво, без возможности принести покаяние. Если Тиарнан хочет сохранить живой свою собственную душу, ему следует поститься и думать о ценности человеческой жизни и о собственной самонадеянности, позволившей ему эти жизни погубить.

Тиарнан постился, но все его мысли были обращены к Элин Комперской. Ему уже приходилось убивать людей, когда он участвовал в войнах герцога. Два разбойника не слишком тяготили его совесть, и он сожалел главным образом о том, что не убил третьего. Он очень надеялся снова встретиться с Эоном и прикончить его. Он попросил, чтобы монахи из монастыря Бонн-Фонтейна похоронили двух убитых, и оплатил заупокойную мессу и молитвы о них, но это было сделано скорее для того, чтобы умиротворить Жюдикеля, а не ради спасения их душ. Он предвидел, что Жюдикель будет им недоволен, и заранее смирился с яростным выговором отшельника и строгой епитимьей. Отчасти он был даже рад, что может исповедаться в двух убийствах. По крайней мере это отвлекло Жюдикеля от известия о его помолвке. Конечно, отшельник не считал ее грехом - но считал ошибкой.

Как счастлив был бы я пойти

Туда, где ждет меня любовь...

Тиарнана не оставлял образ танцующей Элин, и он шел по лесу с улыбкой. Она была прекрасна, да - но он любил ее не только за это. Она была открыта для радости, словно жизнь была новым шелковым платьем, которое ей только что подарили. Все ее радовало, все в ней было свежим, чистым, гармоничным.

Ах, долгим, долгим будет путь,

И будет крут, так крут подъем,

Но не присяду отдохнуть,

Чтоб нам скорее быть вдвоем.

Милее песни соловья,

Милее нежного цветка —

Милее всех любовь моя

И сладость на ее губах.

И все уже договорено: она выйдет за него замуж. Совсем скоро. И вежливость требовала, чтобы он сообщил об этом герцогу Хоэлу прежде, чем назначить дату свадьбы.

Ленное поместье Таленсак принадлежало Хоэлу – Тиарнан только управлял им. Его отец, дед и прадед управляли им до Тиарнана, и, Бог даст, его сыновья тоже будут им управлять – но только после того, как принесут клятву верности герцогу. После того как эта клятва принесена, герцог не имеет права отнять поместье – если только клятва не нарушена. Феодалный договор еще оставался чем-то неустоявшимся, однако основные принципы были известны четко. Тиарнан будет сражаться за герцога, если тот его призовет, будет повиноваться всем законным приказам и давать советы, если о них попросят. И из вежливости он будет сообщать герцогу о важных событиях – таких, как его женитьба. За это ему дается поместье и все, что к нему относится.

Выйдя из леса на главную дорогу, откуда видны были поля, Тиарнан на мгновение остановился, как делал это всегда. Плечи его невольно передернулись, эти места окутали его словно плащом. Поля уходили вниз, к небольшому ручью, который тек на север. Из центра лощины виднелась ветхая деревянная колокольня деревенского храма. Крытые соломой дома, казавшиеся из-за расстояния крошечными, тянулись вдоль дороги, и от некоторых к чистому утреннему небу поднимались струйки дыма. На дальнем берегу ручья, на насыпном холме стоял дом Тиарнана, обнесенный частоколом. Мельницы не было видно: она находилась выше по течению ручья, за его поворотом, но Тиарнану не нужно было ее видеть, чтобы знать о том, что она на месте. Таленсак был в полном порядке и безопасности. Он снова двинулся вперед уверенным шагом человека, который всем доволен. Дом. Он здесь родился, он прозывался по нему – он был его частью. За предыдущие два дня он прошел шестьдесят с лишним миль и теперь чувствовал усталость – приятную усталость – и предвкушал приятный домашний отдых.

Первый дом в деревне принадлежал кузнецу Глевиану. Рядом находился колодец, потому чтоковка металла требовала воды, и Тиарнан остановился, чтобы напиться. Он снял деревянную крышку и опустил ведро, которое всегда стояло рядом с колодцем. Пока он поднимал его наверх, хозяйка дома, услышавшая стук колодезной крышки, вышла из дома, вытирая руки о передник.

- Мои приветствия, маштьерн, – сказала она, увидев Тиар нана.

Таленсак называл своего владельца старинным именованием «маштьерн». Это было не совсем правильно: маштьерны были должностными лицами, исправлявшими правосудие в бретонских деревнях, и их сменили феодалы. Однако деревня все равно называла его маштьерном.

- Мои приветствия, Юдит, дочь Конуола, – отозвался Тиарнан, приветственно приподнимая ведро, прежде чем начать пить.

Юдит осталась стоять в дверях, нервно вытирая руки о передник. Тиарнан напился, поставил ведро и закрыл колодец крышкой.

- Жаркий выдался денек, - радостно сказала Юдит. Тиарнан кивнул, гадая, что же случилось в его отсутствие.

Ей явно хотелось что-то ему сказать.

- В деревне все было хорошо? - спросил он, приходя ей на помощь.

Юдит с облегчением воздела руки:

- Ох, маштьерн, мой брат Юстин...

- Что он на этот раз наделал? - обреченно проговорил Тиарнан, чувствуя, как его покидает умиротворение.

Брат Юдит, Юстин, которого прозвали Юстин Браз, то есть Юстин Малыш, за его громадные размеры, был деревенским смутьяном. Этот крупнокостный молодой мужчина с копной песочного цвета волос и сломанным носом имел привычку затевать драки в пивных и ухлестывать за девицами, которые для того не подходили. В своей последней выходке он, похоже, объединил обе эти склонности, затащив в пивную сестру вольного жителя соседнего местечка Монфор, а потом подравшись с ее негодующим братом. У брата были сломаны челюсть и ключица, а владелец пивной, пытавшийся остановить драку, получил синяки, две разбитые бочки пива и сломанную ставню. Управляющий Монфором явился в Таленсак жаловаться, и Юстина посадили в колодки.

- Но это была не его вина! - заявила Юдит, не столько из убежденности, сколько из верности брату. - Драку начал тот парень.

- Юстин еще не участвовал ни в одной драке, которую бы начал не он сам, - ответил Тиарнан. - Значит, Кенмаркок посадил его в колодки?

Кенмаркок был управляющим Тиарнана, который занимался делами поместья в его отсутствие.

- Да, маштьерн, - подтвердила Юдит, прекращая уверения в невинности брата, поскольку верила в нее не больше своего господина. - Это было вчера днем. И управляющий Монфором хочет, чтобы его выпороли. И он говорит, что Юстин должен уплатить за убытки пивной, а вдобавок - штраф.

Тиарнан вздохнул. В Таленсаке никого не пороли. Здесь не было даже специального столба, к которому приковывали наказуемых. Мелкие проступки, вроде перестановки межевых камней или кражи чужого хвороста, наказывались штрафами и колодками. Браконьера или вора могли прогнать по церковному двору ореховыми розгами, а потом оштрафовать и посадить в колодки. Но с другой стороны, владетель Монфора был человеком влиятельным, имевшим в своем управлении немало поместий, и он не потерпит, чтобы его людям и имуществу наносился ущерб. Если он всерьез рассердится, то может отправить в Таленсак отряд, приказав своим людям схватить Юстина и выпороть. Мелкие войны между поместьями начинались и по более незначительным поводам. Тиарнан гневно пожелал, чтобы Юстин наконец научился вести себя как подобает.

- Беги в лисе и позови Кенмаркока.

Юдит подобрала юбки и побежала по грязной дороге искать Кенмаркока в господском доме, который в деревне называли «лисс». Тиарнан последовал за ней своим привычным быстрым шагом. Кузнец Глевиан, работавший в огороде, с опозданием устремился за ними, вместе с еще несколькими мужчинами, видевшими с полей приближение Тиарнана и заинтересовавшимися его намерениями. Женщины, прявшие у открытых дверей, работавшие на кухне или в огороде, поспешно присоединялись к ним. Несколько ребятишек прибежали, сообщая Тиарнану, что Юстин Браз сидит в колодках за то, что разгромил пивную в Монфоре.

- Знаю! - отозвался Тиарнан.

Он не останавливался, пока не дошел до центра деревни, где на траве перед церковью стояли колодки. Дальше дорога пересекала ручей по низкому деревянному мосту и вела к воротам лисса.

Юстин Браз сидел на перевернутом ведре. Руки и ноги у него были крепко забиты в колодки. У него был роскошный синяк под глазом и разбитая губа, залившая кровью светлую бороду, - но это были следы драки в пивной. Хотя в закованных в колодки по традиции разрешалось чем-нибудь бросать, никто никогда не бросал ничего в лицо Юстину. Его таленсакские враги отдавали должное его силе и вспыльчивости, бросали грязь и объедки ему в спину, чтобы он не смог увидеть, кто это сделал. Юстин угрюмо посмотрел на Тиарнана и собирающуюся толпу зевак.

Тиарнан подошел к одной из прибрежных ив и охотничьим ножом срезал прут толщиной в свой большой палец. Бесстрастно глядя на Юстина, он начал очищать его от коры и листьев. Хотя Тиарнан родился в господском доме, большую часть детства он провел в деревне. Его благородные родители умерли, когда он был еще младенцем, и его растила череда деревенских нянек, которыми руководил деревенский священник. Это простое воспитание закончилось, когда ему исполнилось восемь лет и его отправили ко двору герцога, где он стал пажом. Однако он до сих пор очень многое воспринимал так, как таленсакский крестьянин. Ему не нужно было объяснять, что деревенские жители недовольны Юстином, но не желают признавать требований управляющего Монфором.

Смущенный мрачным видом господина, Юстин откашлялся.

- Вот, маштьерн, - проговорил он, - вернулись, значит.

- Да, - отозвался Тиарнан спокойно, продолжая счищать ивовую кору. - И похоже, нахожу тебя здесь.

- Я не виноват в том, что была драка, - возмущенно заявил Юстин. - Я просто позвал девицу в пивную, чтобы повеселиться. Ее брату нечего было устраивать из-за этого столько шума.

Собравшиеся вокруг слушатели презрительно фыркнули. Добропорядочные девицы в пивные не заходят, и любой брат, обнаруживший там свою сестру и не устроивший шума, все равно что признал бы свою сестру шлюхой.

- Юстин, - неспешно проговорил Тиарнан, - ты - пьяница, задира и позор деревни. Ты хочешь, чтобы в Монфоре говорили, будто жители Таленсака совращают девиц?

Жители Таленсака одобрительно загудели.

- В Монфоре никого совратить нельзя! - возмущенно заявил Юстин. - Там все девицы и так шлюхи. Маштьерн, вы не можете винить меня в драке. Я - боец. Я хорошо за вас воевал. Кому

это знать, как не вам.

Это было истинной правдой. Когда Тиарнана вызывали на войны герцога, он брал с собой отряд сильных молодых мужчин из поместья, вооруженных копьями, пращами или каким-то другим оружием, которое им удавалось раздобыть. Юстин сражался за Тиарнана и герцога, как лев. Но с другой стороны, он так сражался постоянно.

- Пивные, - презрительно бросил Тиарнан, - не место для сражений.

- Я пошел в пивную поразвлечься, - вызывающе ответил Юстин. - Мужчина же не может все время копать в земле! А я не могу себе позволить пропадать в лесу по три дня из семи.

Тут собравшиеся резко замолчали. Действительно, маштьерн Таленсака исчезал часто, и в деревне существовало немало предположений относительно того, чем он занимается во время своего отсутствия. Однако крестьянин проявлял крайнее неуважение и нахальство, говоря об этом прямо в лицо своему господину - и даже Юстин почувствовал, что зашел слишком далеко. Однако он собрал все свое мужество и не стал пытаться взять свои слова обратно.

Тиарнан подошел к колодкам и перегнулся через них, насмешливо глядя на Юстина. Он постучал по деревянной раме концом ивовой розги.

- Здесь сидишь ты, Юстин Браз, - мягко произнес он, и все снова успокоились.

Из лисса через мост примчалась коричневая с белым ищейка Тиарнана, Мирри. Виляя хвостом, она подбежала к хозяину и сунулась носом ему в ладонь. Управляющий Кенмаркок спешил вниз по склону следом за ней вместе с сестрой Юстина и толпой народа из господского дома. Кенмаркок был смуглым мужчиной с лошадиным лицом и гнилыми зубами. Он был священником и, помимо поста управляющего, занимал место капеллана, однако на святость не претендовал. Он появился в Таленсаке для того, чтобы управлять поместьем от имени герцога, когда умер отец Тиарнана, но женился на местной девушке (в те дни никому и в голову не приходило навязывать светскому священничеству Бретани целибат). Когда поместье перешло к Тиарнану, он предложил Кенмаркоку остаться в качестве управляющего. Священнику он симпатизировал и доверял.

- Приветствую вас, мой господин! - крикнул Кенмаркок, еще не перейдя моста.

Не дожидаясь ответного приветствия, он поспешно изложил всю историю о Юстине Бразе, пивной и девице из Мон-фора, добавив, что у мужчины сломана ключица, так что он месяц не сможет работать, а стоимость двух бочек пива и оконной ставни составила два су.

- Так что пяти су хватит на возмещение ущерба и плату мужчине, пока он не выздоровеет? - спросил Тиарнан.

- Да, милорд, - недовольно подтвердил Кенмаркок. - Но управляющий Монфором, чтоб ему не везло в жизни, требует десять. А еще он говорит, что Юстина следует наказать.

- Я уже наказан! - громко возмутился Юстин. - У меня спину свело - как ножом режет. У меня онемели ноги, в волосах полно грязи, и я всю ночь не спал, сидя тут в собственной вонючке. Выпусти меня, Кенмаркок!

- Колодки - это наказание за оконную ставню, - огрызнулся Кенмаркок, - но не за ключицу того парня и не за честь его сестры.

- А у нее никакой чести и не было, - пробурчал Юстин. Какая-то женщина из толпы крикнула:

- Бесстыдник!

Тиарнан встретился взглядом с Кенмаркоком и резко кивнул в сторону колодок. Управляющий вздохнул, снял с пояса ключ от колодок и отпер их сверху и снизу. Юстин с трудом встал на ноги при поддержке своего зятя-кузнеца и приятеля-выпивохи Ринана. Он потопал онемевшими ногами по грязи у ручья, встряхнул руки, выпрямил ноющую спину и с опаской посмотрел на Тиарнана. Он подозревал, что его наказание еще не окончено, - и был прав.

- Снимай свой жилет, - приказал Тиарнан, многозначительно похлопывая прutom о ладонь.

Юстин застонал, но стащил с себя заляпанный грязью жилет из мешковины и повернулся к своему господину. Лицо у него было возмущенным и в то же время умоляющим.

Тиарнан положил розгу, сбросил зеленую куртку - под ней на нем оказалась льняная рубашка, - а потом снова поднял прут и указал им на ворота церкви в двадцати шагах от них.

- Там - убежище, - сказал он.

Юстин посмотрел туда, начал поворачиваться, и Тиарнан обрушился на него, как ястреб на кролика. Ивовый прут опустился с шипением и ударил со щелчком. А потом Юстин вскрикнул от боли и бросился бежать. Тиарнан бежал рядом, нещадно его стегая.

Спустя минуту все закончилось. Юстин оказался по ту сторону ворот, цепляясь за них обеими руками. Он задыхался и хватал воздух громадными глотками. Спина и плечи его были покрыты кровавыми полосами. Тиарнан опустил покрасневший прут безобидно на изгородь, а потом демонстративно его переломил на две части и прошел обратно к колодкам. Он учащенно дышал, а руку, которой он произвел порку, саднило: без гордости или стыда он сознавал, что сделал все как должно.

- Можешь передать управляющему Монфором, - сказал он Кенмаркоку, - что Юстина выпороли.

Он не оглядывался вокруг, но почувствовал, как что-то пронеслось по собравшимся - словно стая птиц усаживалась на ветки после тревоги. Умиротворение, нарушенное поркой, снова охватило его. Он рассчитал правильно. Монфор будет удовлетворен поркой, но в Таленсаке знают, что ивовая розга, как бы яростно ею ни били, не сравнится с плетью и что наказанный во время бега отличается от человека, позорно прикованного к столбу. Юстин получил ровно столько, сколько, по мнению деревни, он заслуживал, а Тиарнану было чрезвычайно важно мнение деревни. Он никогда бы в этом не признался - в конце концов, поместье принадлежит ему и он не обязан советоваться ни с кем относительно того, что делает на своей земле, - но без одобрения Таленсака он чувствовал бы себя лишенным авторитета. Он швырнул обломки прута в ручей и добавил:

- Юстин заплатит за пиво и ставню, а остальную часть штрафа я выплачу сам.

Юстин поднял свою растрепанную голову.

- Мне не нужна ваша милость, маштьерн! - гордо заявил он.

- И ты ее не заслуживаешь, - ответил Тиарнан. - Но я все равно заплачу, чтобы поместье было свободно от всех долгов ко времени моей свадьбы, которая состоится очень скоро.

Из толпы донеслось:

- Ах!

- Благослови вас Господь, маштьерн!

- Радости вам!

Никто не спрашивал, на ком он женится: они уже много недель ждали этого известия. Тиарнан коротко кивнул, принимая поздравления, поднял свою куртку, повесил ее себе на плечо и пошел через мост и вверх по склону к своему дому в сопровождении радостной Мирри.

Юстин оторвался от церковных ворот, проковылял к ручью и стал смывать с себя кровь. Толпа начала расходиться. Его сестра подошла, чтобы ему помочь.

- Какая жестокая порка! - сочувственно проговорила она, макая угол передника в воду и вытирая им рубцы.

- Заткнись! - огрызнулся брат, морщась от боли. - Найди мой жилет, если уж хочешь помочь.

Юдит принесла его жилет и стала отполаскивать в ручье. Юстин сел на пятки и вытянул перед собой руки - перенапряженные мышцы дрожали.

- Господь свидетель, у этого человека рука железная! - объявил он. - Иисусе, вот больно-то!

- Не думал я, что он это сделает, - сказал его приятель Ринан. - Это ради-то управляющего Монфором!

Юстин бросил на него взгляд, полный глубокого презрения.

- Ты решил, что наш маштьерн сделал бы такое ради этого собачьего дерьма, управляющего Монфором? - спросил он. - Разве он не лучший воин во всей Бретани? Разве я не видел, как он разбил мечом шлем своего противника так, что клинок на ладонь вошел в череп? Такой человек не испугается какого-то гололицего шакала из Монфора. Он выпорол меня потому, что это он сам хотел меня выпороть. И только он один имеет на это право.

Ринан был ошарашен.

- Я просто хотел сказать... - начал он.

- Ты сам не знаешь, что ты хотел сказать! - презрительно заявил Юстин. - Монфор не заставил бы нашего маштьерна даже блоху ловить!

Больше Юстин ничего не стал говорить: ему стыдно было испытывать благодарность к человеку, который только что его порол. Тем не менее он был ему благодарен. Юстин всю жизнь боялся оказаться беспомощным. Когда он услышал о том, чего требует управляющий Монфором, ему стало тошно от страха, который гордость не позволяла ему выказать. Его пугала не перспектива боли - в драках было больно, а ему они нравились, - а то, что ее придется выносить в беспомощности. Перед позорным столбом он мог бы даже сломаться и молить о помиловании, Господи сохрани. «Там - убежище», - сказал Тиарнан, и тогда боль стала в его власти: он мог положить ей конец, добравшись до ворот.

Юдит фыркнула и бросила брату жилет.

- Ты уважаешь только тех, кто может тебя побить? - спросила она.

- Я не уважаю тех, кого сам могу побить, - ответил Юстин со счастливо сохраненной гордостью.

В то же солнечное утро Элин Комперская сидела на кровати и смотрелась в серебряное зеркало. Это было большое зеркало, целых восемь дюймов в поперечнике, так что она могла видеть в нем не только свое лицо, но и плечи. Она проверяла, ровно ли лежит ее новая головная повязка. До чего она была красивая! Элин поворачивала голову из стороны в сторону, восхищаясь ее видом во всех ракурсах, а потом положила зеркало и сняла повязку, чтобы еще ею полюбоваться. Ярко-голубая, как незабудки, по краям украшена вышивкой из крошечных золотистых цветочков, и она была из чистого шелка! Повязку подарил ей Тиарнан в честь их помолвки.

Элин упала спиной на кровать, прижимая шелковый лоскут к сердцу и радостно улыбаясь. Ей семнадцать лет, и она выходит замуж! Она закрыла глаза, чтобы удобнее было радоваться: ей по-прежнему трудно было поверить, что это действительно так. Она не сможет принести мужу большого приданого, но это не имеет значения: он ее любит, и она станет его дамой. Хозяйкой поместья и женой лучшего рыцаря Бретани!

Элин была младшей дочерью Эрве Комперского, балованным ребенком большой семьи. Две ее старшие сестры вышли замуж уже давно. У обоих ее братьев были жены, которые старательно наполняли Компер детьми. Отец баловал ее - свою последнюю и самую красивую птичку. Она нежно его любила, но порой опасалась, что он никогда не позволит ей выйти замуж, что ей придется вечно делить комнату с кузиной и племянницами, ухаживать за отцом, помогать вести домашнее хозяйство - пока она не превратится в двадцатилетнюю старуху, которую придется поспешно выдавать замуж, чтобы не осталась старой девой. И вот теперь она - нареченная Тиарнана!

Этот брак был более удачным, чем у ее братьев и сестер. Эрве происходил из непримечательного рыцарского рода, и его скромного владения едва хватало, чтобы все его отпрыски и родственники могли вести приличествующую благородным людям жизнь. Тиарнан не только владел Таленсаком - процветающим поместьем, отстоявшим от Компера всего в полудне пути, - но и пользовался расположением герцога Хоэла. Все слышали, как герцог однажды объявил, что предпочел бы еще одного такого рыцаря, как Тиарнан, целому отряду простых солдат. Те, кто пользовался расположением своего сюзерена, могли рассчитывать на увеличение своих владений. Как чудесно, как радостно, что такому человеку захотелось жениться на ней!

Элин снова села и поцеловала головную повязку, а потом положила ее рядом с собой на кровать и снова посмотрела в зеркало. Волосы у нее неровно уложены - вот почему ей показалось, что повязка сидит криво! Она попробовала уложить их на затылке, как подобает замужней женщине. Ей нужно научиться это делать! Эта мысль заставила ее улыбнуться, и отраженное в полированном серебре лицо широко улыбнулось в ответ. Она почувствовала себя еще более счастливой. Это было такое красивое лицо! Грешно ли этим гордиться? Нет, конечно. Отец говорит, что ему хочется улыбаться при одном только взгляде на нее, а Тиарнан смотрит на нее такими восхищенными глазами, что петь хочется. Красота - это ее дар ему, то, что она приносит в обмен на Таленсак. Она снова улыбнулась своему отражению: розовые губки, нежная кожа, прямой носик, яркие сине-фиолетовые глаза с черными ресницами, высокий лоб... Муж ведь будет всем этим гордиться, правда? Она будет разгуливать при дворе герцога в синем шелковом платье, и все придворные будут шептать друг другу: «Это жена

лорда Тиарнана!» Конечно, она подбрила лоб, чтобы он казался еще выше, и выщипала брови, потому что они были слишком прямыми, но в этом не было ничего дурного. Волосы, которые обычно были спрятаны под вуалью, тоже были красивыми: светло-золотыми и сияющими. Она выберет какую-нибудь крепостную мужа – хорошенькую, конечно, моложе ее самой, лет тринадцати, возьмет ее в дом и покажет, как и что надо делать.

Элин достала из ящичка с общего стола гребень и, расчесывая волосы, представила, будто разговаривает со своей служанкой. «Вот так, – скажет она. – Сделай прямой пробор и сначала хорошенько все расчеши». «Ох, госпожа моя, какие они тонкие! Как паутинки на солнце!» – «Осторожнее, неумеха! – (это гребень застрял в колтуне). – Ты их дергаешь!» – «Простите, миледи. Так лучше? Какая вы красавица! И какой это чудесный дом. Я так рада, что вы выбрали меня в служанки!»

Элин снова широко улыбнулась своему отражению, которое теперь окружили сияющие волосы.

От окна послышался шум, и, обернувшись, она увидела сидящего на подоконнике Алена де Фужера.

Элин раскрыла рот и на мгновение окаменела. Потом она решила, что ей следовало закричать, но в тот момент ей в голову не пришло кричать из-за Алена. Она знала его с тех пор, как ей исполнилось пятнадцать: тогда, в День святого Петра, они встретились в храме в Ренне. После этого он часто приезжал в Компер, и Эрве не запрещал ему появляться – пока Тиарнан тоже не стал ее поклонником. Конечно, она еще никогда не бывала с ним наедине: ни одна незамужняя девушка благородного происхождения не оставалась с мужчиной одна.

Ален приложил палец к губам и спрыгнул в комнату. Вид у него был усталый и осунувшийся, и на подбородке видна была многодневная щетина. Рукава его тонкой красной куртки были густо покрыты грязью, а поверх нее был надет стеганный жилет, какие обычно надевают под доспехи.

- Что ты тут делаешь? – спросила Элин несолидно пискнувшим голосом.

- Я пришел тебя повидать, – ответил Ален. – Я не мог иначе. Я только что узнал, что ты выходишь замуж за Тиарнана. Милая Элин, ты ведь этого не можешь хотеть!

Элин слезла с кровати с другой стороны и уставилась на него.

- Как ты сюда попал? – спросила она. – Отец знает, что ты здесь?

Ален покачал головой. Он сказал привратнику Эрве, простоватому старику, склонному верить всем, кто был ему знаком, что хочет повидаться с владельцем поместья. А потом он проскользнул за дом и вскарабкался по шпалере до окна комнаты Элин. Но все это звучало несолидно, и он не стал об этом упоминать.

- Элин, – проговорил он вместо ответа, – я должен был с тобой увидеться. Герцог отправил меня с поручением. Но когда я услышал, что ты собираешься выйти замуж за Тиарнана, я не смог этого вынести. Я оставил моих подчиненных и девицу, которую мне следовало сопровождать, оставил их на дороге и поехал прямо сюда. Почему мы должны позволить, чтобы нас разлучили? Ты же знаешь, как я тебя обожаю! Если ты будешь моей, то мне все равно, что со мной будет. Уезжай со мной прямо сейчас!

Он шагнул к ней, и Элин поспешно попятилась.

- Не подходи ко мне! – зашипела она на него. – Убирайся немедленно, иначе я закричу!

Он остановился, изумленно воззрившись на нее. Она невольно подумала, что он необычайно хорош собой даже в таком состоянии: светловолосый, широкоплечий и голубоглазый, гораздо красивее Тиарнана, – однако немедленно отбросила столь предательскую мысль.

- Почему ты решил, что я с тобой уеду? – гневно спросила она.

- Я тебя люблю, – ответил он, говоря от чистого сердца. – Я хочу на тебе жениться.

- И Тиарнан тоже. Почему ты решил, что я предпочту тебя ему?

Он уставился на нее – ошеломленный и недоумевающий. Его страсть владела им столь полно, что он не мог даже подумать, что она не встречает взаимности.

- Элин! – с болью воскликнул он.

- О, ты мне нравишься, Ален, – признала она, чуть смягчаясь. Она вспомнила, как год назад он ехал в церковь с ее семьей и по дороге пел одну из хвалебных песен, сочиненных герцогом Аквитанским для своей дамы, песню, не похожую на все прежние, рожденную новым чувством. Она знала, что он пел для нее. – Если бы не Тиарнан, я была бы рада выйти замуж за тебя, – созналась она. – Но он лучше тебя, и все это знают.

- Потому что он владеет землей! – воскликнул Ален шепотом, задыхаясь от презрения. – Боготворимой землей! Ты говоришь совсем как мой кузен Тьер! Какое нам дело до земли? Разве любовь не важнее?

Он так часто мысленно вел этот разговор, в котором она соглашалась с ним, что почти забыл, что никогда не осмеливался сказать такое в присутствии ее отца.

- А почему мне не стать госпожой поместья? – спросила Элин и тут же покраснела, потому что это прозвучало очень корыстолюбиво. – И все знают, какой Тиарнан храбрый, как умело владеет оружием. Он убил брата Роберта Беллемского, Жоффрея, в поединке – все об этом знают. И к тому же он богат, молод и красив и очень сильно меня любит. Как ты мог решить, что я захочу с тобой бежать?

- Он никогда не будет любить тебя так сильно, как я, – решительно заявил Ален, воспользовавшись главным доводом. – Никто не сможет любить тебя так, как я, а Тиарнан тем более. Он – холодный черный дьявол. Ему хочется только убивать. Я видел его в сражении: он безумец. Люди хорошо о нем думают только потому, что пока он убивал лишь врагов герцога. Но он льет кровь, словно хорек в курятнике. Если нет людей, которых можно было бы убить, он убивает зверей. Я встретил его, когда ехал в Ренн, – вот как я узнал, что он собирается на тебе жениться. Он охотился – пешком, в этой своей старой крестьянской куртке с капюшоном, один, даже без собаки! Как простолудин договорился жениться на тебе и потом отправился охотиться! Не остался с тобой, не отправился сразу ко двору, чтобы сообщить всем радостное известие, а просто ушел в лес один. – Ален перевел дыхание, а потом поспешно продолжил, не заботясь о логике: – Но он часто уходит один, все это знают. На три дня в неделю, а иногда и дольше. Он говорит, будто охотится. Один, всегда один. Никому не позволено ходить с ним. Он оставляет своего коня.

Он никогда не берет ястреба. Когда я его встретил, он оставил и собаку. Как он может охотиться без собаки? Куда он на самом деле ходит, как ты думаешь? Охотиться? Или в постель к какой-нибудь женщине?

- Замолчи! – яростно завопила Элин. – Ты просто ревнуешь! Убирайся отсюда. Убирайся!

За дверью послышался шум шагов.

- Элин! - отчаянно взмолился Ален. - Пойдем со мной!

- Убирайся! - закричала Элин. Она перепрыгнула через кровать и толкнула его к окну. - Если ты не уберешься из поместья раньше, чем моему отцу станет известно, что ты здесь, то он посадит тебя в колодки. Знаю, что посадит. Убирайся!

Ален вывалился из окна и скользнул по шпалере вниз. По шпалере вились розы, так что когда он приземлился, его руки и лицо оказались разодранными в кровь. Секунду он стоял в мучительной нерешительности, глядя вверх на окно и прислушиваясь к голосам: один о чем-то спрашивал, второй презрительно отвечал. А потом он повернулся и, спотыкаясь, побежал.

Он был уже на полпути к укрепленным воротам поместья, когда понял, что оставил свою кольчугу, меч и шлем сваленными в кучу под яблоней. Он снял их с себя, чтобы карабкаться по шпалере. Он уже готов был вернуться за ними, но вспомнил о колодках и побежал к воротам. К счастью, старый привратник еще не знал о том, что его не следовало впускать, так что он смог уйти.

Ален взял коня, которого привязал у ворот, и галопом поскакал прочь от Компера. Как только деревня осталась позади, он позволил усталому животному замедлить бег и зарылся лицом в его гриву, бессильно расплакавшись.

Весь день он ехал, не видя ничего вокруг, и к темноте добрался до Монфора. Там, помимо пивной, был и постоянный двор, на котором он остановился ночевать. Проснувшись на следующий день, он не мог решить, куда ехать. Ему следовало бы вернуть свой меч и доспехи. Доспехи стоили дорого. Для того чтобы заплатить за все, что он оставил под яблоней, едва хватило бы арендной платы с небольшой деревни. Однако ему показалось очень вероятным, что если его поймают в Компере, то он окажется в колодках. Колодки, публичная порка и тому подобные унижения обычно были предназначены для крестьян, так что Алену невыносима была даже мысль о подобном. Если бы Элин сказала: «Мой отец тебя убьет», - он скорее бы туда вернулся.

Значит, ему лучше сначала поехать в Фужер, а за доспехами отправить пажа. Хотя Эрве Комперский вряд ли отдаст их без выкупа. Алену придется обратиться за деньгами к отцу Жюлю - и рассказать ему, где он был и что сделал. При мысли об этом он громко застонал.

Может быть, ему лучше сначала ехать в Ренн. Тьер о нем тревожится. Но тогда ему придется встречаться с герцогом и объяснять, почему он бросил порученное ему дело. А еще ему придется рассказывать, как Тиарнан спас девицу, вверенную его заботам. Он снова застонал.

Все идет ему во зло! И в ответ на свою преданную любовь он видит со всех сторон одни только унижения. Ему с самого начала не следовало скакать в Компер. Но Элин могла бы согласиться уехать с ним, и если бы она это сделала, все остальное не имело бы значения.

В конце концов он медленно поехал на восток, надеясь, что придумает что-нибудь по дороге в Ренн. Единственное, что ему пришло в голову - это миновать и Ренн, и Фужер и присоединиться к крестоносцам. Эта мысль ему понравилась: отвергнутый любимой, он либо достойно погибнет, избавляя Святую землю от сарацин, либо вернется героем! Но и этот план был связан с трудностями. Судя по последним новостям, христианские армии осаждали Антиохию. Чтобы туда добраться, нужно много денег, которых, как он знал, отец ему не даст. И кроме того - самая неотложная из всех его проблем вернулась к нему обратно, словно вращающееся колесо, - у него не было оружия.

Он ехал, низко опустив голову, настолько сосредоточившийся на мыслях о том, как тайком проникнуть в Компер и вернуть свое оружие, что не услышал стука копыт, пока не замедлился. Тут он поднял голову и обнаружил, что рядом с ним едет Тиарнан.

Тиарнан уехал из Таленсака утром, испытывая беспокойство и раздражение. Отчасти это объяснялось тем, что он был голоден: он продолжал честно поститься, искупая убийство двух разбойников. В течение поста ему разрешалось только есть хлеб с солью и пить воду. Если он совершит короткое паломничество или два – например, к храму Святого Самсона в Доле и Святого Майлона в Сен-Мало – и раздаст милостыню нищим, то сможет сократить срок поста, но не отменить его. Конечно, разрешалось откладывать епитимью на неопределенный срок (искупать вину можно даже после смерти, в чистилище), но Тиарнан хотел вступить в брак в благодати Господней, искупив все свои прошлые грехи.

Епитимьи, которые накладывал отшельник Жюдикель, были по тем Временам строгими. Еще в прошлом поколении практически любой священник потребовал бы такого же искупления за подобный проступок, но теперь многие исповедники вообще не сочли бы убийство пары разбойников грехом. Однако Тиарнану и в голову не приходило искать более легкого отпущения грехов. Он разделял бытовавшее в Тален-саке мнение о том, что Жюдикель – человек большой святости, непризнанный святой, но это было только малой частью того, что определяло его верность. Перед тем как стать отшельником, Жюдикель был приходским священником Таленсака. Когда Тиарнан осиротел, именно Жюдикель следил за тем, как о нем заботятся. Он научил мальчика молиться и читать, носил его на плечах к опушке леса и показывал животных и растения, рассказывая об их названиях и нравах. Именно по его правилам все определялось, и ничье другое отпущение грехов не шло в счет. И в этом заключалась еще одна причина беспокойства Тиарнана: Жюдикель считал, что ему не следовало жениться на Элин. Отшельника тревожил этот брак с той минуты, когда о нем впервые зашла речь.

– Она не будет тебя понимать, а ты не будешь понимать ее, – сказал он. – Вы причините друг другу вред. Судя по твоим словам, ее раньше любил другой человек – человек, который может лучше ей подходить. Если она его любит, то следует ли им мешать?

Авторитет отшельника был настолько велик, что убедил ученика – на какое-то время. Но отец Элин пригласил его в Компер, и так его желания пересилили сомнения. Он сказал себе, что Жюдикель никогда не встречался с Элин и не может судить о том, что она поймет. Что до самого Тиарнана, то он ее любит – и любовь даст ему понимание. Какое-то время он утешался этими доводами, но теперь, в раздражительности, вызванной голодом, сомнения снова к нему вернулись. Он любит Элин, но любит ли она его? Он прекрасно сознавал, что Эрве предпочел его только потому, что он был владельцем поместья. А что, если Элин действительно принуждают к браку с ним, когда она предпочитает Алена де Фужера?

Отправляясь ко двору этим утром, он думал об Алене де Фужере. Алена был настоящим рыцарем – благородного происхождения и с должным воспитанием. Он был красив. Он мог петь все новые песни с юга, и петь мелодично, аккомпанируя себе на лютне. Он умел танцевать, он умел играть в шахматы. Он всегда был одет по последней моде: уж его-то никогда не увидели бы пешком и в старой зеленой куртке. Казалось, он никогда не испытывал потребности сделать что-то, что не подобало бы рыцарю: в нем не ощущалось никакой примеси крестьянства. И он явно искренне любил Элин. Чем больше Тиарнан думал о своем сопернике, тем сильнее тревожился.

Тиарнан остро ощущал собственные недостатки: свое деревенское детство, свои простые

вкусы, отсутствие изощренности и лоска, аристократизма и любезности. Когда он впервые попал ко двору восьмилетним пажом, этими недостатками ему постоянно тыкали в лицо. В уроки Жюдикеля не входили застольные манеры, этикет, геральдика, охота с ястребами и соколами, танцы и еще дюжина подобных предметов, которые, как оказалось, должен знать каждый, кто хочет называться человеком благородным. Некоторые из старших пажей возложили на себя обязанность исправить этого неотесанного крестьянина-бретонца и делали это столь упорно и с такой жестокой изобретательностью, что какое-то время он молил Бога о смерти. А потом он научился драться. Он и сейчас сражался так, как научился тогда: с осатанелой яростью ребенка, потерявшего терпение. Теперь он научился по-взрослому обуздывать эту ярость, проявлять ее, только когда считал это нужным. Она была действенной, и он знал, что из-за нее люди его боятся. Это его устраивало: умение хорошо сражаться было главным достоинством рыцаря, тем, что приносило ему расположение сюзерена и уважение окружающих. Но это было жестокое умение, и рядом с таким соперником, как Ален, он мечтал об элегантности, о благородстве – обо всем том, чего ему не хватало и что могло бы понравиться Элин.

Когда Тиарнан заметил медленно ехавшего впереди Алена, то решил, что это лишь мираж. Однако подъехав ближе и убедившись, что это действительно Ален, он пришел в ярость. Это был его обычный путь из Таленсака, а вот Ален мог оказаться здесь только в том случае, если он ехал из Компера. Ален, как те старшие пажи из далекого прошлого, пытался выставить его дураком. И Ален, как те пажи, об этом пожалеет. Он догнал Алена в напряженном молчании, а потом придержал лошадь и заглянул ему в глаза.

Когда первое потрясение Алена прошло, встреча с Тиарнаном показалась ему закономерной. Колесо фортуны увлекало Алена в бездны несчастий, так что было вполне естественным, что оно возвысило его соперника так, чтобы тот мог позлорадствовать. Когда они встретились в прошлый раз, Ален был в великолепном вооружении и ехал на норовистом гнедом боевом коне, тогда как Тиарнан был одет просто и шел пешком. Теперь любовь преобразила их обоих. Ален был измучен и небрит, исцарапан шипами и лишился оружия. На нем была грязная куртка и стеганный жилет, а конь после нескольких дней утомительного пути был усталым и понурым. А вот Тиарнан был в нарядном придворном костюме. Художник мог бы написать с них миниатюру, чтобы иллюстрировать стихотворение о счастливой и несчастливой любви.

Тиарнан действительно был великолепен. После того как он получил Таленсак, он всегда отправлялся ко двору, прилагая все усилия, чтобы заткнуть рты несуществующим наследникам тех презиравших его пажей. Испачканную охотничью куртку сменил камзол великолепного алого цвета, воротник и полы которого были украшены золотым шитьем. На плечи он набросил красный плащ, отделанный горностаем. Ножны меча у него на поясе были украшены золотыми накладками. Ястреб в красивом колпачке сидел на одной руке, затянутой в белую перчатку, а прекрасный гнедой жеребец, на котором он ехал, был облачен в малиновый конский доспех. На этот раз Тиарнан выглядел так, как полагается рыцарю. Позади него ехали четверо слуг, которые вели мулов с поклажей. Лицо Тиарнана было, как всегда, непроницаемым, но в глазах проглядывало нечто злобное и опасное.

- Что вам нужно? – воинственно спросил Ален.

- Я удивлен, что вижу вас здесь, Ален де Фужер, – спокойно отозвался Тиарнан. Сражения ведутся с помощью ударов, а не слов. – Я думал, что вы будете в Ренне.

Он говорил по-бретонски, а не на французском, который выбрал при прошлой встрече из вежливости. Сам Ален говорил на бретонском, но поскольку бретонский часто использовали при дворе Хоэла, то и им он владел достаточно хорошо.

- А я не там, - отозвался Ален, стараясь, чтобы это прозвучало небрежно.

- Вижу.

- Леди Мари в Ренн повез Тьер. Если вам нужно в Ренн, то поезжайте. Прошу простить, но сейчас меня не привлекает ваше общество.

Тиарнан молча продолжал держать своего коня вровень с конем Алена, глядя с бесстрастностью, от которой у Алена мурашки шли по коже. Зрачки у него сузились, и гнев, сосредоточенный в его взгляде, стал еще более пугающим.

- Вам не следовало оставлять незаконченным дело, которое вам поручил ваш сеньор, - сказал он наконец очень негромко. - И вам не следует ухаживать за дамами других мужчин у них за спиной.

- Она была моей раньше, чем вашей! - огрызнулся Ален. Его рука дернулась туда, где должна была находиться рукоять его меча, - и пальцы сжали пустой воздух.

Взгляд Тиарнана проследил за его движением.

- Где ваш меч? - спросил он.

«Холодный, смуглый демон!» - подумал Ален, гневно глядя на него. Однако в животе у него застыл тошнотворный холодный ком. Об одном он не подумал, когда галопом мчался в Компере: о том, что из-за этого ему, возможно, придется сразиться с Тиарнаном. Он попытался убедить себя в том, что это ничего не изменило бы: сын владельца Фужера не испугается никого, - но ему следовало об этом подумать. Ведь даже последний крестьянин станет драться с мужчиной, который тайком встречался с его женщиной, а Тиарнан был рыцарем!

Ален видел, как Тиарнан сражается на тренировках и на рыцарских поединках, и знал, что его репутация смертельно опасного противника вполне заслуженна. Знал он и то, что сам владеет мечом только посредственно. Однако честь не позволяла ему отступить.

- Мой меч в Компере, - ответил он Тиарнану, стараясь, чтобы в его голосе не прозвучал страх. - И мои доспехи. Я... я сейчас не могу получить их обратно, но если хотите, то можете послать за ними одного из ваших людей.

Наступило недолгое молчание, в течение которого Тиарнан переваривал услышанное. А потом его карие глаза стали не такими смертоносными.

- А почему вы не можете забрать их сами? - спросил он. Ален покраснел.

- Не важно, - ответил он. - Эрве их вам отдаст. Тиарнан продолжал пристально смотреть на него. Теперь он заметил царапины, грязь, то, что кольчуга не была просто снята и спрятана в седельную сумку, как он сначала подумал, а напрочь отсутствовала, и унылый вид всадника и коня... Постепенно ему стало понятно все происшедшее, и его гнев и тревога начали рассеиваться.

- Вы их сняли, чтобы залезть вверх по шпалере, да? - догадался он. - Вот откуда у вас эти царапины. Уходили вы очень поспешно и не успели снова их надеть, а вернуться за ними не решились. Но Эрве вас не поймал, иначе вас бы здесь не было. Вы ехали по дороге, печальный, как филин во время линьки, и мое общество вам не по нутру. Вас прогнала сама Элин, правда?

Никогда в жизни Ален никого не ненавидел с такой силой, как сейчас Тиарнана. Ком страха исчез, оглощенный глубочайшим отвращением. Он был бы рад сразиться с этим человеком. Возможно, он даже сумел бы его одолеть. Кто-то когда-то должен преподать этому выродку урок!

Безмолвный взгляд Алена, полный гнева, стал для Тиарнана ясным ответом. Элин не любит Алена. Его сердце снова запело, и остатки гнева на соперника исчезли. Вполне естественно, что Ален любит Элин, а вот она ему взаимностью не отвечает. Бедняга! Она сама избрала Тиарнана.

Однако Тиарнан не стал открыто демонстрировать свое ликование. Задиры-пажи научили его еще одной вещи: никогда не выказывать своих истинных чувств. Радость и боль равно наказуемы. Так что он просто улыбнулся сдержанной, чуть кривой улыбкой и повернулся к одному из своих слуг.

- Донал, - распорядился он, - поезжай в Компер. Передай лорду Эрве мои приветствия и попроси его отдать меч и доспехи лорда Алена, которые были оставлены там... вчера, лорд Ален?.. Вчера. Скажи ему, что я прошу в качестве особого одолжения вернуть их лорду Алену. Вы хотите, чтобы их прислали в Ренн, милорд? Или в Фужер?

Ален судорожно сглотнул.

- А где вы предпочтете сражаться? - спросил он, делая вид, что ему все равно.

- Я не хочу сражаться, - ответил Тиарнан удовлетворенно. - Мне на этой неделе и так приходится поститься из-за двух трупов. И зачем мне с вами сражаться? Вы оказали мне услугу. Я не знал, мил ли я Элин или она просто подчиняется отцу из чувства долга. Вы обладаете многими благородными добродетелями, лорд Ален, которых я лишен. Не думайте, будто я этого не замечаю. Я не знал, кого из нас она выбрала, пока вы не подвергли ее испытанию. Позвольте мне воспользоваться правом победителя, который может распорядиться вооружением своего противника. Так вы хотите, чтобы его привезли в Фужер или в Ренн?

Ален хотел предложить Тиарнану отправить вооружение к дьяволу, однако не мог этого себе позволить. Он был рад, что ему не придется сражаться с Тиарнаном, но подумал, что следовало бы отказаться принять вооружение обратно. Однако отец будет в ярости, если Он останется без вооружения. «Великолепная кольчуга! Такую кузнец делает несколько месяцев! И ты оставил ее под деревом? Мать Божья! И меч, который я купил тебе в Туре за двадцать марок? Идиот!» Ему будет гораздо легче разговаривать с отцом, если он хотя бы сохранит вооружение.

- Пошлите его в Ренн, - пробормотал он.

Тиарнан кивнул и повторил это распоряжение слуге, который быстро ускакал назад. Ален проводил его взглядом, а потом мрачно повернулся к Тиарнану.

- Колесо фортуны не перестает вертеться, знаете ли, - сказал он. - Если оно сбросило меня вниз, то когда-нибудь снова поднимет. А вы сейчас высоко, но это означает только, что у вас один путь - вниз.

- Не думаю, чтобы это было настолько просто, - спокойно отозвался Тиарнан. - Большинство судеб бывают двойственными. - Он снова улыбнулся своей кривой улыбкой. - И фортуна была к вам добра, как бы сурово вы о ней ни отзывались. Вы смогли проникнуть в Компер и выйти оттуда и получаете свое вооружение обратно. И я обещаю вам прямо сейчас: если вы попробуете нечто подобное в Таленсаке, то вы не будете столь удачливы.

Ален яростно стиснул зубы и осадил коня. На этот раз Тиарнан адресовал ему кивок и еще одну спокойную полуулыбку и поехал дальше. Ален смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду. Он говорил себе, что Элин не может по-настоящему любить этого холодного, опасного человека. Он вспомнил, как однажды на поединке Тиарнан соскочил со своего коня и набросился на противника, которого только что повалил на землю. Он ударял его деревянным тренировочным мечом с такой яростью, что меч сломался, а его противник остался лежать в беспомощности и из носа у него лилась кровь. Такой человек, как Тиарнан, способен на все.

Ален не станет обращать внимания на его угрозы. Он сумеет дать Элин знать: что бы ни случилось, он остается ее верным возлюбленным, и если он ей понадобится, то всегда придет. Он будет ждать. Настроение у Алена снова начало подниматься.

В тот вечер, когда приехал Ален, Тьер сидел в большом зале герцогского дворца. Он чистил доспехи, но при появлении кузена со звоном уронил их, вскочил и бросился ему навстречу.

- Ален! - воскликнул он, хватая кузена за плечи. - Слава Богу! Мне уже стало казаться, что Тиарнан Таленсакский порубил тебя на мелкие кусочки.

Ален хмыкнул, хоть и нашел это приветствие приятным. Тьер был человеком колючим, не склонным к сочувственным родственным объятиям, и такая теплота казалась признанием серьезности всего того, что перенес Ален.

- Вид у тебя ужасный, - проговорил Тьер, взяв Алена за локоть и подводя к скамье, на которой только что сидел сам. - Ну-ка, садись. Хочешь чего-нибудь выпить? Эй, слуга! Чашу вина моему кузену! Господи Христе, Ален, до чего глупо с твоей стороны было ехать в Компер!

- Я не мог иначе, - отозвался Ален, почувствовав тайное удовлетворение от собственной отваги.

Тайное проникновение в крепость для разговора наедине с возлюбленной под самым носом ее отца стало казаться ему поступком героическим. Он немедленно начал приукрашенное повествование об этом. О встрече на дороге он сказал только, что его соперник попросил разрешения вернуть своему благородному противнику его вооружение.

- Это было очень великодушно с его стороны, - встрял Тьер. - Но наверное, можно позволить себе быть великодушным, когда твоя дама вышвырнула твоего соперника из окна своими собственными прелестными ручками.

Ален возмущенно воззрился на кузена.

- Послушай, Ален, - добавил Тьер, отменяя его героические сказки, - я старался придумать для тебя какие-то оправдания, и герцогиня, которая питает слабость к влюбленным, замолвила за тебя пару словечек. Когда мы вернулись и стало видно, что с леди Мари грубо обращались, а тебя рядом не оказалось, то шум поднялся почище лая своры, загнавшей добычу, и...

- И ты думаешь, мне есть до этого дело? - спросил Ален. - Я лишился единственного, о чем мечтал в этой жизни. Какое мне дело до того, что герцог мной недоволен?

Тьер возвел глаза к небу и перекрестился.

- Иисусе, Мария и Иосиф! - воскликнул он. - Мне не хотелось бы объяснять твоему отцу, что твой сеньор выгнал тебя за неповиновение и пренебрежение своим долгом!

Ален снова изумленно раскрыл глаза. Слуга поднес ему чашу вина, которую он ошеломленно принял.

- Но ведь герцог не может меня и правда прогнать? - спросил он.

Тьер покачал головой, дивясь наивности своего кузена. Конечно, Ален плохо знал герцогский двор. Он служил пажом в Шатобриане, замке одного из друзей его отца. Тьер присоединился к нему позже, в качестве оруженосца, до этого он провел какое-то время в монастырской школе. В Шатобриане никто и помыслить бы не мог о том, чтобы выгнать сына владельца Фужера. После Шатобриана они служили в разных поместьях, принадлежавших замку Фужер, и долгие месяцы в самом Фужере; Только чуть больше года назад они с Аленом появились при дворе. Но Ален до сих пор не понял, что второй сын одного из владельцев поместий не имеет особого веса за пределами отцовских владений.

- Герцог имеет полное право отправить тебя восвояси, - напомнил Тьер. - Тебе было поручено привезти леди Мари сюда, а ты убежал, бросив ее на дороге. И до чего же он был зол, кузен... - Он пересказал Алену гневную отповедь герцога. - И тебе отнюдь не на пользу, что ты тем временем попытался украсть нареченную одного из герцогских любимцев. Но как я уже сказал, я попытался найти тебе оправдание, герцогиня за тебя вступилась, а когда сегодня днем сюда приехал Тиарнан, то он повел себя очень благородно. Он сказал нам, что встретил тебя на дороге неподалеку от Монфора, нахохлившегося, как филин, потому что леди Элин выбросила тебя из окна. А еще он сказал, что ты приедешь, как только сможешь, но что конь твой измучен выходками влюбленного, так что может идти только очень медленно. Хоэла это позабавило: он смеялся вместе с герцогиней. Как только ты допьешь вино, тебе следует пойти и повиниться перед ним. Скажи, что был уверен в том, что после своих испытаний леди Мари не станет повторять попытки побега, что ты решил, будто он не станет возражать, чтобы на последнем отрезке пути ее сопровождал я, и что ты сходил с ума от любви и отчаяния. Думаю, что он выслушает тебя и простит. Ален глотнул вина.

- Тиарнан приехал сегодня днем? - спросил он горестно. - Значит, герцог уже знает, что он намерен жениться на Элин.

- А чего ты ждал? Хоэл уже слышал об этом: мне пришлось объяснять ему, почему ты отсутствуешь. И он был немного разочарован, но поздравил Тиарнана и предложил для свадебного обряда собор в Ренне.

- Хоэл был разочарован? - с подозрением переспросил Ален. - Почему?

Тьер пожал плечами. Он был почти уверен, что Хоэл надеялся женить Тиарнана на Мари Пантьевр и закрепить Шаланд-ри за Бретанью. Было совершенно ясно, что если Мари и согласится выйти замуж за бретонца, то только за Тиарнана. Она возносила ему громкие хвалы перед герцогом и герцогиней и выслушивала их мнение о нем с восторженным блеском в глазах. Ну что ж, это было только справедливо: ведь он ее спас! Но было не менее очевидно и то, что Тиарнана несколько не интересуется спасенная им девушка: он почти забыл о ней. Когда он приехал в Ренн, то был удивлен, что герцог и герцогиня благодарят его за услугу, оказанную их родственнице. «Что? А, вы имеете в виду леди Мари!» - только и сказал он и сразу же заговорил о своей скорой женитьбе. Пока он говорил, в главный зал вошла сама Мари - и он прервался, чтобы вежливо с ней поздороваться и осведомиться о том, как она поживает, а потом продолжил разговор о свадебных приготовлениях. Мари недолго постояла, глядя на него, а потом бесшумно ушла обратно наверх, в комнаты герцогини. Как только объявление о свадьбе и все приготовления были сделаны, Тиарнан уехал, не дожидаясь даже вечерней трапезы. Он сказал, что постится, чтобы иметь право принять причастие во время свадебной

мессы, так что не может достойно разделить придворное общество. Он вернется через месяц, на свадьбу.

Тьер был рад убедиться в том, что спаситель Мари питает так мало интереса к спасенной, хотя и оскорбился за нее: такая дама заслуживала большего внимания! Но рассказывать все это Алену было совершенно бесполезно, потому что в этот момент тот был готов слушать только то, что имело отношение к его собственному горю.

- Хоэл предпочел бы, чтобы верный ему человек при женитьбе приобрел новые владения, - только и сказал он. - Тиарнан в любой момент мог бы попросить себе в жены какую-нибудь наследницу. Но конечно, герцогу не хотелось оскорблять Тиарнана или Эрве и у него не было оснований им препятствовать, так что он дал свое благословение. Свадьба состоится в Реннском соборе в Иванов день.

То, что свадьбу будет устраивать двор и что она пройдет в соборе, было показателем уважения, которое герцог питал к Тиарнану: мелкий аристократ обычно женился дома.

Ален только заморгал, услышав о новом знаке милости к своему сопернику. Он поставил вино на стол и уронил голову на руки.

«Господи, он просто с головой ушел в это!» - подумал Тьер.

- Я очень рад, что ты вернулся невредимым, - сказал он. - Я не знал, что мне говорить твоему отцу. Боже, дружище, ты вел себя как глупец! Элин не могла бы выйти за тебя замуж по закону, даже если бы хотела: ведь она находится под опекой отца! А Эрве был вправе сделать с тобой все, что ему заблагорассудится, если бы обнаружил тебя в своем доме, - и к тому же в спальне дочери! Что до Тиарнана, то он последний, с кем бы мне захотелось сразиться. Тебе повезло, что ты так легко отделался.

- Повезло? - горько откликнулся Ален. - Потерять мою возлюбленную, а потом ползти к герцогу на брюхе, извиняясь за то, что я пытался ее вернуть? Я счел бы везением только одно - если бы Тиарнан сломал себе шею!

Тьер поднял брови. Великодушие Тиарнана было растрчено понапрасну. Однако, наверное, великодушие для того и существует, чтобы его понапрасну растрчивать.

- На этом свете есть и другие дамы, слава Богу, - заметил он спокойно.

- Ни одна из них не сравнится с Элин красотой, - ответил Ален.

Тьер пожал плечами:

- Не знаю. Говорят, что в темноте они все прелестны. Но есть и такие, которых я предпочту Элин даже при ясном свете дня.

При этих словах Ален поднял голову с нескрываемым изумлением и недоверием. «Я богохульствую, - подумал Тьер. - Даже Богородицу Марию нельзя предпочесть Элин».

- Например, есть леди Мари, - проговорил он, не удержавшись от желания подразнить родича.

- Она! - с отвращением воскликнул Ален. - Как ты можешь сравнить ее с Элин? Это все равно что сравнить лебедя с... с вороватой сорокой!

- Сорока - отважная птица, кузен. Ты убедишься в том, что весь двор единокорен в своих похвалах в ее адрес. Когда она приехала сюда, то прямо объявила, что не выйдет замуж за вассала врага своего отца и что скорее предпочтет умереть, защищая свою честь, чем жить без нее. Она выглядела такой же доблестной, как граф Роланд, защищавший перевал, - только гораздо красивее. И теперь герцог Хоэл сказал, что она может выходить замуж за любого из его рыцарей - при условии, что бы он был благородного происхождения, верен ему и желал на ней жениться. И конечно, мы все объявили о своем огромном желании, а у некоторых вид был такой, будто им хотелось оказаться неженатыми. Но она отказала нам всем и заявила всему свету, что Тиарнан стал гарантом того, что никто не станет ее принуждать - хотя от него ей не нужна была защита, конечно. Печальное свидетельство о том, что творится в Нормандии: ведь она считала, будто наш герцог позволил бы кому-то принуждать ее силой. Герцогиня Авуаз сделала ее своей фрейлиной. Конечно, между ними есть какое-то родство.

Ален не испытывал никакого интереса к фамильному дереву Пантьевров. Он допил вино и бросил чашу на стол.

- Двор может восхищаться любой глупой сорокой сколько захочет, - презрительно сказал он. - А я не стану.

- Отлично! - отозвался Тьер. - Тем больше надежд у нас, остальных.

Ален воззрился на него.

- Да ты действительно восхищаешься этой девицей Пантевр! - изумленно воскликнул он.

- О да! - с жаром подтвердил Тьер. - Но без надежды, кузен, без малейшей надежды. Однако я намерен получать наслаждение от своего восхищения. Это - отличное развлечение. Иди извиняться перед герцогом. Если твоё вооружение привезут, я о нем позабочусь.

Глава 4

Июнь начался дождями. К Иванову дню ров, окружавший замок в Ренне уже не был сухой канавой: он превратился в скользкий откос, спускавшийся к луже, наполненной мусором и размокшей травой. По улицам города бежали ручьи, смывая отбросы в коричневую набухшую реку Вилен.

Свадебный кортеж из Компера выехал на рассвете девятнадцатого дня и проделал отвратительный путь ко двору. Дороги были покрыты глубоким слоем грязи, и повозка с поклажей застревала двенадцать раз, так что ее приходилось вытаскивать, подкладывая под колеса ветки. Когда они наконец добрались в Ренн в середине дня, лорд Эрве оставил слуг в конюшнях замка, чтобы они позаботились об измученных лошадях, и поспешно повел свою не менее измученную дочь через грязный двор к каменным ступеням, ведущим в центральную часть замка. Там они узнали, что герцог Хоэл ушел на псарню осматривать гончих. Коротко переговорив с начальником стражи, Эрве отправился приветствовать своего сеньора, предоставив дворецкому герцога отвести Элин к герцогине Авуаз, которая сидела со своими дамами в солнечной галерее - комнате над большим залом.

Герцогиня и ее дамы ткали, пряли, вышивали одежду и, конечно, разговаривали. Мари, которой так часто приходилось сидеть и слушать их, казалось, что в Ренне никто никогда не замолкал. Двор был утомительным и волнующим лабиринтом голосов: каждый вечер она ложилась спать, устало думая, будто сумела ухватить один из его секретов. И каждое утро, просыпаясь, обнаруживала, что рисунок лабиринта переменялся: к нему прибавился новый голос, новый поворот. Родственники и служащие герцога, слуги и около тридцати замковых

рыцарей оставались при дворе постоянно, но остальные лица менялись с головокружительной скоростью: рыцари являлись к своему сюзерену, чтобы нести положенную им в течение года военную службу – приезжали, приветствовали, уезжали на назначенные им посты или оставались при гарнизоне; арендаторы и управляющие герцогских владений прибывали с докладами и уезжали, получив указания; бароны добивались расположения или жаловались на грабеж соседей; епископы и аббаты вели переговоры о бенефициях. У Мари, привыкшей к монастырской жизни, где появление незнакомца становилось событием, просто захватывало дух. И все эти люди непрестанно говорили. Даже язык, на котором они разговаривали, постоянно менялся: разговор мог начаться по-бретонски, закончиться по-французски, а в середине идти на латыни. Почти все владели обоими местными языками, а большинство должностных лиц свободно говорили и на ученом языке. Герцог был родом из Кимпера, из глубины западной Бретани, и предпочитал говорить на бретонском, поэтому большинство рыцарей делали то же. Мари попросила одну из дам герцогини обучить ее этому языку. Однако она вполне могла бы обходиться и своим французским: герцогиня, родившаяся и выросшая в Ренне, предпочитала французский, и ее приближенные, естественно, следовали примеру своей госпожи.

Когда Элин вошла на галерею, она была полна напевных французских разговоров относительно – вполне понятно – дождя. Появление девушки, закутанной в промокший плащ, только добавило в огонь разговора пищи.

– Клянусь святой Анной, дитя, ты же промокла до нитки! – воскликнула герцогиня.

Мари попыталась относиться к Авуаз с неприязнью, но у нее абсолютно ничего не получилось. Герцогиня оказалась волевой, властной, но добродушной, чувствительной, хитрой и на удивление грубоватой. У нее были больные ноги, слабый желудок, жадный интерес ко всем окружающим и удивительный вкус к жизни. А еще она была доброй: Мари не скоро забудет припарку из листьев огуречника в свой первый вечер в Ренне и то, как герцогиня хлопотала, чтобы найти ей новые платья, негодуя, заявив, что Мари просто глупо было бояться – никто не посмеет сделать что-то плохое ее собственной кухне. Даже отказаться от платьев оказалось невозможно: «Дитя, ты не можешь, никак не можешь носить при дворе это черное безобразие». Поскольку, помимо «черного безобразия», у Мари были только старые платья из Шаландри, которые уже ей не годились, пришлось принять благотворительность герцогини, хотя из предложенных ей платьев она выбрала только самые простые. Под воздействием твердости и доброты своих новых опекунов она и не заметила, как дала герцогине клятву не делать новой попытки убежать из своего мягкого плена, если ее не начнут принуждать к браку.

– Сними свой мокрый плащ! – сказала тем временем герцогиня, обращаясь к Элин. – Сибилла, пойдти принеси девочке одеяло. Не припомню другого такого отвратительного июня.

– Если погода не изменится, – сказала Сибилла, которая была женой главного конюха герцога, – им придется отменить открытие сезона охоты на оленей. Господи, что люди тогда скажут!.. Здесь в сундуке нет одеял, моя госпожа.

– Тогда пойдти и возьми с какой-нибудь постели! – приказала Авуаз. – А ты, Корентин, – обратилась она к дворецкому, – скажи, чтобы для госты прислали горячего вина. И... почему бы нет?., для нас всех тоже.

Он поклонился и ушел.

– Я принесу одеяло, – предложила Мари.

Когда она принесла одеяло, Элин уже усадили на место Сибиллы рядом с герцогиней, а Сибилла сидела на сундуке, рядом с мокрым плащом и головной повязкой Элин. Элин поджала под себя замерзшие ноги, оставив испачканные в грязи туфельки на сухом камыше. Залитая дождем, хрупкая, светлая и сияющая, она светилась в сумрачной галерее, словно белые фиалки в темном лесу. Мари посмотрела на нее с облегчением. Она надеялась на то, что Элин окажется удивительно красивой. Ее сердце еще упорно сжималось при мысли о Тиарнани, несмотря на все ее попытки указать ему на нелепость такого поведения. Если Элин окажется удивительной, то ей не надо будет стыдиться себя. Мари бережно закутала одеялом хрупкие плечи Элин, и та посмотрела на нее с милой улыбкой благодарности.

- Надеюсь, что солнце выглянет ради вашей свадьбы, леди Элин, - сказала герцогиня. - Но тем временем мы тебе рады. Боюсь, что сейчас в замке много народа, так что тебе до свадьбы придется делить с кем-нибудь постель.

- И после свадьбы тоже, - лукаво вставила Сибилла. Несомненно, герцогиня предвидела такую шутку, но все равно от души посмеялась. Элин порозовела.

В любом замке гостям приходилось делить постели, но в Ренне такое случалось особенно часто. В спальнях постоянно не хватало мебели. Двор Бретани, как и большинство правящих дворов Европы, не оставался на одном месте, а кочевал между резиденциями герцога: Нантом, Рейном, Компером, Плоэрмелем и еще несколькими замками поменьше. Это помогало распределять обузу снабжения двора между различными поместьями, и кроме того, замки оставались свежими. (После нескольких месяцев пребывания всего двора перегруженные канавы и свалки вокруг всех построек начинали невыносимо вонять, поскольку настоящей канализации не существовало.) Когда двор уезжал, спасаясь от запаха, то часть мебели увозили на багажных повозках, но большую часть оставляли в пустых помещениях под охраной постоянного гарнизона замка. Ренн был настолько новым, что собственной мебели еще не успел накопить. Даже камни в его постройках были еще остроугольными и сверкающими, даже свод большого зала еще был светлым, не закопченным десятилетиями дыма. Внутренние стены были по большей части голыми: лишь немногочисленные гобелены и занавеси украшали камень. Ширмы для разгораживания комнат были рассчитаны на помещения меньшего размера и не доставали до стен. Отправляясь на галерею, надо было не забывать захватить с собой табурет, иначе приходилось сидеть на полу или на сундуке, как Сибилла.

- Леди Элин может поселиться со мной, - предложила Мари, - если захочет.

Элин снова ей улыбнулась, на этот раз немного смущенно:

- Мы знакомы, леди?..

- Мари. Нет, мы не знакомы. Но твой будущий муж оказал мне огромную услугу, так что мне хотелось бы отплатить за нее, чем я могу.

- О! - воскликнула Элин, вскакивая на ноги. - Так это ты Мари Пантьевр! Я столько о тебе слышала.

Она втайне тоже почувствовала облегчение. Она невольно испытывала ревность и тревогу из-за беглянки-наследницы, которую спас Тиарнан, - особенно когда один из ее братьев сказал ей, что весь двор влюбился в эту незнакомку. Но тревожиться было незачем. Мари оказалась всего лишь миловидной, на ней было простое голубовато-серое платье, и она была слишком стара для незамужней девицы. Элин понравилось, как она сказала «твой будущий муж» - так открыто и дружелюбно. С этой стороны никакой опасности не было.

- Я буду очень рада жить с тобой, - сказала она.

- Значит, решено, - заявила довольная герцогиня. - У нас двоих будет самая завидная постель в замке.

Ей не пришлось долго ждать предсказуемого отклика.

- Потому что, - тут же откликнулась Сибилла, - все молодые люди Ренна будут мечтать о возможности разделить ее с одной из них!

Герцогиня рассмеялась, остальные дамы захихикали, а Элин снова порозовела. Мари только улыбнулась и заняла свое место у большого ткацкого станка, подняв с пола челок. Подобные шутки поначалу ее смущали, но теперь она уже к ним привыкла. Хоэл сказал, что она может выйти замуж за любого преданного ему рыцаря, который захочет на ней жениться, и преданные ему рыцари восприняли это как вызов, как великолепный турнир за ее сердце и поместье Шаландри. Они постоянно окружали ее куртуазной любовью, шутливым, красноречивым, пышным празднеством моды, пришедшей с юга. Это была новая игра с четко распределенными ролями: возлюбленная может иметь больше одного кавалера, но кавалер - только одну возлюбленную. Кавалерам положено было трепетать и бледнеть при появлении возлюбленной. Ради любви надо было идти на все, а то, что не соответствовало пожеланиям возлюбленной, не могло радовать. В Бретани выдалось мирное лето, и молодые люди - в основном безземельные рыцари - имели много свободного времени и лишней энергии. Куртуазная любовь из их песен обычно была адресована замужней даме, супруге лорда - высокой и недоступной. Незамужняя дама, получившая от сеньора разрешение избрать любого рыцаря, пришедшегося ей по вкусу, и отдать ему поместье, была настоящим даром небес. Рыцари наслаждались этой игрой. И Мари после первых недель полного недоумения тоже начала получать от нее удовольствие. Она никогда раньше не подозревала, что жизнь может приносить столько радости. Та Мари, которая приехала в Ренн несколько недель назад, уже казалась ей неуклюжей и наивной.

Дверь солнечной галереи открылась еще раз, и появился один из придворных пажей, мальчик девяти лет. Он бережно нес в обеих руках огромную бутылку вина, от которой поднимался пар. Позади него шли несколько рыцарей из замковой стражи, среди которых был и Тьер. Мари улыбнулась и начала сосредоточенно ткать.

- Приветствуем всю компанию! - проговорил Тьер. - Я решил, что юному Хоуэну нужно помочь нести чаши. Можно присоединиться к вам, дамы?

- Безусловно, - ответила герцогиня. - День сегодня серый и мрачный, так что не мешает сделать его светлее. Раздай чаши.

Когда Тьер и еще один рыцарь, Морван, попытались одновременно дать чашу Мари, ее руки были заняты работой, так что она смогла только кивком попросить их поставить чаши у ее ног, избавив себя от необходимости делать выбор. Разочарованный Морван поставил чашу, которую он держал, рядом с ней, изо всех сил стараясь казаться бледным и взволнованным. А Тьер ухмыльнулся, уселся рядом со станком и сам сделал глоток из чаши, которую держал.

- Итак, - проговорил он, оглядывая комнату, - половина свадебного кортежа приехала! Доброго вам здравия, леди Элин. Не сомневаюсь, что мой кузен Ален бросился бы приветствовать вас, но он сейчас в Фужере, лечит свое разбитое сердце. - Тьер моментально вспомнил, что его туда отправил герцог с приказом страдать в одиночестве, пока свадьба не закончится, но говорить об этом Элин не было нужды. - А когда приедет жених? - осведомился он вместо этого.

При упоминании об Алене Элин смутилась, но быстро пришла в себя.

- Тиарнан должен приехать завтра, - сказала она. - Так он обещал моему отцу. Но мне не положено видеть его до следующего дня.

При мысли о следующем дне, который был днем ее свадьбы, она улыбнулась. Тьер ответно ухмыльнулся, и Элин моментально перестала улыбаться. Как странно, что он настолько уродлив, когда Алэн так хорош собой! И еще более странно, что они все равно очень похожи друг на друга.

- Наверное, твой жених сегодня еще занят: мечется по поместью и следит, чтобы все было готово к приезду его молодой жены, - заметила Авуаз, дав волю своей сентиментальности.

- Готова биться об заклад, что он отправился на охоту, - возразила Сибилла.

Вид у Элин моментально стал смущенный и встревоженный, а Тьер расхохотался.

- Вы выиграли, леди Сибилла. Тиарнан, несомненно, шагает по лесу под проливным дождем, ища того огромного оленя, на которого они с герцогом охотились в прошлое Крестовоздвижение. Сезон откроется в день его свадьбы. Интересно, не жалеет ли он, что выбрал именно этот день.

- Тш-ш! - отозвалась герцогиня. - Я уверена, что молодому человеку просто надо чем-то себя занять. И я уверена, что слуги уговаривают его уйти. Любому нормальному слуге в такое время захочется выставить своего господина из дома.

- Мне бы хотелось, чтобы он не ходил, - жалобно проговорила Элин. - Или хотя бы чтобы он кого-нибудь брал с собой. Мне не хочется думать, что он ходит по лесам один. Говорят, что тот разбойник, Эон из Монконтур, поклялся его убить.

При этом наступила неловкая пауза: веселье в комнате померкло. Тьер бросил быстрый взгляд на Мари.

- Я слышал, что Эон на прошлой неделе обворовал приходского священника неподалеку от Плоэрмеля, - сказал Морван. - Вломился к нему в дом, когда хозяин спал, связал его и ограбил дом.

- Мне очень жаль это слышать, - тихо отозвалась Мари. Она смотрела на свои руки, неподвижно замершие на ткацком станке, и снова думала о том, что если бы не она и не необходимость ее защищать, Тиарнан мог бы убить Эона в той стычке. Тогда приходской священник в Плоэрмеле не пострадал бы, а Тиарнан мог бы бродить по лесу, не подвергаясь опасности.

- Этот Эон просто удивительный парень, - весело объявил Тьер, мысленно кляня Элин и Морвана за то, что они напомнили Мари о пережитом. - Он бродит по лесу словно волк, вне закона и без друзей, и любой готов поднять на него руку. Он крадет хлеб в домах и спит в зарослях. Когда он в прошлый раз встретился с лордом Тиарнаном, то поспешно убежал. Как бы он мог сообщить о своих намерениях, не говоря уже о том, чтобы их осуществить? Он не смеет разговаривать ни с кем, кроме своих жертв.

- О, это не так, - возразила Авуаз. - Некоторые крестьяне ему помогают. Иначе его уже давно поймали бы.

- А почему кто-то стал бы помогать такому существу? - с отвращением спросила Элин.

- Потому что он - простолюдин, который смеет грабить священников и землевладельцев, - сухо объяснила герцогиня. - Другие восхищаются этим, даже когда он грабит и их тоже.

- Он убил управляющего Монконтуром, - внезапно вставила Дюкоккан, прежде всегда молчавшая.

Мари вспомнила, что это жена одного из вассалов владельца Монконтюра. Ее муж Бранок был временно включен в гарнизон Ренна, чтобы нести военную службу за своего сеньора.

Слова вызвали возгласы ужаса и отвращения у других дам.

- Я слышала, что он - беглый из Монконтюра, - сказала Авуаз, - но не знала, что он убил управляющего. Как ему удалось сделать такое?

Дюкоккан замялась. Она была дочерью богатого крестьянина и до этого не решалась разговаривать в присутствии герцогини. Однако на этот раз у нее была возможность поведать историю, которую, похоже, никто не знал. А слушать интересные истории любили как в залах господ, так и в бедняцких лачугах, и здесь ее незнание придворных манер не было помехой.

- Тогда слушайте, - начала Дюкоккан. В ее голосе появились привычные интонации сказителя, а история о недавних кровавых событиях зазвучала на манер старинных сказаний. - Этот Эон был крепостным в Треданиэле, поместье, принадлежавшем лорду Раулю и расположенном неподалеку от Монконтюра. Он влюбился в крепостную из этой деревушки, хорошенькую девушку, и захотел на ней жениться. Он отправился к управляющему лорда Рауля, чтобы испросить разрешения господина. А управляющим лорда был человек, которого звали Ритген маб Энкар, и был он жестоким и жадным. За разрешение на свадьбу он потребовал взятку. Конечно, у Эона не было денег, так что вместо этого он пообещал десять дней отработать на земле Ритгена. Поскольку он весь день работал на земле господина, то не мог выполнить десятидневную работу за десять дней: ведь ему приходилось работать вечерами или ночью, когда светила луна. А пока он работал, Ритген отправился поговорить с девушкой. Возможно, он собирался потребовать дополнительной работы и от нее тоже, но увидел, что она прекрасна, как цветок яблони, и сладка, как ее плод. Черный дьявол вселил ему в сердце, и он потребовал, чтобы она спала с ним. Дважды она отказывалась, и даже трижды, но он был управляющим сеньора, а она - крепостной. Он пригрозил причинить страдания ей, ее семье и Эону, ее возлюбленному, и наконец она уступила. А Ритген был человеком женатым и потому не мог привести ее к себе в дом, а свою лачугу она делила с родителями, братьями и сестрой. И он отвел ее в хижину Эона, которая пустовала, пока он обрабатывал землю управляющего. Так что Эон трудился на полях управляющего, а управляющий - на поле Эона, в его собственной постели. И вся деревня знала об этом, но никто не говорил об этом Эону: все знали, что он человек отважный, и боялись того, что он мог сделать, узнав об этом.

Однажды вечером какой-то сплетник явился к Эону и посоветовал ему погасить пожар у него в доме. Эон бросил мотыгу и побежал домой - и там застал Ритгена и девушку, которые лежали в его собственной постели. Он схватил мужчину за волосы, выволок его на двор и избивал, пока тот не начал умолять о пощаде - но пощады от Эона он не получил. Только когда собралось полдеревни, его с трудом удалось оттащить. Эон был очень сильным человеком.

После этого, конечно, Ритген пошел жаловаться своему сеньору, и сеньор встал на сторону управляющего, как то и положено, хотя втайне отругал Ритгена за то, что тот сам напросился на неприятности. Эона выпороли и посадили в колодки, а когда сняли колодки, то снова

выпороли и отправили в поле в кандалах. Но этого Ритгену показалось мало. Он постоянно придирался к Эону, заставляя его выходить из себя и заслуживать наказание, так что Эон половину времени проводил в колодках. Остальные крестьяне возненавидели Ритгена за это и старались помогать Эону, особенно девица, которая ночами пробиралась к колодкам, чтобы дать своему возлюбленному поесть и попить. Когда Ритген это увидел и понял, что вся деревня его осудила, то сказал сеньору, что девица сеет в Треданиэле смуту и лучше отослать ее подальше. И лорд Рауль нашел ей мужа в Племи (это моя деревня, да хранит ее Бог!), лежащем милях в трех к северу от Треданиэля. Я знаю мужчину, которого для нее выбрали: солидным и надежный молодой вдовец. Это был хороший брак. Но когда Ритген сказал ей, что ей нашли мужа, она ответила, что не пойдет за него, а выйдет замуж только за Эона. И она не отступалась от своего слова, даже после колодок и всех угроз, которые смог найти Ритген. И тогда Ритген пошел к сеньору и сказал ему, что крепостная крестьянка отказывается выполнить его приказ, и попросил отряд, чтобы принудить ее силой. Лорд Рауль отправил двух вооруженных людей, и они выволокли девицу из дома. Она плакала и кричала, но ее связали и взвалили на лошадь. Но когда Эон услышал ее крики, то прибежал с поля так быстро, как только позволили ему кандалы, и ударил одного воина кулаком с такой силой, что сломал ему нос и повалил на землю. Тогда Ритген и второй солдат набросились на него и избили до беспомысленности. А потом они отвели его к управляющему и заперли его в сарае. Они собирались на следующий день отвести его к сеньору на суд и попросить, чтобы его оскостили. Вот чего добивался Ритген.

Но той же ночью Эон убежал. Его кандалы нашли снаружи сарая, где Эон бросил их, сначала используя как рычаг, чтобы открыть дверь. Он вошел в дом управляющего и там нашел Ритгена, который спал подле своей жены. Он задушил своего обидчика голыми руками. Пока он это делал, жена Ритгена проснулась и попыталась его оттолкнуть, но с тем же успехом она могла пытаться передвинуть колокольню: Эон держал управляющего за горло и не выпускал, пока не убил. А потом он убежал. Лорд Рауль отправил за ним погоню, но его так и не нашли – и с тех пор он живет в лесах как разбойник. Благодаря его силе и хитрости другие беглецы и преступники сделали его своим атаманом.

Дюкокан помолчала, а потом продолжила рассказ, понизив голос:

– За эту часть моей истории в Монконтуре может ручаться любой. Но про Эона рассказывают и еще одну историю, которой многие люди верят. Говорят, что один раз, после того как его выпороли, он работал на поле у леса, закованный в кандалы. Он был один, а день клонился к вечеру. Из леса вышел незнакомец в зеленом плаще и сказал ему: «Зачем ты беспокоишь нас, принося железо к самому лесу? Что ты сделал такого, что тебя заковали?» Эон с горечью рассказал незнакомцу обо всем, что с ним приключилось. Тогда незнакомец дал Зону плащ, сделанный из волчьей шкуры. «Носи его, – сказал он, – и он тебя надежно укроет». Эон принял плащ, и как только он это сделал, незнакомец исчез. И говорят, что тот человек принадлежал к прекрасному народу, ибо они боятся прикосновения холодного железа. И еще говорят, что когда Зон принял плащ, то стал бисклаврэ. Вот почему он смог освободиться от своих оков и убить управляющего, а потом скрыться от тех, кто его преследовал, – и тогда, и до сей поры.

Мари беспокойно шевельнулась.

– А что такое бисклаврэ? – спросила она шепотом, и не только потому, что сама Дюкокан перешла на шепот, но и потому, что вспомнила это слово, а вместе с ним и то потрясение, которое испытывала в тот момент, когда его услышала.

Дюкокан перекрестилась.

- Бисклаврэ - это... я не знаю французского слова, леди Мари.
- Вервольф, - сказала Авуаз. Герцогиня заговорила обычным голосом, и все вздрогнули.
- Волк, который питается человеческим мясом? - спросила Мари. - Казалось бы, это хорошо описывает любого грабителя.
- Нет-нет, - ответила Дюкокан. - Не это. - Она снова понизила голос: - Бисклаврэ - это человек, который может оборачиваться волком. Говорят, что такие существа обладают нечеловеческой силой и могут растерзать любого, кто им противится.

Мари широко открыла глаза. Она почувствовала, как что-то холодное пробежало по ее коже, словно зверь, скользнувший в темноту.

- Но мне это приснилось! - воскликнула она. - Там, в лесу! У ручья, перед тем как я встретила с Эоном, был волк, и мне приснилось, что он превратился в человека. А когда проснулась, надо мной стоял Эон в плаще из волчьей шкуры.

Дюкокан воскликнула что-то по-бретонски и снова перекрестилась.

- Да охранит нас Христос от всякого зла! - проговорила герцогиня и тоже перекрестилась.
- Вы, помимо прочего, встретились в лесу и с волком? - спросил Тьер. - Раньше вы об этом не упоминали.
- Я о нем и думать забыла - после Зона, - ответила Мари. Но теперь она ясно вспомнила того волка: обведенные черным глаза, клыки и высунутый язык. Она содрогнулась. - Я замахнулась на него палкой - и он убежал.

Тьер мысленно проклял суеверную жену Бранока и ее страшный рассказ. Ей следовало бы подумать, насколько пугающей будет ее история для той, кому Зон угрожал. Он приложил все силы к тому, чтобы прогнать эту тень.

- Конечно, он убежал! - твердо заявил он. - У волков трусливое сердце. Когда на них идет охота, они даже не поворачиваются, чтобы защищаться, а продолжают бежать, пока собаки их не загонят. Они боятся людей сильнее, чем самые робкие косули, - как грабители, даже этот самый Зон. Жена лорда Бранока поведала нам красивую историю о нем, но, по правде говоря, она внушает мне скорее жалость к нему, чем страх. В общем-то оказалось, что он всего лишь крепостной, которого слишком притесняли, он не выдержал, убил своего мучителя и сбежал. Встретившись с Тиарнаном, он снова убежал. Подозреваю, что бедняге больше всего хотелось бы, чтобы его оставили в покое.

В обычное время Мари посмеялась бы над историей вроде той, что рассказала Дюкокан. Однако она не могла насмеяться над ужасом, который видела в своем сне. Она проснулась и убедилась в том, что это явь, и не могла избавиться от ощущения, что под твердой поверхностью повседневности скрывается подземная река. Она вспомнила, как Эон прокричал что-то о бисклаврэ и махнул в сторону леса. Похоже, Тиарнан был уверен в том, что разбойник попытается его убить. Она неподвижно сидела у ткацкого станка, уставившись на челнок, зажатый в заледеневших руках.

Глядя на нее, Тьер мысленно послал Дюкокан в глубины ада. А потом он взглянул на Элин, сидевшую с округлившимися глазами и побледневшую от испуга. Он попытался придумать, как их успокоить, и с радостью понял, что такой способ ему вполне доступен. И ему даже не нужно

лгать.

- «Если то, что о нем рассказывают, правда?» - презрительно сказал он. - Но если бы это было правдой, тогда Эон перестал бы быть бисклаврэ, потому что он оставил свой волчий плащ у источника Нимуэ. - К его глубокому облегчению, Мари подняла голову. - Я слышал об этом от братьев из Бонн-Фонтейна, - продолжил он, обращаясь уже прямо к ней и игнорируя остальных. - Они ходили к источнику, чтобы забрать трупы разбойников, которых убил лорд Тиарнан, потому что он поручил им их похоронить. Они нашли трупы лежащими под деревьями на прежнем месте, а плащ из волчьей шкуры лежал отдельно, на солнце. Один из братьев захватил его с собой, чтобы использовать как подстилку, но вынужден был его сжечь, потому что он оказался страшно блохастым. Мне сдается, что волшебная волчья шкура Зона была просто шелудивым старым зимним плащом, настолько плохим, что он даже не побеспокоился за ним вернуться. Он не пришел и за телами своих товарищей. И сомневаюсь, чтобы он боялся дамы Нимуэ. Не похоже, чтобы он думал о ней, когда напал на вас, леди Мари. Нет, он боялся, что если он не уберется из этих мест как можно скорее, то рыцарь его убьет. Авуаз, которая отбросила собственные смутные страхи, когда заметила, что две юные дамы нуждаются в успокоении, рассмеялась.

- Я уверена, что вы правы, лорд Тьер, - сказала она. - Можешь не беспокоиться, леди Элин. Твой жених завтра приедет, целый и невредимый.

Во время вечерней трапезы Элин особого беспокойства не выказывала, но когда в замке начали готовиться ко сну, Мари обнаружила ее в солнечной галерее: она стояла, прислонившись к стене, и смотрела сквозь узкое окно на лес. Летние сумерки медленно прогоняли последние отблески сероватого света, и дождь продолжал хлестать.

- Проводить тебя в постель, леди Элин? - предложила Мари.

Элин шмыгнула носом и вытерла щеки. Мари подошла и встала рядом с ней. В комнате было темно: в это время года свечей не зажигали. Однако слабого света, падавшего из окна, оказалось достаточно, чтобы стали видны слезы Элин.

Секунду неловко помявшись, Мари положила руку на плечо девушки.

- В чем дело? - мягко спросила она, заранее зная, какой ответ услышит.

Элин снова шмыгнула носом.

- Мне неприятно думать о том, что Тиарнан сейчас там, совсем один. Сидит в каком-нибудь укрытии, под дождем, а может, рядом рыщет этот отвратительный Эон! Будет так ужасно, если он завтра не приедет, если я буду здесь ждать его, а он так и не появится. Как бы мне хотелось, чтобы он не уходил охотиться так часто!

- А он всегда так делал? - спросила Мари, не зная, что еще можно сказать.

Элин начала тереть глаза.

- Наверное.

Она слышала о том, какой Тиарнан отличный охотник, еще до того, как с ним познакомилась. Один из лесов Таленсака находился неподалеку от Комперского леса, и всякий раз, как ее отец с братьями обсуждали организацию охоты, кто-нибудь обязательно говорил: «Лорд Тиарнан из Таленсака говорит, что есть отличный олень (или кабан, или стадо косуль) там-то и там-то». И

тогда кто-то другой отзывался: «Правда? Ну что ж, попробуем их найти». Она вспомнила, как впервые встретилась с Тиарнаном. Кабан, на которого он охотился, зашел на землю ее отца. Это было сразу после Рождества: одинокий всадник галопом подлетел к Комперу прямо по снегу, соскочил на землю и вошел в зал в белом вихре. Поздоровавшись с ее отцом, он заявил, что если тот соберется немедленно, то можно будет убить отличного кабана. Эрве уже через минуту сидел верхом, и все мужчины их дома тоже. Они присоединились к охотникам из Таленсака, гнали кабана до сумерек и убили его. А потом они все вместе вернулись в Компер, чтобы сидеть у огня, пить и обсуждать охоту. Она обратила внимание на Тиарнана еще до того, как ей сказали, кто это: всадник, прискакавший первым, в одиночку. Теперь он сидел среди других, смуглый и поджарый, изредка улыбаясь, но почти ничего не говоря. Когда она спела для присутствующих, он посмотрел на нее – и глаза у него засверкали. Да, Элин знала, что он все время охотится.

- Ну, вообще-то я не против охоты, – ответила она Мари, – но мне так не нравится, что он охотится один! Это... это неблагоприятно и несолидно! Люди говорят об этом всякие глупости.

Слова Алена уже давно не давали ей покоя.

- Мне кажется, что ему больше всего нравится охотиться одному, – сказала Мари.

Элин изумленно воззрилась на нее.

- Почему ты так говоришь? – спросила она с подозрением.

Мари сама толком не знала и потому ответила не сразу. Она очень живо помнила, как Тиарнан вышел из лесного полумрака: уверенно, как человек, находящийся у себя дома. Она помнила ощущение связи с чем-то огромным и живым.

- Он не ходил бы один, если бы ему это не нравилось, – проговорила она наконец.

- Мне хотелось бы, чтобы он не делал этого сейчас, – заявила Элин. – Как ты думаешь, это отвратительное создание, Эон, действительно может его убить? Ты ведь его видела!

Мари снова замаялась. Сама она боялась «этого отвратительного создания», но почувствовала, что Элин нуждается в утешении.

- Я уверена, что Тьер сказал правду насчет той волчьей шкуры, – ответила она. – История Дюкокан – это чья-то выдумка, придуманная, чтобы объяснить, как это крепостной мог убить управляющего и остаться цел. И Тиарнан не боялся Эона при их встрече, это Эон боялся его. Хоть я сама и была испугана, но это я заметила. Беглому крепостному должно быть страшно сражаться с рыцарем.

- Особенно с таким рыцарем, как Тиарнан! – Элин немного повеселела, но потом снова нахмурилась. – А откуда он мог знать, кто такой Тиарнан?

- Он его узнал. Тиарнан сказал, что они уже встречались друг с другом раньше.

- Правда? Он мне об этом не рассказывал. Но наверное, он мне много чего не рассказывал. Он мало говорит.

- Тогда я желаю тебе много лет счастья узнавать то, чего он тебе еще не рассказывал.

Элин улыбнулась.

- Какое милое пожелание, леди Мари. Спасибо. - Она шдохнула и поправила головную повязку. - Я устала.

- Давай я покажу тебе твою постель.

Постель оказалась в комнате рядом с герцогской спальней - большом помещении, разделенном на более мелкие с помощью слишком низких перегородок. Они разделись до рубашек и вместе легли на низкую кровать.

- Ты очень добрая, леди Мари, - сказала Элин, расправляя в темноте простыни. - Можно мне кое о чем тебя спросить?

- Если хочешь.

- Говорят, что все рыцари герцогского гарнизона хотят на тебе жениться. Ты знаешь, которого выберешь?

Мари вздохнула и повторила стандартную отговорку:

- Я ни за кого не выйду замуж без благословения моего отца. А я уверена, что отец не благословит никого из вассалов герцога Хоэла.

- Но я думала... То есть я, конечно, слышала, что ты пыталась убежать по дороге в Ренн, но ты тут, похоже, так освоилась, что я решила, будто наш герцог тебя покори.

Мари секунду молчала.

- Я дала герцогине клятву, что не буду пытаться убежать, если меня не станут принуждать к браку, - призналась она. - И все здесь были очень добры и относились ко мне как к гостье... или даже лучше. - Она почувствовала, что у нее загорелись щеки. - Так что я тут действительно освоилась. Но моя верность по-прежнему принадлежит Нормандии.

Сказав это, Мари попыталась понять, действительно ли это так. Ее решимость не изменять вассалитета семьи сохранилась, но ей трудно было удержаться от растущей рядом новой приверженности. Ей нравился герцог Хоэл - он действительно оказался благородным терьером: энергичным, шумным, прямодушным, любящим смех и охоту. Ей нравилась хитрая сентиментальная герцогиня, которая радушно принимала ее саму - и всех на свете. И ей нравились молодые рыцари гарнизона, которые обращались с ней лучше, чем с гостьей: ей нравились их комплименты, их шутки и их внимание. Ей было даже стыдно, что все это так сильно ей нравится. Та девочка, которая жила в Шаландри, и послушница из монастыря Святого Михаила казались ей скучными особами рядом с той женщиной, в которую ее превратил Ренн.

- Меня привезли сюда из-за Шаландри, - напомнила она себе вслух. - Не из-за того, какая я на самом деле, а только потому, что я - наследница.

В темноте она почти ощутила поместье вокруг себя, словно лежала сейчас в собственной кровати, в комнате, где умерла ее мать. Дом. Ступенька на лестнице, которая всегда скрипела, полоса кустиков иссопа в огороде, старые бревна частокола, окружавшего поместье, деревня и поля, сбегające к реке. Рекой в Шаландри был Куэнон. Вот почему, сказала она себе, герцог так об этом хлопочет. Эти земли лежат на границе, на середине дороги, по которой должны будут ехать нормандцы, чтобы напасть на Бретань. Если герцог их получит, то сможет построить там крепость, завершив цепь, защищающую границу: Шатобриан, ла Герш, Витре,

Фужер... и Шаландри. Владелец замка, кастелян, стоит выше рыцаря, который владеет простым поместьем, пусть даже укрепленным. Понятно, что молодые рыцари гарнизона мечтали о таком.

- Но ведь Шаландри - владение Пантьевров! - возразила Элин, как это делали и другие.

- Я спорила об этом со всеми в Ренне, - нетерпеливо объявила Мари. - Я не могу изменить того, что сделали люди в прошлом. Может быть, мой дед неправильно поступил, перейдя к нормандцам, но это не значит, что я могу перейти обратно, не поступившись честью. Верность начинается там, где ты оказываешься. Когда-нибудь мой отец и герцог Роберт возвратятся из крестового похода, и тогда, наверное, герцог Хоэл разрешит мне вернуться в обитель. Особенно если я пообещаю там остаться и передать все земли моего отца монастырю Святого Михаила.

- Ты действительно хочешь стать монахиней? - изумленно спросила Элин. - Почему?

- Я хотела стать монахиней, - ответила она просто, надеясь, что Элин не обратит внимания на изменение времени. - Мне... мне хотелось вооружиться против дьявола и защищать мир силою молитвы.

Теперь это желание уже представлялось ей заносчивым, глупым и лицемерным. Она льстила себе мыслью о том, что относится к духовно избранным, что не имеет значения, обладает ли она красотой и талантами и что отец и брат едва ее замечают. А теперь, став объектом похвал и внимания, она обнаружила, что не так уж сосредоточена на духовности и что мир отнюдь не кажется таким пустым и злым, как раньше.

- Это так благородно! - проговорила Элин, на которую эти слова произвели глубокое впечатление. - А мне всегда хотелось только выйти замуж за лорда и рожать детей.

- Я не очень благородная, - виновато призналась Мари. - Думаю, что и мне хотелось бы того же, что и тебе, если бы я могла получить это честно.

Элин вдруг обняла Мари, словно та была ее родной сестрой.

- Я молю Бога, чтобы ты смогла! - воскликнула она. - Когда я пойду молиться перед свадьбой, то попрошу святую Агнессу и нашу благословенную Богородицу, чтобы для тебя нашелся такой муж, которого бы приняли и твой отец, и наш герцог. Мне хочется, чтобы все были счастливы так, как счастлива сейчас я!

Глава 5

На следующее утро дождь стал стихать и окончательно прекратился днем. Все вышли из замка во двор, чтобы насладиться солнечным светом. Герцог и герцогиня прохаживались рука об руку в сопровождении своих приближенных, замковые слуга прервали работу и тоже вышли подышать свежим воздухом. Мари снова оказалась рядом с Элин. Все блестело от влаги. Гладкие каменные стены бросали золотистые блики, отражая солнечные лучи, а трава казалась подсвеченной изнутри, словно роговая оболочка фонаря.

Спасаясь от грязи, все аристократическое общество поднялось на огромную стену замка, откуда им открылся вид на Ренн. Собор, фасад которого сверкал на солнце, возвышался над промокшими домиками с тростниковыми крышами, жавшимися к коричневой воде Вилена. Кое-где уже разожгли очаги, и облака дыма, густые и синие от влаги, пятнами окрашивали чистый воздух, темнея на фоне ярко-голубого неба. Отряд из дюжины всадников ехал вдоль крепостного рва по направлению к воротам замка. Их лошади, сапоги и плащи были заляпаны

грязью, но они сбросили капюшоны, ловя солнечные лучи.

Мари заметила, что при виде всадников Элин замерла в ожидании. Когда они подъехали ближе, стало видно, что впереди на гнедом боевом коне едет всадник с темными волосами и бородой. Элин успокоенно расслабилась, и ее лицо осветила улыбка – такая же яркая, как этот день. Ее жених приехал вовремя. Сердце у Мари сжалось.

Когда рыцарь достиг ворот, герцог Хоэл прокричал приветствие по-бретонски, а Тиарнан поднял голову, улыбнулся и крикнул ответное приветствие.

Тиарнана называли человеком герцога. Это просто могло означать, что он получил управление своими землями непосредственно от герцога, не принося клятвы верности какому-то графу или барону. Однако в случае Тиарнана эти слова имели более глубокое значение: именно Хоэлу принадлежали вся его Еерность и готовность незамедлительно повиноваться. Это отнюдь не было само собой разумеющимся. Отношение Тиарнана к предыдущему герцогу Бретонскому, брату герцогини Авуаз, Конану Второму было иным. Когда Тиарнан впервые оказался при дворе, герцог Конан был еще подростком и имел друзей среди юных сквайров и пажей, ставших мучителями Тиарнана. К тому же он, как самые худшие из них, был нарочито изысканным франкоговорящим бретонцем приграничья. Тиарнан понимал, что как вассал обязан хранить верность своему сюзерену, но смотрел на их отношения исключительно сдержанно. Единственным бретонским бароном, который был ему по-настоящему приятен, оказался зять Конана, Хоэл. Хоэл не претендовал на придворную изысканность. Он говорил то, что думал, и притом думал, как правило, что-то добродушное, а говорил по-бретонски. В бою он был яростен и упрям, а в мирное время обожал охоту. Когда он заметил, что молодой сквайр Тиарнан разделяет его страсть, то начал брать его в свои частые вылазки в лес, выслушивая его мнение относительно дичи. Это были единственно приятные воспоминания, которые остались у Тиарнана от времен правления Конана: дни охоты, когда лаяли собаки, а Хоэл трубил в рог, и вечера после нее, когда вся компания сидела под деревьями у костра, хохоча над всяческими рассказами. Все остальные воспоминания были о боли и жестокости.

Герцог Конан погиб в бою очень молодым, не успев жениться. Титул перешел к Хоэлу, и официальная преданность Тиарнана перестала противоречить личной. Говорили, что рыцарь должен любить своего сеньора, как сын любит отца. Тиарнан не знал отца, но герцога Хоэла он любил.

Как только его конь рысью прошел подъемный мост, он спрыгнул на землю, предоставив своим сопровождающим ловить поводья. Сам он взбежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Он опустился на колени перед герцогом и поцеловал ему руку, а когда он снова выпрямился, Хоэл обнял его и хлопнул по спине.

- Ну вот ты и приехал! – сказал Хоэл по-бретонски. – Закончил покаяние и готов жениться?

- Это правда, мой господин, – ответил Тиарнан, улыбаясь. Когда герцог предложил ему для свадебного обряда храм в Ренне, Тиарнану хотелось отказаться. Он понимал, что Хоэл оказывает ему честь, но предпочел бы находиться в Таленсаке, среди своих людей. Но сейчас он уже смирился с этим знаком внимания и радовался тому, что герцог будет присутствовать на его свадьбе.

Они несколько минут оживленно разговаривали – о погоде, о дороге, о перспективах охоты, – а потом Хоэл хлопнул своего вассала по плечу и отправил здороваться с герцогиней.

- Да благословит тебя Бог, Тиарнан! – воскликнула Авуаз по-французски, протягивая ему руку.

Тиарнан низко склонился над ней и поцеловал. Он всегда любил герцогиню так же, как и ее мужа, – Поздно ты приехал. Леди Элин боялась, что ты пропустишь вашу свадьбу!

Его глаза быстро скользнули по толпе дам, стоявших позади герцогини, и отыскивали шелковую голубую головную повязку. Он ожидал увидеть ее – но его настроение стремительно повысилось, и он снова перевел взгляд на герцогиню, уже улыбаясь.

– Никогда в жизни! – ответил он. – Если бы дороги были лучше, я приехал бы раньше.

Его взгляд снова скользнул к дамам и на этот раз остановился на сияющем лице Элин.

Милее трели соловья,

Милее нежного цветка —

Милее всех любовь моя

И сладость на ее губах.

– Да, погода была отвратительная, – согласилась герцогиня. – Но похоже, ты привез нам солнце. А ты захватил с собой свою пеструю ищейку? Хоэл задумал устроить охоту в день после твоей свадьбы, а он очень высоко ставит на эту твою собаку.

Тиарнан оторвал взгляд от Элин и перевел его на сопровождавший его отряд, который как раз въехал в ворота замка.

– Вон Мирри, – сказал он, вытягивая руку.

Собака ожидала у начала лестницы, ведущей на стену. Она не поднималась по ступеням, потому что ей не разрешалось этого делать в Таленсаке.

Аристократическая охота никогда не выезжала в лес просто так, чтобы загонять все, что попадется. Для нее всегда загодя находили достаточно привлекательную дичь – и это делал профессиональный охотник с хорошей ищейкой. Однако Тиарнан сам обычно выполнял роль егеря, беря с собой Мирри, хотя для этого ему приходилось вставать еще до рассвета.

– Но на этот раз с ней пойдут егеря герцога, – сказал он герцогине.

– Да уж, хороший ты был бы жених, если бы сам взялся за это! – воскликнула Авуаз и смеялась до хрипоты. – У тебя мысли будут заняты совсем другой дичью! Хорошо, если ты поднимешься к третьему часу!

Тиарнан знал, что при дворе его ждет немало подобных шуток. Отчасти поэтому ему не слишком хотелось, чтобы свадьба состоялась в Ренне. Он вежливо улыбнулся. Герцогиня ухмыльнулась, а потом вдруг обняла его и поцеловала в обе щеки.

– Я рада, что ты здесь, милый, очень рада! – сказала она с изумившей его нежностью. – Но тебе не годится смотреть на невесту за день до свадьбы! Иди поставь коня в конюшню.

Тиарнан приветствовал остальных собравшихся улыбкой и взмахом руки и спустился вниз, чтобы забрать своего коня. Мирри пристроилась позади него, виляя черно-белым хвостом. Авуаз тепло посмотрела ему вслед, а потом повернулась к Элин.

- Милая моя, - сказала она, - ты не только красива, но удачлива. Я уверена, что вы с ним будете очень счастливы.

Остаток вечера Элин была бледной от счастья, а за ужином в главном зале почти ничего не ела. Казалось, что остальной двор заразился ее беспокойством. Всех переполняло радостное ожидание, словно завтра должен был состояться пышный пир, а не просто свадьба мелкого аристократа. Эрве Комперский присоединился к своему будущему зятю за столом, отведенным молодым рыцарям, и вскоре взрывы смеха, раздававшиеся там, стали заглушать более спокойные разговоры за другими столами. Тиарнан оставался невозмутимым: он добродушно терпел все шутки, но не поощрял их. Мари ловила себя на том, что ее взгляд снова и снова устремляется в его сторону. Ей казалось, что посреди этого шумного вихря он обладает собственной тишиной. Она ошиблась, думая, что при дворе он будет не таким, каким был в лесу.

Дамы ушли из зала довольно рано, когда летний вечер еще был светлым. Авуаз приказала слугам приготовить для невесты ванну в своей комнате, насыпав в воду розовых лепестков. Пока большую деревянную лохань наполняли водой, все дамы столпились рядом, чтобы полюбоваться новым платьем, которое Элин предстояло надеть на свадьбу. Оно было сшито из голубой гобеленовой ткани с модными длинными рукавами, которые спускались ниже запястья почти до середины кисти. Горловина и манжеты были расшиты крошечными жемчужинами. Закончив мыться, Элин надела его, даже не позаботившись поддеть рубашку. Она танцевала в нем по комнате герцогини, словно девочка, притопывая и кружась. Ее тело, белое и стройное, проглядывало там, где сбоку завязывалось платье, мокрые волосы разлетались. Дамы хлопали в ладоши. Смеясь, Элин склонилась перед герцогиней.

- Прелестно, милочка, - ласково сказала Авуаз. - Но теперь тебе надо лечь и поспать.

- Потому что завтра тебе спать не дадут! - вставила Сибилла, и они с герцогиней расхохотались.

Дамы начали расходиться, чтобы присоединиться к своим мужьям в тех закутках, которые им предоставили. Мари двинулась было за Элин, но герцогиня позвала ее обратно.

- Вода еще не остыла, - сказала Авуаз. - Почему бы тебе ею не воспользоваться, Мари? Ванна одной девицы вполне подойдет и другой, а я мылась на позапрошлой неделе, так что сейчас не хочу.

Мари была немного озадачена, но ей показалось обидным тратить горячую воду зря. Она поблагодарила герцогиню и начала распускать завязки своего серо-голубого платья. Сибилла была последней из дам, оставшихся в комнате, но и она нетерпеливо ждала у двери. Авуаз кивком отпустила ее, и Мари осталась с герцогиней вдвоем.

Авуаз взяла горсть розовых лепестков из корзинки, оставленной прислугой, и начала понемногу бросать их в тепловатую воду. Долгие, ленивые сумерки наконец сгустились, и шум и возбуждение в замке сменились тишиной. Мари молча сняла рубашку и залезла в лохань, доходившую ей до талии. Встав на шероховатом дне на колени, она начала распускать заплетенные в косы волосы.

- Итак, Тиарнан завтра женится, - задумчиво проговорила герцогиня. - Ох, я чувствую себя старухой! Я помню, как он в первый раз приехал ко двору: сидел за спиной старого священника Таленсака на старой крестьянской кляче. Кажется, это было шестнадцать лет назад? Нет, семнадцать. Он был худеньким, маленьким, и не получил никакого благородного

воспитания, и ни слова не знал по-французски. И посмотри на него сейчас! Лучший рыцарь Бретани, так его называют.

- Так его называют? - переспросила Мари, улыбаясь и расчесывая волосы пальцами.

Авуаз рассмеялась.

- Ах! Мне не следует сомневаться в твоём рыцаре-защитнике! Но сейчас то же самое говорят еще о двух или трех других. Так называли и кое-кого раньше и так будут называть тех, кто придет потом. Когда-то так называли и моего бедного брата, да упокоит Господь его душу! Хотя я не думаю, что так стали бы говорить, если бы он не был герцогом. Тиарнан заслуживает такое именование больше, чем многие. Он - смертоносный воин и мирный сосед, а чего еще может свет желать от рыцаря? Он мне всегда нравился. Бог знает почему: ведь я была легкомысленная шумная молодая женщина, а он был молчаливым ребенком и серьезным юношей - но это было так. Я отношусь к нему почти по-матерински! Ну, как я сказала, они должны быть счастливы. Она - славная девушка, добросердечная. Она его никогда не поймет, но, наверное, это не так уж важно.

Мари не знала, как ей на это отвечать. Она окунула голову и расправила волосы в мягкой воде с ароматом роз.

- Она его любит, - проговорила она, вынырнув. - Разве это не поможет ей его понять?

Авуаз фыркнула.

- Элин Тиарнана не любит. Она постарается быть ему хорошей женой и, может быть, когда-нибудь его полюбит, но сейчас. Сейчас она просто рада тому, что выходит замуж за знаменитого рыцаря и становится хозяйкой поместья. Она - натура простая. Поговори с ней какое-то время - и узнаешь, что она думает обо всем. Тиарнан - другое дело. Там есть такие глубины, которых я не знаю, а ведь я знакома с ним уже давно. Любит ли он ее, или это только жар крови? Не могу сказать.

Сердце Мари снова начало свое упорное сражение с ней. Она взяла горсть мягкого мыла из сапа и древесной золы и натерла им голову.

- Это не просто кровь, - решительно сказала она. - Элин - воплощение чистого очарования, словно яркое солнце. Это его чарует, потому что в его душе есть темные уголки, глубокие бездны.

Авуаз молча смотрела на нее долгие мгновения, а потом опустила глаза и начала помешивать усыпанную розами воду в лохани.

- А ты откуда это знаешь? - спросила она.

Мари почувствовала, как у нее горит кожа. Она не может этого знать. Она едва знакома с Тиарнаном. Она погрузилась в воду, чтобы избежать необходимости ответить, и ополоснула волосы. Когда она вынырнула, герцогиня смотрела прямо на нее.

- Я могла бы пожелать, милая моя Мари, - тихо проговорила Авуаз, - чтобы он женился на тебе. И мне кажется, что если бы он сделал тебе предложение, ты не стала бы дарить ему свою скромную улыбку и отказываться, как ты делаешь со всеми остальными.

- Почему вы так говорите? - спросила Мари чуть резче, чем требовали приличия. - Я, конечно,

благодарна Тиарна-ну за то, что он меня спас, но я не настолько глупа или порочна, чтобы питать любовь к мужчине, который завтра женится на другой.

Авуаз устремила на нее пронизательный, но ласковый взгляд.

- Я наблюдала за тобой, когда ты о нем говорила. Всегда можно понять, как девушка относится к мужчине: для этого надо просто внимательно наблюдать за ней, когда о нем идет разговор. Особенно если она раздета. - Герцогиня хрипло хохотнула и поспешно добавила: - Но не надо сердиться, милая. Я знаю, что ты честная, и не сомневаюсь в том, что ты не позволила себе никаких вольностей. Это я сегодня вольничая. Я дала волю своему любопытству. Я всю жизнь прожила при дворе, и ничто так не интересует меня, как люди. Мне любопытно просто наблюдать за ними, просто видеть танец. Я знаю Тиарнана и люблю его больше других, с самого его детства. И если уж на то пошло, ты тоже натура сложная. Но не тревожься: я знаю, что он танцует с Элин, а ты твердо намерена сидеть в стороне. Ты должна извинить невежливое любопытство тех, кто старше тебя.

Мари вылезла из лохани и завернулась во влажное полотенце Элин.

- Я не могу не извинить невежливое любопытство герцогини, - с горечью ответила она.

Она хранила в тайне боль своего сердца и теперь чувствовала себя виноватой и обнаженной. А Авуаз только рассмеялась.

- Да. Быть герцогиней забавно.

И на это Мари не смогла не улыбнуться.

Мари снилось, что она идет по узкой лесной тропинке. У нее над головой встревоженно чирикали птицы и шелестели листья. Она вышла на поляну и обнаружил а там длинную насыпь, окруженную деревьями. На покрывшей ее зеленой траве цвели красные маки и росли болиголов и кустарник с лиловыми цветами, называемый сладко-горьким пасленом. В конце насыпи стояли два высоких серых камня, зарытых в землю на небольшом расстоянии друг от друга: они походили на дверную раму, которая вела на зеленый дерн. Мари подошла к камням и, опершись на один из них рукой, поняла, что это действительно дверь и что за ней лежит нечто страшное или чудесное, что могло бы навсегда изменить ее жизнь, вот только пришла она слишком поздно - или слишком рано, - и дверь закрыта. Она протестующе вскрикнула и отвернулась. Позади нее под деревьями сидел волк и наблюдал за ней. Она без страха заглянула в его окруженные черным глаза.

Проснувшись, она обнаружила, что наступило утро. Рядом с ней мирно спала Элин, которая беспокойно металась полночи. Мари неподвижно лежала, устремив взгляд в потолок. Ее сердце было странно онемевшим. Она не испытывала ревности к Элин; чтобы ревновать, она должна была иметь какое-то место, которого бы ее лишила эта девушка, - а Мари знала, что в жизни Тиарнана у нее никакого места нет. Сон о том, что она упустила нечто невероятно важное, окутывал все вокруг, словно густой туман.

Она вздохнула, встала, перекрестилась и опустилась на колени, чтобы прочитать краткий вариант утреннего правила. Во время ее молитвы Элин проснулась и сразу же встала на колени рядом с ней, присоединившись к «Отче наш». Когда было произнесено последнее «аминь», она радостно улыбнулась Мари.

- Спасибо вам, леди Мари, - весело сказала она. - Наверное, лучшего начала дня моей свадьбы

и быть не могло, правда?

Мари слабо улыбнулась в ответ. Ей не нужно было ничего говорить. Элин уже поднялась на ноги и поспешно пошла к чистой рубашке и новому голубому платью, которое было разложено на комоде и дожидалось ее.

Почти все утро промелькнуло незаметно. Мари поехала к собору вместе с остальными придворными: свадебный обряд прошел на паперти, а за ним последовала месса в самом храме. Потом она обнаружила, что почти не запомнила свадьбу – даже то, какими были лица участников. Ей запомнилось только, что Сибилла что-то шептала герцогине, а герцогиня смеялась.

Однако когда они вернулись в замок, Тьер подошел, чтобы держать ее лошадь, пока она спешила. Глядя с седла в его жабье лицо, ухмылявшееся какой-то только что отпущенной шутке, которую Мари даже не услышала, она поняла, что должна взять себя в руки, чтобы не опозориться перед всем двором. Она заставила себя ответно улыбнуться, соскользнула с седла и приняла руку, которую он протянул, чтобы поддержать ее.

- Отличный день для пира! – сказала она наугад, потому что даже не заметила, светит ли солнце.

Только когда эти слова были сказаны, она увидела, что день действительно отличный.

- Молюсь, чтобы для завтрашней охоты погода была ясная! – откликнулся Тьер.

- Я еще никогда не была на охоте на оленя, – призналась ему Мари.

- Правда? Тогда вам надо поехать завтра. Вы можете сидеть у меня за спиной.

У ее второй руки возник Морван Эннебонтский.

- Вы ведь не захотите ехать на кляче Тьера! – воскликнул он. – У нее хребет, как у овечьей изгороди, а ход – как у задиристого петуха. Мой конь – настоящий иноходец, и езда на нем такая плавная, словно в лодке на пруду. Вы могли бы ехать со мной, леди Мари.

- Если я и поеду, то на собственной лошади, – сказала Мари с улыбкой. – Ей полезно пробежаться.

Оба начали уговаривать ее поехать на охоту, и она вошла в большой зал под оживленное описание всех прелестей охоты на оленя. И в этом рассказе было столько двусмысленностей, что даже герцогиня бы покатила со смеху.

Герцог Хоэл устроил великолепное торжественное пиршество: как и свадебный обряд в соборе, это было знаком уважения к его любимому рыцарю. По этому поводу привычный порядок мест за столами соблюдался даже строже, чем обычно. Важные гости сидели за почетным столом с герцогом и герцогиней, а остальные – за столами, чей ранг определялся точно рассчитанным расстоянием от герцогского возвышения. Мари, как фрейлина и родственница герцогини, оказалась за главным столом, рядом с епископом Реннским и сразу за женихом, сидевшим на почетном месте по правую руку от герцогини. Тьер и Морван, как безземельные рыцари, должны были сидеть за седьмым столом в дальней части зала. Однако оба мужчины проводили Мари к ее месту за столом.

Хоэл и герцогиня уселись на свои места. Остальные последовали их примеру – и пир начался.

Подавали пласты говядины с чесноком, кур, начиненных яйцами и луком, колбасы и пироги с телятиной, свинину, зажаренную на углях из розмарина, пирог с костным мозгом и сырный пирог. Дичи не было, за исключением пернатой: сезон охоты на кабанов и косуль давно закончился, а сезон охоты на оленя едва начался. Однако на столе были голуби, тушеные в сидре, и молодые цапли, и блюдо дроздов, глазированных медом, а в конце первой перемены блюд под звуки труб внесли жареного лебедя в собственном оперении. Слуги герцога в великолепных нарядах и с прикрытым салфеткой плечом разносили почетным гостям кушанья на серебряных блюдах, а дворецкий Корентин и пажи постоянно подливали в чаши белое вино с Луары и красное из Бордо. Солнце лилось в высокие окна, зал был полон смеха. Разговор, начавшийся с охоты, оживленно продолжался.

- Я велю, чтобы мои егеря сегодня вечером взяли твою пеструю суку, - сказал Тиарнану герцог Хоэл. - Где она?

Тиарнан улыбнулся и кивком указал на место под столом - и действительно, там из-под скатерти высывалась брыластая морда Мирри с огромными обвислыми ушами. Собака завиляла хвостом, радуясь вниманию, и герцог Хоэл захохотал.

- А я и не заметил, как она вошла! Держи, Мирри! - Он бросил собаке кусок хряща от цапли, который она ловко поймала. - Лучшая в мире ищейка, - признался он епископу Гийому де ла Гершу. - Такую хорошую и за фунт золота не купишь. Посмотрим, что она вынюхает нам завтра, а?

Тиарнан погладил Мирри, которая облизала ему руку.

- В лесу поблизости от Шателье есть очень хороший олень с шестнадцатью отростками на рогах, - сказал он герцогу. - По-моему, это то самое животное, которое мы упустили в прошлое Крестовоздвижение.

- Слишком далеко, - ответил герцог. - Думаю, тебе захочется завтра к вечеру вернуться домой. И нашим дамам достаточно однодневной поездки. В Реннском лесу есть олени с десятью отростками. Нам можно было бы выехать из замка и собраться в Годри утром, загнать оленя и вернуться домой до сумерек.

- Но почему бы нам не взять дам в Шателье? - предложил Тиарнан. - Большинство присутствующих могли бы поместиться в замке, а для остальных можно было бы захватить шатры. Погода стоит теплая.

Он представил себя с Элин в шатре, раскинутом в лесу - в летнем лесу с густой листвой и свежими ароматами, - представил, как лежит с ней и как яркий лунный свет сияет на ее светлых волосах и белой коже. По его собственной коже пробежала сладкая дрожь. Он посмотрел туда, где она сидела в солнечном сиянии по правую руку от герцога, по-девичьи распустив волосы, увенчанные розами.

Авуаз рассмеялась.

- А разве Элин хочет провести первые дни своего замужества в лесу? - спросила она, заставив Элин покраснеть, как розы у нее в волосах.

- А разве нет? - удивился Тиарнан.

- Когда мы уедем из Ренна, - проговорила Элин тихо и неуверенно, - я предпочла бы поехать в Таленсак с тобой, Тиарнан. Чтобы он стал моим домом.

- О! - откликнулся разочарованный Тиарнан, а Авуаз снова рассмеялась.
- Она и без того досадует на твои охотничьи походы. Бойтся, как бы чего не случилось с тобой, ее милым.
- Я боялась этого грабителя, Эона из Монконтур, - пояснила Элин. - Говорят, он поклялся тебя убить. А жена лорда Бранока рассказала о нем просто ужасную историю.
- Какую? О том, как он убил управляющего Монконтуром? - спросил Тиарнан со своей кривоватой улыбкой.
- Нет, историю о том, что он - бисклаврэ, - сказала Элин.

Улыбка Тиарнана погасла.

- Это глупость, - нетерпеливо отрезал он.
- Тш-ш! - вмешалась герцогиня, пока Элин хлопала глазами, получив первую отповедь от мужа. - Разве она виновата?
- Тебе не нужно бояться, - сказал Тиарнан, моментально пожалев о том, что так сурово говорил с женой в день их свадьбы. - Я уверен, что история, которую ты слышала, - это неправда, мое белоснежное сердечко. Но даже если бы это была правда, почему это должно тебя тревожить? Я не боюсь ни Эона, ни волка, так почему я должен бояться их двоих вместе?

Герцог захохотал:

- Хорошо сказано! Но настоящего оборотня кто угодно испугается.
- Почему? - не согласился Тиарнан. - В волках нет ничего дурного. Они никогда не убивают, если не голодны или не загнаны в тупик. Кабан гораздо опаснее, и это известно любому охотнику, а что до Зона, то я сражался с ним у источника леди Нимуэ и победил его. Он не обладает сверхъестественной силой. Если он заставит мою дорогую жену тревожиться всякий раз, как я задержусь на охоте допоздна, то я вдвойне жалею о том, что не убил его при встрече - хотя тогда мне пришлось бы отложить свадьбу.
- Отложить свадьбу из-за того, что ты убил грабителя? - спросил герцог Хоэл. - С чего бы это?
- Я едва успел завершить покаянный пост, который был на меня наложен за убийство двух других разбойников, - серьезно объяснил Тиарнан. - Если бы на моей душе лежала еще одна смерть, то я не успел бы закончить пост вовремя.

Епископ Гийом положил своего глазированного дрозда, изящно вытер пальцы о край ломтя хлеба, служившего тарелкой, и посмотрел на Тиарнана с профессиональным интересом.

- И какую епитимью наложил на вас исповедник за убийство этих двух разбойников? - осведомился он.
- По тридцать дней за каждого, - ответил Тиарнан. - Я роздал милостыню и совершил два паломничества, чтобы его сократить.
- Очень строгий исповедник! - одобрительно воскликнул епископ. - Это соответствует добрым старым правилам. Как всегда говорил мой отец, если сделать покаяние легким, человек сочтет грех мелким. Он давал по сорок дней поста на каждого человека, убитого в бою, даже если сам

благословлял боевой штандарт.

- Я рад, что не все церковники настолько строги, - улыбнулся Хоэл, - иначе мне трудно было бы найти людей, которые бы захотели за меня сражаться.

Епископ очень серьезно покачал головой:

- Милорд герцог, вы прекрасно знаете, что наша мать-церковь пыталась умерить кровожадность рыцарей, но у нее этого не получилось. А теперь, по-моему, сама святая церковь положила начало очень опасной тенденции, давая индульгенцию на сражение и говоря, что, убивая, человек не только не совершает греха, но и избавляется от тех наказаний, которые мог бы заслужить раньше. Не знаю, к чему приведут эти новые направления в церкви...

Мари поймала себя на том, что угадала тихое замечание Сибиллы:

- Это приведет к тому, что в Ренне больше не будет епископов из рода де ла Герш.

Сан Реннского епископа передавался от отца к сыну почти сто лет, и все знали, что Гийом сетовал, в частности, на тот «отход от старых правил», который выразился в строгом церковном запрете на браки священничества. Мари встретила взглядом с герцогиней, и та широко ухмыльнулась.

- Так кто этот ваш строгий исповедник? - спросил епископ у Тиарнана, переведя дух после своей тирады.

- Жюдикель-отшельник, - ответил Тиарнан, торжественно сверкнув глазами.

Церковные авторитеты испытывали недоверие к такой личностной, не подчиняющейся их правилам святости. За ней скрывалось осуждение церкви, и от нее разило ересь. Тиарнан знал о репутации своего исповедника и стремился его защитить.

- Что? - возмутился епископ. - Тот, что живет у часовни Святого Майлона? Мне на него жаловались. Говорят, что он благословляет костры.

Костры были невинным способом избавиться от садового мусора, но их зажигали и у стоячих камней и древних деревьев, чтобы почтить прекрасный народ. Церковь называла такую практику поклонением демонам. Вот почему христианин, потворствующий кострам, мог оказаться перед церковным судом по обвинению в ереси.

- Отец Жюдикель - человек большой святости! - возмущенно заявил Тиарнан. - И все соседи очень его почитают.

- Это так, - вставил Эрве Комперский, энергично кивая. Элин добавила:

- Он - человек большой святости, милорд епископ.

Компер был в числе тех приходов, до которых дошла слава Жюдикеля. Церковные власти могли не любить отшельников, но миряне глубоко ими восхищались. Их присутствие в лесу было подобно спасительным огням в пугающем море темноты: таинственные и опасные создания, живущие в чащах, не смеют выйти туда, куда доходят их молитвы. Гийом смягчился и снова взялся за своего дрозда. - Надеюсь, что это так! - сказал он. - Рассказы действительно постепенно становятся все более путанными.

Но было заметно, что он все равно не смирился с существованием отшельника Жюдикеля.

Мари, которая внимательно слушала весь этот разговор, подумала, что могла бы догадаться, кого Тиарнан изберет своим исповедником: отшельника. Конечно же, он захочет идти долгие мили по лесу к какой-то крошечной часовне и принимать поучения человека, который там живет, смиренно выполняя его суровые требования. Как странно, что она знает подобные вещи, почти ничего не зная о нем самом! Казалось, будто в тот день, когда они шли от источника Нимуэ, какая-то доля его существа впиталась в нее через прикосновение ее пальцев к его спине.

Мари досадливо сказала себе, что это глупые бредни, и поспешно сполоснула пальцы после жареного лебеда в серебряной чаше с розовой водой, специально поставленной для этого. Конечно же, невозможно таким образом узнать чужую душу!

Однако она не могла избавиться от ощущения, что действительно знает его – глубоко, на непостижимом разуму уровне, – что пережитое у источника содрало кожу с ее собственной души, открыв ее навстречу новым впечатлениям, и теперь натура Тиарнана отпечаталась на ней с такой точностью, какую она даже не может осознать.

Пир продолжался весь остаток дня, и Мари постаралась получить от него удовольствие. После трапезы столы отодвинули к стене, и герцог приказал менестрелям и жонглерам развлекать собравшихся. А потом были музыканты, игравшие на гобое, виоле и тамбурине, и были танцы. Мари окружили молодые люди, предлагавшие потанцевать с ними, и она принимала приглашения всех по очереди. От танцев она покраснелась, вспотела и тяжело дышала. Тогда она уселась между двумя своими кавалерами и выпила воды. Летние сумерки наконец начали медленно наполнять зал тенями, и слуги принялись укреплять факелы на стенах. Мари смотрела, как по помещению разливается свет, и внезапно поймала себя на том, что пристально наблюдает за новобрачными. Они стояли напротив друг друга под одним из факелов и держались за руки. Волосы Элин сияющим облаком упали вокруг покрасневшегося улыбающегося личика. Венок из розочек начал сползать с ее головы, и она смотрела на мужа блестящими глазами. Смуглое лицо Тиарнана, ответно обращенное к ней, было радостно-серьезным, а его руки держали ее так, словно она была ласточкой, которая могла упорхнуть прочь. При этом зрелище заноза внезапно выскользнула из сердца Мари, оставив после себя только легкую боль облегчения.

«О Боже! – молча помолилась она. – Пусть они навсегда сохранят то счастье, которое у них есть сейчас!»

А потом она вспомнила, как умерла мать: этот мучительный образ возник перед ней впервые с момента ее приезда в Ренн. Но впервые это воспоминание не принесло с собой ужаса или страстного отвращения – только печаль и тихое смирение. На такой риск идет каждая женщина, которая выходит замуж. Возможно, Элин никогда не узнает таких страданий, но даже если в конце концов они ее настигнут, сейчас им не под силу ее ранить. Пусть свет и отбрасывает тени, но сам он остается ясным.

Мари внезапно в полной мере ощутила ту радость, которую пыталась изображать весь день. В глубине ее сознания ее мать наконец была похоронена, получив упокоение после долгих лет муки. «Покойся вечно в Господе нашем, и свет предвечный да осияет тебя». Мари наконец освободилась и могла отвернуться от могилы и любить.

Чуть позже пришло время дамам оставить зал и отвести невесту наверх, в спальню,

отведенную молодоженам на эту ночь. Элин краснела и хихикала – больше от возбуждения и танцев, чем от вина – и, оказавшись в комнате, несколько раз прошлась по ней танцующими шагами, а потом со смехом упала на кровать.

- Ох! – воскликнула она. – Ох! Ни у кого не было такой прекрасной свадьбы! Ах, какой чудесный день!

- Уверена, что ночь будет несравненно лучше, – сказала Авуаз и поцеловала ее в лоб, оставив ждать венца ее радости.

Глава 6

В Таленсаке тоже понимали, какой честью является свадебный обряд в Реннском соборе, но, как и его владелец, предпочли бы, чтобы празднование прошло дома. Однако лишённая церемонии деревня все равно не осталась без праздника. На следующий день после герцогской охоты на оленя Тиарнан привез молодую жену домой и обнаружил, что для него приготовлен еще один пир.

Когда свадебный кортеж въехал в ворота поместного дома в Таленсаке, его ждали заставленные едой столы, расставленные по всему двору. На весело пылавшем в центре двора огне жарился целый бык, а передняя стена дома была едва видна за бочонками эля и бочками сидра. Домашние слуги потели над очагами, начав приготовления в ту же минуту, как Тиарнан уехал в Ренн, а когда новобрачные выехали обратно в Та-ленсак, один из сопровождающих поехал вперед, чтобы дать остававшимся дома сигнал разжигать огонь.

Хотя ничего не говорилось заранее, Тиарнан этого ждал и пир устраивался за его счет. Любой крестьянин предоставил бы жителям своей деревни еду, питье и танцы в день своей свадьбы, так что, естественно, владелец поместья должен был дать их – но только в больших количествах. Он снял Элин с коня, а Кенмаркок вручил ей ключи от дома. Жители деревни к этому времени уже собрались у привратничкой, одетые в нарядную одежду и готовые к танцам. Некоторые сжимали в руках дудки, бубны и барабаны. Тиарнан пригласил всех входить, и они с Элин начали первый танец.

Пир продолжался три дня – к вящему удовольствию жителей деревни. Горы пищи и реки питья были уничтожены, а танцы шли каждый вечер, пока луна не поднималась высоко в небо.

Юстин Браз пропустил почти весь третий день. Он подрался с отцом и дядей девицы, за которой ухлестывал, и оказался в колодках. Его приятель Ринан пришел посидеть с ним вечером и время от времени давал ему отпить вина из фляжки, которую прихватил с собой. Солнце село, и взошла луна, полузакрытая облаками. Из поместья доносилась музыка, которая уже стала медленной. Звуки дудок были едва слышны, но барабанный бой оставался звучным и ровным, словно сердцебиение мира.

- Что ты скажешь о жене маштърна? – спросил у своего друга Ринан.

Юстин задумчиво прополоскал рот вином, а потом проглотил его.

- Ну, дама она красивая, – признал он. – Я не отказался бы от такой, будь я владельцем сеньором.

- И я тоже! – с жаром подхватил Ринан. – Она белее лилии и слаще пения арфы.

- Она – дама красивая, – повторил Юстин одобрително. – Но заметь: она должна радоваться

тому, что стала госпожой Таленсака. Компер – место не слишком хорошее, насколько я видел и слышал.

– И это тоже верно, – проговорил Ринан и поднес фляжку к губам друга, прежде чем выпить самому.

Оба несколько минут молчали, слушая музыку и глядя, как облако плывет на фоне луны, а потом Юстин очень тихо сказал:

– Интересно мне, что она станет делать, когда маштьерн один уйдет в лес.

Ринан беспокойно заерзал в тусклом свете луны и огляделся, словно лес мог его услышать.

– А ты думаешь, он уйдет? – спросил он, понижая голос до шепота. – Теперь, когда у него есть жена?

– Думаю, уйдет, – ответил Юстин. – Такой человек, как маштьерн, никогда не допустит, чтобы им командовала женщина.

Элин понравилось быть замужней женщиной – поначалу. Ей понравился пышный придворный пир в Ренне, а еще более приятными она нашла празднества в Таленсаке. Ей понравились жители Таленсака – честные, добродушные, простые люди, решила она, купаясь в их дружелюбии. Как же они преданы Тиарнану! Разочаровала ее только служанка. Кенмаркок предложил на это место свою старшую дочь, и, конечно, от этого предложения нельзя было отказаться, не нанеся ему обиды. Однако Дрикен оказалась совсем не той хорошенькой восторженной юной крестьяночкой, о которой грезил Элин: в свои четырнадцать лет она была худой, смуглой и такой же лошадинолицей, как ее отец. Зубы у нее были чуть получше, чем у него, зато прыщи – гораздо хуже. Однако Элин изо всех сил старалась, чтобы девушка все-таки ей понравилась. Незачем было тратить время на сожаления об одном-единственном пустяке, когда у нее было столько причин для радости. Например, ее муж: она наслаждалась нежным благоговением, с которым он прикасался к ней каждую ночь, его пылкостью и ласками. Ее тетка Голдилдис сказала ей, что женщина приходит на брачное ложе только со стыдом и мукой, и Элин быстро решила, что дядя Маррек оказался еще большим грубияном, чем она думала..

Когда празднества закончились, Элин с радостью принялась играть роль хозяйки поместья. Это было непростым делом. В поместье варили собственный эль и готовили вино для собственных нужд. Тут пекли хлеб, делали масло и сыр, коптили и солили мясо и рыбу и складывали на хранение урожай. Шерстяную одежду изготавливали из руна местных овец, льняную и пеньковую ткань – из льна и конопли с поместных полей. Краску для ткани получали из всевозможных растений: раkitника, вайды, дубовых галлов, тутовыхягод. Шкуры со всех животных, забиваемых в поместье, скоблили и вымачивали, чтобы передать дубильщику в Монфоре. Рога, копыта, а порой и кости тоже очищали и продавали ремесленникам, которые их использовали. Древесину из леса сушили – для топки или для работы поместного столяра. Свечи изготавливались из сала и пчелиного воска, а простые лекарства – из трав, выращиваемых на огороде. И помимо всех этих дел, нужно было еще кормить и одевать домашних, которых вместе с прислугой насчитывалось больше тридцати. За работу на земле и уход за животными отвечал управляющий, Кенмаркок, но хозяйке поместья полагалось заказывать продукты для дома и распределять домашнюю работу между слугами. Элин радостно окунулась в свои новые обязанности, но тут же с головой провалилась в омут хозяйственных проблем и была ласково поддержана женой Кенмаркока Лантильдис: та уже

много лет управляла поместным домом и смогла продолжать свою работу совершенно спокойно, даже когда ей «помогала» полная невежественного рвения молодая госпожа.

Когда Элин пробыла в Таленсаке неделю или две и успела узнать дом и слуг, Тиарнан согласился пригласить в гости ее родных и кое-кого из соседних сеньоров и дам. Для нее это стало самым лучшим временем. Было головокружительно приятно встречать всех своих знакомых и родных в качестве хозяйки Таленсака, рассаживать их за столами в зале и приказывать слугам нести еду и питье. Вечером после отъезда последнего гостя Элин все еще сияла от сонной радости, пока Тиарнан не потрепал ее по голове и не увел в постель, чтобы найти ей новую причину для изумления.

Беспокойство началось вскоре после этого. Когда гости разъехались, а новизна семейной жизни чуть прошла, Тиарнан стал беспокойным. В то лето у него не было обязанностей при дворе, как не было и войн, которые заставили бы его уехать, но, казалось, в поместье он не находил себе места. Он окупился в дела владения: проверил с Кенмаркоком все счета, созвал старейшин деревни и разрешил два-три давних спора о межах, распорядился провести необходимый ремонт мельницы, дома, сараев и овчарен. Он установил мишени для лука и копья и упражнялся с оружием, дюжинами разбивая деревянные мечи и копья, обучая боевого коня новым приемам, пока они оба не становились потными и усталыми. Но несмотря на эту бешеную деятельность, он по два-три раза в день выходил из дома и шел к воротам, а через некоторое время возвращался, словно забыв, зачем уходил. И с каждым днем он становился все более напряженным и недовольным. Пару раз он уходил на охоту, исчезая с первыми криками петуха вместе с Мирри и возвращаясь к вечеру. Но даже когда ему везло с добычей, он не радовался. Один раз он предложил Элин отправиться с ним, но ей было страшно уходить из дома в темноте, а мысль о том, чтобы бродить по лесу пешком, была ей противна. Вместо этого она предложила конный выезд на охоту с кем-нибудь из соседей, но он сказал – хотя и с улыбкой, – что в последнее время у них было много гостей и теперь пора отдохнуть.

Все это не слишком беспокоило Элин. Она сочла это последствием свадьбы, поскольку слышала, что, женившись, мужчины порой жалеют о свободных холостяцких днях, и старалась угодить мужу.

Однажды вечером в конце июля она застала его стоящим в дверях дома: он смотрел вверх, на прибывающую луну. Он был таким неподвижным и тихим, что это казалось неестественным, и она ощутила укол страха: может быть, он ранен или болен? Она быстро подошла к нему сзади и положила руку ему на плечо. Он вздрогнул и стремительно обернулся – и глаза его оказались такими странными, что она отскочила назад. Потом, вспоминая их, она чувствовала, как у нее судорогой сводит живот. Секунду они стояли и смотрели друг на друга так, словно никогда не были знакомы, а потом Тиарнан неожиданно объявил:

– Завтра я уйду на охоту. – Спустя несколько секунд он добавил с привычкой кривой улыбкой: – Мне нужно побыть одному, сердце мое.

На следующий день он встал еще до рассвета и исчез.

В первый день Элин не тревожилась, на второй начала беспокоиться, а на третий запаниковала. Она представила себе разбойников, прячущихся в лесу, и не смогла справиться с душившим ее страхом. И еще – то, что поначалу показалось ей мелочью, но постепенно начало занимать мысли все больше и больше, почти вытеснив тревогу: он не взял с собой собаку. Мирри хотелось пойти с хозяином: она печально бродила по дому, настаиваясь всякий раз, как дверь открывалась, ежечасно ожидая его возвращения. Почему было ее не взять? Бессмысленность этого факта намозолила Элин мысли, как попавший в башмак

камешек натирает ногу до волдырей.

Слуги ничем ей помочь не могли. Они спокойно заверяли ее, что господин часто исчезает на такой срок, что в этом нет ничего необычного и она может не сомневаться в том, что он вернется.

- Вы к этому привыкнете, госпожа, - безмятежно уверяли они.

Однако ей показалось, что они говорят это со странной многозначительностью, и она перехватила взгляды, которыми они обменивались, думая, что она их не видит. Сочувственные взгляды.

Впервые после приезда в Таленсак Элин ощутила, насколько она здесь чужая. Слуги и жители деревни были ею довольны, потому что она молода и хороша собой, но Тиарнан был маштьерном - их маштьерном, рожденным в Таленсаке, и наследником многих поколений правителей Таленсака. Они гордились его престижем при дворе, но в душе считали, что он вполне естествен для господина самой прекрасной на свете деревни. Они любили и ценили его, как любили и ценили себя. А она была ничем. Они даже отказывались сказать ей правду. Она снова и снова вспоминала слова Алена: «Как он может охотиться без собаки? Куда он на самом деле уходит, по-твоему? На охоту? Или в постель к какой-нибудь женщине?»

Иначе с чего было слугам ей сочувствовать?

На третий вечер отсутствия Тиарнана она была настолько напряжена и расстроена, что даже не могла заснуть и сидела на лестнице в одной рубашке, распуская и снова заплетая волосы. Мирри сидела у ее ног. Была уже почти полночь, когда Мирри подняла голову, заскулила и бросилась к двери. Снаружи послышался быстрый стук, один из слуг снял засов - и в дом вошел Тиарнан, пропыленный, счастливый и спокойный. Он погладил собаку, похлопал слугу по плечу, прошел через зал к лестнице - и остановился в изумлении.

- Элин! - воскликнул он, подбегая к ней и беря за руки. - Почему ты не спишь в такой поздний час? Ты нездорова?

- Я беспокоилась о тебе, - сказала она и разрыдалась.

Тиарнан стал нежно целовать ее руки и лицо, унес на постель и очень ласково любил ее, но так и не смог понять, почему она тревожилась, Упоминания об Эоне из Монконтюра его просто раздражали.

- Но он может выстрелить в тебя из засады! - со слезами сказала Элин.

- Он не станет стрелять в каждого встречного охотника, - ответил Тиарнан, начиная сердиться, - а если подойдет настолько близко, что сможет меня узнать, я его увижу. Он не стоит ни единой твоей слезинки, сердце мое, тем более такого потока слез!

Нет, он не собирался прекращать своей охоты в одиночестве из страха перед Эоном. И похоже, не собирался ее прекращать из-за тревог своей жены. Пару, недель спустя он опять исчез, и через пару недель после своего второго возвращения - снова.

К вечеру третьего дня его третьей отлучки Элин почувствовала, что больше не выдержит. Она вышла из дома и хлопнула за собой парадной дверью. Двор, окруженный стеной, был почти пуст, высушенный и прокаленный августовским солнцем. Столяр Мало, строгавший балку для ремонта одного из сараев, поднял голову на гулкий стук двери, а потом снова поспешно

сосредоточился на своей работе. Элин заметила эту поспешность и рассердилась еще больше. Он знал – все слуги знали, – что она сердита. Ее жалели, но старались держаться от нее подальше и ждали, что она успокоится. Привыкнет. Но она не успокоилась и пока – не привыкла.

Элин гневно обвела взглядом пустой двор, немного постояла и решительно направилась к столюру. Она намерена задавать вопросы, пока не заставит хоть кого-то на них ответить.

– Мало, где мой муж?

Мало неохотно положил рубанок и выпрямил спину. Работая, он разделся до пояса и так усердно трудился в своей попытке ее не заметить, что теперь его смуглый торс блестел от пота.

– На охоте, моя госпожа, – сказал он, не встречаясь с ней взглядом.

– Тогда почему он не взял Мирри? – яростно вскричала Элин. – Как он может охотиться без собаки?

– Не знаю, госпожа, – промямлил Мало, по-прежнему не глядя на нее. – Но он скоро вернется.

Элин в ярости скрестила руки.

– Где Кенмаркок?

– О, он в старом сарае, – ответил Мало, с облегчением ухватившись за вопрос, на который мог ответить. – Пошел распорядиться насчет глины для новой площадки для молотьбы. – Выждав несколько секунд, он уже с меньшей готовностью добавил: – Я могу что-нибудь для вас сделать, госпожа?

Элин прикусила губу.

– Да, – сказала она. – Возьми лошадь и вызови сюда Кенмаркока. Я хочу с ним поговорить.

– Э... госпожа, а это так срочно? – слабо возразил Мало, глядя на свою прерванную работу.

– Не спорь со мной! – огрызнулась Элин. – Иди и делай, что я велела!

Она резко повернулась и прошествовала обратно в дом.

Зал занимал весь нижний этаж дома – огромная комната, скудно освещенная узкими окнами под высоким потолком. Эта комната была главной не только из-за своего размера: здесь проходили все трапезы, здесь выполняли почти всю работу, и большинство слуг здесь спали. Для Кенмаркока и его семьи в углу было отгорожено отдельное помещение. Полom служила утрамбованная глина, выстеленная камышом. Центральную часть комнаты занимал каменный очаг. Пол верхних этажей над ним имел отверстие, чтобы пропускать дым, и из отверстия дымохода на крыше широкий луч света падал на утреннюю золу. Три длинных стола из темного дуба стояли вокруг очага в виде подковы, повернутой ко входу, и кресло, предназначавшееся хозяину дома, гордо стояло в центре среднего стола. На стенах висели гобелены, изображающие сцены охоты, и деревянная лестница, ведущая на верхние этажи, шла мимо них вдоль одной из стен. Под лестницей сидели Дрикен и Лантильдис, работая за своими ткацкими станками.

Элин плюхнулась за свой станок и схватила челнок, словно кинжал. Женщины обменялись жалостливыми взглядами, и Элин, окончательно выйдя из себя, резко потребовала, чтобы ее оставили одну. Дрикен вспыхнула, но ее мать молча закрепила челнок на станке, взяла дочь за руку и куда-то с ней ушла.

Элин попыталась ткать, но была так напряжена, что все время ошибалась и делала огрехи. Когда появился Кенмар-кок, она плакала от досады.

Управляющий вежливо постучался в дверь дома, но вошел, не дожидаясь ответа.

- Вы хотели меня видеть, госпожа? - спросил он. Про себя он проклинал эту девицу за то, что она оторвала его от работы. Понятно, исчезновения мужа ее расстраивают, но неужели необходимо показывать это всему дому?

Элин сунула челнок в основу и с облегчением отодвинулась от станка. Она напомнила себе, что она - хозяйка поместья и имеет право отдавать приказы управляющему мужу.

- Кенмаркок, - гневно сказала она, - где мой муж?

- На охоте, моя госпожа, - терпеливо ответил Кенмаркок. Он уселся за ближайший стол и взял из миски раннее яблоко.

- На охоте? - переспросила Элин. - Без Мирри? Кенмаркок откусил кусок яблока. Элин с отвращением отвела взгляд: она выросла в убеждении, что от сырых яблок пучит живот.

- Он часто уходит без собаки, - сказал управляющий с набитым ртом.

- Я это знаю! Но почему он никогда не приносит никакой дичи? Куда он на самом деле уходит?

- Он говорит, что на охоту, госпожа, - ответил управляющий, продолжая жевать яблоко. - С чего ему врать?

Элин снова начала кусать губы.

- Потому что он уходит к другой женщине, - проговорила она дрожащим голосом. Она забыла о том, что должна вести себя как хозяйка поместья, и устремила на Кен-маркока умоляющий взгляд синих глаз, полных слез. - Пожалуйста, Кенмаркок, скажи мне правду!

Досада Кенмаркока испарилась: ведь девушка была такой юной - немногим старше его собственной дочери. Исчезновения Тиарнана были странными, и объяснял он их неубедительно - любая жена стала бы тревожиться. Он уронил яблоко и подошел к ней, чтобы похлопать по плечу.

- Выбросьте это из вашей хорошенькой головки! - сказал он ей. - С тех пор как он вас встретил, он не смотрел ни на одну женщину! Иначе зачем бы ему было на вас жениться? Не позволяйте никому вас тревожить. В Таленсаке никто не знает, куда он уходит, но у нас нет причин думать, что он не охотится. И за последние два месяца он уходил в лес реже, чем за все то время, как я его знаю. Что до меня, то я считаю, что охота - это просто отговорка. Он такой человек, которому нужно бывать одному. Если бы с ним была собака, ему бы пришлось ее кормить и за ней присматривать, а он не хочет себя утруждать.

- Как это - никто не знает, куда он уходит? - недоуменно переспросила Элин. - Я тебе не верю. Уж тебе-то он должен говорить.

- Не говорит, - еще более неохотно признался Кенмаркок. - А я спрашивал. Один раз я попытался добиться, куда он собирается: тогда мог появиться вопрос, по которому мне понадобилось бы с ним посоветоваться. Наверное, я позволил себе вольность - он развернулся, дал мне пощечину и сказал, что не допустит, чтобы его собственные слуги задавали ему вопросы. Нет смысла расспрашивать - он не станет отвечать.

Элин изумленно воззрилась на него. Она была уверена, что ее обманывают, что все знают, куда исчезает Тиарнан - все, кроме нее. Однако Кенмаркок явно говорил правду. Таленсак уже много лет живет с тайной, а за многозначительными взглядами стояли только догадки.

- Вам не нужно тревожиться, моя госпожа, - добавил Кенмаркок с неубедительной жизнерадостностью. - Я уверен, что он просто высматривает дичь. А что до того, чтобы ее приносить, - ведь это было бы браконьерство! Он проходит многие мили, и не только по своим землям: бывало, он скажет, что видел у Карэкса такого-то кабана, а у Редона - такого-то оленя. Вы ведь и сами знаете, что те, кто собирается поохотиться, с ним советуются. Он не знал бы столько о разных зверях, если бы проводил время с какой-нибудь женщиной, так? Не обращайтесь внимания на глупые рассказы, которые ходят по деревне.

- Какие глупые рассказы? - испугалась Элин. Кенмаркок замялся, но потом решился и заявил:

- Ну наверное, лучше вам будет услышать это от меня, чем от кого-то, кто верит в такие глупости. Кое-кто в деревне говорит, будто он уходит в полые холмы и там встречается с повелительницей колодца или стоячего камня. Вы же знаете крестьян: они так любят сказки о чудесах!

Элин со сжавшимся сердцем вспомнила, какое выражение было в глазах Тиарнана вечером накануне его ухода на охоту. Это был дикий, волшебный взгляд - взгляд околдованного. Она, безусловно, верила в существование прекрасного народа. Он был такой же частью их земли, как и сам лес. Большинство бретонских крестьян могли утверждать, что слышали их музыку, и в каждой деревне была история о встрече с ними, которая произошла на памяти ныне живущих.

Той ночью Элин легла в постель рано и лежала без сна. Луна, недавно миновавшая полнолуние, светила сквозь решетку плетеной ставни. В саду стрекотали кузнечики, ночной воздух был напоен ароматом роз. Это было так похоже на Компер - но это был не Компер, и внезапно Элин отчаянно захотелось оказаться дома, где все было просто и знакомо и где она знала, что думать о людях. У человека, за которого она вышла замуж, оказалась тайна, и любая попытка ее узнать наталкивалась на молчание и гнев.

Она не могла поверить, будто он просто охотится. Если бы это было действительно так, зачем таиться от Кенмарко-ка? Почему не брать собаку? Нет. Либо Алэн прав и у него есть где-то любовница, либо его опутало что-то более страшное, что-то птицеголосое и нечеловеческое. Ей вспомнились истории о прекрасном народе, который жил в сумеречной стране внутри полых холмов. Одна девушка когда-то любила мужчину, который шел к ней на свидание и по дороге увидел прекрасный народ, танцевавший в лучах луны. Она ждала его на холме - но он не пришел. Год за годом она приходила на холм, к месту их встреч, пока не состарилась и не умерла. Там ее и похоронили. А потом, через много лет после ее смерти, он все-таки вернулся, считая, что танцевал всего одну ночь. Но вместо ожидавшей его возлюбленной он нашел ее могилу, поросшую высокой травой. И он со слезами упал на нее, а когда коснулся земли, то рассыпался в прах. Элин повернулась на бок и стала кусать подушку, заливаясь слезами.

Когда Тиарнан вернулся - опять почти в полночь, - она все еще не спала. Она неподвижно

лежала и слушала, как он тихо вошел в комнату. Минуту он стоял у кровати, глядя на нее, а потом сел и начал раздеваться. Сняв всю одежду, он залез к ней под одеяло. Его тело было еще холодным от ночного воздуха, и от него пахло деревьями. Он поцеловал ее в щеку и погладил по голове – так осторожно, что она поняла: он думает, будто она спит, и не хочет ее будить. И из-за этой нежности она снова заплакала.

- Элин! – сказал он удивленно. – Ты не спишь?

- Да! – ответила она, шмыгая носом.

Тиарнан вернулся из леса с ощущением чистоты, легкости и приятной усталости. Он прошел через спящую деревню с чувством глубочайшего умиротворения: он возвращался домой, не просто в место, которое он любил, но и к прекрасной молодой жене. Когда он добрался до дома и обнаружил его спящим, без бледной несчастной девицы, ожидающей его на лестнице, его радость еще усилилась. Элин начала привыкать к его отлучкам: скоро она будет принимать их так же спокойно, как и все остальные. Когда он вошел в спальню и увидел ее в лунном свете, то что-то в его душе растворилось, словно облака после дождя. У него было все, о чем только может мечтать мужчина: тени, из которых он только что ушел, и это дивное существо, лежащее перед ним. Секунду он не мог пошевелиться от переполнявшей его радости.

А теперь оказалось, что она не спит – и по-прежнему несчастна. Он обнял ее и поцеловал, ощущая солоноватый вкус слез.

- Что случилось, сердце мое? – нежно спросил он. – Неужели ты все еще тревожишься из-за Эона из Монконтур?

- Я хочу кое о чем тебя спросить, – сказала она. – Но они говорят мне, что в этом нет смысла, что ты не станешь отвечать и только рассердишься. И я не смею спрашивать.

- Моя любимая! Я никогда не стану на тебя сердиться. Ты не можешь попросить меня о чем-то, что я отказался бы дать. Спрашивай.

Она обвила его руками. Под ее ладонями мышцы на его спине и плечах были гладкими, а когда она прикоснулась к его волосам, то ощутила на затылке завиток – хохолок, который никогда не удавалось пригладить. Он был настоящим, надежным – и таким же любящим, как в первую ночь их брака. Ей нечего было бояться. Он любит ее и откроет ей свою тайну, а потом они оба посмеются над ее глупыми страхами.

- Тиарнан! – Она вздохнула, успокаиваясь. – Скажи мне, где ты был последние три дня?

Он мгновенно застыл. Ему следовало предвидеть, что Элин спросит его об этом, и не давать таких всеобъемлющих обещаний.

- Я был в лесу, на охоте, – ответил он, надеясь, что этого будет достаточно.

Повторение той же пустой фразы, которую она слышала от всех остальных, стало горьким разочарованием: ведь она надеялась, что он сделает все простым и понятным! Она отвернулась от него, свернувшись калачиком и расплакалась.

- Элин! – беспомощно запротестовал он. – Не плачь! У тебя нет причин плакать.

- Но ты не говоришь мне правды! – прорыдала она. – Ален де Фужер сказал, что ты ходишь на свидание к женщине!

Он растерялся, совершенно не зная, что сказать. Гнев на Алена де Фужера, возмущение несправедливым обвинением и жалость к Элин боролись в нем, но он не дал воли словам. Он обнял трясущиеся плечи Элин, прижал ее к себе, поцеловал ее ушко и поклялся, что она для него единственная в мире женщина.

Эти слова оказались достаточно действенными, и она повернулась к нему. Однако слезы не прекратились: просто она плакала у него на плече, а не на подушке.

- Тогда почему ты уходишь? - прерывающимся голосом спросила она. - Тебя так часто нет дома! А Кенмаркок говорит, что раньше ты уходил даже чаще. И еще он сказал, что единственный раз, когда он попытался добиться от тебя ответа, ты его ударил. Я ни разу не видела, чтобы ты бил кого-нибудь из слуг, а тем более Кенмаркока. И ты знаешь, как я боюсь из-за разбойника, но все равно уходишь и оставляешь меня совсем одну...

Он попытался успокоить ее нежными прикосновениями и ласковыми словами, но она только сильнее расплакалась. Он хотел бы сказать ей какую-нибудь успокоительную ложь, но это было противно его натуре.

- Элин, Элин! - взмолился он вместо этого. - Ну зачем тебе так плакать? Что я, по-твоему, могу делать? Я ведь сказал тебе: у меня нет другой женщины.

Она устремила на него несчастные глаза.

- Ох, Тиарнан! - выпалила она. - Дай мне слово, что ты не... что это никак не связано с... с прекрасным народом!

Ее вопрос его ошарашил: он попал неприятно близко к тому, что в действительности он скрывал.

- Почему ты об этом спросила? - проговорил он резко.

- В деревне говорят, что ты уходишь в холмы или к хозяйке источника, - прошептала Элин, у которой наконец высохли слезы.

Тиарнан не слышал о таких разговорах, и это сообщение наполнило его гневным изумлением. Они о нем судачат! Это показалось ему грубым вторжением в его личную жизнь.

- Это отвратительная ложь! - объявил он. - Никто не говорил такого мне в лицо. А если бы сказал, я научил бы его, как выдумывать такое вранье! Кто тебе это сказал?

- Никто, - прошептала Элин, ошарашенная и готовая почувствовать облегчение. Тиарнан так негодовал, что это не могло быть правдой. - Кенмаркок сказал, что так говорят в деревне, но посоветовал мне не обращать на это внимания. Люди готовы говорить что угодно, когда сталкиваются с тайной! И я не знаю, что думать. Пожалуйста, скажи мне правду!

Тиарнан молчал. Тайна, которую он хранил для леса, встала между ними. Он с раскаянием понял, что нехорошо было притворяться, будто ее не существует. Но как рассказать Элин?

- Сердце мое, не плачь, - мягко попросил Тиарнан. - То, о чем ты просишь... Я не могу сказать тебе этого.

- Но почему? - Элин едва сдерживала слезы. - Почему? Он ответил не подумав - и с роковой честностью:

- Я боюсь, что если скажу, то потеряю твою любовь - а может быть, и самого себя.

Еще не договорив, он понял, что ему следовало хранить молчание. Его слова были слишком жестокими: «Если я скажу тебе, то потеряю твою любовь». Неужели его тайна настолько ужасна, что вызовет ее ненависть? Если это так, то ему не следовало на ней жениться. Любой крестьянин, продавший злобного быка и скрывший это от покупателя, будет вынужден вернуть деньги обратно. Рыцарь, имеющий порочное пристрастие, но все же взявший в жены юную девушку, виноват гораздо сильнее. У нее был другой поклонник, не тронутый темными тайнами: мужчина, любящий ее по-настоящему, должен был либо сказать ей правду, либо отказаться от нее.

Тиарнан не считал свою тайну ужасной, он просто опасался, что жена не сможет ее понять. Это было нечто столь странное и личное, что он и сам по-настоящему этого не понимал. Но это нельзя было считать оправданием. Отец Жюдикель предупреждал его, что Элин этого не поймет и что они причинят друг другу зло. Тогда Тиарнан сказал себе, что любовь поможет понять что угодно. И вот теперь он боялся убедиться в том, что ошибся.

Элин была совершенно счастлива с ним до тех пор, пока не заподозрила о существовании тайны. Конечно же, когда она об этом забудет, то снова будет счастлива. Но забудет ли она? Не получится ли так, что его молчание бросит тень на всю их совместную жизнь, отравив ее мысли подозрениями?

Он был полон сочувствия к ней - такой юной, прекрасной и ранимой, И ведь она его жена и имеет на него больше прав, чем все живущие на земле. Во время свадебного обряда она поклялась его любить и почитать. Почему он решил, что она нарушит свою клятву? Разве это не трусость с его стороны - молчать и оскорблять ее своим недоверием? Его тайна - вещь совершенно невинная. Он никогда никому не причинил этим вреда. Не лучше ли, чтобы она знала правду, а не подозревала его в поклонении дьяволу или прелюбодеяниях?

- Моя безмерно любимая, - прошептал Тиарнан, кладя руку ей на плечо. - Не плачь. Я скажу тебе, раз тебе так хочется это знать.

- Ох! - воскликнула она, снова поворачиваясь к нему и наконец обняв его. Она была влажной от слез, ласковой и страстной, и прикосновение ее тела наполнило его музыкой. - Ох, я знала, что ты меня любишь! - сказала она, целуя его. - И я обещаю тебе, что буду тебя любить, чем бы это ни оказалось. Но мне невыносимо не знать.

Она положила голову ему на плечо и успокоилась. Бурные слезы, пролитые ею днем и ночью, сменились ощущением безграничного спокойствия. Она чувствовала себя надежно защищенной руками мужа. «Чем бы это ни оказалось, - подумала она, - Бог даст мне силы». И еще одна история о прекрасном народе всплыла у нее в памяти: история о девушке, чьи упорство и отвага спасли ее возлюбленного от чар царицы Волшебной страны и помогли благополучно вернуться домой. Может быть, она тоже спасет Тиарнана из той ловушки, в которую поймал его душу лес.

Тиарнан долго молчал. Он принял решение все сказать Элин, но все слова, которые он мог найти для своей тайны, казались фальшивыми, гадкими и страшными. Реальность была иной - невинной и радостной. Какие слова найти, чтобы Элин не испугалась?

Наконец Элин пошевелилась, подняла голову, погладила его бороду и шепотом попросила продолжать.

- Много лет назад... - очень медленно начал Тиарнан, и внезапное осознание того, что он

действительно намерен себя выдать, заставило его замолчать. Он помедлил, глубоко вздохнул и продолжил: – Когда мне было шестнадцать, герцог Хоэл только-только получил герцогство и при дворе шли празднества. Мы все отправились на охоту. Он завяз в новом тягостном молчании. Он так хорошо помнил то время! Герцог Конан погиб во время вооруженного похода на герцогство Анжуйское, и его люди оказались далеко от дома без командира. Когда Хоэл получил известие об этом, он собрал всех воинов, которые находились при дворе – даже молодых сквайров и стариков, – и отчаянно поскакал на выручку оставшихся в живых. Это было первое сражение Тиар-нана, и он отличился в нем, пролив немало вражеской крови. Хоэл прямо на поле боя сделал его рыцарем, прикоснувшись к плечу мечом, который еще был алым от сражения, и позволил принести присягу за земли отца. Для Тиарнана принесение присяги означало, что он перестал быть подопечным герцога, чьими землями управляли герцогские чиновники, а стал самостоятельным владетелем. Это означало уважение и почет, но главное, это означало, что ему можно оставить двор и вернуться в Таленсак. Он был рад вернуться домой, нетерпеливо ждал, чтобы закончились придворные празднества, – но в то же время он был не уверен в себе. Он восемь лет провел при дворе, восемь лет пытался усвоить тонкие манеры, восемь лет выносил боль и издевательства, оставившие после себя горечь, которая так и не прошла. Как ему вернуться домой после этого? А потом была охота – и то, что произошло во время нее.

Элин поцеловала его.

– Мы гнали оленя, – продолжал Тиарнан. – Я и еще несколько человек ждали со свежими собаками, чтобы напустить их на оленя, когда он пробежит мимо. Когда мы услышали поблизости звуки рога, мы спустили собак, и они с лаем убежали в лес. Мы поскакали за ними. Я слышал, что трубят справа от меня, но мой пес Раво лаял слева, так что я повернул, чтобы ехать на его лай, и потерял остальных. Я скакал за Раво, пока звуки рогов не стихли, и только тогда понял, что он поднял другую дичь и преследует ее один. Но я не видел причины, чтобы останавливаться, я решил следовать за моим псом и посмотреть, кого он мне нашел. Я уже тогда предпочитал оставаться в одиночестве.

Тиарнан снова замолчал. На этот раз Элин продолжала неподвижно лежать в его объятиях: она почувствовала, что он шагнул в темноту к своей тайне.

– Пес привел меня к кургану, который охраняли стоячие камни, – снова заговорил Тиарнан. – И там я увидел, что он сражается с волком. Когда я еще подъезжал к ним, волк схватил Раво за горло. Я спрыгнул с коня и поспешил, чтобы убить волка мечом, но к тому моменту, как я это сделал, было уже поздно: мой пес тоже был мертв.

Тиарнан вспомнил пса: коричневого алаунта с тяжелыми челюстями и поджарым телом породистого животного, но с простоватой ухмылкой беспородной собаки и постоянно виляющим хвостом. Он почесал погибшего пса за ушами и прижался щекой к еще теплому боку, а потом выкопал яму в лесной земле и закрыл ее дерном, вырезанным охотничьим ножом. Когда он закончил работу, уже наступили сумерки и начался дождь. Мертвый волк, серый и промокший, лежал между двумя стоящими камнями – и Тиарнан впервые заметил, что вырезанный им дерн на склоне кургана похож на дверь, ведущую в холм. Это был полый холм, отмеченный стоячими камнями как ворота в царство прекрасного народа. Возможно, в тот момент он все понял, а может, поступал по неведению, как это показалось ему тогда.

– Мой конь устал от погони, – сказал он Элин, – и я тоже очень утомился и горевал о моем псе. И ехать куда-то той ночью было уже поздно. Я расседлал коня, привязал его и обходил, а потом устроился между стоячими камнями, потому что они укрывали меня от дождя. Я снял с волка шкуру и натянул ее над собой вместо навеса, завернулся в плащ и заснул.

Он снова замолчал. Он вспоминал, как проснулся и обнаружил, что луна встала, а все вокруг переменялось. Казалось, он вышел из густого тумана на чистый воздух. Он слышал, как в траве пищат полевки, а в воздухе – летучие мыши, он ощутил запах дождя, уходящего на восток вместе с облаками, ощутил запах самого леса: богатый, живой... Он встал на ноги и обнаружил, что запутался в собственной одежде. Его мысли стали странными, бессловесными и неясными. Он начал сражаться с собственной курткой и трико, разорвал их зубами и высвободился. А потом он катался по траве при свете луны, и это было так чудесно, что ничто в мире не могло с этим сравниться. Горечь насилия, стыд и гнев прошлого, тревоги о будущем – все исчезло, поглощенное великим лунным «сейчас» ночи и дождя. Все ощущения стали чистыми, невинными и всепоглощающими.

Элин подняла голову и посмотрела ему в лицо. Лунный свет исчертил его полосами, но глаза, оказавшиеся в пятне света, были яркими, чужими глазами дикого зверя.

- Что случилось? – прошептала она, ощущая тошнотворный спазм в желудке.

- Когда проснулся... – проговорил он, неловко подбирая слова, которые не могли, были не в состоянии передать то потрясшее его событие, – ...то волчья шкура... Я... был в ней.

- О чем ты говоришь? – ужаснулась она.

- Я принял облик волка.

Они оба долгое время молчали. Тиарнан согрелся в объятиях Элин, но ей казалось, будто она превратилась в кусок льда. Она представила себе, как обнимающие ее руки покрываются волосами и превращаются в лапы волка, как под дикими глазами меняется лицо, на котором появляются клыки... Она начала дрожать.

- Элин, – сказал он, крепче обнимая ее, – я этим ничего дурного не делаю.

Она не могла говорить. Она задыхнулась, дрожа и трясая головой.

- Я никогда не убивал людей в этом обличье. Все мои грехи были сделаны, когда я был человеком.

- И это происходит каждый раз, как ты уходишь? – с трудом выдавила Элин. – Каждый раз, оставляя меня, ты... ты меняешься?

- Не каждый раз. Только когда я ухожу на охоту без Мирри.

Три раза со времени их свадьбы. Три раза то тело, которое она обнимала, которое сливалось с ее телом, перекидывалось и превращалось в тело зверя. Элин резко села и свесила ноги с кровати. Она согнулась пополам, трясась от ужаса. Тиарнан стоял на коленях на постели позади нее. Он положил руки ей на плечи. Она содрогнулась – и он убрал руки. Ей было страшно смотреть на него: она знала, что если посмотрит, то увидит, как он превращается в дикую тварь, и закричит.

- Как нам это прекратить? – смятенно спросила она. – Как нам снять проклятие?

- Ты не понимаешь! – с досадой воскликнул он. – Я не хочу это прекращать! Я же сказал тебе: я никому не причиняю вреда. В этом нет ничего дурного, нет никакого проклятия. Это – чудеснейший дар!

Она издала жуткий протяжный стон и закрыла уши ладонями. Он снова протянул руки, чтобы успокоить ее, но она вскочила с кровати и отшатнулась от него. Он охотно принимает то чудовищное, что с ним происходит, он наслаждается этим! Она представила себе, как ее тело соединяется с телом волка, – и внезапно поняла, что ее вот-вот стошнит. Она поспешно полезла под кровать и едва успела достать ночной горшок.

– Элин! – прошептал Тиарнан, ужаснувшись, пока она безнадежно смотрела на собственную рвоту. – В этом нет вреда!

– Просто дай мне время, – прошептала она в ответ.

«Она привыкнет, она успокоится», – услышала она слова в дальнем уголке своего разума. Но она уже твердо знала, что этого не будет. Мысль о том, чтобы снова спать с Тиарнаном, заставляла ее содрогаться. А то, что она уже спала с ним, заставляло ее чувствовать себя испачканной. «Я не могу, – подумала она. – Не могу и больше никогда не смогу. Господи, помоги!»

В течение недели после этого признания Элин бродила по поместью, ошеломленная ужасом. Каждое утро, просыпаясь, она смотрела в лицо мужа, и на секунду ей казалось, что весь тот полуночный разговор ей приснился. Это было то же лицо, на которое ей было так радостно смотреть в день их свадьбы, – новой стала только боль, отражающаяся в его глазах. А потом она находила прежде не замеченные волчьи черты и понимала, что это была правда. Теперь волосы на его теле неизбежно походили для нее на шерсть животного. Ночью она напряженно лежала на самом краю постели, прижав руки к себе, чтобы не дотронуться до него. А если днем их пальцы случайно соприкасались, она беспокойно вытирала руку о платье. Поместные слуги начали тревожным шепотом обсуждать ее состояние, а выходя в деревню, она ловила на себе любопытные или враждебные взгляды.

Ей не хотелось прикасаться к мужу, но ей хотелось с ним говорить. Ее переполняли вопросы. Как он это делает? Может ли он перемениться в любой момент, или это случается помимо его воли? Куда он отправляется, когда это происходит? Что он делает? Что ест? Как зрелище крови и уродства, эти подробности одновременно отталкивали и завораживали ее. Она сказала Тиарнану, что, не зная таких вещей, она никогда не почувствует, что это значит для него.

Сначала она и сама этому верила. Но постепенно, почти незаметно для нее, попытка понять превратилась в попытку отринуть. Слово «оборотень», которое он ни разу не произнес, постоянно присутствовало в уголке ее сознания и с каждым днем казалось все более пугающим.

Тиарнан отвечал на ее вопросы с болью, но откровенно. Он был изумлен и ранен тем, насколько сильным оказалось ее отвращение. Он не чувствовал в себе никаких изменений по сравнению с тем, каким он был раньше, но Элин шарахалась от него. Он стыдился слабости, которая заставила его открыть свою тайну: в деревне считалось, что настоящий мужчина никогда не уступит мольбам женщины. Однако он это сделал, потому что любил ее, потому что хотел доверять ей, успокоить ее. Он пытался сказать себе, что ее крайнее отвращение объясняется только тем, что она слышала ужасные истории о том, «кто он». (Он даже в мыслях избегал того отвратительного слова, которое не давало ей покоя.) Наверное, она думает, будто он ест детей и убивает девственниц. Когда она поймет, что он просто бродит по лесу, то примирится с ним.

Спустя неделю болезненных расспросов и мучительной близости, Элин стала умолять

Тиарнана, чтобы он позволил ей ненадолго покинуть Таленсак и навестить в Иффендике замужнюю сестру.

- Мне нужно время, - сказала она. - Я стараюсь понять, правда, стараюсь! Но я... мне нужно уехать!

Втайне он почувствовал облегчение. Ее вопросы были для него настоящей пыткой, а ее бледное лицо и полные ужаса глаза причиняли ему страдания всякий раз, когда он их видел. Живя у сестры, она сможет успокоиться и привыкнуть к тому, что он такое. Он охотно дал ей позволение и отправил ее с отрядом слуг под предлогом обучения ведению хозяйства. Как только она уехала, он отправился в лес один. Под сенью Броселианда прошлое и будущее станут далекими, а его муки растворятся в запахах ветра.

Глава 7

Герцогский двор уехал из Ренна в первой половине июля и отправился на юг, в Нант. Переезд занял несколько дней, но как только все разместились в Нантском замке, двор снова возобновил трехязычную болтовню, словно она и не прерывалась.

Нант был более крупным городом, чем Ренн, - портом, куда приходили корабли из всех гаваней мира. Однако замок был меньше, чем в Ренне: его построили Хоэлу тогда, когда он был всего лишь графом Нантским. Герцогский двор был полон до отказа. Гарнизонные рыцари большую часть времени проводили в городе или упражнялись с оружием в поле к северу от замка.

- Вам пришло письмо, - сообщил один из пажей Алену де Фужеру, когда тот возвратился после такой тренировки в полдень в середине сентября. - Его утром привез какой-то человек. Я положил его здесь, на столе.

- Человек? - переспросил Ален, беря письмо со стола большого зала и с опаской на него глядя. Это был один лист пергамента, а на печати не оказалось оттиска. Он подумал, не могло ли оно касаться какого-нибудь долга, о котором он позабыл. - Что за человек?

- Фермер откуда-то. Кажется, из Иффендика. Он сказал, - тут паж ухмыльнулся, - что ему его дала дама и попросила отвезти вам.

Ален вдруг вспомнил, что сестра Элин замужем за братом владельца Иффендика. Он чуть было не вскрыл письмо прямо в зале, но потом решил унести его куда-нибудь подальше от посторонних глаз. Его вызвали ко двору сразу после переезда в Нант, но он все еще был в некоторой немилости.

Спустя несколько минут, оказавшись в саду замка, он сломал печать и развернул пергамент. Внутри оказалась прядь светло-золотых волос, перевязанных обрывком незабудкового шелка, а на листке округлым церковным почерком были написаны слова: «Часовня Святого Могана. Иффендик. За три дня до празднества святого Михаила. Девятый час».

Дрожащими руками он взял прядь волос: она переливалась, словно вода. Он вспомнил Элин в ее спальне в Компере, с распущенными по плечам волосами. Он радостно сказал себе, что всегда знал: когда-нибудь она призовет его к себе. Наверное, Тиарнан слишком часто уходил на охоту, и она поняла, что на самом деле всегда любила Алена. Ей нужно было послать ему весть, но она не умеет писать и не посмела отправить гонца - и под каким-то предлогом заставила церковного служку написать место и время, а вместо подписи вложила свои волосы, зная, что ее возлюбленный поймет. За три дня до празднества святого Михаила - двадцать шестого сентября. У него была неделя.

Он сказал при дворе, что собирается поехать в Сен-Мало и узнать о корабле, который якобы приплыл туда с ястребами из Норвегии. Герцог и большая часть придворных приняли это без комментариев: отъезд одного из рыцарей из тесного замка означал только, что у других будет больше места. Однако когда Ален отказался от предложения Тьера отправиться вместе с ним, тот заподозрил неладное.

- Ты же не едешь в Таленсак? - спросил он, пока Ален укладывал вещи.

- Нет, - холодно ответил Ален.

- Вот и хорошо, - сказал Тьер, не оставив своих подозрений. - Потому что учти, кузен: Тиарнан трех таких, как ты, может убить, даже не позавтракав. А если он узнает, что ты навещаешь его жену, то он тебя определенно убьет. Во время свадьбы было ясно видно, что он души в ней не чает.

- Я не еду в Таленсак, - заявил Ален. Он снял золотое распятие, которое носил на шее на цепочке, и поднял его, зажав в руке. - Клянусь тебе на этом.

Он опустил распятие и набожно перекрестился. Тьер поднял брови.

- О! Хорошо. Ну, если тебе попадутся дешевые ястребы, купи мне одного. Только не кречета: они слишком дорогие.

Вечером за четыре дня до праздника святого Михаила Ален оказался на постоялом дворе в Монфоре - месте, связанном с очень неприятными воспоминаниями, которые он теперь пытался прогнать с помощью надежды. Следующим утром он умылся, побрился и оделся с особым тщанием - в камзол с прорезями, сшитый из красного бархата, с модными широкими рукавами, и в полосатое трико. На этот раз он оставил свои доспехи в Нанте. Они не нужны были ему в выдуманной поездке за ястребами, и терять их было ни в коем случае нельзя. Он опоясался мечом, сел на гнедого боевого коня и отправился в путь с пересохшим ртом и влажными ладонями.

Она появилась примерно за полчаса до того, как колокол церкви Святого Могана зазвонил к девятому часу. Она была одна и ехала на толстеньком белом пони, склонив голову, словно в горе. Ален, дожидавшийся в яблоневои саду рядом с дорогой, почувствовал такое отчаянное сердцебиение, что лишился дара речи и чуть было не дал ей проехать мимо. Однако, поравнявшись с ним, она подняла голову, чтобы посмотреть на церковную колокольню, возвышавшуюся впереди, и при виде ее бледного лица он опомнился и крикнул:

- Элин!

Элин собиралась разговаривать с ним рассудительно. Но, услышав, как Ален выкрикнул ее имя, она растеряла все свои заранее подготовленные фразы. Когда она оказалась в Иффендики, вдали от пугающего присутствия мужа, вся ее неуверенность в отношении него исчезла. Она спала с животным - и чувствовала себя невыразимо оскверненной. Увидев Алена, стоящего под яблонями, выбритого, изящного, полного надежды - и целиком человеческого, она развернула пони, галопом подскакала к нему и спрыгнула с седла прямо к нему в объятия. Секунду он стоял, окаменев от изумления, а потом обхватил ее руками и страстно поцеловал. Казалось, его прикосновение смыло липнущую к ней скверну, и она привалилась к нему, зарывав от облегчения. Она боялась, что Ален не приедет, что она навсегда останется во власти кошмара.

- Дорогая, - сказал Ален, поцелуями осушая ее слезы, - что случилось? Ну же, нас не должны видеть. Давай уйдем под деревья.

Под деревьями были тень и высокая трава. Ветви яблонь, недавно освобожденные от спелых плодов, но осыпанные осенним золотом, закрывали свет. Она спотыкалась о падалицы, и отовсюду доносился запах гнилых яблок и жужжание опьяневших ос. Они остановились на поляне вдали от дороги и повернулись друг к другу.

- Ты приехал! - только и смогла сказать она. - О, слава Богу!

- Конечно, приехал! Ради тебя я поехал бы на край земли. Что случилось, скажи мне?

Тут Элин вспомнила, как при прошлой их встрече вытолкнула его из окна, и снова заплакала. Она бормотала невнятные извинения, перемежая их поцелуями, а потом, испугавшись того, что делает, отшатнулась от него и прижала дрожащие руки к шее.

- Ох, Ален! Прости меня! - ахнула она. - Я не могу сказать... Поклянись, что поможешь мне, что не выдашь меня!

Он снял с шеи распятие, разжал ее испуганно стиснутые кулачки и вложил крест в них. А потом он опустился на колени в высокой траве и вложил свои руки в ее ладони. Это была поза рыцарской присяги, приносимой вассалом своему сюзерену.

- Этим распятием и твоими белыми руками, - торжественно объявил он, - я клянусь, что скорее пролью всю кровь до последней капли, чем предам тебя, Элин. Я - навсегда твой вассал.

- Ох, любимый! - выдохнула Элин, падая на колени перед ним. Ее лицо пылало от стыда: полное великодушие после такого ее обращения с ним! - Я не заслужила этого! - порывисто воскликнула она. - Ты можешь называть меня не госпожой, а любовницей. Все, чего бы ты от меня ни захотел, - твое!

Все еще едва смея поверить происходящему, он обнял ее и снова поцеловал. Она откликнулась не со сладкой уступчивостью, о которой он порой грезил, а с отчаянием. И даже посреди такого блаженства в нем шевельнулся гнев. Что с ней сделал Тиарнан?

Чего бы Тиарнан с ней ни сделал, на ее теле это следов не оставило. Когда она разделась и встала обнаженной в тени деревьев, то оказалась белее, нежнее и прекраснее, чем все его грезы о ней. Снимая рубашку, она зарумянилась, и он решил, что это похоже на зарю, заливающую белое зимнее небо. Однако ее прикосновение было прикосновением самой весны. Он никогда даже помыслить не мог о таком блаженстве, таком глубоком, всепоглощающем наслаждении - и после его кульминации оба заплакали.

Он гладил ее спутанные волосы, зная, что больше ничего в жизни не желает. Теперь осталось только сохранить то, что он получил.

- А теперь, - решительно проговорил он, - расскажи мне, что случилось.

Элин поведала ему всю историю сбивчиво, на одном дыхании: об охотничьих экспедициях Тиарнана без собаки, о неведении слуг относительно его отлучек, о своих собственных отчаянных расспросах и о неохотно данном ответе Тиарнана. Ален слушал ее со все большим изумлением - и вопреки себе с недоверием. Когда Элин замолчала, его первый вопрос был таким:

- А ты уверена, что он не решил... ну, жестоко над тобой подшутить? Может быть, наказать тебя за тревогу во время его отлучек?

- Подшутить? - переспросила Элин. - Нет, это правда. Я это знаю. Он рассказал мне все... Он сказал, куда уходит, когда... когда меняется. Чаще всего он идет к часовне Святого Майлона в лесу и оставляет одежду под камнем с выемкой. Он сказал мне, что ему надо вернуться к ней и взять... нечто... что он оставляет с одеждой, - только тогда он может снова стать человеком.

Она вспомнила, как Тиарнан сделал это признание: его голос был тихим и непонимающим, его глаза с тревогой следили за ней.

«Но что именно ты оставляешь?» - спросила она, а он нетерпеливо ответил: «Не знаю! Я это только чувствую. Наверное, это та часть моей души, которая делает меня человеком».

Только позже, перебирая услышанное, она поняла, что это способ получить свободу. Первой ее мыслью было воспользоваться этими сведениями самой, но это оказалось невозможным. Молодой благородной даме трудно уйти из дома без сопровождения. И потом - ей было страшно. Чем дальше она жила вдали от мужа, тем темнее и страшнее становилась тень, которую он на нее отбрасывал. Поэтому она обратилась к Алену, считая его единственным человеком, который может ради нее пойти на риск.

- Послушай меня! - проговорила она поспешно, - Если кто-то отправится к часовне и дождетя, пока он не обернется волком, а потом украдет его одежду и ту вещь, которую он оставляет с ней, тогда он не вернется. Он будет пойман в своем зверстве. И я навсегда от него освобожусь.

- Да, но... - проговорил Ален и снова беспомощно замолчал.

Элин смотрела на него, и ее глаза расширились. Он колебался - ему было страшно! Или, может быть, теперь он презирает ее как шлюху.

- Ты не станешь мне помогать? - вскричала она в ужасе. Ален вскочил на ноги - как был голый - и тесно прижал ее к себе.

- Нет-нет! - запротестовал он. - Конечно, стану. Но... Но никаких «но» не было. Были только ее губы и близость ее тела. Он забыл, что собирался сказать.

- Что я должен для тебя сделать? - спросил он.

Она глубоко вздохнула и запрокинула голову, чтобы заглянуть ему в глаза.

«Ах, Ален, Ален, - подумала она, - ну почему я не вышла замуж за тебя?»

- Тиарнан сказал мне, что его всегда тянет в лес ближе к полнолунию, - прошептала она. - Он всегда уходит из дома при первых петухах, так что должен быть у часовни Святого Майлона примерно через час после рассвета. Если ты пойдешь туда в ночь перед полнолунием, то утром сможешь подняться на колокольню и ждать Тиарнана.

- А если он не придет?

- Тогда ты попытаешься снова в следующее полнолуние. Но я думаю, что он придет. Он сказал, что обычно идет туда.

Ален минуту молчал, обдумывая ее предложение. Он по-прежнему не слишком верил тому, что рассказала Элин. Но с другой стороны, не было ничего опасного в том, чтобы провести ночь у часовни. Даже если Тиарнан появится там, чтобы посоветоваться с отшельником, его можно будет успокоить какой-нибудь отговоркой.

А если Тиарнан не появится, то, возможно, Элин готова будет признать, что ее муж, будучи холодным и мрачным дьяволом, просто сыграл над ней нехорошую шутку. И Ален с удовольствием подумал, что за это Тиарнан уже заплатил, превратившись в рогоносца.

- Хорошо, - сказал он Элин, целуя ее руку, - я сделаю все, как ты сказала.

Она снова обвила его руками.

- Ох, спасибо, Ален! Но пожалуйста, пожалуйста, будь осторожен!

- Мы должны договориться о месте следующей встречи, - сказал он, - независимо оттого, придет Тиарнан или нет. - А потом с улыбкой добавил: - Но там должно быть теплее, чем здесь.

И пришел в восторг от того, как она зарделась.

Найти предлог для поездки в часовню Святого Майлона в ночь перед полнолунием оказалось несложно. Вернувшись ко двору из своей «поездки в Сен-Мало», Ален сказал придворным, что корабль, о котором ему рассказывали, не приплыл. И потом было вполне естественным сказать, что ему сообщили о его запоздалом появлении, так что он намерен повторить свою попытку. Тьер снова выказал подозрительность, но его опять удалось провести с помощью безобидной клятвы.

Отыскать саму часовню оказалось труднее. Она стояла в стороне от дороги между Иффендиком и Компером, в двух полных днях езды от Нанта. Дорога - узкий проселок - почти все время шла по густому лесу. Когда уже начало смеркаться, он наконец нашел нужное место. Над деревьями виднелась только верхушка колокольни, черная и угрожающе острая на фоне вечернего неба. Он направил коня по узкой тропе, но почти сразу же ему пришлось спешиться и вести животное. Ветви молодых дубов низко нависали над тропой, не давая проехать по ней. На этот раз он надел доспехи - на тот случай, если все-таки встретится с Тиарнаном и того не удовлетворят его объяснения. Кольчуга давила ему на плечи, а меч, закрепленный удобно для верховой езды, постоянно путался между ногами, пока он плутал между деревьями. Он рассердился и запыхался, когда наконец вывел коня на поляну перед храмом.

Часовня Святого Майлона была небольшой - не больше крестьянской лачуги. В приземистом каменном строении не было даже стекол на окнах, которые закрывались плетеными из прутьев ставнями, словно в обычном доме. Луна пряталась за лесом. У Алена возникло ощущение, будто за ним наблюдают, и он огляделся, положив руку на рукоять меча, однако никого не увидел. Кругом было тихо. Но не мирно. Казалось, весь лес пробуждается и видит его, смотрит на него с ненавистью. Рассказ, которому он не поверил в яблоневом саду, теперь уже не казался таким невероятным. Он судорожно сглотнул и перекрестился. Он напомнил себе, что стоит на освященной земле и что в любом случае ему нужно просто спрятаться в часовне и смотреть. А если этот рассказ правдив, то Элин замужем за чудовищем и он обязан ее освободить. Спасти ее от оборотня! Это было поступком настоящего героя.

Он вспомнил, что поблизости должна находиться хижина отшельника Жюдикеля, поискал ее взглядом, но так и не увидел. Однако было уже совсем темно, так что лес казался густым и черным. Луна бросала холодный серый свет на тропу перед ним, а в лесу странно шелестели листья. Ему не нравилась мысль о том, что он совершенно один.

Часовня была не заперта и пуста, и он зашел в нее, сел у открытой двери и съел хлеб, который захватил себе на ужин. Снаружи несколько раз прокричала сова, ощущение внимательного взгляда не проходило. Он зашел глубже в часовню и закрыл дверь, однако это чувство все

равно осталось. В конце концов он обнажил меч, подошел к алтарю и встал на колени, сжимая поперечину меча и повторяя все известные ему молитвы. Он говорил себе, что его страх безоснователен, что он преклонил колени в маленьком храме всего в трех милях от поместья, которое ему хорошо знакомо, что здесь есть отшельник, святой человек, который спит в хижине внизу холма. Прошло какое-то время, ничего не случилось – и страх стал уходить. Он улегся на сухой камыш перед алтарем, для успокоения продолжая сжимать в руке свой меч, и заснул.

Он проснулся перед рассветом, замерзнув и отлежав себе плечо. Перевернувшись, он попробовал снова заснуть, не смог – и встал. Страх, который он испытывал накануне ночью, теперь казался нелепым. Он храбро подошел к двери и распахнул ее: поляна лежала перед ним, серая и неподвижная при свете заходящей луны. Была уже середина октября, и кое-где трава сверкала, тронутая изморозью. Судя по положению луны, первые петухи уже прокричали. Ален несколько раз обошел вокруг церкви, топая ногами и размахивая руками, чтобы разработать мышцы, одеревеневшие за ночь, проведенную в кольчуге, а потом снова зашел внутрь и дремал еще час. Утренний хор лесных птиц разбудил его во второй раз.

Элин говорила, что Тиарнан, если он появится, должен прийти через час после рассвета. Ален снова подумал о тщетности своего прихода сюда и неохотно стал искать вход на колокольню. Он нашел его справа от алтаря, но внутри оказалась только приставная лестница, ведущая к единственному колоколу, с которого свисала веревка. Тут не было ни настила, на котором было бы удобно устроиться для ожидания, ни даже нормальных ступенек. Однако он все-таки забрался вверх по лестнице и устроился у стены, глядя сквозь плетеный щит, окружавший колокол. Поворачиваясь и вытягивая шею, он мог видеть всю поляну. Он съел еще кусок пресной лепешки и выпил разбавленного водой вина из фляжки. Он ждал не больше получаса, когда вдруг заметил стремительное движение на тропе, ведущей к проселку, а потом на поляну быстро вышел Тиарнан. На нем был его простой зеленый охотничий костюм, и он поднял капюшон, защищаясь от осеннего холода. От неожиданности Ален поперхнулся. Тиарнан направился было за часовню, но потом приостановился и пошел к дверям. У входа был укреплен небольшой колокол – добавление к тому, который висел у Алена над головой. Он издал ясный и мелодичный звон и затих. Ален, ожидавший, что его соперник снова появится на поляне, внезапно услышал его шаги в храме. Тиарнан пришел посоветоваться с отшельником, своим исповедником! Не смея пошевелиться, Ален сжал рукоять меча. Он пытался вспомнить, где именно оставил свой шлем – за дверью или у самого алтаря, на виду. Он попытался придумать какое-то объяснение тому, почему он оказался на колокольне часовни Святого Майлона. Самым неприятным было то, что если Тиарнан его обнаружит, то скорее всего сочтет это смешным.

«Неужели вы настолько меня боитесь, Ален де Фужер?» – скажет он со своей высокомерной улыбкой, и Ален снова окажется в нелепом положении: мужчина, который влез по приставной лестнице, прячась при появлении соперника.

Ален стиснул зубы и стал отчаянно молить святого Мало, чтобы никто не захотел позвонить в большой колокол.

Спустя минуту высокий мужчина в простом коричневом одеянии вышел из-за деревьев на той же тропе. Со своего наблюдательного пункта Ален ясно увидел аккуратную монашескую тонзуру в черных седеющих волосах. Отшельник Жюдикель оказался моложе, чем ожидал Ален. Он зашел в часовню, и спустя мгновение Ален услышал его голос, который очень ясно доносился из храма.

– Я так и подумал, что это ты, – сказал отшельник.

- Да пребудет с вами Бог, святой отец, - негромко отозвался Тиарнан. - У вас найдется для меня время?

Раздался вздох - и стало слышно, как кто-то опускается на колени.

- Ну конечно, найдется, сын мой.

- Благословите меня, святой отец, ибо я согрешил...

Ален содрогнулся и закусил костяшки пальцев. Ему совершенно не хотелось нарушать тайну исповеди, но он не осмеливался спуститься. Он зажал уши руками, но голоса звучали всего в нескольких шагах от него, и подлое, но непобедимое любопытство заставило его подслушивать.

Тиарнан серьезно признался в нескольких простительных грехах: резкости со слугой, гневом на какой-то судебный иск, вкушением мясного отвара в постный день. Священник терпеливо его выслушал, велел читать дополнительные молитвы и отпустил ему грехи. Наступило долгое молчание, а потом отшельник сказал:

- Значит, жена к тебе не вернулась?

- Нет, - ответил Тиарнан.

- А она придет говорить со мной?

- Она сказала, что, может быть, придет. Но мне кажется, что нет.

- Значит, на прошлой неделе ты ее видел?

- Я ездил в Иффендик в прошлый вторник. Она смотрела на меня так, словно я чудовище. Даже ее сестра наконец заметила, что между нами что-то не так. Когда пришло время ложиться спать, Элин... она даже не стала спать в одной комнате со мной. Я лег на полу, но она вся сжалась на кровати и вскрикивала, стоило мне пошевелиться. Я не смог этого вынести - уехал домой в середине ночи.

Вновь наступило молчание.

- Я знаю, что мне не следовало ей говорить! - с жаром воскликнул Тиарнан. - И конечно, мне не следовало говорить ей об этом так скоро. Она меня любила. Если бы мы прожили вместе хотя бы год, она не смогла бы так меня отвергнуть. Но ведь она обещала мне, что ничего не изменится!

- То, что ты ей рассказал, заставило бы измениться почти любого человека, - сухо проговорил отшельник. - Тиарнан, сын мой, Бог дал тебе искупление того, кто ты такой. Если ты сумеешь перенести его смиренно и отважно, то оно приведет тебя к его милости.

- Я переносил его смиренно! Я дал ей все, что она хотела: время, возможность подумать обо всем среди своих близких, деньги. Все, о чем она меня просила. Я езджу навещать ее у сестры, словно кающийся грешник, склонив голову. В ответ она, похоже, испытывает ко мне даже более сильное отвращение, чем вначале. Когда она уезжала в Иффендик, я думал, что это на неделю или на две, но она живет там уже больше месяца, и не похоже, чтобы она собиралась вернуться домой! Что мне делать, Жюдикель?

Помолчав, отшельник медленно сказал:

- Я прав, когда думаю, что твоя мать была двоюродной сестрой ее деда?
- Вы считаете, - отозвался Тиарнан резко, - что мне следует признать брак недействительным на основании кровного родства?
- Значит, ты можешь сделать так, чтобы его признали недействительным.
- Она меня об этом не просила.
- А ты это предлагал?

- Она об этом не просила! И я этого не хочу. Я женился на ней, потому что ей принадлежала большая часть моего сердца - и она по-прежнему ей принадлежит. Она не просила об этом, Жюдикель, а она ведь должна знать о такой возможности.

- Она - женщина и не бывала в судах. Ей могло не прийти в голову, что она может просить о таком.

После затянувшейся паузы Тиарнан сказал: - Ока все время повторяет: «Дай мне время, я пытаюсь понять. Дай мне время». Значит, она хочет понять и вернуться домой! И это такая безвредная вещь!

- Нет! - сурово ответил отшельник. - Это не так. Она уже причинила вред - и ей, и тебе. Только жестокий человек говорит истекающей кровью жертве: «Я же тебе говорил», - но, дитя мое, мне жаль, что ты не прекратил это много лет назад.

- Я не могу. Мне это необходимо. Я ненавижу запах моей кожи после того, как несколько недель провожу без этого, и все мои домашние начинают страдать от моей вспыльчивости.

- С этим можно было бы справиться, по вред уже причинен. Ну что ж, если вы оба не хотите, чтобы ваш брак был признан недействительным, возможно, тебе следует привезти ее домой. Ты говоришь, что ее сестра уже почуяла неладное - наверное, всем было бы проще, если бы она вернулась в Таленсак. Если она пытается понять, то ей легче будет это сделать там, где она сможет видеть тебя, даже если ты будешь спать в другой комнате. Воображению легче творить демонов во тьме, а не тогда, когда его при дневном свете питают реальные образы.

- Да! - радостно подхватил Тиарнан. - Да, я привезу ее домой. И тогда она должна будет понять, что я не чудовище.

- Ты отправишься за ней... завтра? - сказал отшельник, и последнее слово прозвучало многозначительно.

Наступило молчание.

- Ты никогда не являешься сюда так рано только для того, чтобы со мной встретиться, - устало проговорил отшельник. - Я это знаю. Я знаю, для чего ты пришел. Тебе следовало прекратить это много лет назад. И уж конечно, тебе следует прекратить это сейчас.

- Мне это необходимо, - ответил Тиарнан, оправдываясь. - А сейчас - особенно.

- Тебе следовало бы в бедах обращаться за помощью к Богу, а не к лесу Броселианд! Ты приходишь сюда в этой одежде и с этим взглядом - и я знаю, о чем ты думаешь, даже в тот момент, когда исповедуешь свои грехи перед нашим Господом и Спасителем Иисусом Христом.

Я это знаю! Я и сам много раз был опьянен красотой творения, хотя и не так глубоко, как ты. Но любое опьянение – это грех и в конце концов не выход, а ловушка. Возвращайся домой, Тиарнан. Если ты сегодня отправишься на охоту, тебя ждет несчастье.

Я это чувствую: прошлой ночью ты вдруг пришел в мои молитвы, и я стал за тебя тревожиться. Пожалуйста, помолись здесь, а потом отправляйся домой. Ответом было молчание.

- Ну что ж! – сказал священник и с кряхтеньем встал. – Я возвращаюсь к своему огороду и своим молитвам и не стану вмешиваться в эти дела.

- Да пребудет с вами Бог, святой отец, – сказал Тиарнан.

- Ах, дитя! – с мукой воскликнул отшельник. – Ты ближе всех моему сердцу – и из-за этого я оказался для тебя очень плохим советчиком. Я прекрасно знаю, что об этом сказали бы свет и церковь, и мне давно следовало бы отнестись к тебе гораздо суровее. Да хранят тебя Бог и все его святые.

Священник вышел из часовни и размахистыми шагами ушел с поляны не оглядываясь.

Ален кусал кулак, пытаясь осознать услышанное. И, осознавая, он пугался все сильнее. Ему показалось, что прошло очень много времени, прежде чем Тиарнан появился на пороге храма.

Затаив дыхание, Ален смотрел, как человек в зеленом охотничьем костюме медленно выходит на двор часовни. Он посмотрел на лесную тропу, а потом повернулся и направился в противоположную сторону, к лесу за часовней. На краю леса, в густом подросте, он остановился, встав на колени, поднял один из межевых камней – круглый большой валун, полускрытый кустом. Он осторожно закрепил валун веткой. А потом снял куртку, сложил ее и положил в ямку под камнем.

Ален потрясенно выдохнул сквозь зубы. Казалось, будто Тиарнан его услышал: он поднял голову и осмотрелся. Ален с трудом удержался, чтобы не пригнуться. Он напомнил себе, что плетеная ставня, защищающая колокол от дождя, издали кажется сплошной. Секунду Тиарнан стоял неподвижно, так что его рубашка белым пятном выделялась на фоне коричнево-золотых октябрьских деревьев. А потом он зашел глубже в кусты и продолжил раздеваться. Сердце Алена колотилось все сильнее и сильнее, удары гулко отдавались в висках, вызывая головокружение. Он чувствовал, что наблюдает за тем, что никто не должен был видеть – насилие над естеством. И он смотрел так пристально, что его сухие глаза начало жечь огнем.

Тиарнан сел, чтобы снять сапоги и шоссы, потом поднялся. Кусты наполовину скрывали его наготу. Он повернулся к часовне и на секунду склонил голову, скрестив руки на груди. Ален изумленно подумал, не молится ли он, но заметил движение пальцев, словно они что-то отрывали от сердца. Секунду Тиарнан подержал это невидимое нечто перед собой, а потом наклонился, как бы кладя поверх одежды.

Это не было постепенным преображением. Мгновение назад среди кустов стоял мужчина, а в следующий миг там оказался волк. Алену показалось, будто он лишь вообразил человека там, где было животное. Волк поднял нос и принюхался. Казалось, он испытывает беспокойство. Он сделал два шага в сторону поляны, прижимая уши к голове, а потом встряхнулся и повернул обратно. Передней лапой он выбил палку из-под камня с полостью, и тот с глухим стуком встал на место. Волк понюхал его, а потом скользнул между деревьями и исчез.

Ален еще долго оставался на лестнице. У него так тряслись ноги, что он не решался спуститься вниз. Он заплакал, сам не понимая, что вызвало слезы: ужас, потрясение или изумление.

Наконец он с трудом слез с лестницы и проковылял обратно в часовню. Его шлем оказался на полу, за полуоткрытой дверью. Ему повезло, что другие его не заметили. Он надел его и застегнул ремень, а потом пошел к двери. Двор храма был пуст и тих. Было еще утро, хотя Алену казалось, что с его пробуждения прошло уже несколько дней. Он обнажил меч, набрал побольше воздуха и зашагал к жежевому камню на негнущихся от страха ногах.

Когда он поднял валун, под ним оказалась одежда, уложенная в пещерку, выстеленную сухой листвой. Никакой вещи, которую, казалось, Тиарнан туда положил, вынув из себя, не было, но Элин предупредила его, что она скорее всего будет невидимой. Ален опустился на колени и подпер камень той же палкой, что и Тиарнан. Непослушными руками Ален скатал одежду в сверток и вынул из-под камня.

Он попытался спрятать ее в сумку для еды, но сверток оказался большим. Он не смел идти, держа одежду Тиарнана на виду: если бы его так увидели, то назвали бы убийцей. Ален с неловкой поспешностью разрезал мешок, обернул сверток кожей, перевязал тесемкой и быстро пошел по тропе к ручью, где оставил своего коня. На половине пути он понял, что забыл поставить камень назад, однако не решился вернуться обратно.

Его гнедой скакун мирно пасся у ручья. Ален поспешно оседлал и взнуздal его, а потом запихнул кожаный сверток в седельную сумку. Он сел верхом, поехал по тропе, но вынужден был снова спешиться из-за веток. Ведя коня в поводу, спотыкаясь о ножны и нетвердо удерживая меч в свободной руке, он наконец добрался до часовни, миновал ее и вышел на тропу, когда увидел в кустах быстрое движение чего-то коричневого, и остановился с отчаянно бьющимся сердцем, выставив меч вперед.

Жюдикель вышел с боковой тропы, которой накануне в сумерках Ален не заметил. Вблизи отшельник оказался человеком лет сорока пяти с длинным узким лицом, на котором горели темные внимательные глаза. Он нес ведро воды, которое при виде Алена уронил.

- Господи помилуй! - воскликнул он, переводя взгляд с лица Алена на меч у него в руке. - Зачем вы сюда пришли?

Ален вложил меч в ножны.

- Я приходил молиться в часовню, - сказал он. - Извините, если я вас испугал, святой отец. Я обнажил меч потому, что видел в лесу волка.

Он изумился собственному хладнокровию. Жюдикель медленно наклонился и поднял ведро.

- Я не слышал, как вы пришли. Вы хотели со мной поговорить?

- Я просто остановился, чтобы отдать дань уважения святому, - ответил Ален. - Я уже возвращаюсь.

- Вас что-то испугало, - решительно заявил Жюдикель. - У вас лицо еще бледное. Что это было?

Его пристальный, недоверчивый взгляд внезапно и неуютно напомнил Алену Тьера.

- Меня удивило появление волка; - высокомерно отозвался Ален, - но вы ошиблись, святой отец. Я не испугался. Я - сын владетеля Фужера и не боюсь никакого зверя, каким бы кровожадным он ни был. Доброго вам дня.

Он двинулся было по тропе, но Жюдикель заступил ему дорогу.

- Вы - Ален де Фужер? Я о вас слышал. Когда вы сюда приехали? И почему?

- Я приехал помолиться в вашем храме, святой отец, - гордо ответил Ален. - Вам это не нравится? Если так, то в будущем я не стану здесь появляться. А сейчас уйдите с дороги: меня ждут при дворе и мне надо спешить.

Жюдикель не двинулся с места. Его собственное лицо побледнело. Ален понял: священник обо всем догадался. Наверное, он слышал имя Фужера от Тиарнана в связи с Элин. И этого оказалось достаточно, чтобы он догадался, что Тиарнана предали.

Но Ален также понял, что это не имеет значения. Жюдикель ничего не может сделать. Он даже не посмеет признаться, что ему было известно о том, кем был Тиарнан: епископ Ренна и так плохо относится к отшельнику, а если Жюдикель признается, что позволял члену своей паствы практиковать магию, то он лишится сана - а возможно, и жизни. Жюдикель не может знать, что у Алена лежит в седельной сумке, но даже если бы он знал и понимал важность этих вещей, он не смог бы силой отнять вещи Тиарнана у вооруженного рыцаря. Единственный защитник Тиарнана уже проиграл поединок.

И внезапно остатки страха Алена оказались погребены под лавиной радости и торжества. Тиарнан действительно проиграл: он повержен, лишился жены, потерял все. Колесо фортуны завершило поворот. Элин, и Таленсак, и все, что принадлежало Тиарнану, теперь найдет другого владельца, и этим владельцем станет Ален. Глупо было бояться волка. Что может сделать волк вооруженному рыцарю? Разве клыки справятся с доспехами и мечом? У Тиарнана даже не осталось голоса, чтобы пожаловаться: ему придется сообщать о своей потере, воя на луну!

При этой мысли Ален громко расхохотался. Опьянев от радости, он вскочил в седло и подобрал поводья.

- Подождите! - хрипло сказал Жюдикель. - Подождите. То, что выделаете, неправильно. Это принесет одно только горе.

- Я не знаю, о чем вы говорите! - крикнул Ален.

Он стиснул пятками бока коня и галопом умчался прочь.

Глава 8

Волк вернулся к часовне только поздно вечером спустя три дня. Он приблизился к зданию как всегда осторожно, зайдя с наветренной стороны и часто останавливаясь, чтобы принюхать. Он не почувствовал никаких посторонних запахов - только прелую листву, землю, кролика, знакомый запах отшельника Жюдикеля и козы, которую он держал ради молока. Был еще запах дыма и другие человеческие запахи, давние и потому слабые и неустойчивые, и сладость трав из огорода отшельника. Запах человека - даже запах знакомого человека - был опасным, и его следовало по возможности избегать, но он доносился не от самой часовни, а от хижины у ручья, стоявшей близ дороги. Успокоившись, волк побежал через густые кусты к межевому камню за часовней.

Еще не добравшись до него, он понял: что-то не так. Обычное ощущение того, как при приближении все в нем начинает перестраиваться, - это ощущение исчезло. Он пробежал последние несколько шагов до камня и остановился перед ним. Камень стоял на боку, а выемка под ним пустовала.

Мысли волка были в большей степени звериными, чем человеческими. Он не сразу смог понять, что случилось. Он обнюхал опустевшую впадину и потрогал ее лапой, а потом сбил ветку и дал камню упасть. Он сделал круг и снова подошел к валуну. Но выемка осталась пустой, а его лапе не удалось извлечь из-под камня то, чего там не было. Он начал понимать, в чем дело, заскулил и стал принюхиваться, пытаясь взять след. За время его отсутствия прошел дождь, так что следов вторжения почти не оставалось, но кое-где – под кустом, полускрывавшим камень, на палке, на боку самого валуна – он почуял незнакомый человеческий запах с резкой примесью страха. Он сделал более широкий круг, пытаясь проследить запах, и ему удавалось время от времени его учуять – но не настолько хорошо, чтобы пойти по следу. Он сел, снова встал, забегал под деревьями и наконец припал к земле, плотно прижав уши к голове. Из самой глубины его существа пришла потребность вопить от ужаса – и смутила его, потому что у него не было ни инстинкта, ни способности вопить. Спустя какое-то время одно человеческое слово всплыло в его голове: «Помощь». Он отошел от камня и медленно двинулся по лесу к маленькой круглой хижине у ручья.

Он очень долго не мог заставить себя приблизиться к ней. Все его инстинкты запрещали ему подходить к людям: их формы и запах были помечены угрозой смерти. Он пригнулся у крошечного огорода, дрожа, прислушиваясь к тому, как голос отшельника произносит слова вечернего правила, которые для волчьего слуха оставались непонятными. Но наконец, когда голос смолк, глубинная часть его существа заставила его пройти через огород и поскрестись в дверь.

Когда в дверь поскреблись, Жюдикель укладывался спать. Он отяжелел от недосыпания: после встречи с Аленом он каждую ночь бодрствовал с заутрени до первого часа, готовясь встретить позор – и, возможно, смерть. Ему не было известно о той вещи, которую украл Ален, – ему никогда не хотелось узнать подробности того, как Тиарнан преобразался, и Тиарнан ими не делился. Он догадался, что жена Тиарнана послала к часовне своего бывшего поклонника, но подозревал только, что Ален все видел и отправился сообщать облеченным властью. Он думал, что вскоре люди из епископского суда приедут, чтобы допросить его об оборотне и поставить на него капкан. А потом будет долгий кошмар судов, гневных допросов, публичного унижения. Для Тиарнана это закончится медленной и тяжелой смертью, а для него самого... Кто знает, какое решение примет церковь?

Ему оставалось только поручить себя и Тиарнана милосердию Божью. Услышав царапанье у двери, он поначалу решил, что это дьявол явился, чтобы соблазнить его ложными обещаниями безопасности.

Жюдикель сел и перекрестился. В его хижине без окон царил непроглядный мрак. Он не стал вечером возиться с огнем, так что угли в очаге едва теплились. Царапанье повторилось. Жюдикель шепотом прочитал молитву святому Майло-ну и протянул руку за молитвенником, лежавшим на столике у кровати. Его кожаный переплет, потертый долгим употреблением, придал ему уверенности. Крепко сжав молитвенник в руке, он подошел к двери и распахнул ее.

Волк, освещенный луной, отскочил назад и отбежал к краю огорода, но там остановился, дрожа и поджав хвост. Жюдикель секунду смотрел на него, а потом опустил молитвенник. Волк заскулил и пошел к нему, а потом остановился, опустив голову и наблюдая за священником. Жюдикель сделал шаг вперед. Волк не пошевелился. Отшельник подошел еще ближе – и в конце концов упал на колени на дорожке перед волком.

– Тиарнан? – прошептал он.

Волк заскулил. Его уши не улавливали низких нот, так что принадлежавшее ему в прошлом

имя стало непонятным скоплением звуков «ярра». Жюдикель протянул свой молитвенник, и волк, понюхав книгу, снова заскулил и лизнул руку священника.

С того момента когда Тиарнан осиротел, Жюдикель считал его своим приемным сыном – ребенком, которого ему не суждено иметь от своей плоти. Он всегда думал, что вид любимого человека, превратившегося в животное, заставит его ужаснуться. Но сейчас, глядя на испуганного зверя, он чувствовал только бесконечную жалость. Гордый, сдержанный Тиарнан доведен до такого!

Он погладил волчью шерсть, мягко приговаривая, и волк заскулил от горя, которое животному испытывать не положено. Спустя недолгое время волк потянул его за рукав, повел вверх по холму и показал камень с выемкой позади часовни. И тогда Жюдикель понял, что на самом деле сделал Ален де Фужер, и был настолько потрясен, что даже страх его прошел.

Вечером двадцатого октября в дверь поместного дома в Таленсаке постучали. Открыв ее, Кенмаркок увидел стоящего в сумерках Жюдикеля. Секунду управляющий изумленно взирал на него. Отшельникам не положено было покидать место своего уединения. Некоторые настолько удалялись от мира, что замуровывали себя в кельях, прочитав заупокойную службу. Жюдикель так далеко не заходил – но в то же время он не покидал часовни Святого Майлона с тех пор, как одиннадцать лет назад туда удалился.

– Да смилуются над нами Христос и все святые! – воскликнул Кенмаркок, перекрестившись. – Святой отец Жюдикель! Молю Бога, чтобы вас привели сюда не дурные вести о маштьерне!

Слово «маштьерн» ударило в Жюдикеля, наполнив его мучительной гордостью. Вот как жители Таленсака смотрели на парнишку, которого он помог вырастить! Он был для них не «господином», не «владельцем», а хранителем закона. Он неопределенно покачал головой.

– Я видел Тиарнана четыре дня назад. Он попросил, чтобы я поговорил от его имени с его женой. Он сказал, что она в Иффендике, и я отправился туда этим утром, но оказалось, что она вернулась домой.

Это объяснение звучало достаточно убедительно: отшельник мог оставить свое убежище ради святой обязанности примирить особо дорогого ученика с его супругой. Но даже полностью объясненное появление Жюдикеля поразило Кенмаркока. Присутствие столь достойной восхищения особы у его порога смутило его сильнее, чем если бы перед ним стоял сам герцог. Он промямлил подтверждение: да, Элин вернулась в Таленсак накануне днем, – а потом, вспомнив о приличиях, пригласил Жюдикеля войти и крикнул жене, чтобы та принесла еды и питья.

– Вы разделите с нами трапезу, святой отец, и проведете ночь под нашей крышей? – обеспокоенно спросил он.

Тем временем толпа детей и слуг собралась, чтобы поглазеть на святого человека.

– Это зависит от хозяйки поместья, не так ли? – отозвался Жюдикель.

Однако он вошел и сел за стол у огня. Дорога от часовни Святого Майлона до Таленсака – с заходом в Иффендик – составила больше пятнадцати миль, и у него все тело ныло от усталости. Он оставил волка в лесу около хижины. Зверь проводил его взглядом, полным человеческой надежды, но Жюдикель понимал, что у него не останется надежды, если его поход окажется безрезультатным.

- Я уверен, что госпожа будет рада оказать вам гостеприимство, - сказал Кенмаркок, пока его жена Лантильдис подносила гостю кувшин вина и кружку. - Если Тиарнан попросил вас поговорить с ней, значит, он должен был рассказать вам, что они поссорились. Глупая женщина обиделась из-за его уходов на охоту. Не знаю, почему она решила, что муж будет оставаться при ней постоянно, восхищаясь ею, но когда оказалось, что это не так, она разобиделась и отправилась к сестре под предлогом, будто хочет поучиться вести хозяйство. Это ей действительно было нужно, но, судя по тому, что я слышал, ей было бы лучше учиться у моей Лантильдис, чем у кого-то из Иффендика. Моя дочь Дрикен ездила с ней как служанка - бедняжка! Она говорит, что это просто стыд, как госпожа обходилась с маштьерном, когда он ее навещал. Вела себя так, словно он не заслуживает, чтобы сказать ему и трех слов, и заставляла спать на полу. Я бы ее поколотил и приволок домой за волосы, но он был спокоен и терпелив - и, похоже, это помогло. По крайней мере она дома и говорит, что намерена хорошо встретить его, когда он вернется. Сейчас она в сыроварне. Мне передать ей, что вы пришли, святой отец?

- Дай мне отдышаться, - ответил Жюдикель.

Он отказался от вина, принесенного Лантильдис, но теперь женщина вернулась с водой, и он позволил наполнить ему кружку. В толпе слуг шептали, что сердце госпожи смягчилось благодаря молитвам Жюдикеля. Господь дол жен был откликнуться на молитву человека такой святости. Жюдикель медленно пил воду. Шумное восхищение, окружавшее его, вызывало у него смущение, и ему хотелось оказаться снова в лесу, где птички щебечут, не обращая внимания на духовность человека.

Дверь снова открылась, и вошла Элин - бледная в неясном свете, с окруженными тенью глазами. Она недоуменно приостановилась, а потом узнала Жюдикеля, которого один раз видела, посещая часовню Святого Майлона с отцом. Недоумение моментально сменилось возмущением и враждебностью.

Жюдикель тяжело поднялся.

- Да хранит вас Бог, леди, - сказал он. - Ваш муж попросил меня поговорить с вами от его имени. Нам можно поговорить без свидетелей?

Элин замаялась. У нее не было желания разговаривать с чересчур терпимым исповедником Тиарнана, и ей очень хотелось прямо об этом сказать, но это шокировало бы его почитателей, которых собрался полный зал. Ей приходилось притворяться, будто она простила Тиарнана и ожидает его возвращения, чтобы помириться с ним, - так они договорились с Аленом. Она заставила себя улыбнуться.

- Конечно, святой отец, - ответила она, - для меня честь, что вы согласились проделать столь долгий путь. Я могу предложить вам подкрепить силы?

- Давайте сначала поговорим, - предложил Жюдикель. - Наилучшим местом стала бы часовня.

Домовая часовня поместья была небольшой деревянной постройкой, ненамного лучше сарая. Он был пристроен к залу со стороны, противоположной кухне. Жюдикель и сам иногда проводил там службы в бытность свою священником Таленсака. Когда его рука инстинктивно потянулась за свечами к бронзовому ящичку у двери (их держали там, чтобы уберечь от мышей) и действительно обнаружила их на месте, ему показалось, будто он протянул руку в прошлое. Он вспомнил, как читал молитвы перед этим алтарем, а Тиарнан - маленький, худой, большеглазый мальчик - серьезно наблюдал за ним. Это воспоминание было особенно

болезненным, так что ему пришлось на мгновение неподвижно замереть. Кенмаркок пришел следом за Элин и отшельником, принеся фонарь из зала. Он зажег две свечи, установил их на подсвечнике у алтаря и оставил их вдвоем для разговора.

Жюдикель перекрестился и преклонил колена перед алтарем, низко склонив голову. Улыбчивый, лживый ответ Элин вызвал в его душе волну гнева, который граничил с ненавистью, и ему пришлось бороться с собой, чтобы не поддаться этим чувствам. Он сказал себе, что перед ним молодая и неопытная женщина. Ее обманули в браке – и ей было очень страшно. Ее сотворил Господь, и ее любил Тиарнан – по этим двум причинам Жюдикелю следует относиться к ней с симпатией. Он пришел не осуждать ее, а помочь ей. Он был уверен в том, что совершенное ею дело погубит и ее жизнь, и ее бессмертную душу, если она немедленно не исправит содеянное. «О Боже, о мой дражайший Господь Иисус Христос! – взмолился Жюдикель со внезапной вспышкой страсти. – Смягчи ее сердце и сделай так, чтобы она прислушалась ко мне!»

Элин также опустилась на колени перед алтарем, но в стороне. Она нетерпеливо наблюдала за отшельником из-под опущенных ресниц. Ален рассказал ей о своей встрече с Жю-дикелем на обратном пути от часовни. Она раздраженно думала, что это – лицемерие. Он притворяется, будто молится, хотя на самом деле они оба знают: он пришел просить, чтобы она терпела омерзительные дела Тиарнана.

Элин показалось, что прошла целая вечность, прежде чем Жюдикель снова перекрестился и повернулся к ней.

– Мне можно говорить откровенно, госпожа? – спросил он.

– Если мы оба не будем говорить откровенно, то вообще нет смысла разговаривать, святой отец Жюдикель, – ядовито отозвалась она.

Жюдикель кивнул:

– Да. Госпожа, я знаю о вашей ссоре с мужем и о ее причине. Я пришел сюда не для того, чтобы обсуждать, что тут правильно или неправильно, а для того, чтобы помочь вам отодвинуть ваши страхи в сторону и действовать по справедливости. Как бы Бог ни смотрел на происходящее, ваш заговор с любовником для того, чтобы предать мужа, только ухудшит все дело.

– «Как бы Бог ни смотрел на происходящее»? – саркастически переспросила Элин. – А как, по вашему, это может выглядеть, святой отец? Тиарнан сказал мне, что вы не были уверены в том, совершает ли он грех. Но мне кажется, – теперь она уже говорила с яростью, – что нельзя сомневаться в том, как бы на происходящее посмотрела наша мать-церковь. Самое большое милосердие, на которое мог бы рассчитывать Тиарнан, – это возможность раскаяться перед сожжением на костре!

Жюдикель содрогнулся, но ответил спокойно:

– Вот почему я раскаиваюсь в том, что не был ему лучшим советчиком. Но вы не отправили его на костер, госпожа. Вот почему я пришел.

Элин фыркнула.

– Мы собирались говорить откровенно. Скажите, что вам нужно.

- Ваш рыцарь де Фужер забрал нечто - нечто, принадлежащее Тиарнану. Я пришел умолять вас, чтобы вы это вернули, - не только ради вашего мужа, но и ради благополучия вашей собственной души.

- Значит, мой муж приходит с вами повидаться? - спросила Элин. - Он прибежал к вам, да? Прибежал на четырех ногах и поскребся в вашу дверь, как пес, умоляя вас найти человеческую суть, которую он так беззаботно оставил под камнем?

Жюдикель изменился в лице. В свете свечей казалось, что оно вытянулось и побледнело, а взгляд темных глаз стал еще более пристальным. Помимо собственной воли он начал сердиться. Неужели это прекрасное дитя действительно способно навсегда обречь на такое мужчину, который ее любил, и говорить об этом с таким презрительным удовлетворением?

Он заставил себя негромко ответить:

- Да. Если вы сейчас это вернете, он еще сможет вернуться домой без огласки. Люди скажут только, что на этот раз его охота продолжалась дольше обычного. Но с каждым днем промедления все труднее станет объяснить, где он был, - труднее будет его вернуть. А вам - труднее раскаяться.

- А в чем я должна раскаяться? - возмущенно спросила Элин. - Меня обманом заставили стать женой чудовища! И я спаслась единственным способом, какой у меня был!

Терпение Жюдикеля лопнуло.

- Неужели вы не видите, что вы делаете, леди? - яростно спросил он. - Вы хотели избежать позора открытого суда и потому предали мужа тайно. Вы притворяетесь его любящей женой, а скоро, думаю, будете притворяться его горюющей вдовой, чтобы унаследовать все его земли и имущество. Думается мне, что вы намерены взять нового мужа при еще живом прежнем. И какое благо может принести такое множество грехов и лжи? Все, что вы получите с их помощью, превратится в горечь, а страх перед содеянным отравит вашу жизнь. Вы только что сказали, что вас обманом заставили вступить в брак и вы спаслись единственным способом, который у вас был. Однако вы могли избрать три других способа - и все они были бы лучше. Первый состоял в том, чтобы представить все на суд церкви. Никому из нас не хотелось бы предстать перед этим судом, но по крайней мере мы все должны были бы подчиниться его решению. Второй - взять ваше приданое и имущество мужа, положенное вам по брачному договору, и уйти в монастырь. Думаю, это вас не привлекает. Третий путь - признать ваш брак недействительным. Это было бы возможно, и я готов обещать вам, что теперь Тиарнан на это согласится. Отдайте то, что ваш любовник забрал у часовни, расстаньтесь с мужем честно и выходите за своего возлюбленного законно. Иначе я боюсь за вас всех.

Мгновение Элин молчала, склонив голову.

- Я слышала о таких недействительных браках. Любой мужчина, которому вдруг надоела его жена, внезапно обнаруживает, что состоит с ней в родстве, и находит свидетелей, которые это подтверждают. Но всегда находится множество мужчин, которые смеются над этой женой и говорят: «Мне она тоже надоела бы». И я знаю, что они уже обо мне говорят: «Глупая женщина, зачем столько шума из-за того, что муж уходит охотиться!» Если Тиарнан получит признание брака недействительным, надо мной станут насмехаться. А тем временем у него останется Таленсак, и он будет свободен жениться снова. И если женится, то можете не сомневаться: на этот раз он не станет рассказывать о том, что делает, уходя на охоту. А его новая жена, как я, будет замужем за животным, за грязным, диким зверем! - Тут в ее голосе

появились пронзительные ноты истерики. – Но в отличие от меня она никогда об этом не узнает. Пока не будет слишком поздно. Тогда, в Судный день, когда она предстанет перед престолом Господа, ангел-хранитель скажет ей: «Ты получила свое прекрасное тело, чтобы оно было храмом Духа Святого, а отдала его волкам и спала с дикими зверями. Изыди отсюда, нечестивая, и будь проклята навеки!» – Элин судорожно вздохнула и громко воскликнула: – Нет! Нет, я не соглашусь быть смиренной, покорной женой и не допущу, чтобы он еще кого-то обрек на вечные муки! Я не соглашусь» чтобы наш брак признали недействительным, и не кану тихо в нищету и позор, оставив его богатым и уважаемым! Таленсак я возьму себе. Он принадлежит мне по праву за то, что я от него претерпела!

Жюдикель потрясенно воззрелся на нее.

– Но это же не так! – сказал он. – Вы не выходили замуж за животное! Ни один ангел-хранитель не станет утверждать обратное или наказывать вас за мерзость, в которой вы не были виноваты.

– Вы не имеете права меня поучать! – страстно заявила Элин. – Вы сами признали, что плохо им руководили. Вы не имеете права приходить сюда и читать мне проповедь. Епископу Ренна уже на вас жаловались. Вез покровительства Тиарнана вас, наверное, уже давно призвали бы к ответу. Ну так можете больше не рассчитывать на защиту от владетелей Таленсака! – Элин гордо поднялась и схватила один из подсвечников. Задув вторую свечу, она прошествовала к выходу и встала, положив руку на засов. – А если вы хоть кому-то про это расскажете, то я просто стану все отрицать. Мне это не повредит, а Тиарнану не поможет. Но вот вам от этого определенно будет хуже.

Она распахнула дверь и направилась обратно в зал.

Жюдикель на секунду задержался у дверей пустого храма. Неудача, полная и неисправимая, легла на него такой тяжестью, что он почти ослеп. Он не оценил всей горечи этой женщины, ее истерического ощущения скверны. Он ранил ее, вместо того чтобы вылечить, и она больше не станет его слушать. Ему придется вернуться в свою келью, а волк... волк до смерти останется тюрьмой для души человека, которого он любил как сына. На краткий, но мучительный миг ему показалось, что такого снести невозможно. Он снова повернулся к алтарю, где слабо светился крест. Когда-то он тоже казался невыносимой тяжестью: «Отче! О, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня!» В молчании Жюдикель с трудом опустился на колени и склонил голову.

Спустя какое-то время Кенмаркок и его жена вошли в храм. Вид у них был смущенный. Элин гневно вошла в зал, со стуком водрузила подсвечник на стол и ушла наверх в слезах: стало ясно, что советы Жюдикеля ей не понравились.

Лантильдис нервно улыбнулась.

– Вы останетесь поужинать, святой отец Жюдикель? – спросила она.

– Нет, – ответил Жюдикель, тяжело вставая с колен. – Я пойду в мой старый дом в деревне и переночую у отца Ко-рентина. Я давно не бывал в Таленсаке, и кто знает, приду ли когда-нибудь сюда снова.

Тиарнан отсутствовал уже неделю, и Элин разослала жителей Таленсака во все соседние поместья, чтобы они справились о нем. После десяти дней его отсутствия отправили известие герцогу и начались тщательные поиски, но с ходом времени они представлялись все более

безнадежными. Все знали о привычке Тиарнана по несколько дней пропадать в лесу, а лес был огромен, невозможно было пройти его весь в поисках человека. Крестьяне из Таленсака с отчаянием перешептывались, что маштьерн, горя о ссоре с женой, скрылся в полых холмах и больше не вернется. Некоторые качали головами и рассуждали о том, как опасно охотиться в одиночку. В Монконтуре и других соседних владениях поговаривали, что его убил оборотень Эон. Герцог Хоэл ждал в течение месяца, все с меньшей надеждой, а потом отправил одного из своих служащих, чтобы тот взял на себя управление Таленсаком и привел имение в порядок, пока жена его владельца отправится ко двору, чтобы принести присягу за земли своего мужа.

К этому моменту герцогский двор переселился в замок Плоэрмель, расположенный в лесу в одном дне езды от Рен-на и всего в половине дня езды от Таленсака. Плоэрмель был всего лишь деревней, а старомодный деревянный замок привольно раскинулся в ее центре, больше напоминая охотничий дом, чем крепость. Сады тут были большими и очень красивыми.

Когда Элин приехала в замок, Мари как раз сидела в саду. Был конец ноября, и сидеть на улице было слишком холодно, но ей хотелось остаться одной. День был пустым и серым. Она взяла книгу, но, прочтя три страницы, заметила, что не поняла ни слова. Закрыв книгу, Мари просто сидела и смотрела, как воробьи прыгают по веткам розовой беседки вокруг нее. Спустила какое-то время до нее из большого зала донеслись смех и приветственные возгласы - и она догадалась, кто именно приехал, но не пошла в дом. Мысль о том, что ей придется улыбаться гостям и высказывать соболезнования, ее ужасала.

Чуть позже запел мужской голос. Звуки разносились по тяжелому воздуху, чистые и нежные.

С деревьев падает листва,

Блестит мороз на росах,

Тепло оставило нас всех,

И солнце смотрит косо.

Студеный ветер все сильнее,

Цветы без света вянут,

За чередой осенних дней

Зима вот-вот настанет.

И все вокруг покрыто льдом,

Лишь я наполнен пылом:

Огонь на сердце у меня,

Горит оно по милой!

Питает тот огонь любовь

И поцелуев сладость.

Другой такой на свете нет,

В ней жизнь моя и радость!

Мари вспомнила Тиарнана в его зеленом охотничьем костюме, каким она видела его той весной, когда он так уверенно вел ее сквозь шепчущую тьму леса. Она вспомнила, как он стоял в главном зале в Ренне, с серьезной радостью глядя в лицо своей невесты.

С деревьев падает листва,

Блестит мороз на росах...

Внезапно Мари заметила, что плачет. Листья снова вернутся в лес, а Тиарнан ушел – и новая весна земли не повторит и не вернет того, что потеряла она. Мари наклонилась вперед и, облегчая свою боль, прошептала молитву об усопших.

На дорожке захрустел гравий, она подняла голову и увидела подошедшего к ней Тьера. Она поспешно вытерла глаза.

Тьер постарался посмотреть на Мари критическим взглядом – она была закутана в бесформенный серый плащ, подбитый кроличьим мехом, скорчилась на скамейке, нос и щеки у нее покраснели от холода, а глаза – от слез. Но ничего не помогало. Его сердце замечало мельчайшие детали: то, как рука в узком рукаве изящно опирается на скамью, ясный, спокойный взгляд прекрасных глаз, обратившихся к нему, – и не оставалось равнодушным. В последнее время оно стало чересчур чувствительным. Ему придется что-нибудь предпринять.

– Ты плачешь о Тиарнана? – спросил он, усаживаясь на скамейку рядом с Мари.

Отпираться не было смысла. Мари кивнула.

– Я имею право о нем горевать, – попыталась она оправдаться. – Он спас меня от Эона из Монконтура.

Тьер поскреб ногой по гравию. Он был в зале, когда там появилась Элин, но ушел, когда Ален начал петь ей песнь о любви. Ему неприятно было лихорадочное побуждение кузена из-за молодой вдовы, и он жалел, что Ален настолько откровенно демонстрирует свои надежды. И ему было противно то, как Элин поощряла своего прежнего возлюбленного. Конечно, Тьер и сам надеялся на то, что теперь Ален сможет жениться на женщине, которую он обожал, но это было слишком скоро, слишком грубо. Возможно, Ален был прав и Элин всегда тайно предпочитала его, а Тиарнана выбрала только ради Таленсака. Но так жадно прислушиваться к мужчине, которого она желает, когда она только что получила желанную землю в результате трагедии, – Тьеру казалось, что это оскорбляет память об умершем. Вот Мари, у которой причин гораздо меньше, слезами воздаст должное памяти Тиарнана. Тьер снова посмотрел на ее покрасневшие глаза и вздохнул. Драгоценная лебедка Алена не могла сравниться с этой девушкой!

– А если бы это я тебя спас, – сказал он Мари, – ты бы передумала и дала мне согласие? Может, мне нанять отряд головорезов и приказать им увезти тебя куда-то и угрожать, пока я не явлюсь на помощь?

К этому моменту она уже овладела собой и смогла ответить ему с напускным испугом:

- Только не настоящих головорезов, пожалуйста! Почему бы тебе не нанять крестьян из поместья твоего дяди и не заставить одеться похуже? Да, и найди иноходца для перевозки. Я предпочла бы, чтобы меня увезли с удобством!

- Думаю, это получится неубедительно. Могу представить себе, как Поль из нашей деревни изображает разбойника: «Тогда я вас придушу, с вашего позволения, госпожа моя. Ой, поосторожнее с коняшкой, поосторожнее! Он обошелся господину в пятнадцать марок!»

Мари рассмеялась своим нежным журчащим смехом, от которого Тьеру неизменно хотелось расплыться в улыбке.

- Но с настоящими разбойниками это тоже не получится, - сказала она.

- Так я и боялся, - отозвался он, перестав улыбаться. - В чем был секрет Тиарнана? Мне всегда казалось, что если бы он захотел, то смог бы взять твой замок штурмом.

Секунду Мари изумленно взирала на него. Обычно Тьер был очень чутким и не допускал, чтобы его шутки бередили реальные раны. Однако он смотрел на нее непривычно серьезно.

- Не знаю, - призналась она в ответ на его серьезность. - Но даже если бы он был свободен и попросил меня выйти за него и я бы сказала «да» - даже тогда это было бы неправильно. Чтобы принять его предложение, мне пришлось бы предать моего отца.

- Твой отец, насколько я слышал, с самого твоего рождения ни минуты не думал о твоём счастье. Он даже не потрудился выдать тебя замуж, прежде чем отправиться в крестовый поход. Он отправил тебя в монастырь, но не дал разрешения принять обеты, на тот случай если позже ему понадобится предложить тебя в качестве добавки при договоре о каком-нибудь союзе. Сюзерен твоего отца, Роберт, - клятвопреступник, насильник и богохульник, ничем не лучше разбойника. Нет, даже хуже. Что они оба сделали, чтобы заслужить твою верность?

Мари была задета. Она посмотрела на Тьера с гордо поднятой головой - этот взгляд неизменно заставлял его неуместно чувствительное сердце сжиматься.

- Весь мир знает, что мой отец - храбрый и благородный рыцарь! - гневно заявила она. - И потом, люди не обязаны заслуживать преданность, чтобы ее получить. Если герцог Хоэл выполняет свои обязанности по отношению к тебе, тогда ты обязан быть его вассалом, заботится он о твоём счастье или нет. Я не могу просто нарушить верность, в которой рождена. И было бы глупо брать на себя одновременно противоречащие друг другу обязательства.

- Ты действительно не собираешься выйти замуж ни за кого из нас? - серьезно спросил Тьер.

Мари встретила с его взглядом и увидела, что он печален.

- Да, - подтвердила она ровным голосом, и ее гнев угас. - Я это говорила с самого начала.

- Им следовало бы вырезать твои изображения над дверями монастырей, - сказал Тьер. - Как аллегория торжества добродетели и чести над любовью. А меня могут запечатлеть в качестве одного из погибших бедняг, раздавленных твоей колесницей.

Слова были шутливыми, но произносил он их с горечью.

- Ой, Тьер! - воскликнула Мари с глубокой нежностью. - Ты прекрасно знаешь, что мы с тобой и весь двор этим летом вели чудесную игру в любовь! И нам всем это нравилось. Ты не хочешь

убедить меня в том, что ты собираешься умереть с разбитым сердцем, потому что вдруг оценил серьезность моих слов. Ты как-то сам сказал мне, что мы можем обходиться теми крохами счастья, какие нам достаются.

Тьер поймал ее руку. У нее были маленькие мягкие ручки, как у ребенка, – по ним невозможно было угадать, что в ней таится такая сила. Он провел большим пальцем по ее указательному, который она всегда прикусывала, когда волновалась.

– Наверное, я мог бы быть с тобой очень счастлив, – сказал он, – даже если бы у тебя не было Шаландри.

А потом он заключил ее в объятия – со всем ее бесформенным плащом, неловкими локтями и изумленным лицом – и поцеловал.

Когда Тьер разжал руки, Мари боком привалилась к скамье и воззрилась на него, краснея и задыхаясь. Все еще ощущая ее губы, Тьер ухмыльнулся.

– Мне смертельно хотелось это сделать с той минуты, как мы догнали тебя на дороге в Бонн-Фонтейн, – сообщил он ей. – Не тревожься: я больше не буду. Но один раз я должен был тебя поцеловать. Моя милая неуловимая олешка, я бросаю охоту. Мое сердце слишком увлечено, так что она больше не доставляет удовольствия. Раз я не могу надеяться тебя завоевать, мне нужно отступить. Но позволь сказать вот что: раз ты потеряла одного защитника, я стану гарантом того, что тебя не принудят к браку. Конечно, герцог не хочет ни к чему тебя принуждать, а если бы и хотел, то герцогиня ему не позволила бы, но кое-кто из его рыцарей настаивает, чтобы он гарантировал принадлежность Шаландри к герцогству. А если у тебя при дворе появится защитник, у герцога будет удобный предлог ничего не предпринимать.

Мари покраснела еще сильнее.

– Спасибо тебе, Тьер, – прошептала она, стараясь, чтобы голос у нее не дрогнул.

– Учти, когда речь идет о поединках, мне с Тиарнаном не сравниться, – проговорил он с прежней шутливостью. – Но как предлог для герцога я сгожусь. – Он снова ухмыльнулся. – На самом деле даже лучше, чем Тиарнан. Ведь сильнее всего на герцога давит мой дядя, Жюль.

Он встал.

– Тьер... – тихо проговорила она. – Мне кажется, что я тоже была бы с тобой очень счастлива. Если бы я могла выйти замуж за кого-то из придворных рыцарей, то это был бы ты. Я уже давно так решила.

Он не сразу понял, что она ему сказала, а потом склонился над ней, опираясь одной рукой о беседку, увитую розами.

– Правда? Значит, я сглупил, когда сейчас от тебя отступился?

– Нет. Я ни за кого не выхожу. Мы это уже решили. Но ты нравишься мне больше всех. – Она заглянула в его привычно уродливое лицо и внезапно ощутила волну счастья, просто потому, что он был тем, кем был, и что они нравились друг другу. – И поцелуй мне тоже понравился, – призналась она.

– Я готов подарить тебе еще один, – отозвался он, улыбаясь еще шире и наклоняясь ниже.

- Нет-нет! По правде говоря... - Она вдруг обняла его за шею и крепко расцеловала. - Вот! Я вернула тебе твой поцелуй. Теперь мы квиты. И давай на этом остановимся.

- Наверное, - сказал он, продолжая смотреть на нее с улыбкой, - это тоже счастье.

Глава 9

В ноябре при дворе было меньше народа, чем в июне, но если кроватей теперь и было достаточно, то одеял по-прежнему не хватало, и герцогиня заранее решила, что Мари и Элин опять разделят постель. Мари заметила, что Элин такая перспектива не обрадовала, и тихо сказала герцогине, что, как ей кажется, вдова предпочла бы остаться одна. Было заметно, что за последние несколько месяцев Элин много страдала. Прежде она была стройной - теперь же стала худой. Глаза у нее глубоко запали, взгляд стал беспокойным и никогда подолгу не задерживался на лице человека, с которым она разговаривала. Прежнюю счастливую и открытую порывистость сменила мрачная раздражительность. И все же она казалась прекрасной. Черное удивительно шло к ее светлой коже и волосам.

- Ну конечно! - виновато воскликнула Авуаз. - Само пребывание здесь пробудило в тебе болезненные воспоминания, милочка. Я уверена, что ты предпочтешь побыть в одиночестве. Надо подумать... Наверное, на конюшне найдется достаточно одеял. Конечно, это конские попоны, но совершенно чистые и годные для спанья. Если мы уложим тебя...

- Полно! - ответила Элин раздраженно, что было бы непростительно в разговоре с герцогиней, не будь она молодой вдовой, оплакивающей мужа. - Я лягу с Мари.

- Я вполне счастлива делить с вами постель, леди Элин, - сказала Мари, - но если вы предпочтете остаться одна, то так и скажите.

Тут Элин изобразила бледную улыбку.

- Я бы предпочла не оставаться одна, леди Мари. Но спасибо вам.

Когда они оказались этой ночью в постели, то, лежа рядом с Элин в холодной темноте под грудой одеял, Мари наконец нашла в себе силы прошептать:

- Я очень соболезную вам, леди Элин.

Элин долго молчала. Во мраке рядом с Мари слышно было ее дыхание, частое и неглубокое.

- Вы помните, когда я в последний раз была при дворе, - отозвалась она после паузы, - вы пожелали мне много лет радостного узнавания того множества вещей, которых Тиарнан мне о себе не рассказывал?

- Да. Мне очень жаль, что вам так и не довелось их узнать. Элин покачала головой - Мари не столько увидела, сколько ощутила это движение.

- Нет. Одну вещь я узнала, и она не принесла мне никакой радости. Хорошо, что мне не довелось узнать еще что-то.

Онемевшая от изумления, Мари замерла.

- Я больше ничего не стану об этом говорить, - добавила Элин. - Его больше нет. Я не стану говорить дурно об умерших. Но мой брак с ним был моей величайшей ошибкой, и я рада, что

избавилась от него.

- Я... я не могу поверить, - пролепетала Мари. - Что бы вы ни узнали, это не могло...

- Вы о нем высокого мнения, потому что он спас вас от Эона из Монконтура, - раздраженно сказала Элин. - Вы его не знали. Он был худшим чудовищем, чем тот грабитель.

Мари прикусила губу, стараясь не издать ни звука. Все слова, приходившие ей в голову, казались неуместными. Она действительно не знала Тиарнана. Возможно, он и правда был чудовищем в своей личной жизни и имел пристрастие к какому-нибудь извращению. Но ее сердце и разум отказывались в это верить.

- Я буду молиться за вас, - наконец очень серьезно проговорила Мари. - За вас и за душу вашего мужа.

- Спасибо, - отозвалась Элин, уже успокаиваясь. - Я буду рада вашим молитвам, Мари.

В результате Мари молилась почти всю ночь, не желая поверить в услышанное. Она смирилась с женитьбой Тиарнана и перенесла его смерть, но она не могла принять разрушения своей веры в него: если бы она это сделала, она разрушила бы часть своей души.

Под самое утро она, утомленная, провалилась в дремоту. А проснувшись, обнаружила, что проспала: Элин уже встала. Мари медленно села, перекрестилась, прочла еще одну молитву об умерших и тяжело поднялась, чтобы встретить нежеланный день.

Было воскресенье. После мессы в замковом храме Хоэл принимал подданных. Зал Плоэрмеля, больше, чем в Ренне, оказался и более светлым. Деревянные стены изнутри были оштукатурены и побелены, а глиняный пол устлан камышом, желтым в это мрачное время. Дым от очага в центре зала голубым столбом поднимался к высокому потолку, а белый зимний свет косыми лучами падал сквозь узкие окна, полосами ложась на дубовые столы, покрывая бликами доспехи, богатые синие и алые ткани и отделку из меха и золотого шитья.

Герцог уселся в свое кресло в центре помоста, стол отодвинули в сторону, и Элин официально предстала перед ним как наследница поместья Таленсак. Ее черный траур резко выделялся на фоне ярких одежд вокруг нее. На алом кожаном поводке она вела ищейку Мирри.

Поскольку Тиарнана объявили мертвым, ленное поместье Таленсак возвращалось под контроль Хоэла, а Элин, как вдова герцогского вассала, становилась его подопечной. То, что Хоэл позволил ей принести ему присягу и получить в свое управление поместье, было знаком исключительного расположения, которое герцог питал к ее мужу. Элин с огорчением понимала, что это решение было принято для того, чтобы исключить ее из числа богатых наследниц, находящихся под опекой Хоэла, и предоставить ей свободу долгое время оплакивать Тиарнана. Хоэл будет недоволен, когда она попросит у него разрешения сразу же снова выйти замуж. Она знала, что весь двор сочтет это недопустимой поспешностью. Однако ей отчаянно хотелось быть рядом с Аленом, и ей невыносима была мысль о том, чтобы долгое время жить в Таленсаке одной. «Простые, честные, добродушные крестьяне» ополчились на нее. Она поссорилась с маштьерном. Именно из-за нее он исчез. Они не смели перечить госпоже, но они ее избегали: стоило ей войти в комнату, как все оттуда уходило.

Единственным человеком в Таленсаке, который был готов спокойно с ней разговаривать, был представитель герцога Гральон, присланный для наведения порядка в поместье. Для Элин, которая привыкла ко всеобщему восхищению, это было почти нестерпимо: она разрывалась между яростью и растерянной беспомощностью. Любовь Алена, его полные обожания взгляды

и успокоительные слова отогревали ее застывшую душу. Они были ей необходимы, и, чтобы сохранить их, она готова была шокировать двор и вынести все, что пожелает сказать ей герцог.

Она остановилась перед герцогом и изящно присела до земли. А потом она сделала еще шаг вперед и протянула Хоэ-лу красный поводок Мирри.

- Господин мой, - смущенно проговорила она, - когда вы были так добры, что призвали меня ко двору, я решила, что должна преподнести вам подарок, а лучшим подарком, который я смогла придумать, станет эта чудесная ищейка, чьи достоинства известны всем охотникам Бретани. Она горевала о своем первом хозяине. Я молю вас принять ее и снова вернуть ей радость охоты.

Хоэл покраснел от удовольствия до самой макушки лысеющей головы.

- Леди Элин, - сказал он, расплываясь в улыбке, - ты все очень хорошо решила. Не думаю, что ты могла найти для меня подарок лучше - если не считать возвращения твоего мужа в мой замок. Спасибо тебе. Эй, Мирри! Хорошая девочка!

Он прищелкнул пальцами, чтобы привлечь внимание собаки, а когда та вежливо подошла к его руке, он потрепал ее длинные уши и погладил.

Элин надеялась, что этот подарок, принятый герцогом с нескрываемой радостью, поможет ей получить согласие на второй брак, а оставлять у себя ищейку она все равно не хотела. Мирри была собакой Тиарнана и после его исчезновения тоскливо слонялась по дому, постоянно с надеждой поднимая голову каждый раз, когда открывалась дверь. Элин уже начала ее ненавидеть. Гораздо лучше отдать ее Хоэлу.

Хоэл перекинул поводок Мирри через руку и поднялся с места. Главным был не обмен подарками, а принесение вассальной присяги и ее принятие - при дворе, в присутствии свидетелей.

- Ты хочешь войти в число моих вассалов? - торжественно спросил он в полный голос, чтобы слышно было всем придворным.

- Хочу, - отозвалась Элин так робко, что свидетелям пришлось напрячь слух, чтобы расслышать ее тихий голос.

Она опустила на колени перед герцогом и подняла руки, сомкнув ладони. Хоэл зажал их между своими руками. - Я честно обещаю, - быстро проговорила она, - что буду верна герцогу Хоэлу и во всех моих делах буду соблюдать вассальную присягу, которую принесла ему, добросовестно и без обмана.

Хоэл помог ей подняться на ноги и церемонно поцеловал. А потом он снова уселся на свое место, и один из его слуг вручил ему буковый жезл, который должен был символизировать поместье Таленсак. Хоэл крепко взял его обеими руками и протянул Элин. Элин приняла его, а потом встала на колени и склонила голову. Когда она снова встала, все присутствующие захлопали в ладоши. Акт принесения вассальной присяги совершился: Таленсак перешел к ней.

В этот момент ей полагалось раствориться в толпе, отойдя в дальнюю часть зала. Хоэл снова перевел взгляд на Мирри, присутствующие начали разговаривать между собой, а слуги стали возвращать главный стол на помост, чтобы можно было подавать еду. Когда Элин снова опустила на колени, раздался изумленный ропот: слуги остановились, разговоры стихли, а

Хоэл обратил на нее взгляд, полный удивления и недоумения.

- Мой сеньор, - проговорила Элин, отчаянно стараясь не растерять остаток решимости и говоря гораздо громче, чем в момент принесения клятвы, - вы были очень великодушны, разрешив женщине принести вам вассальную клятву, но я знаю, что поместьем лучше управлять мужчине. У меня нет мудрости и сил, чтобы заниматься Таленсаком одной. Я молода, я испытываю глубокую печаль и смятение и нуждаюсь в надежной поддержке. Я умоляю вас, мой господин, и всех дам и господ придворных, не счесть меня непостоянной и неверной из-за того, что я хочу сразу же выйти замуж снова. Пока мой муж был жив, я хранила ему верность, но его нет, и все мои поиски не помогли его вернуть, и я не могу одна занимать его место. Препжний поклонник, который любит меня уже много лет, предложил мне свою помощь. Я прошу вас, мой сеньор, разрешить мне выйти за него замуж и передать ему земли, которые вы только что закрепили за мной.

Хоэл удивленно нахмурился. По залу пронесся шепот. Элин продолжала молча стоять перед герцогом на коленях. Хоэл посмотрел в сторону Алена, который находился среди рыцарей гарнизона на почтительном расстоянии от помоста. Его друзья взирали на него с восхищенным возмущением: Алел получал поместье, чудесное доходное поместье, и горячую молодую женушку в придачу!

- Леди Элин, - предостерегающе проговорил Хоэл, - подумайте хорошенько. Вы лишились мужа, который считался лучшим рыцарем Бретани. Взяв другого столь поспешно, вы станете мишенью для обвинений и насмешек.

- Я хорошо подумала, - ответила Элин с дрожью в голосе, - но, милорд, я не могу жить в Таленсаке совсем одна, а поместье будет вам полезнее, если будет обеспечивать рыцаря, который сможет за вас сражаться, а не только слабую женщину, которая даже не умеет им управлять. И, мой господин, как вдова и дама я имею право делать выбор.

Герцог сдался. Он не имел законного права ей отказать. Он позволил Элин позвать Алена, и они были официально помолвлены. Поскольку уже начался рождественский пост, свадьбу назначили на Рождество.

- Она приняла бы его и раньше, если бы могла, - едко заметил герцог за трапезой час спустя. - Ей следовало бы выждать по меньшей мере шесть месяцев, из уважения к мертвому. Ей не обязательно было жить в Таленсаке одной: мой управляющий Гральон прекрасно со всем справлялся. Она могла бы вернуться в Компер или какое-то время пожить в монастыре. Я не понимаю, как она может взять этого идиота де Фужера после такого человека, как Тиарнан!

- Он очень хорош собой и явно ее любит, - примирительно проговорила герцогиня. Как когда-то заметил Тьер, она питала слабость к молодым влюбленным. - Он ухаживал за ней до ее замужества. И они очень красивая пара.

- Он - пустой, себялюбивый, тщеславный павлин! - отрезал герцог. - Тиарнан был человеком надежным. - Он обвел сидящих за почетным столом мрачным взглядом. - Я уже рассказывал эту историю, но повторяю еще раз, в его честь! - объявил он громко. - Когда пять лет назад на нас напал Роберт Беллемский, я был застигнут врасплох.

Сидящие за главным столом замолчали и прислушались. Большинство уже слышали этот рассказ, но были рады снова иметь такую возможность. Роберт Беллемский был одним из самых жестоких и диких людей этого жестокого и дикого времени. Вечно готовый начать какую-нибудь междоусобицу, ок внушал ужас всем, кто имел несчастье оказаться соседом

одного из его тридцати четырёх замков. И один из главнейших его замков, Домфрон, находился в Нормандии рядом с границей Бретани. Роберт Беллемский и его преступления были привычной темой разговоров за герцогским столом, и всем хотелось услышать историю о его поражении.

- Это случилось в Великую пятницу, несмотря на праздничное перемирие, - продолжил Хоэл. - Но когда это Роберт боялся Бога или людей? Он переправился через Куэнон у Понторсона и начал рыскать по нашим землям, словно оголодавший волк, убивая и грабя всех вокруг. Весть об этом мне доставили в Ренн, и я поспешно поехал ему навстречу. Со мной были только гарнизонные рыцари. Я отправил гонцов к моим вассалам, но не надеялся, что многим удастся вовремя прийти мне на помощь. Но когда я подъехал к реке Ране, то там оказался Тиарнан с дюжиной своих людей и тремя-четырьмя рыцарями, которых он встретил по пути и заставил ехать с ним. Он не дожидался моего призыва: он выехал, как только услышал о набеге. И он не стал тратить времени, разыскивая меня в Ренне. Нет, он решил, что я обязательно поеду через Ране, и отправился прямо туда. Все его люди были отлично вооружены и имели припасы, и все слушались приказов своих командиров - что очень важно, как вы понимаете, когда человеку приходится сражаться в святой праздник.

Мы поехали вверх по Рансу, потому что слышали, будто Роберт напал на земли у Динара. При приближении к городу мы узнали, что брат Роберта, Жоффрей, отделился от основного отряда и ушел со своими людьми на восток, чтобы охранять дорогу и заодно грабить проезжающих. Как вам всем известно, Жоффрей славился своей кровожадностью: один раз он отрубил крестьянину ноги за то, что бедняга слишком медленно шел. Мне не хотелось, чтобы во время схватки с Робертом мне в тыл ударил Жоффрей, так что я повернулся к Тиарнану и сказал: «Позаботься, чтобы этот человек сюда не подошел». Тиарнан никогда не хвастался и не давал красивых обещаний, не то что некоторые. «Да, сеньор», - сказал он, взял свой отряд и отправился искать Жоффрея. Мы, остальные, продолжили двигаться к Динару. Мы встретили Роберта примерно в двух милях от города и начали бой. Господь свидетель: бой был яростный! Когда мы пролили немало крови, Роберт предложил начать переговоры. Он хотел, чтобы мы отошли, и тогда он со своими людьми ушел бы домой. Он не обещал вернуть награбленное или хотя бы не грабить снова по дороге.

Такие условия мне не понравились. Но я не знал, разумно ли требовать большего, когда рядом со мной были только гарнизонные рыцари.

А потом началось какое-то движение, мы все повернули головы и увидели Тиарнана с его отрядом. Они ехали по равнине в нашу сторону, ведя за повод боевого коня. Он подъехал прямо к нам, а когда остановился, то склонил передо мной голову и сказал: «Мой сеньор, этот человек сюда не подойдет». А потом он сделал знак своим людям отдать приведенного коня Роберту. Это оказался конь Жоффрея, а тело Жоффрея было положено поперек седла. «Я отдаю вам тело вашего брата для погребения, - сказал Роберту Тиарнан. - Он был из благородного рода и отличился в боях, и я не прошу за него выкупа».

Роберт стал серее блевотины: Жоффрей считался лучшим рыцарем у него на службе. «Как он погиб?» - спросил он у Тиарнана, а Тиарнан ответил: «Храбро, в поединке. Пять его людей мертвы, а остальные везут трупы домой». «Кто его убил?» - спросил Роберт. Понимаете, он не думал, что это мог сделать Тиарнан: в тот момент Тиарнану было всего двадцать, и он сидел такой чопорный, словно монашка в пивной. Жоффрей был мужчина крупный, в расцвете сил, и мы все увидели, что голова у него разрублена вместе со шлемом. Боже, какой удар! И тут Тиарнан спокойно сказал Роберту: «Я его убил».

Роберт посмотрел на меня, а я возблагодарил Бога и сказал: «Это мой вассал Тиарнан из

Таленсака, лорд Роберт. Он один из лучших рыцарей Бретани, и я предпочту его одного целому отряду пеших солдат. Но я благодарен Богу за то, что у меня на службе есть много смелых людей и в эту минуту они спешат мне на помощь. И я хочу, чтобы вы сейчас вернули все награбленное, отдали свое оружие и отправились домой». И Роберт сделал все, что я велел. Хоэл снова бросил сердитый взгляд на Алена.

- Но это далеко не все, за что я так ценил Тиарнана. Ему никогда не важно было, за каким столом он сидит и кто оказался выше его или какой кусок мяса ему поднесли слуги. В отличие от некоторых он не оскорблялся, если я оказывал честь другим. Он никогда не устраивал неприятностей своим соседям и был любезным и уступчивым во всех переговорах. А когда дело доходило до охоты, то он знал всех зверей в лесу, словно они были его родней: я сам видел, как он подманил лисицу из норы прямо к своей руке. Не было другого такого человека, который был бы таким ужасным на поле боя - и таким мягким вне его. Я могу понять, почему леди Элин плохо быть в Таленсаке одной. Она поссорилась со своим господином, и его люди нескоро простят ее за это. И им не понравится, когда на его место она посадит этого расфранченного трубадура. Проклятие! - Хоэл резко провел тыльной стороной ладони по глазам. - Он ведь ее обожал. Она должна была бы подождать полгода.

Воцарилось молчание. Герцогиня тоже усиленно моргала и в кои-то веки не пыталась защищать юную любовь. Мари думала о том, что сказала Элин накануне ночью, и стыдилась, что сердце ее отчаянно бьется, соглашаясь с Хоэлом.

- Не судите ее слишком строго, господин мой, - проговорила она. - Если бы Тиарнан прислушался к ней, он сейчас был бы здесь. Она ведь умоляла его не ходить на охоту одному.

Хоэл хмыкнул.

- Это верно, - сказал он. - Да, наверное, это так. И он ее действительно обожал и захотел бы, чтобы я отдал ей его земли и сделал ее счастливой. Ну что ж...

Он отодвинул от себя ломоть хлеба с олениной и сполоснул пальцы в серебряной чаше с водой, после чего вытер руки о салфетку, которую поспешно предложил ему дворецкий. Он обвел взглядом стол. По его сторонам сидели придворные - канцлер, казначей, коннетабль и их жены, - и на всех лицах увидел отражение собственного возмущения. Хоэл моментально пожалел о том, что был так резок: ветреность одной женщины не должна бросать тень на всю Бретань. Он снова осмотрелся вокруг, ища возможность улучшить обстановку, - и на этот раз его глаза остановились на Мари.

- У тебя усталый вид, леди Мари, - проговорил он гораздо жизнерадостнее. - Уж не лишилась ли ты сна из-за поклонника, потерявшего надежду?

Чуть раньше Тьер объявил всем присутствовавшим в зале о своем намерении «прекратить преследование» и стать гарантом Мари.

- И было бы странно, если бы этого не случилось, - отозвалась Мари, которая моментально поняла намерения герцога. - Из всех моих поклонников он больше всех достоин того, чтобы из-за него лишались сна.

Хоэл снова посмотрел в зал, но на этот раз на стол гарнизонных рыцарей, где сидел Тьер, оживленно разговаривавший со своими друзьями.

- Ты действительно так думаешь? - спросил он. - Я всегда мысленно объединял его с кузеном. Один строит из себя павлина с помощью одежды, другой - своим острым языком. Но в Тьере

есть что-то большее, да?

- Да, - горячо подтвердила Мари. - По правде говоря, мой господин, мне кажется, что вы много теряете, используя его так мало. Его честность равна его уму, а сердце у него значительно мягче его языка, который, признаю, довольно остер. Если он на что-то решился, то будет верным и преданным. А еще он очень хорошо умеет читать и знает латынь. Он учился в Бонн-Фонтейне. Он мог бы отличиться у вас на службе.

Хоэл задумчиво прищурился на Тьера. Не могло быть и речи о том, чтобы возвысить племянника де Фужера сильнее чем его сына: это оскорбило бы лорда Жюля. Хоэл получил герцогство через жену и знал, что многие влиятельные бретонские семьи этим недовольны. Он не смел оскорбить их, опасаясь лишиться их поддержки. Но если Ален станет владельцем поместья, он оставит герцогский двор, и тогда придворная должность, данная Тьеру, станет комплиментом его семье, а не оскорблением.

Авуаз тоже внимательно смотрела в сторону Тьера, который продолжал шутить, не замечая их взглядов.

- Знаешь, милый, - тихо заметила герцогиня, - а ведь Мари права. Она прекрасно умеет оценить своих поклонников.

Герцог ухмыльнулся.

- Значит, Тьер ошибся, отказавшись от ухаживания? - спросил он весело.

- Нет, милорд, - твердо ответила Мари. - Я не выйду за него, как и за любого из присутствующих, без благословения моего отца.

- Старая песня!

- Мне и самой надоело ее петь, мой господин. Хоэл хмыкнул.

- И вместо этого ты начала петь похвалы своему гаранту? Интересно, зачем он дал эту клятву, если действительно отказался от притязаний на тебя? Он знает, что тебе ничего такого не грозит. Авуаз меня придушила бы во сне, если бы я даже заикнулся об этом.

- Фи! - сердито откликнулась Авуаз. - Я бы никогда не стала душить спящего. Я это сделаю, когда ты будешь бодрствовать, милый.

Он ухмыльнулся и поцеловал ее мизинец.

Мари наклонилась к Хоэлу и понизила голос до шепота:

- Он сказал, что это может стать хорошей отговоркой, когда его дядя будет давить на вас из-за Шаландри.

Хоэл мгновение молча взирал на нее, а потом расхохотался.

- Он и правда так сказал? - спросил он. - Остроумный парень, а? Клянусь Богом, он заслуживает повышения!

Элин задержалась в Плоэрмеле еще на три дня, и хотя весь двор осуждал ее новую помолвку, она отправилась в Таленсак крайне неохотно. По крайней мере придворные осуждали ее не

слишком открыто и рядом был Ален, а в Таленсакке холодная неприязнь слуг стегала ее, словно ледяной ветер, – и там не было никого, кто бы заслонил Элин от нее. Она думала было поехать домой, в Компер, и оставаться там до самой свадьбы, но побоялась. Слишком велика была пропасть, отделившая счастливую девушку прежних лет от той озлобленной женщины, которой она стала. К тому же отец досадует на нее за то, что она решила выйти замуж за Алена: когда Ален был соперником Тиарнана, отец наговорил о нем столько гадостей, что теперь считал себя обязанным осуждать их брак. И Элин понимала, что не вынесет, если ее любящий отец тоже с ней поссорится.

От Плоэрмеля до Таленсака было всего полдня пути, но Элин выехала только в полдень, а зимние дни были короткими, так что она подъехала к дому уже после наступления темноты. Она слезла с седла и отправила сопровождавших ее слуг в конюшню с лошадьми. Дверь оказалась закрыта на засов, и она нетерпеливо в нее постучала. Никто не отозвался. Она постучала снова, а потом начала кричать и бить в дверь ногой. После еще нескольких минут ожидания на холоде засов наконец отодвинули. Кенмаркок открыл двери и посторонился, пропуская ее. Элин гневно прошла внутрь, но слова упрека замерли у нее на губах. Зал, освещенный красными углями, горой лежавшими в очаге, и одной свечой на центральном столе, выглядел так, словно дом собирались полностью разорить. Горы белья лежали по углам, а сундуки и коробка, открытые и наполовину опустошенные, были разбросаны повсюду. Пахло грязью и пролитым вином. Кроме свечи, на столе были только кувшин и перевернутая чашка. Гневно обернувшись к Кенмаркоку, Элин обнаружила, что от него несет вином.

- Что здесь происходит? – спросила она.

- Я уезжаю, – ответил Кенмаркок громким пьяным голосом.

- Уезжаешь? Куда?

- Домой, – объявил он. – Вот. Я знаю, что вы меня прогоните, как только приедет ваш новый парень и найдет кого-нибудь покрасивее, так что я ждать не стану. Но я не остался бы, даже если бы вы меня умоляли. Я не стану смотреть, как этот де Фужер усядется на место маштьерна – нет, святой Мен свидетель! Мы весь день укладывались. Утром мы здесь приберемся, перед отъездом.

- Ты пьян, – брезгливо заявила Элин. – Куда ты поедешь?

- Найдется куда, – ответил Кенмаркок. – Я – хороший подданный. У меня есть письмо от маштьерна, где он это говорит.

Он прошел к одному из полупустых сундуков, шагая с преувеличенной твердостью человека, который не уверен в своей способности держаться прямо, и начал копаться в стопке пергаментов. Он торжествующе выхватил нужный листок и, расстелив его у свечи, громко прочитал, не скрывая жестокого торжества:

- «Кенмаркок, сын Альфрета, – человек, которого я высоко ценю, ибо ни один владетель не имел более достойного и честного управляющего, и любой человек, к кому он захочет поступить на службу, должен почитать себя счастливым». – Кенмаркок сунул пергамент Элин под нос и потряс им. – Видите? – спросил он. – Это его печать! Вот что он написал. Он дал мне это свидетельство, когда отправлялся воевать, на случай если не вернется. Он всегда думал о таких вещах. И он дал мне постельное белье для всей моей семьи, и деревянный ящик со столовыми приборами и посудой, и пять рулонов хорошей шерстяной материи, и мою лошадь и коричневого мула. Мы все разбирали целый день: мы не возьмем того, что не наше.

Он плюхнулся за стол, с тяжелой сосредоточенностью взял кружку и налил в нее еще вина из кувшина.

Элин молча сверлила его взглядом. Накануне она отправила в Таленсак одного из сопровождавших ее слуг, чтобы в поместье знали, когда она должна приехать. И вот каким стал результат этого сообщения! Они с Аленом действительно решили, что им нужно найти для поместья нового управляющего, но она не собиралась увольнять Кенмаркока так быстро. Она собиралась сначала найти ему новое место. Ей не хотелось жить с ним в одном доме, но она надеялась расстаться без такой враждебности.

- Я купил повозку, - сообщил ей Кенмаркок, делая глоток вина. - Мы уезжаем завтра.

Он выпил еще.

- Тебе не обязательно уезжать так сразу, - неловко сказала Элин. - Я буду рада найти тебе сначала другое место.

- Я не стану жить с вами под одной крышей! - объявил он. Его глаза, красные от выпивки, смотрели на нее с глубочайшим презрением. - Из-за вас маштьерн ушел. Лучший рыцарь Бретани и самый добрый господин. Вы поссорились с ним и его прогнали.

- Ты не имеешь права так со мной разговаривать! - крикнула Элин. Она с ужасом почувствовала, что глаза ее наполняются слезами, а горло перехватывает спазм. - Я купил повозку, - сообщил ей Кенмаркок, делая глоток вина. - Мы уезжаем завтра.

Он выпил еще.

- Тебе не обязательно уезжать так сразу, - неловко сказала Элин. - Я буду рада найти тебе сначала другое место.

- Я не стану жить с вами под одной крышей! - объявил он. Его глаза, красные от выпивки, смотрели на нее с глубо чайшим презрением. - Из-за вас маштьерн ушел. Лучший рыцарь Бретани и самый добрый господин. Вы поссорились с ним и его прогнали.

- Ты не имеешь права так со мной разговаривать! - крикнула Элин. Она с ужасом почувствовала, что глаза ее наполняются слезами, а горло перехватывает спазм. - Я была его женой! И я его не прогоняла: я умоляла его не уходить!

- Знаю я, что вы сделали, - отозвался Кенмаркок придушенным шепотом, глядя на нее с такой злобной многозначительностью, что она невольно попятилась. - Вы умоляли чтобы он сказал вам, где пропадает, когда уходит на охоту а он так сильно вас любил, что сказал. А потом вы обходились с ним так, словно он - мразь. Мне все равно, что это была за тайна! Пусть даже он охотился с людьми из холмов или навещал госпожу источника! Бездушное создание из полых холмов было бы для него лучшей женой, чем вы!

- Ты не смеешь говорить мне такое! - заверещала Элин.

Наверху заскрипела открывающаяся дверь, и управитель герцога, Гральон, появился на лестнице в штанах и рубашке озадаченно глядя вниз.

- Я смею говорить все, что хочу! - взревел Кенмаркок - Я двадцать четыре года жил и трудился в Таленсаке! Лучшие годы моей жизни! Но я тут не останусь. Теперь - не останусь. - Он заплакал. - Я не останусь смотреть, как этот хвастливый менестрель займет место Тиарнана!

Элин беспомощно топнула ногой.

- Прекрати!- крикнула она.- Прекрати так со мной разговаривать, иначе я велю тебя за это наказать!

Кенмаркок гневно повернул к ней лицо, красное от выпивки и мокрое от слез.

- Шлюха! - с горечью воскликнул он. - Ты была недостойна даже сапоги ему чистить!

Элин зарыдала и дала ему пощечину. Он заморгал от удара, резко выдохнул, но не пошевелился. За дверью раздались шаги, и она с облегчением поняла, что ее сопровождающие наконец закончили обихаживать лошадей.

- Хватайте Кенмаркока и посадите его в колодки! - завопила она, как только слуги вошли.

Трое слуг, сопровождавших ее ко двору и обратно, потрясенно воззрились на Кенмаркока. Тут вниз поспешно спустился управитель герцога.

- Леди Элин! - воскликнул он. - Я не знал, что вы вернулись.

- Кенмаркок пьян! - прорыдала она, поворачиваясь к нему. - Я велела ему перестать меня обзывать, а он не слушается. Он назвал меня шлюхой. Посадите его в колодки!

Гральон открыл было рот - но тут же снова его закрыл. Он кивнул слугам. Они не двигались с места, глядя на Кенмаркока, который отвечал им взглядом, полным пьяного возмущения.

- Он обращался с вашей госпожой с большим неуважением, - сказал им Гральон. - Я это слышал. Посадите его в колодки.

- Не стану я сажать в колодки Кенмаркока! - воскликнул один из слуг.

Он повернулся и ушел за дверь. Остальные двое растерянно переглядывались.

- Пусть сажает меня в колодки! - воскликнул Кенмаркок, с трудом поднимаясь на ноги. - Пусть вся деревня увидит меня в колодках! Это покажет им, чего ожидать теперь, когда маштьерна нет! Мне-то не страшно - я завтра уеду. Это вам, остальным, теперь надо тревожиться.

Один из слуг подхватил его под руку, чтобы не дать упасть, и Кенмаркок заковылял к двери. Второй нервно посмотрел на герцогского управителя, а потом осторожно прошел кодному из сундуков и взял охапку одеял. Захватив кувшин и чашку Кенмаркока, он пошел следом.

Элин стояла в центре полутемного зала и недоуменно плакала. Она всегда считала себя доброй и мягкой - и вот теперь отправила не просто слугу, а управителя в колодки в разгар зимы. Гральон сочувственно посмотрел на нее.

- Вам следует отдохнуть, госпожа, - сказал он ей. - Не обращайтесь внимания на его слова: он пьян.

- Да, - согласилась Элин и, не переставая плакать, поднялась наверх, к себе в спальню.

Двое слуг, Донал и Йен Руз, очень бережно посадили Кенмаркока в колодки, закутали в два одеяла и уселись рядом с ним, чтобы помочь ему допить вино. Большая часть деревни уже спала, но спустя какое-то время появились Юстин Браз и Ринан, закончившие собственные

возлияния в пивной на реннской дороге. Они радостно взревели при виде занятых колодок и ринулись к ним, предвкушая возможность поглумиться над кем-то из своих местных врагов. Однако, подойдя ближе и увидев, кто в них сидит, они замолчали. Кенмаркок бесчисленное количество раз сажал Юстина в колодки, да и Ринана нередко, однако падение управляющего вызвало не ликование, а потрясение. Юстин радовался своей роли худшего мужчины в деревне, постоянного нарушителя порядка и угрозы всем добропорядочным женщинам. Но если сам порядок оказывается скован по рукам и ногам в холодную зимнюю ночь, то что станет с Юстином?

- Что тут случилось? - встревоженно спросил он. Ему ответил Донал:

- Он назвал госпожу шлюхой.

Ярость Кенмаркока уже успела остыть. Он использовал ее остатки для того, чтобы повторить, что Элин действительно шлюха, но тут же начал оплакивать свой скорый отъезд из Таленсака.

- Двадцать четыре года! - печально повторил он. - Двадцать четыре года, о Боже! И все мои дети родились в этом доме. Чтобы вот так из него уехать!

Юстин пришел в ужас. Он назвал Кенмаркока дядюшкой и стал умолять остаться.

- Мы потеряли маштьерна, - жалобно проговорил он. - Не уходите и вы тоже!

- Придется, придется, - ответил Кенмаркок, снова заплакав. - Если я сам не уеду, меня прогонят, и очень скоро. А я не допущу, чтобы эта шлюха и ее любовничек меня прогнали!

Тут Юстин тоже расплакался - и добропорядочные слуги господского дома и самые пропащие люди деревни расселись вокруг колодок, оплакивая ушедшее прошлое и не обещающее ничего хорошего будущее.

Кенмаркока освободили из колодок рано утром на следующий день, чтобы не оскорблять его видом жителей деревни. Он вернулся в господский дом бледным и поникшим и молча помог жене и детям закончить сборы. Когда все их имущество было увязано на повозке, уже наступил день. Лантиль-дис и старшие дети, уходя из дома, плакали, а малыши, ехавшие в повозке, выли от горя. Элин слышала их в своей комнате, где просидела все утро; она вышла из нее только тогда, когда эти звуки замерли вдали.

Когда она спустилась вниз, зал уже был чисто выметен - и лишился четверти всей мебели. Гральон стоял в дверях и озабоченно смотрел на серое, затянутое тучами небо. Элин подошла к управителю сзади - тот вздрогнул и тревожно обернулся.

- Я бы нашла Кенмаркоку новое место, если бы он дал мне время, - обиженно заявила Элин.

Управитель неопределенно хмыкнул.

- Он его сам себе найдет без особых трудностей, - сказал Гральон. - Он собирался отправиться ко двору. Раньше он работал в казначействе герцога, знаете ли. И у него есть рекомендательное письмо, по которому большинство людей будут рады его нанять. - Он немного помялся, а потом добавил: - Кенмаркок сказал, что прошлой ночью в деревне был волк.

Элин почувствовала, как живот у нее схватила привычная судорога.

- Волк? - прошептала она.

- Да. Он предупредил меня, когда уезжал. Он сказал, что при заходе луны в центр деревни вышел волк. Поначалу он принял его за собаку, но тот подошел совсем близко, так что ошибки уже быть не могло. Он позвал на помощь, и волк убежал. С ним оставались те слуги, которые посадили его в колодки, и еще кто-то из деревенских. Когда он закричал, они проснулись и тоже увидели волка. Управитель вопросительно посмотрел на Элин.

- Я никогда не слышала раньше, чтобы волк заходил прямо в деревню, - сказала она, чтобы только не молчать.

Она чувствовала тошноту и слабость.

- И я тоже, - согласился управитель. - Как и Кенмар-кок. Он счел это знамением. - Он перекрестился. - Молю Бога, чтобы оно не предвещало голода и холодной зимы.

Элин представила себе волка, неспешно идущего по узкой деревенской улице. Он искал ее: она в этом не сомневалась. Способен ли он проникнуть в дом? Она содрогнулась. Она вспомнила Алена и то, как прощалась с ним в Плоэрме-ле. До Рождества еще было долго.

- Нам надо установить капканы на волка, - сказала она. Гральон сразу же кивнул.

- Мы будем ставить капканы, пока не поймает этого зверя, - пообещал он Элин. - И к тому же когда жители деревни его убьют, их это развеселит.

По мнению управителя, это было очень важно: таких мрачных и угрюмых крестьян он еще никогда не видел.

Элин вдруг представилась ужасающая картина: с тела волка, пойманного и убитого жителями деревни, снимают шкуру - и под ней оказывается тело Тиариана. Она прижала руку ко рту, пытаясь сдержать волну тошноты, поднимавшуюся в горле. Она пыталась убедить себя в том, что он не сможет снова превратиться в человека даже после смерти. И он не сможет пробраться в дом. Частокол здесь высокий и крепкий и хорошо заглублен в землю, а ворота и двери дома на ночь закрывают на засовы.

- В чем дело, госпожа? - спросил Гральон.

- Я боюсь волков, - прошептала Элин.

- Не бойтесь, - сказал он, забыв собственное беспокойство из-за знамений. - Мы его поймает. Я велю крестьянам вдобавок вырыть волчью яму и положить в нее приманку. Они все ненавидят волков, так что это им понравится. На самом деле даже хорошо, что этот зверь здесь появился, леди Элин. Радуясь поимке волка, они забудут свои тревоги.

- Я... я рада, - прошептала Элин. - Скажите им, что я выплачу вознаграждение тому, кто его убьет. Я... я плохо себя чувствую и пойду прилягу.

Она вдруг почувствовала, что не останется в Таленсаке. Она уедет домой, в Компер, что бы ни думал ее отец. А на Рождество она поедет в Фужер и выйдет за Алена замуж там. Она ненавидит Таленсак. Она вообще не может здесь оставаться - без Алена.

И словно валун среди бурных вод ее мыслей возник голос Жюдикеля: «Все, что вы получите своим обманом, превратится в горечь, а страх перед тем, что вы совершили, отравит все, к

чему вы будете прикасаться».

Но она сказала себе, что все снова будет хорошо, как только она выйдет замуж за Алена.

Глава 10

Волк осторожно вышел из леса и остановился, тревожно приюхиваясь. Он был еще в паре миль от Таленсака, но ему не нравилось находиться на открытом возделанном поле – даже сейчас, ночью. Ветер приносил запах дровяного дыма и человеческой грязи. Инстинкт говорил ему, что это сигнал опасности. Его инстинкты были сильны и всегда определяли почти все его поступки. Сейчас его личность пыталась их преодолеть, но логическое мышление было затруднено. Образы и воспоминания давались легче, но совместить мир воспоминаний с реальным, окружающим его миром было нелегко. Звуки и запахи стали другими, разнообразие цветов исчезло, глаза различали только оттенки серого.

Волк тихо заскулил и оглянулся назад, на лесное укрытие. А потом он опустил голову и быстро метнулся через поле к шедшей по его краю канаве. В канаве было лучше: она пахла влажной гниющей растительностью и еще чуть-чуть – кроликом. Волчьи инстинкты заставили его сделать паузу и проследить запах кролика до его норы. Но голод был не таким сильным, как гложущее чувство потери, которое испытывала личность. Волк быстро побежал по канаве, перешел через ручей и нашел другую канаву, чтобы двигаться дальше.

Примерно в миле от деревни он вышел к мельнице. Он обошел ее так, чтобы ветер дул от нее, а потом медленно пополз к ней. Его била дрожь от яростного конфликта между решением приблизиться и инстинктивным желанием убежать. Сначала по нему ударил удушающий запах муки, потом – запахи свиней, коров и дыма, людей и собак. Потом раздались голоса. Они пугали его, но он подполз еще ближе и лег на брюхо, дрожа и прислушиваясь. Усилия, необходимые для того, чтобы выудить из глубин сознания слова и сопоставить их с искаженным шумом, долетавшим с мельницы, были мучительными и отнимали много энергии. А потом ветер чуть изменился, собака в доме почуяла его и начала громко лаять.

Дверь открылась, собака вылетела на улицу – и резко остановилась, продолжая бешено лаять. За ней последовал мужчина, который нес в руках горящую палку, заменявшую ему факел. Присутствие человека придало собаке храбрости: она рванулась на пару шагов ближе к волку и начала прыгать на месте, злобно подвывая. Волк зарычал, и мужчина его заметил. Он завопил и принялся размахивать своим факелом из стороны в сторону, так что огонь вспыхнул сильнее. Горячие искры испугали волка: он повернулся и побежал. Ни мужчина, ни собака не стали его преследовать, но волк услышал, как новые голоса из дома присоединились к шуму.

Он забежал в ручей ниже запруды, несмотря на то что вода была холодная, прошел несколько шагов по нему, а потом вылез на тот же берег, пробежал вниз по течению, вернулся обратно по собственному следу, потом пробежал несколько шагов вверх по течению и выбрался на противоположный берег. Отряхнувшись, он заполз под какой-то куст, положил голову на лапы и снова попытался сопоставить услышанные им слова с их смыслом. Крик «волк» выплыл из глубины легко. Люди знали о том, что он приходил сюда раньше. Они его ждали. И они будут нападать на него без колебаний. «Опасность! – кричал его инстинкт. – Беги!»

Однако образ Элин в голубой шелковой головной повязке его озадачил. А потом – лицо Элин, улыбающейся ему с постели. Желание заплакать при этом воспоминании и невозможность заплакать были мучительны. Если она сможет его увидеть, если поймет, что она с ним сделала, – конечно же, она смягчится и отдаст то, что украла. Она любила его. Он был уверен в том, что прежде она его любила, даже если сейчас она хочет от него избавиться. Он

выскользнул из-под куста по другую его сторону, пробежал вдоль берега и нашел еще одну канаву, которая вела к деревне.

Однако ему все равно было страшно – и благодаря этому он заметил первый волчий капкан раньше, чем попал в него. Он лежал на узкой тропе, которая вела от полей к грязной деревенской улице, и с виду был похож всего лишь на деревянную доску, засыпанную листьями и навозом. Он уже готов был через нее переступить, но он нервничал и потому остановился. На поверхности доски он увидел три небольших квадратика – и эта фигура внезапно совместилась с разумным образом. Деревянная коробка, наполовину закопанная в землю, а на ее крышке – три маленькие опускающиеся дверцы, которые открываются при нажатии. А под дверцами – острые шипы под углом, которые готовы поймать ногу. Он вспомнил, как плотник Мало делал такую, а другой человек – он сам – говорил ему... Его собственные слова потонули. Он не хотел такую, но Мало все равно ее сделал: волки плохие, а ловить их – хорошо.

Он попятился от капкана и попробовал найти другую тропу в деревню. Но оказалось, что все пути, которые он проверял, для него перекрыты. В конце концов ему пришлось войти в деревню по главной улице, где ветер дул ему в бок. В одном из домов, мимо которого он проходил, залаяла собака, и он побежал, щетиня шерсть от страха, – но продолжал встревоженно осматривать землю. И тут он уловил новый запах: свежего мяса. Его инстинкт снова потащил его вперед раньше, чем он успел остановиться. На ветке дерева висела свиная голова – свежая, истекающая кровью. Он остановился, жадно глядя на нее. Но еще одно воспоминание шевельнулось: яма, закрытая ветками, и подвешенная над ней приманка. Он посмотрел на землю – и действительно увидел там ветки, накрывающие яму. С отчаянно бьющимся сердцем он поспешно отошел и выбежал на площадь перед церковью.

Этой ночью колодки пустовали, что успокаивало. Накануне ночью ему потребовалось несколько минут на то, чтобы узнать Кенмаркока, потом было болезненное осознание того, где он сидит, а его испуганный крик ранил еще сильнее. Ему пришлось убежать, не добравшись до цели. Сейчас он побежал дальше, через речку и вверх по насыпи к господскому дому. Еще одна собака начала лаять. Ему следовало спешить.

Через сухой оборонный ров перед воротами был переброшен мост. Звериные инстинкты протестовали против него, и, дойдя до моста, волк остановился. Он боролся с собой, заставил себя поставить на него лапу – а потом бросился вперед и чуть не налетел на закрытые ворота. Он прижал уши к голове и пригнулся у калитки. Все было неправильно. Он не сможет пройти здесь. Он следовал своим человеческим воспоминаниям о том, как надо возвращаться в Таленсак, подавляя волчьи инстинкты, но воспоминания его обманули. Ворота, которые всегда распахивались ему навстречу, были закрыты перед волком, и он не мог попасть внутрь. И здесь ветер дул от него к дому!

В ту минуту, когда он это понял, собаки залаяли. Охотничьи псы, которые когда-то принадлежали ему, теперь требовали его крови. Ответные звуки донеслись из привратничкой у ворот. Голоса скрипели и верещали, искажаясь до неузнаваемости. Он прижался к земле, поскуливая, и попытался их понять. «Поймать», – удалось ему разобрать. «Госпожа. Су в вознаграждение». Поймайте волка, и госпожа заплатит вам су в качестве вознаграждения.

«Милосердие, – подумал он. Слово составилось мучительно медленно. – Милосердие, госпожа. О Боже!»

Но он понял, что милосердия не будет. Мало было отобрать его дом, его земли, его человечность: ей нужна и его жизнь. Мгновение он испытывал такую мучительную боль, что не мог пошевелиться.

Но говорившие на псарне сейчас выпустят эту лающую свору. Он помнил собак. Их цветные образы ворвались в его воспоминания: они бежали за добычей, валили ее на землю, разрывали на кровавые ошметки своими мощными челюстями. Он повернулся и понесся обратно по мосту, промчался вниз по склону и дальше, к обещающему защиту лесу.

Лай собак ночью разбудил Элин, и она лежала без сна еще долго после того, как собаки успокоились. Она представила себе, как волк бродит вокруг частокола, защищающего дом. Она точно знала, что волк ее дожидается. В ее мыслях он стал огромным как лошадь, черным, огненноглазым и полным жестокой ненависти. Он дожидается, чтобы ее убить. Она тихо плакала от горя и страха.

Ей мучительно хотелось, чтобы волк был мертв, но ее пугало то, что может произойти, если это случится. Картина того, как волчья шкура слезает с тела Тиарнана, преследовала ее. Что сделают крестьяне, если узнают, что она совершила? Она представила себе, как мрачное презрение на их лицах сменяется звериной яростью.

Элин уговаривала себя, что если бы они знали, что представляет собой Тиарнан, то признали бы, что она права, отвергая его, однако сердце не верило этому. «Мне все равно, что это была за тайна! – кричал ей Кенмаркок. – Вы были недостойны чистить ему сапоги!»

Утром выяснилось, что в капканы ничего не попало, и она не знала, что ей чувствовать: разочарование или облегчение.

В тот же день она уехала в Компер, захватив с собой отряд из четырех слуг, вооруженных луками, – из страха перед волком. Она оставалась там до последнего воскресенья рождественского поста. Ссора с отцом случилась, как она и ожидала, но там хотя бы не было волков.

В предрождественскую неделю ей показалось, что мучения наконец закончились. Она выехала со своим отрядом в Фужере, и ее отец простил ее настолько, что поехал с ней. Лорд Жюльде Фужер принял их очень любезно. Он был готов забыть о том, что когда-то обозвал Элин «беловолосой девчонкой-шлюхой, которая много о себе воображает», поскольку теперь она принесла его младшему сыну землю «и очень недурное поместье, с прекрасными охотничьими угодьями». Теплый прием со стороны влиятельного лорда Жюля растопил остатки недовольства лорда Эрве. Что до Алена, то он встретил Элин с такой радостной нежностью, что у нее слезы выступили на глазах.

Фужер был великолепен – гораздо больше и роскошнее, чем Компер и Таленсак. Это был каменный замок, а не укрепленный дом, а земли составляли сорок квадратных миль равнины. В Фужере они отпраздновали и Рождество, и свадьбу, причем с пышностью, которая ничем не уступала герцогскому двору. Счастливая Элин даже решила, что здесь лучше, чем при дворе. Там празднование ее свадьбы было всего лишь мелким событием, а в Фужере оно стало поводом для настоящего пира. И здесь она выходила замуж за своего настоящего возлюбленного. И, выходя наконец за него замуж, она приносила ему в качестве приданого не те акры, которые принесла Тиарнану, а весь Таленсак. Ален казался невероятно красивым: золотоволосый, голубоглазый, с широкими плечами, красиво подчеркнутыми новым камзолом из малинового бархата, отделанного мехом рыси. Она почувствовала жар в паху и под столом тронула его ногу своей. Он сразу же ей улыбнулся и поцеловал ее руку.

Лорд Жюль заметил поцелуй руки и рассмеялся.

– Рождество больше подходит для свадьбы, чем середина лета, не так ли, леди Элин? – пошутил

он. – Молодоженам короткие ночи ни к чему.

Элин огорченно посмотрела на него. Ей меньше всего хотелось, чтобы ей напоминали о ее первой свадьбе. Но Ален только снова поцеловал ей руку.

– С тобой любая ночь будет слишком короткой, – шепнул он.

Однако когда эта долгая ночь только начиналась, она вспомнила летнюю ночь и нежность Тиарнана. Та девушка, которой она была тогда, казалась настолько далекой, словно это воспоминание принадлежало другому человеку.

На мгновение она забыла о том, кем был Тиарнан, и помнила только сладкое наслаждение, во время которого простилась со своей девственностью. На мгновение оно даже показалось ей частью нового наслаждения. Все это была любовь. Но ее следующее воспоминание было отравлено тошнотворным отвращением. Она застыла в руках своего нового мужа, и Алену очень не скоро удалось снова согреть ее.

После Рождества Ален рвался поскорее уехать в Таленсак. Элин ехать не хотелось. Они обсуждали это утром в День избиения младенцев.

– Я ведь даже никогда там не бывал! – сказал он ей. – А теперь это место – мое. Я хочу его осмотреть и сразу же навести там порядок.

– Оно и сейчас в полном порядке! – запротестовала Элин. – И управитель герцога Гральон по-прежнему там, собирает смену.

Ален поморщился. «Смена» была крупной суммой, которую новый владелец лена платил своему сюзерену при получении владения. Обычно она составляла примерно годовой доход поместья. Сюзерен, нуждавшийся в деньгах, мог потребовать и большую сумму. А плохой сюзерен способен был отложить принесение вассальной клятвы на неопределенный срок и обирать владение, пока оно находилось под его управлением. Хоэл был хорошим сеньором, и Гральон собирал только то, что было положено по обычаю. Тиарнан держал разумный запас денег, и хотя свадьба и многочисленные ремонтные работы его несколько истощили, там оставалось достаточно, чтобы оплатить всю сумму смены. Гральону осталось только собрать арендную плату за рождественские три месяца. Но Алену даже это казалось очень большой суммой. У него никогда раньше не было собственных денег – только содержание, которое давал ему отец, а отец всегда был недоволен тем, на что он его тратил.

– Как ты думаешь, – сказал он Элин, – может, герцог согласится снизить смену, если...

– Ален! – встревоженно воскликнула она. – Герцог Хоэл позволил мне оставить Таленсак только потому, что был привязан к Тиарнану. Он сердит на нас за то, что мы так быстро поженились. Нам никак нельзя просить его снизить смену!

Ален снова поморщился.

– Хорошо. Значит, до Пасхи денег от поместья не будет. Ну что ж, у меня еще осталось пятнадцать марок, которые я взял в долг. Их нам хватит до того времени.

– Взят в долг? – удивленно переспросила Элин.

А потом она прикусила язык. Конечно, им с Аленом понадобятся деньги, чтобы вести свое

хозяйство. Как глупо с ее стороны об этом не подумать. Однако пятнадцать марок показались ей большой суммой.

- Я взял в долг пятьдесят марок у одного еврея в Нанте, - небрежно заметил Ален. - Он был рад дать их мне, узнав о Та-ленсаке. Но он берет разорительные проценты, так что я надеялся, что смогу с ним расплатиться уже в этом году.

Элин глупо открыла рот. Она не умела читать и плохо считала, но знала, что пятьдесят марок - это гораздо больше, чем все, что приносил Таленсак за год. А на эту чудовищную сумму надо еще будет платить проценты?

- Но... - пролепетала она, - но... зачем тебе понадобилось брать в долг так много?

Ален радостно ухмыльнулся. Он подошел к своему одежному сундуку и достал оттуда отполированную коробочку из розового дерева. Он сел на кровать рядом с Элин и положил коробочку ей на колени.

- Открывай!

Она послушалась, затаив дыхание. Коробочка оказалась выстланной белым шелком, а на шелке лежал крупный сапфир на цепочке из серебра и жемчуга.

- Ах, Ален! - выдохнула она, доставая украшение из ящичка. - Ах, какая красота! Я ничего красивее в жизни не видела!

Ален мягко отнял его у нее и надел ей на шею. Сапфир заискрился на фоне небесно-голубого платья, но все равно был не таким ярким и блестящим, как ее глаза.

- Я в жизни не видел никого красивее тебя! - прошептал он. - Мне хотелось купить тебе подарок, который был бы достоин тебя.

- Ах, любимый! - Ей всегда нравилось получать подарки, а этот перенес ее обратно в пору девичества. Она бросилась ему на шею и расцеловала. - Ах, я тебя обожаю!

Больше ничего не говорилось о долге в пятьдесят марок, даже позже, когда выяснилось, что ожерелье стоило всего шесть марок, а остальные двадцать девять Ален потратил на нового боевого коня, иноходца для Элин, сокола, новый красный бархатный камзол и разнообразные вина для своего нового погреба. Как она могла выразить недовольство его действиями, когда он так сильно ее любил?

Она согласилась и на то, чтобы уехать на Новый год в Таленсак. Ален нашел человека, который бы стал управляющим вместо Кенмаркока, и отряд выехал в поместье тридцатого декабря, прибыв в Таленсак первого января.

Новый управляющий Таленсака был сыном одного из управляющих лорда Жюля - щуплым, мрачным, хитрым человеком по имени Жильбер. Он был рад уехать из Фужера, где у него не было никаких перспектив, но невзлюбил жителей Таленсака, еще не попав в поместье. Он не говорил по-бретонски, а только двое из четырех слуг, которых Элин захватила с собой, знали французский.

Они приехали в середине дня, в холодном тумане. Проезжая по деревне, они не увидели ни души - но это можно было объяснить непогодой. В зале поместья ярко горел огонь и царил порядок. Слуги поклонились, как положено, а управитель герцога тепло поздравил их со

свадьбой. Он поприветствовал и Жильбера - а потом вынужден был повторить приветствие по-французски. Элин предоставила двум управляющим обсуждать свои дела, а сама показала Таленсак его новому владельцу: лошадей в конюшне, гончих на псарне, ястреба и кречета Тиарнана в отдельном помещении, дом, кухни и кладовые, и слуг, которые ими занимались. Ален был в таком же восторге от всего, как она сама, когда Тиарнан в первый раз показал ей свои владения. На несколько часов она поверила в то, что они смогут быть счастливы в поместье.

За обедом ее радость поблекла.

- Похоже, волк нас оставил, - сказал Гральон, обращаясь к Элин, когда они сели за стол.

- Волк? - резко переспросил Ален.

Элин не рассказала ему про волка, пока они были в Фужере: она была слишком занята своим счастьем.

- А ваша дама вам ничего не рассказала? - с улыбкой спросил Гральон. - Похоже, вы нашли, чем ее занять! Когда она в последний раз здесь была, в деревню повадился заходить крупный волк. Он не обращал внимания на все наши капканы и сбивал собак со следа. Нам не удалось поймать этого зверя, но, похоже, мы смогли его отпугнуть.

- Куда он убежал? - спросил Ален.

- Хотите попробовать на него поохотиться, лорд Ален? Конюх Донал проследил его до леса к западу отсюда, в стороне Тремелина.

- Это моя земля, кажется? - сказал Ален. - И у Тиарнана была хорошая свора гончих, так? - Он снова изумился собственному хладнокровию. - Да, думаю, что попробую его убить.

Позже, ночью, когда они лежали в постели, которую Элин когда-то делила с Тиарнаном, она прошептала:

- Ты не должен приближаться к этому волку, Ален! Ты ведь знаешь, что он такое на самом деле. Он опасен!

- Это зверь. И ты права - он опасен. Слишком опасен, чтобы оставить его жить.

Теперь он понял, почему Элин так не хотелось возвращаться в Таленсак. Какая женщина не испугалась бы того, что рядом бродит столь странное существо? Ему давно следовало убить этого волка. Только когда-то чудовище умрет, она будет в полной безопасности и будет принадлежать ему одному.

Элин лежала неподвижно, устремив взгляд в темноту.

- Ален, - прошептала она, - мне пришла в голову ужасная мысль. А что, если когда его убьют и сдерут с него шкуру, под ней окажется Тиарнан?

Ален долго молчал. Картина превращения Тиарнана возникла в его памяти со странной, далекой ясностью, словно нечто, увиденное во сне. Оно совершилось мгновенно: внутри той волчьей шкуры не было человека.

- Это совсем не так, - сказал он наконец. - Он оставил часть себя под тем камнем у часовни. И

потом, если я поймаю его с помощью гончих, с него не сдерут шкуру: она будет так порвана, что уже ни на что не пригодится.

Эта мысль его ободрила.

Элин содрогнулась. Она не испытывала жалости к волку – она была слишком испугана, чтобы такое было возможно, – но она боялась разоблачения.

- Может, нам сжечь его вещи? – прошептала она.

Когда они были в Фужере, Ален тайком показал ей сверток с охотничьим костюмом Тиарнана, завернутым в разрезанный кожаный мешочек. Он не разворачивал его с того дня у часовни Святого Майлона, но теперь кожаный сверток был обернут старой напестольной пеленой, купленной в церкви, и окроплен святой водой. И сейчас сверток лежал в сундуке с его одеждой, в потайном отделении. Они уже обсуждали возможность сжечь эти вещи. Когда они первый раз тайно встретились после событий у часовни, Ален уговаривал Элин сжечь одежду: он боялся, что если ее обнаружат, то обвинят его в убийстве. Элин его отговорила. Если сжечь одежду, то кто может предсказать, что произойдет с тем невидимым, что было оставлено вместе с вещами? Оно может улететь обратно к своему владельцу. Огонь вряд ли сможет уничтожить нечто, не имеющее веса и формы.

- Ты раньше говорила, что этого делать не надо, – нетерпеливо напомнил ей Ален. – Ведь мы знаем, что он не может превратиться обратно, пока она остается такой, как есть. И мы не знаем, что будет, если мы что-то изменим.

- Да, – прошептала она горестно. – Наверное, это так.

- Я его убью, – пообещал Ален. – Я его выслежу, куда бы он ни ушел. Не бойся. Теперь ему со мной не справиться.

Она повернулась и внезапно страстно приникла к нему.

- Только будь осторожен, любимый! Пожалуйста, пожалуйста, будь осторожен!

В Таленсаке, с тревогой ожидавшем нового владельца, поначалу успокоились, обнаружив, что его интересует только охота на волка. Казалось, что безрадостные ожидания той ночи, когда Кенмаркока посадили в колодки, не осуществляются: Ален даже не стал запоминать имен крестьян их деревни, не то чтобы интересоваться тем, что они делают. Однако новый управляющий вскоре показал себя мерзким человеком. Он требовал, чтобы с ним разговаривали по-французски, а любому, кто обращался к нему на бретонском, давал оплеуху или бил рукоятью небольшого кнута, который всегда носил при себе. А еще он был жадным. Он дожидался, когда крестьянину нужно было отправиться на свадьбу к двоюродному брату или на ярмарку, и требовал, чтобы именно в этот день он явился на отработку на господских землях, а потом с ухмылкой получал мзду за разрешение на отлучку. Даже Юстин Браз был с Жильбером осторожен, потому что управляющий явно был готов назначить самое жестокое наказание за любую провинность, а потом взять деньги за его смягчение. Гадкий человек. Однако положение могло оказаться и более неприятным. В Таленсаке одобряли охоту на волка.

- Хотя лорд Ален – не охотник, учти, – сообщил Юсти-ну Донал за кружкой пива.

Совместная ночь у колодок привела к непростой дружбе, и теперь солидный конюх взял в привычку пересказывать события, происходящие в господском доме, деревенскому шалопаю и

его приятелям.

В течение следующих двух месяцев Ален убил нескольких волков. Сначала он прибег к обычной тактике охотника на волков. В небольшой роще, отделенной от главной части леса, оставляли тушу зверя. После того как тушу находили и ели волки, ее заменяли на свежую – и так в течение трех ночей кряду. Затем, на четвертую ночь, тушу вешали на дерево, а по земле под ней разбрасывали несколько костей. Волки поддавались соблазну и в течение ночи, жадно глодая кости, поджидали добычу, которую чуяли над собой. Перед самым рассветом Донал, которого Ален стал использовать в качестве егеря, выходил в рощу и срезал тушу. Волки собирались возле нее и оставались в роще, опасаясь в светлое время возвращаться в лес через поля. Каждый раз, когда это делалось, Ален охотился, являясь в рощу утром с собаками. Но он был уверен, что эти волки – только звери.

– Это не король волков, – сказал ему как-то Донал, осматривая труп животного, затравленного собаками. – Не тот, что приходил в Таленсак. Но он приходил в те ночи, когда мы оставляли мясо. Я видел его следы: это крупный волк-самец. Он хватает кус мяса и убегает с ним. Он – хитрая тварь.

Ален внимательно посмотрел на слугу.

– Ты хороший следопыт, да? – спросил он.

Донал пожал плечами. «Только сейчас понял, да? – подумал он. – Ничего-то ты о лесе не знаешь!»

– Мне это нравится, – осторожно ответил он.

Ему всегда нравилась охота. Тиарнан дал ему разрешение охотиться на кроликов на всех землях поместья и поручил всю работу лесничего Доналу или свинопасу Салмину, потому что знал: она им нравится. Самым ценным имуществом Донала была ищейка, один из щенков Мирри, которого ему подарил маштьерн. Он даже охотился с Тиарнаном на благородных зверей – оленей и кабанов, – а потом сидел у очага в господском доме и обсуждал погоню. Тиарнан был благородного происхождения, а Донал – простого, но это различие было не столь важно, как то, что они были одного возраста, жили в одной деревне и имели общие интересы. Они росли вместе. У них были общие воспоминания о купании в рыбных прудах в летнюю жару, когда им было по восемь лет, о драках, смелых набегах на сады и запретных кострах у стоячих камней.

Донал понимал, что для нового владельца Таленсака он сам всегда будет всего лишь послушной парой рук. Ну что ж, такова жизнь. Хорошее умирает, а перемены всегда бывают к худшему.

– Я хочу, чтобы ты нашел мне того волка, – сказал Ален. – Я освобождаю тебя от твоей работы, пока ты его ищешь, и дам тебе три су, если сможешь его найти.

Донал выслушал это с изумлением и недоверием. Три су составляли заработок почти двух месяцев – большие деньги, чтобы предлагать их за одного волка, пусть даже очень хитрого. И к тому же новый господин был человеком невнимательным и нетерпеливым и способен был дать обещание и забыть о нем, не то что маштьерн. И был еще жадный Жильбер: если господин пообещал три су, то можно было не сомневаться, что когда управляющий будет доставать их из сундука, то одну монету оставит себе. Однако охотиться в лесу приятнее, чем выгребать навоз, и даже два су – это большие деньги... если их дадут.

- Я постараюсь найти его вам, господин, - сказал Донал Алену.

Он разыскивал короля волков весь остаток морозного января и в течение влажного, снежного февраля. Он несколько раз находил его след: похоже, волк жил в лесу к западу от Таленсака. Иногда он оказывался около Монфора, иногда - ближе к Комперу или Сен-Мало, но никогда не уходил далеко. Ален являлся с собаками и охотился на волка. И каждый раз хитрое животное ускользало, оставляя собак замерзшими и унылыми - и как правило, на чужой земле. На третий раз это оказалась земля владельца Монфора. Рауль де Монфор, узнав об этом, пришел в ярость и обвинил Алена в браконьерстве. Он был самым влиятельным бароном этих мест, так что ссориться с ним было опасно. Алену пришлось приносить униженные извинения.

Когда Донал обнаружил след в следующий раз, он оказался на краю герцогского леса Треффендела. Ален не решился преследовать волка по земле герцога. Но он вспомнил, что может попробовать еще один вариант.

На Рождество Тьера назначили главным охотничьим герцога. Узнав об этом, Ален был очень недоволен: Тьер поступил на службу к герцогу и получал жалованье, а его место давало ему влияние при дворе, где так любили охоту. Это место было гораздо лучше всего того, что когда-то предлагали самому Алену. Однако теперь это могло оказаться полезным. Не будет ничего странного в том, что он напишет Тьеру письмо и пригласит герцога поохотиться на волка. И Ален с удовольствием подумал, что тут-то волку придет конец. У герцога сотни собак и лучшие охотники Бретани. А еще у него есть ищейка Мирри. Всякий раз, когда собаки Алена теряли след волка, Донал говорил: «Мирри могла бы его найти». Ален с трудом сдерживался, чтобы не проклясть Элин за то, что она отдала ищейку.

К этому времени герцогский двор уже вернулся в Ренн. Так что именно в большом зале Ренна в воскресенье после обеда Тьер прочел Хоэлу письмо, полученное от кузена:

- «Дорогой кузен, как ты думаешь, милорд герцог не захочет поохотиться на волка? Здесь поблизости есть удивительно хитрый зверь, который ушел на его землю. Пока он былна моей земле, я сам на него охотился, но ему постоянно удавалось от меня ускользнуть. Местные жители называют его королем волков. Это крупное животное в расцвете сил, и если наш господин захочет устроить на него охоту, она будет интересной».

Хоэл взял у Тьера письмо и с интересом его рассмотрел.

- В каком лесу можно найти этого зверя? - спросил он.

- Судя по его словам, в Треффенделе, - ответил Тьер. - Это ваш единственный лес, имеющий общую границу с Таленсаком.

Хоэл задумчиво кивнул. В лесу Треффендела у него был большой охотничий дом. Он уже несколько лет туда не навещался, но местный лесник и его семья должны были содержать его в порядке. Там весь двор не поместится, но он достаточно велик, чтобы принять охотничий отряд.

- Ты и правда хочешь охотиться на волка? - спросила герцогиня, не слишком надеясь на отрицательный ответ. Она никогда не могла понять, зачем охотиться на того, чего нельзя есть.

Герцог Хоэл ухмыльнулся.

- Но это такая чудесная забава, милая! Нет лучшей добычи для травли, чем хитрый старый волчище! Этот месяц выдался таким серым и мрачным, а в следующем уже начнется Великий

пост и мы все примемся каяться в наших грехах, помилуй нас, Господи! Почему бы нам сначала не отправиться в Треффендел и не развлечься там недельку?

- Нет, спасибо: я не вижу ничего веселого в том, чтобы скакать за волком по мокрому лесу в конце зимы! - воскликнула Авуаз. - Но месяц действительно был серый и мрачный, и мне до тошноты надоел этот мрачный замок. Да, давай поедem в Треффендел! Я буду сидеть у огня, и греть ноги, и заботиться о том, чтобы тебя ждало теплое вино, когда ты будешь возвращаться домой замерзший и с пустыми руками, проведя день в погоне за этим удивительно хитрым волком. А как ты думаешь, почему Ален де Фужер так великодушен?

- Чтобы обелить свое имя, - моментально ответил герцог. - Лорд де Монфор обвинил его в том, что он охотился на кабана в его угодьях. Если я поймаю этого волка, он будет оправдан.

Авуаз рассмеялась.

За почетным столом принялись оживленно обсуждать выезд на охоту: кто примет в ней участие, а кто - нет, кто из ближайших баронов захочет получить приглашение, а кто будет рад его не получать. Алена придется позвать, поскольку это он нашел добычу, но его не станут приглашать в охотничий дом.

- Он может приехать из Таленсака утром, - заявил Хоэл. - Треффендел недостаточно велик, чтобы приглашать в него всех рыцарей герцогства.

Это было правдой, но никто не сомневался, что если бы владельцем Таленсака был Тиарнан, он получил бы приглашение.

Мари уже привыкла везде сопровождать герцогиню - и не была разочарована.

- Но тебе ни к чему сидеть у огня в Треффенделе. Ты должна поехать охотиться на волка, - сказал Тьер, широко ей улыбаясь. - Ты принесешь мне удачу.

Тьеру было поручено организовать охоту, и он знал, что удача ему понадобится. Тьер уже устроил несколько кабаньих охот в лесах Ренна, но эта охота на волка явно должна была стать событием гораздо более значительным. Ведь герцог и герцогиня с большой группой придворных намерены были на неделю поселиться в охотничьем доме, и большинство соседних баронов должны будут присоединиться к самой охоте! Если новый главный охотничий провалит дело, то он тут же снова окажется простым гарнизонным рыцарем. Волки - звери скрытные и неуловимые. Охоту на них надо продумывать так же тщательно, как сражение, расставляя своры собак в заранее выбранных местах и обращая особое внимание на местность и направление ветра. Тьер считал, что способен все организовать не хуже других, но если судьба повернется к нему спиной, никакие приготовления ему не помогут. Например, отряд может приехать на место только для того, чтобы обнаружить, что волк перешел куда-то в другое место. При мысли об этом Тьер перекрестился.

И потом, было бы невежливо брать на себя всю организацию. В конце концов, это же герцог едет охотиться на волка.

- Надеюсь, милорд герцог сжалится над несчастным новичком, - осторожно проговорил Тьер, - и возьмет в свои опытные руки по возможности больше приготовлений.

Хоэл расхохотался:

- Красиво сказано! Ты прекрасно знаешь, что я никогда не остаюсь в стороне от

приготовлений, и решил красиво принять неизбежное. Но первую часть этого сражения я предоставлю тебе. Возьми часть слуг и сегодня же отправляйся в Треффендел. Пусть они подготовят дом, а ты посоветуешься с моим лесником и лордом Аленом насчет того, где можно будет разыскать этого удивительно хитроумного волка. Да, и прихвати с собой Мирри. Она разнюхает тебе его. А мы присоединимся к тебе завтра.

Волк ничего не знал о приготовлениях к герцогской охоте. К этому времени он прожил в лесу Треффендела примерно две недели. Ночью он охотился, а днем спал, свернувшись в зарослях ежевики. Он решил на какое-то время задержаться у Треффендела: он помнил этот лес и знал, что человек, который на него охотится, сюда не пойдет. Он устал, очень устал от постоянных преследований.

Ему казалось, что он уже многие месяцы куда-то бежит, проводя день заднем в голоде, страхе и холоде. Но еще страшнее было одиночество. Волки, как и люди, существа общественные и счастливы только в обществе себе подобных. Инстинкт и неясные воспоминания заставляли тосковать по обществу, но и люди, и волки относились к нему со страхом и отвращением. Время от времени он встречался в лесу с другими волками, но они всегда понимали, что он не такой, как они. Сначала они отступали, рыча и подвывая, а если он отказывался уходить, они нападали на него.

Изредка он приходил к часовне Святого Майлона, но только когда одиночество становилось невыносимым, когда бесконечность леса давила на него и болезненное томление по потерянному становилось нестерпимым. Тогда он скребся в дверь хижины Жюдикеля и бывал впущен. Он лежал у огня, а отшельник разговаривал с ним, гладил по голове, а потом служил молебны и молился рядом с ним. Жюдикель давал ему и еду: хлеб, вымоченный в козьем молоке. Волк съедал его, хотя от этой пищи у него болел желудок. Тепло, еда и общество – рай. Но он никогда не осмеливался задерживаться больше чем на одну ночь. Он понимал, почему на него идет охота, и было нетрудно догадаться, что если бы он стал часто навещать часовню, все тропы вокруг были бы уставлены капканами. И потом, там всегда можно было встретить незнакомца – окрестные жители часто приходили к Жюдикелю за советом. Волк инстинктивно боялся незнакомых людей, а его примитивный разум опасался за безопасность единственного друга.

Голод был его постоянным спутником. Волку-одиночке приходится жить за счет мелкой добычи, а мелкой добычи зимой мало. Волк ловил кроликов, мышей и землероек, в темноте он подхватывал с кустов устроившихся на ночлег птиц, он ел крыс поблизости от хуторов. Туши, оставленные в качестве приманки, оборачивались для него настоящим пиром. Другие волки всегда успевали прийти к ним раньше, но он пользовался их страхом, чтобы отхватить часть туши и убежать с ней. Он знал все уловки охотников и никогда не оставался в роще, где находил приманку, до утра.

Страх был только гостем, но гостем частым. Утренний ветер доносил до него запах людей и собак, или он слышал вдали охотничьи рога и поспешно убегал от них. Замерзший и утомленный ночной охотой, он напрягал все мышцы, чтобы спастись, и напрягал свою далекую память, чтобы перехитрить собак. Но, даже сбежав от них, он не испытывал ликования. Погоня изматывала его, заставляла на следующую ночь двигаться медленнее – и ему труднее было добывать еду.

Он знал, кто на него охотится. Жюдикель ему рассказал. Он не понимал половины того, что говорил ему отшельник, но это он понял. Элин вышла замуж за его давнего соперника, и они вдвоем намерены были его убить. Когда он думал об этом, то душевная мука и беспомощная

ярость становились такими ужасными, что он пытался от них избавиться. Не было смысла помнить о том, что он когда-то был человеком: гораздо лучше было бы забыть, утопить слабые проблески сознания и целиком превратиться в волка. Но сознание отказывалось тонуть. Оно боролось, то почти исчезая, то вдруг становясь ужасающе ясным. Он ненавидел его за те страдания, которые оно ему причиняло, но не мог от него отделаться.

Ему не хотелось уходить с земель Таленсака. В его пронзительном одиночестве ему было утешительно хотя бы оставаться в местах, которые он знал, которые он любил как человек и которые были полны приятных воспоминаний. Но в конце концов уход оттуда принес ему облегчение. Лес Треффендел находился вдалеке от возделанных полей и охранялся лесником герцога от крестьян-браконьеров, так что мелких зверей в нем оказалось больше. Голод отступил на шаг. Холод тоже немного отодвинулся. А главное, все то время, которое он пробыл в Треффенделе, никто не приходил на него охотиться. Он начал успокаиваться, страх тоже перестал его навещать. И он был потрясен до оупения, когда как-то утром проснулся и почувал запах собак и услышал, как под ногами людей трещат плети ежевики.

Он вскочил и побежал прочь от них, пробираясь сквозь самую гущу ежевики и шиповника. На бегу он услышал, как позади него и совсем близко затрубили рога: это был быстрый сигнал, говоривший о звере, покинувшем логово. Следом за рогом раздался лай собак, взявших его запах. В ту минуту он ни о чем не думал: все его существо было занято бегом.

Он выбрал свое логово осмотрительно: в густых зарослях и рядом с проточной водой, ручьем, который тек на юг. Волк с облегчением вступил в воду и побежал по ней вверх по течению, потому что так ветер дул ему в спину, унося его запах от собак. Там, где ручей повернул, он вышел из него и продолжил бежать по ветру. Звуки изменились: возбужденный лай бегущих по следу гончих стал злобным и нестройным, говоря о том, что след потерян. Волк бежал изо всех сил. Это была простая уловка; которая задержит погоню ненадолго, но пока ему надо выиграть расстояние.

Уже через несколько минут гончие снова взяли след, но этих минут было достаточно. Пробежав чуть дальше, он нашел дерево, поваленное бурей, надломившийся ствол которого лежал под углом к земле. Он пробрался сквозь ветки, поднялся по ним до верхушки, потом вернулся на половину пути и спрыгнул вниз. Потом он сдвоил след и побежал дальше, попрежнему по ветру, но уже медленнее.

Теперь в нем успело всплыть на поверхность сознание и он пришел в ярость из-за того, что к нему смогли подойти так близко. Он был беспечен. И почему его враг осмелился охотиться в герцогском лесу?

Рога затрубили снова. Сигнал к поиску, который дается, когда собаки сбились со следа. Лай снова стал недружным. И волк вдруг понял, что собак слишком много. И рогов тоже. Охоту ведет не один человек со своими слугами и знакомой сворой. Это большой охотничий отряд. Сейчас волк не пытался понять, как это получилось и почему. У него не было сил на трудное и долгое размышление. Но он понял, что ему грозит гораздо большая опасность, чем он решил сначала. В лесу будут ждать новые собаки, еще не уставшие от гона. И там будут следопыты и загонщики. «Милосердие!» – подумал он. Слово всплыло и на бегу заполнило весь его разум. «Боже, будь милосерден!»

Милосердия не было – как и в прошлый раз, когда эта мольба возникла в его сознании.

Волк использовал все уловки, о которых только слышал. Он сдваивал и дважды сдваивал след. Он по нескольку раз пересекал ручьи, он бежал через ледяную воду, остававшуюся в лесных

нижинах после таяния снега, и через почти непроходимые заросли боярышника. Несколько раз ему казалось, что он ушел от преследователей, но рог начинал трубить снова – сначала далеко, а потом все приближаясь, становясь слишком близким. Он не мог позволить себе повернуть обратно, как ему хотелось, чтобы найти участок болота или озеро, где он окончательно избавился бы от погони. Вместо этого он вынужден был бежать на северо-восток, чтобы ветер дул ему в спину. Как он и опасался, в том направлении оказались запасные своры: он слышал, как к старым звукам присоединяется новый, бодрый лай. Наступил и миновал полдень, и звуки неумолимо приближались. У него уже дрожали ноги и болела грудь. Человеческое сознание свернулось в глубине его мозга. Волк слепо бежал вперед.

Охота все время заставляла его отклоняться на север, и внезапно он выбежал из леса на открытый участок дороги. Он узнал ее: это была дорога из Монфора в Плелан, граница между лесом Тремелин, который был его собственностью, и лесом Треффендел. Он остановился, тяжело вода боками. День уже клонился к вечеру, и он знал, что до ночи не доживет. Его человеческий разум внезапно пробудился полностью. Смерть преследовала его по лесу – охотница, от которой никто не способен убежать вечно. Поскольку в конце концов ее необходимо встретить, то он встретит ее храбро. Никто не станет хвалить волка за мужество, его тело отдадут собакам на растерзание – но все равно он умрет храбро, ради себя самого.

Он медленно пошел по дороге, уже не пытаясь убежать: он двигался только для того, чтобы не свалиться без сил. Лес уходил вдаль по обе стороны дороги, серый и мокрый. Трава на обочинах была высокой. Уже расцвели первые подснежники, а в обрывках стремительно летевших облаков светило яркое солнце. Он услышал, как захлебывающиеся лаем гончие вырвались у него за спиной из леса, а следом за ними – конные охотники. Рога молчали: охотники слишком устали, чтобы тратить силы на пустые звуки. Волк повернулся к ним, стоя в центре дороги, и рога снова победно затрубили. Зверь загнан.

Их оказалось не так много, как он ожидал: только десятка два собак и горстка всадников. Видимо, остальные увязли в лесу, отстали в этой бешеной погоне без дорог. Со вспышкой яростной радости волк понял, что перед гибелью сможет чего-то добиться.

Он выждал, чтобы собаки подбежали поближе, а потом опустил голову, собрал остаток сил и помчался им на встречу. Он ворвался в свору, щелкая зубами и нанося рваные раны направо и налево – и они отпрянули, рыча, влаивая и завывая. Но он не стал тратить на них время: удлинив прыжки, он промчался между собаками прямо к изумленным всадникам.

Дикие неясные крики раздавались со всех сторон. Кони вставали на дыбы. Он видел белые лица всадников, но среди них не оказалось того, которое он искал, – лица его врага. Смятение начало затапливать его сознание, оставляя только инстинкты испуганного волка. Но тут он посмотрел на одно из бледных лиц – и узнал его. «Мой господин!» – подумал он в агонии бессмысленной надежды. И с этой мыслью он поднялся на задние лапы, всунул переднюю в стремя всадника и наклонил голову, чтобы лизнуть всаднику сапог.

Когда волк прыгнул на коня, герцог Хоэл издал испуганный возглас, а его спутники в ужасе закричали. Никто не успел обнажить меча. Волки никогда не нападали на охотников, так что они ожидали, что их хитроумного противника наконец убьют собаки. Конь Хоэла вскинулся от страха и долгие секунды герцог пытался вынуть меч из ножен, пока его сопровождающие суетились и толкали друг друга, пытаясь справиться с собственными лошадьми и прийти ему на помощь. Эти мгновения оказались достаточно долгими, чтобы герцог успел их заметить. А когда обнаженный меч наконец оказался у него в руке, он заметил и то, что волк не стал вонзать зубы ему в ногу и стаскивать с коня – что вместо этого он лижет ему сапог. Он сидел с

мечом в руке и озадаченно взирал на зверя. Его конь прекратил шархаться и стоял, сотрясаясь от дрожи и прижав уши к голове. Остальные охотники тоже успели обнажить оружие и приближались к герцогу. Собаки мчались обратно по дороге к своей добыче.

- Стойте! - крикнул им всем Хоэл.

- Милорд! - воскликнул Тьер, который весь день провел подле герцога. Его лицо было белым от страха. - Вы целы?

- Да, - ответил герцог. - Смотрите.

Они все смотрели: тот волк, которого они гнали весь день, лизал сапог герцога. Он поднял голову, посмотрел на Хоэла, заскулил, а потом еще раз лизнул ему ногу.

- Он просит о милосердии, - медленно проговорил Хоэл. - Бог мой, он действительно просит, чтобы его помиловали. - Он расхохотался. - Вот хитрая тварь!

- Мой господин, убейте его скорее, - сказал Тьер. - Они - злобные, опасные звери. Это просто очередная уловка.

- Нет! - решительно возразил Хоэл. - Он молит меня оставить ему жизнь - и я это сделаю. Отгоните собак, живо! Тьер, найди для животного ошейник и намордник. Мы приведем его домой живым.

Глава 11

Тьера решение господина ужаснуло. Он начал было возражать, но в эту секунду подбежали собаки, и ему, как и всем остальным, пришлось усердно их отгонять. Когда он в следующий раз посмотрел на волка, тот приткнулся к дороге около коня герцога. Дрожащее от ужаса и усталости животное не выглядело особенно опасным. Однако Тьер не испытал к нему из-за этого особого доверия.

Из леса на дорогу выехали новые всадники с собаками, спеша узнать, убит ли волк. Тьер был рад увидеть, что в их числе оказался главный псарь герцога. Он мгновенно велел ему заняться собаками и взял у него крепкий ошейник, толстый поводок и намордник. А потом он слез с коня и неохотно направился к волку. Лорд Рауль де Монфор, бывший в числе тех четырех охотников, которым удалось не отстать от герцога до конца охоты, тоже спрыгнул на землю и пошел рядом с ним, держа меч наготове. Он посмотрел на ошейник в руках Тьера, на съезжившегося волка и наконец на герцога, который продолжал сидеть на взмыленном коне.

- И вы хотите, чтобы ваш человек надел на зверя ошейник и намордник? - прямо спросил он Хоэла.

- Нет, - отозвался герцог, улыбаясь ему с седла. Он соскользнул со своего коня и встал рядом с волком. - Дай мне ошейник, Тьер, и я сам его надену.

- Нет, мой господин, - твердо заявил Тьер. - Этого я вам не позволю.

- Ты не имеешь права что-то мне позволять или не позволять! - возмутился Хоэл.

- А вы, милорд, не имеете права глупо рисковать. - Тьер опустился на колени рядом с волком и надел ошейник ему на шею, стараясь не думать о том, как глупо сейчас рискует он сам. Однако животное даже не пошевелилось. Он надежно застегнул ошейник, прикрепил поводок, а потом

выпрямился и вложил его конец в руку герцога. – Ваш волк, милорд.

Хоэл улыбнулся.

– Глупо рисковать?

– Да, мой господин. Нет ничего хорошего, если правителя Бретани убьет дикий зверь.

Волк заскулил и посмотрел вверх. Он снова лизнул герцогу сапог. Хоэл засмеялся:

– Он тебя слышал, Тьер. Посмотри-ка! Он пытается сказать, что не сделает мне ничего плохого.

Тьер досадливо вздохнул. Он снова встал на колени и – еще более опасно – надел волку намордник.

Волк содрогнулся, когда руки человека натянули ему на нос вонючую кожу, но не пытался сопротивляться. Присутствие такого множества людей и собак, запахи страха и ненависти, окружавшие его со всех сторон, заставили его оцепенеть от ужаса. Его измученное человеческое сознание с трудом понимало, что произошло: он узнал своего сюзерена, но никто не узнал его самого, так почему же они его не убили? Он видел, что один из людей стоит над ним с обнаженным мечом. Однако герцог Хоэл – богоподобное существо, возвышающееся на коне, – держал смерть в узде. Человек признанный, знакомый – и откликнувшийся на его мольбу. Он цеплялся за это ощущение, как больной ребенок за мать.

Когда намордник наконец был надет, Тьер сел на пятки и посмотрел на волка. Волк посмотрел на него, а потом опустил голову, нервно ударил намордник лапой и заскулил.

– Мой Бог! – воскликнул Тьер. – Да он ручной, как пес!

– Когда-то давно, – сказал герцог Хоэл, – я один раз попытался приручить волчонка. И я слышал, что другие люди тоже пробовали это сделать. Лорд Ален говорил, что этот волк заходил в Таленсак, но он никогда не говорил, что волк там на кого-то напал. Думаю, этого зверя приручили волчонком, и он пришел искать общества людей, потому что ему было одиноко.

– Они – злобные создания! – гневно воскликнул Рауль де Монфор. – Да, я слышал рассказы о том, как люди пытались приручать волчат. Но я никогда не слышал, чтобы у кого-то был ручной взрослый волк. Природная жестокость этого зверя обязательно дает о себе знать, когда он вырастает. Он старается нанести своему хозяину как можно больше ран, и его либо убивают, либо он убегает, чтобы вредить и дальше.

– Именно это сказал мне отец, когда мой волчонок залез в курятник, – с ухмылкой отозвался Хоэл. – И его убили, беднягу. Вы правы: мне не приходилось слышать о человеке, который держал бы у себя взрослого волка. И тем больше славы мне, если я это сделаю, а?

Он наклонился и демонстративно потрепал волка по загривку. Волк содрогнулся и съежился.

Из леса выходили все новые собаки и охотники. Пришел лесник герцога с ищейкой на поводке. Коричнево-белая сука первой разгадывала все уловки волка и теперь хромала от усталости. Хоэл приказал леснику подвести собаку ближе.

Когда ищейка оказалась так близко, что почуяла волка, она резко остановилась. Шерсть у нее на загривке встала дыбом, и она один раз коротко гавкнула.

Ищеек приучают к молчанию. Лесник мгновенно повернулся к ней, ударил и назвал плохой собакой. Мирри явно смутилась.

- Ах, ее надо пожалеть! - воскликнул герцог. - Ей сегодня пришлось потрудиться.

Он передал Тьеру поводок волка и подошел к ищейке, чтобы ее погладить и потрепать ее длинные уши.

Остальные охотники присоединялись к отряду группами по два-три человека. Тьер приказал протрубить «апель де жен» - сигнал, созывающий всех, кто мог отстать по дороге, и «ритрет» - сообщение о том, что отряд возвращается в охотничий домик.

- И пусть протрубят «приз», - приказал Хоэл.

- Но мы же не убили волка! - возразил Тьер.

- Да, но мы его захватили.

К этому моменту герцог уже снова взял поводок волка и, снова наклонившись, с наслаждением погладил зверя.

Сигнал прибавили к первым двум, и весь отряд пришел в движение. Рауль де Монфор со своими людьми отправился в собственное поместье, считая решение Хоэла взять волка в любимцы легкомысленным. Остальные бароны, присоединившиеся к герцогу для участия в охоте, восприняли это примерно так же. Отряд герцога снова повернул в лес, чтобы начать долгое возвращение в Треффендел. Время от времени они трубили в рога, призывая своих спутников и сообщая всему миру о своем успехе.

Ален де Фужер все еще был в лесу: когда до него издали донеслись сигналы рога, он вел своего коня на север. Около полудня его конь захромал и оказался не в состоянии нести его на себе. Ален отстал от охоты. Сейчас он остановился под голыми серыми ветвями и внимательно прислушался. «Апель де жен», «ритрет» и «приз». На мгновение его сердце замерло, и он застыл на месте, прислушиваясь и надеясь на то, что сигналы повторят еще раз. И они раздались еще раз, быстрые и ясные. «Приз».

Он перекрестился, а потом встал на колени на прошлогоднюю листву и возблагодарил Бога. Чудовище наконец мертво. Тень, не покидавшая окрестности поместья, заставлявшая его жену с плачем просыпаться по ночам, исчезла. Он сожалел, очень сожалел о том, что не смог присутствовать при завершении погони, но теперь ему можно вернуться в Таленсак и сообщить Элин, что она наконец свободна. И что ничего не стало известно. Вряд ли сейчас так радостно трубили бы «приз», если бы знали, что именно убито.

Ему хотелось повернуть в Треффендел и самому убедиться в том, что все действительно так хорошо, как кажется по звукам, но до охотничьего дома было много миль, а Элин с нетерпением ждет известий. Он встал, отряхнул колени и с улыбкой направился к дому.

Мари уже почти добралась до дороги, когда отряд герцога снова свернул в лес. Она ехала на собственной кобыле и именно из-за этого отстала. Примерно в полдень непослушная Дату решила, что достаточно скакала по бездорожью, и с тех пор Мари с огромным трудом заставляла ее продолжать движение. Для нее было великим облегчением увидеть, как из-за деревьев появляются охотники, направляющиеся ей навстречу.

- Приветствую полководца! - окликнула она Тьера, который ехал рядом с герцогом впереди остальных, - Судя по сигналам, твой план сражения был удачным!

- План герцога Хоэла, - недовольно поправил Тьер. - Да, мы одержали победу и ведем пленного неприятеля домой.

Он махнул рукой, и Мари только теперь заметила волка в наморднике, который плелся на поводке за конем герцога.

Она была потрясена. Не зная, что сказать, она не стала говорить ничего. Когда отряд поравнялся с ней, она повернула и пустила Дагу рядом с конем Тьера.

Хоэл рассмеялся:

- Леди Мари, ваш взгляд сказал больше, чем все укоры остальных. «Христос и святой Михаил, - сказал он, - зачем ему понадобился этот гадкий вонючий зверь?»

- Мой господин, - отозвалась она, - вы охотились в своем собственном лесу и вправе делать с пойманным вами зверем все, что вам хочется.

- Отлично сказано! Слышал, Тьер? Леди Мари любит волков не больше твоего, но от нее мы не получили ни твоего «я этого не позволю», ни «этот злобный зверь» лорда Рауля, ни ворчания насчет того, что бедным усталым собакам нужна награда. Я имею право делать с пойманным мною зверем все, что мне хочется. Отлично!

Тьер казался обиженным, но сдержался.

- Когда зверя загнали, он повернулся, пробежал мимо собак и подпрыгнул, чтобы лизнуть герцогу Хоэлу ногу, - объяснил он Мари. - Герцог считает, что волка могли приручить, когда он был малышом. Он действительно кажется ручным, но я чувствовал бы себя спокойнее, если бы знал, что стало с человеком, который его приручал.

- Если бы человека убил прирученный им волк, мы бы об этом услышали, - уверенно возразил герцог. Он с симпатией посмотрел на волка. - Ты - отличный зверь. Тьер, по-моему, он - умнейшее существо. Если бы нам не повезло застать его врасплох этим утром и если бы у нас не было этой чудесной ищейки, он бы спокойно ушел от нас всех. Такую охоту не забудешь! И закончилась она как надо!

Мари прекрасно видела, что Хоэл очень доволен Тьером. И ей было странно, что сам Тьер этого не понимает. Она тайком улыбнулась.

Хоэл заметил ее улыбку.

- Чему это вы ухмыляетесь, госпожа Кошка?

- Я вспомнила, как герцогиня хвалила мою проницательность, - отозвалась Мари, бросая многозначительный взгляд на Тьера.

У герцога чуть изогнулись губы.

- Тебе повезло, что я люблю умных женщин. Скажи, как мне назвать моего волка?

- А как можно называть волка? - спросила Мари. - Изенгримом?

- Как в сказке? - откликнулся Тьер. - О лисе Ренаре и бароне волке Изенгриме! Он был очень дурным властителем, насколько я помню, - вроде нормандских баронов.

- Этот волк - добрый бретонец, - укоризненно заявил герцог. - Но имя... Да-а, мне оно нравится. Когда у меня был волчонок, я звал его Волк, но Изенгрим - это величественно. Ты это слышал, волк? Тебя зовут Изенгрим! Хороший парень, Изенгрим, хороший волк!

Волк плелся за ним, и вид у него стал еще более несчастным.

Они добрались до охотничьего дома уже в темноте, и ветер, весь день дувший порывами, усилился настолько, что голые ветви деревьев металась и хлестали воздух. Начался дождь - холодный, косой мартовский дождь, так что всем охотникам хотелось поскорее оказаться у огня. Вместо этого им пришлось стоять, обсуждая, что делать с Изенгримом. Главный псарь отказался пустить животное на псарню, поскольку собаки будут-де беспокоиться. Герцогиня Авуаз, вышедшая встретить мужа, была призвана на совет и решительно отказалась впустить зверя в дом, поскольку опасалась, что он все испачкает. В конце концов было решено посадить волка на цепь в сарае у кухни. Это помещение использовалось только для того, чтобы ошпаривать кабаньи туши в сезон кабаньей охоты, и сейчас пустовало. Главный псарь принес миску с хлебом и требухой, которыми кормили собак, а также миску с водой. Лесничий взял большие вилы и прижал ими голову волка к земле, чтобы с него можно было снять намордник, не подвергаясь при этом опасности. Когда это делали, Изенгрим не сопротивлялся, а потом не стал обращать внимания на пищу. Его оставили лежать на полу сарая. Последнее, что увидела Мари, - это красный отблеск факела в глазах зверя.

Она не спорила с решением герцога оставить зверя, но все равно была в ужасе. Для нее волки были неразрывно связаны с тем, что с ней произошло в лесу около Бонн-Фонтей-на. Мысль о животном, припавшем к земле в сарае и сверкавшем глазами, угнетала ее. Этой ночью она быстро уснула благодаря здоровому утомлению, вызванному охотой, но к утру уже беспокойно металась в кошмарном сне.

Она снова оказалась в лесу, и волк на нее охотился. Она бежала, и низкие ветки деревьев хлестали ее по лицу, а колючки боярышника рвали платье. Трясина торфяных болот хватала ее за ноги, ледяной дождь обжигал кожу. Наконец она споткнулась и упала. И зверь мгновенно набросился на нее с жутким рычанием и вонзил зубы ей в плечо. Она с трудом встала и попыталась сбросить его. Красные глаза зверя блеснули, и он оторвал полосу мяса у нее со спины. Она проснулась, обливаясь потом и содрогаясь.

Минуту она лежала неподвижно, с отчаянно бьющимся сердцем. Этой ночью она была одна: остальные дамы, приглашенные герцогиней Авуаз, были замужем, так что Мари досталась отдельная кровать в отгороженной комнатке. Оказалось, что она скатилась к краю кровати и ударилась плечом о столб балдахина.

Она села, прижала ладони к лицу и прочла несколько молитв, чтобы успокоиться. Ее отгороженная комнатка находилась в углу, ипотихому дыханию, доносившемуся до нее, она поняла, что остальные еще спят. Но ей не хотелось снова засыпать - на тот случай, если волк будет поджидать ее во сне.

Она сказала себе, что лекарство от страшных снов состоит в том, чтобы встретить свои страхи открыто. Во сне на нее охотился волк, но наяву это она охотилась на него. Это несчастный загнанный зверь, надежно посаженный на цепь. Увидев его, она больше не станет бояться. Она надела платье, взяла плащ, сунула босые ноги в туфли и, осторожно выбравшись за перегородку, направилась к двери дома. Из какого-то угла к ней пришла Мирри: ищейка стала

любимицей герцога и ей позволялось свободно ходить по любому его дому. Мари погладила ее и взяла с собой.

Солнце еще не встало, но звезды уже меркли, и на востоке появилась розовая полоска. Слуги уже поднялись: она слышала сонные разговоры на кухне и плеск воды в ведре. Мари закуталась в плащ и медленно пошла к сараю.

Волк свернулся в центре сарая. Он выпил всю оставленную ему воду, но есть не стал. Его звериная часть была потрясена пережитым ужасом, а человеческая корчилась от стыда. Ему не следовало умолять о милосердии. Он дважды мысленно молил о нем и не получил его, так что не следовало унижаться в третий раз. Его жизнь недостойна продолжения, и он был готов храбро умереть. И только смятение заставило его на мгновение забыть о том, что он такое, и обратиться к своему господину за помощью. И вопреки всем ожиданиям ему было даровано милосердие – и из чего это милосердие состояло? Из намордников и цепей и из добродушного снисхождения или отвращения тех, кто уважал его, когда он был человеком. «Хороший волк, хороший парень!» Даже в его безгласном отупении это состояние обжигало его, так что ему хотелось умереть.

Когда Мари вошла в дверь, он поднял голову, лежавшую на хвосте, но и только. Он моментально ее узнал: она была одной из немногих придворных, которых он увидел в своем нынешнем облике. Когда-то в лесу она замахнулась на него палкой и крикнула: «Убирайся!»

Это произошло сразу после его помолвки с Элин. Он вошел в лес человеком и бродил там, не разбирая дороги, потому что его радость была настолько велика, что ему хотелось какое-то время насладиться ею в одиночестве. А посреди леса его вдруг одолело желание полностью раствориться в сладком опьянении весеннего леса Броселианд. Он порой оставлял свою человеческую часть не у часовни Святого Майлона: теперь он понимал, что это была небрежность, почти преступная небрежность. Он оставил ее тогда и увидел эту девушку, когда был в своем волчьем обличье и почуял близость разбойников. И с неохотой признался себе, что обязан вмешаться. Человеческое воспоминание о том, как он нашел ее, наложилось на волчье воспоминание об их первой встрече: один из разбойников согнулся у ее ног, а двое других сдирали с нее одежду. Он спас ее и привел в убежище, а она восхищалась им и была ему благодарна.

И что теперь стало с этим восхищением и благодарностью? Он стал зверем, к которому эта женщина питала отвращение. Он почуял ее страх накануне вечером и сейчас снова его чуял.

А с ней была собака – сука, домашнее животное, к шерсти которого липли запахи людей и дыма. Она стояла рядом с женщиной, опустив голову и щетиня загривок, и из ее горла вырывался странный монотонный звук – наполовину рычание, наполовину скулеж. Он не зарычал в ответ, только бесстрастно посмотрел на обеих.

Собака перестала рычать, встряхнулась и гавкнула – отрывисто и недоуменно. Она сделала один шаг к нему, раздувая ноздри. Он чуял ее смятение и недоумение – и они начали его удивлять. Все другие собаки его ненавидели. Они ненавидели бы любого волка, но его ненавидели сугубо, потому что ощущали в нем нечто неестественное. Эта собака была иной. Именно она залаяла на него накануне – залаяла скорее приветственно, чем злобно. Это была... он выудил нужное слово – «ищейка». Когда-то у него была ищейка, которой он особенно дорожил. «Мирри, – подумал он, – это Мирри». И с этой мыслью пришло понимание того, что она его узнала, что каким-то образом под всеми другими запахами она уловила запах его сущности и была озадачена тем, где его чуёт. Он поднялся, пронизанный радостью. Кто-то пусть всего лишь собака – его узнал!

Он заскулил, и Мирри перестала пытаться понять, что он с собой сделал, и бросилась к нему. Она начала лизать его морду и лапы, виляя хвостом так сильно, что задние лапы у нее начали проскальзывать, царапая когтями по полу. Это ее хозяин. Он зачем-то принял облик волка, но это был он. «Умница, Мирри!»

Мари не ожидала, что любимая собака герцога бросится к волку: ищейкам положено выслеживать добычу, а не нападать на нее. Она испуганно вскрикнула, а потом с изумлением увидела, как ищейка радостно ластится к волку.

- Мирри! - требовательно позвала она. - Ко мне, Мирри! Мирри заскулила и посмотрела на волка. Он ласково лизнул ее ухо, и она улеглась перед ним, не обращая внимания на Мари. Изенгрим тоже лег и положил морду на спину собаки, вызываясь глядя на Мари.

Она вдруг вспомнила, как Тиарнан во время его свадебного пира сказал, что не боится оборотней, потому что волки гораздо более добрые животные, чем принято думать. Она опустила на колени перед волком и заглянула в светло-коричневые глаза с черным ободком. Они были недостижимо чужими, но в них не было ни злобы, ни ненависти. Она вспомнила, что глазницы в волчьей шкуре Эона были пустыми - та жестокость, которая ее пугала, была в человеческих глазах. Не так ли это всегда? Волки опасны: они убивают овец, а иногда, если верить рассказам, и детей. Они следуют за армиями и питаются человеческой плотью. Но все-таки они не так смертоносны, как люди.

Не дав себе времени на размышления, она протянула руку к волку. Уже завершая движение, она поняла, каким безумием было пытаться дотронуться до лесного убийцы без намордника. Однако Изенгрим только вежливо обнюхал ее руку. Мари затаила дыхание и дотронулась до него. мех у него на загривке оказался неожиданно мягким и теплым. Она медленно убрала руку и осталась сидеть на пятках, глядя на волка. Волк не мигая смотрел на нее. Она решила, что он очень красивый зверь.

- Мне больше не будут сниться кошмарные сны, - заявила она.

Она встала. Мирри тоже поднялась, но потом снова легла рядом с волком. Мари оставила ее там и вернулась в дом, чувствуя себя необъяснимо счастливой.

Провожая ее взглядом, Изенгрим ощущал себя почти так же. Собака узнала его, и женщина не отшатнулась. Не исключено, что все-таки можно жить дальше.

Ален де Фужер явился в охотничий дом вскоре после полудня и нашел герцога Хоэла за проверкой счетов с лесником. Однако при виде Алена герцог вскочил и пожал ему руку.

- Вот и ты! - оживленно воскликнул он. - Я доволен, что ты пришел: мне хотелось поблагодарить тебя за приглашение. Вот это была охота, правда? Более хитроумного зверя мне еще не встречалось!

- Конечно, мой господин, - с удовольствием согласился Ален. - Мне жаль, что я не присутствовал при конце. У меня захромал конь.

- А! Какая жалость! Ты упустил чудесное зрелище, просто чудесное. - Хоэл рассмеялся. - Но конца на самом деле не было.

Ален непонимающе воззрился на него:

- Милорд?

- Твой волк оказался ручным, - сказал Хоэл. - Когда его загнали, он пробежал через собак и подпрыгнул, чтобы лизнуть мне ногу. После такого я не мог его убить. Мы посадили его на цепь в сарае. Чудесный зверь.

Катастрофа была настолько ошеломляющей, что Ален даже не сразу все понял. Он глупо уставился на герцога. Ему показалось, что его вот-вот стошнит. Волк по-прежнему жив! Он жив - и попал под покровительство герцога. Элин была так рада, когда он сообщил ей хорошую новость. И теперь... Боже! Боже милосердный! Боже, что же ему теперь делать?

- Что с тобой? - спросил Хоэл, встревожившись. - Вид у тебя больной.

Он подвел Алена к стулу.

- Мне... было нехорошо утром, - невнятно пробормотал Ален. - Наверное, выпил вчера плохой воды.

- Тогда тебе сегодня не следовало сюда приезжать, - сказал Хоэл.

- Мне казалось, что все прошло. И... и меня поразило то, что вы сказали. Этот зверь пробежал мимо собак и бросился к вам? Мой господин, но вы же не можете сделать волка домашним любимцем! Злобный зверь...

- Я могу делать все, что мне угодно, с животным, которое я поймал в моем собственном лесу, - самодовольно заявил Хоэл. - Он - прекрасный зверь и очень воспитанный. Моя ищейка его признала, и он начинает привыкать. Я назвал его Изенгримом.

Ален сделал еще одну отчаянную попытку:

- Милорд, вы не можете...

- Хватит! Я собирался поблагодарить тебя за приглашение поохотиться на этого зверя. Я очень рад, что его заполучил.

Ален ничего не слышал. У него колотилось сердце и мешались мысли.

Хоэл оставил его сидеть у огня, а сам отправился еще раз взглянуть на волка. При виде герцога Изенгрим поднялся на ноги и вежливо завил хвостом. Хоэл пришел в восторг. Как и все настоящие охотники, он питал любовь и восхищение к зверям, которых преследовал, а волки, хитрые и неуловимые, всегда пользовались его особой симпатией. Он велел надеть на Изенгрима намордник, а потом уселся рядом с ним и какое-то время разговаривал, поглаживая, чтобы он привык к своему хозяину. Изенгрим внимательно наблюдал за ним, все реже и реже отшатывался от протянутой к нему руки и казался намного менее испуганным, чем накануне. Хоэл даже подумал, не является ли намордник излишней предосторожностью.

Когда Хоэл вернулся в охотничий дом, Ален продолжал сидеть у огня, но уже не выглядел таким бледным. Он вскочил и на неизбежный вопрос ответил, что вполне оправился.

- Отлично! - сказал Хоэл и замолчал.

Он собирался сказать этому рыцарю де Фужеру еще кое-что, но это было нелегко сделать так, чтобы не оскорбить его. Его управитель Гральон был встревожен положением дел в Таленсаке.

Он подробно рассказал Хоэлу о том, что происходит в этом поместье, и герцог разделял его тревогу.

- Мой человек, Гральон, - начал Хоэл, - сказал мне, что вы намерены повысить арендную плату в своем поместье. Он решил, что это связано с необходимостью расплатиться с долгом, взятым у какого-то еврея в Нанте.

Ален беспокойно распрямил плечи. Перед отъездом Граль-она ко двору он попросил у него совета относительно арендной платы. Он спросил и о том, нельзя ли снизить смену, несмотря на то что ему говорила в Фужере Элин. Чем дольше он жил в Таленсаке, тем сильнее ему хотелось иметь деньги. Ему тошно было спать на кровати Тиарнана и на его простынях, сидеть в кресле Тиарнана и есть из его тарелок, смотреть на гобелены со сценами охоты, которыми Тиарнан завешал стены. Элин преследовали кошмары в этом доме, который она делила с оборотнем. Алену хотелось избавиться от старых вещей с их недобрыми воспоминаниями и купить новые.

- Ну... - с неохотой начал он и, поняв, что ему никуда не деться, признал: - Это так, мой господин.

- Ты хочешь сказать, что задолжал еврею?

- Да, - подтвердил Ален. - Но это... то есть - Таленсак ведь мой, да?

- Нет, - холодно ответил Хоэл, - он мой. Тиарнан получил его от меня, и я позволил его вдове принести вассальную клятву за него. Она вышла за тебя замуж. Это делает тебя его владельцем, но земля по-прежнему принадлежит мне. - Он помолчал, потом жестом пригласил Алена сесть на скамью, а сам занял свое кресло. - Не беспокойся, - продолжил он уже мягче, - я признаю твои права на это поместье. Значит, ты в долгу. Ну, Бог свидетель: твой отец - человек жесткий и строгий. Тебя не учили управлять имением, я понимаю, что это ударило тебе в голову. Но послушай: этот разговор насчет увеличения арендной платы надо прекратить.

Именно это ему сказал Гральон, но Алена он не убедил.

- Мой управляющий говорит, что она низкая. Он говорит, что мой отец берет в два раза больше.

- В долине ренты всегда были выше, чем в остальной Бретани, - ответил герцог. - Крестьяне твоего отца к этому привыкли. Твои - нет. Послушай, я дам тебе хороший совет. Ты получил владения человека, который пользовался исключительной любовью тех, кем он управлял. Что еще хуже, ты для них чужак и говоришь на чужом языке. Знаю-знаю, ты из долинной знати и не хочешь слушать советов от бретонца, но если ты хочешь жить спокойно, тебе надо действовать очень осторожно.

- Вы думаете, меня волнует доброе мнение деревенщины? - гневно спросил Ален.

- Ты глупец, если оно тебя не волнует, - ответил герцог. - Если твои крестьяне тебя возненавидят, ты не получишь и гроша сверх арендной платы, уж поверь мне. «Господин, - скажут они, - все деревья поломало бурей. Свиньи дали плохой приплод. Яблоки сгнили. Ячмень не бродит, и у нас нет ничего сверх платы». Они скорее сами испортят что-то, лишь бы не дать тебе получить доход. И даже арендная плата может исчезнуть. Если к тебе придет крестьянин и скажет: «Я в этом году не могу выплатить все целиком», - что ты сделаешь? Выпорешь и посадишь в колодки? Денег это не принесет. Выгонишь из дома? А кто займет его

место? Никто не захочет переехать в деревню, где господин пользуется дурной славой. И потом, поместье, где тебя ненавидят, – это неподходящее место, чтобы жить там с молодой женой и растить детей. Я видел людей, которым все это удавалось, но они были гораздо более властными и жестокими, чем ты, – и далее они не были счастливы. Я не в обиду это говорю, лорд Ален. Прими это как совет человека, который видел, как немало поместий процветало и разорялось, и хочет, чтобы у тебя все было хорошо. Если твой кредитор требует уплаты, продай часть своих лошадей и собак. Я даже сам готов тебе помочь, если ты действительно не можешь найти деньги. Но не устраивай людям несчастий, иначе они потянут тебя за собой. И тебе стоило бы избавиться от твоего чужака управляющего. Если хочешь, я мог бы найти тебе надежного человека, говорящего по-бретонски.

Ален посмотрел на него с отвращением. Ему вспомнились все язвительные замечания отца насчет того, как живут в бретонской Бретани: там нет порядка и утонченности, знать там нищая, а крестьяне – нахальные.

– Я бы предпочел оставить Жильбера, – недовольно пробормотал он.

Никто, даже сюзерен, не может лишить человека власти над его собственными слугами.

– Как хочешь, – сказал Хоэл. – Он – твой управляющий, и это твое владение. Но надеюсь, что ты хорошенько с ним поговоришь. – Он хлопнул ладонью по подлокотнику и встал. – Ну, довольно выволочек! Прежде всего я хотел поблагодарить тебя за отличную охоту. Хочешь посмотреть на своего волка?

При их появлении волк встряхнулся и вежливо встал, но когда они оказались перед ним, его черные уши прижались к голове и он начал рычать. Это был страшный звук, негромкий, но напряженный, словно шум далекого сражения. Ален сделал шаг назад – и Изенгрим бросился на него, без рычания и лая, свойственных собакам, а молча, с быстротой и яростью зверя, который убивает, чтобы выжить. В середине прыжка цепь на его ошейнике резко натянулась, и мгновение он стоял подвешенным на задних лапах, ростом с человека, всем своим весом налегая на цепь. Клыки его сверкали, глаза горели. Ален издал невнятный возглас страха и обнажил меч.

Волк моментально прикинул к полу, оцетинив загривок и угрожающе скалясь. Он быстро передвинулся вправо, подальше от вооруженной руки Алена, со смертоносной жадностью глядя на его горло. Ален повернулся за ним, и Хоэл поймал его за руку.

– Убери оружие! – рявкнул он. – Он привязан и не может ничего тебе сделать. Изенгрим! Плохой волк! Нельзя!

Изенгрим поднялся на лапы. Он посмотрел на герцога, и его уши встали торчком. А потом он снова посмотрел на Алена – и снова прижал их. Его глаза встретились с глазами Алена. Звериные глаза были полны человеческой ярости. Тиарнан жив и намерен убить его при первой же возможности. Ощущение личности волка было настолько сильным, что Ален с ужасом взглянул на Хоэла в уверенности, что это должно было подействовать и на него, что герцог не может не подозревать правды. Однако Хоэл выглядел просто озадаченным.

– Милорд, – хрипло проговорил Ален, – это злобное, дикое существо. Умоляю вас, прикажите его убить.

Волк зарычал снова.

– Он был достаточно ручным этим утром, – сказал герцог в недоумении. – Ну наверное, нельзя

рассчитывать на то, что дикий зверь всего за день привыкнет к людям. Надеюсь, он снова успокоится. И мне кажется, что это ты ему не нравишься. Ты ведь и раньше на него охотился: возможно, он тебя узнал. Уходи-ка ты от него. Ты его беспокоишь.

По дороге домой Ален разрыдался. Его страшный враг остался жив, и он не знал, что ему теперь говорить Элин.

Глава 12

Отряд герцога выехал из Треффендела следующим утром. Изенгрим, на которого снова надели намордник, бежал на поводке позади герцога, а Мирри радостно трусилась рядом с ним. Придворные смеялись над ними – поджарым опасным волком и длинноухой ищейкой с печальной мордой и виляющим хвостом. Они действительно были забавной свитой герцога. Герцогиня смеялась громче всех.

– Господи! – воскликнула она. – А ведь ему не нравится, что над ним смеются, да? Напустил на себя чопорность, что твой епископ на крестинах у бастарда! Не печалься, Изенгрим: мы смеемся не над тобой, а над собакой!

Изенгрим посмотрел на нее с еще более высокомерным видом, и она снова рассмеялась.

Мари улыбнулась, но не засмеялась. Она узнала, что часовня Святого Майлона находится неподалеку от Треффендела, и пыталась набраться храбрости, чтобы туда поехать. Горькое заявление леди Элин о том, что ее муж был хуже разбойника, постоянно терзало Мари, и ей мучительно хотелось получить уверение в том, что это неправда, от единственного человека, который должен это знать. Она несколько раз отметала эту мысль: недопустимо, чтобы женщина, не состоявшая в родстве с человеком, начала расспрашивать о нем его исповедника. Но эта мысль упорно возвращалась. Что дурного в том, если она поедет в часовню и спросит? Самым неприятным может стать то, что отшельник возмущенно ее прогонит. Однако в благоприятном случае ее сомнения будут рассеяны.

– Моя госпожа, – неуверенно проговорила она, – я нужна вам в Ренне немедленно?

– А почему ты спрашиваешь? – удивилась герцогиня.

– Мне бы хотелось увидеть того святого отшельника в часовне Святого Майлона, которого так хвалят во всей округе. Скоро Великий пост, и я подумала, что он может посоветовать мне какой-то духовный труд.

Герцогиня бросила на нее пронизательный взгляд:

– Ты имеешь в виду Тиарнана?

– Другие тоже его хвалили, – ответила Мари с улыбкой, – но... да, наверное, это его мнение я уважаю больше остальных.

– Ну конечно, ты можешь поехать и повидать его! – заявила Авуаз. – Хоэл, милый! Мари хочет поехать и встретиться с отшельником из Святого Майлона. Дай ей сопровождающих, любимый!

– Тьер! – сказал герцог. – Проводи леди Мари к часовне Святого Майлона и привези ее обратно в Ренн этим же вечером.

– С удовольствием! – отозвался Тьер, широко улыбаясь.

Он сжал каблуками бока своего коня, заставив его затанцевать рядом с кобылой Мари. Сам он низко поклонился в седле.

- И не забывай, что ты больше за мной не ухаживаешь! - поспешно сказала ему Мари.

- Милая дама, - запротестовал он, целуя ее руку, - какое великопостное и скучное заявление!

Жюдикель услышал топот копыт, когда стоял на коленях перед алтарем. Он встал и повернулся как раз в тот момент, когда в часовню вошли двое. Мужчина был с мечом и шпорами рыцаря и хорошо одет - в красную куртку и подбитый мехом плащ. На женщине было простое серо-голубое платье, но из хорошей ткани, и плащ у нее тоже был богатый и подбитый мехом. Жюдикель решил, что оба они из знати. Женщина хочет исповедаться перед Великим постом, а мужчина ее сопровождает. Он мысленно вздохнул, ощущая себя на редкость неспособным кому-то что-то советовать. А с набожными молодыми особами всегда трудно разговаривать.

- Да пребудет с вами Бог, - проговорил он неохотно. - Я местный священник. Я могу вам чем-то служить?

- Да пребудет с вами Христос, святой отец, - отозвалась женщина, перекрестившись. - Простите, что прервала ваши молитвы. Я слышала о том, какую святую жизнь вы здесь ведете, и хотела попросить вашего совета перед этими неделями покаяния. У вас есть время, чтобы со мной поговорить?

- Мое время ничего не стоит, - сказал он, - но мой совет не будет для вас полезнее, чем совет вашего приходского священника.

- Но я была бы рада его получить, если вы согласитесь его дать, - заявила незнакомка.

Жюдикель снова вздохнул - на этот раз глубоко - и сделал приглашающий жест в сторону камыша, настеленного перед алтарем. Мужчина удовлетворенно кивнул и кончиками пальцев дотронулся до плеча женщины.

- Я присмотрю за лошадьми и буду ждать на улице, - сказал он ей. - Позови, если я тебе понадобится.

Он вежливо кивнул священнику и вышел.

Женщина подошла к алтарю и встала на колени. Мгновение она молча смотрела на Жюдикеля - и его раздражение, вызванное ее появлением, исчезло. У нее оказалось милое, умное лицо с высоким лбом и прямым взглядом серых глаз, а держалась она спокойно, но твердо. От нее можно не ждать истеричной набожности. Он опустился на колени напротив нее.

- Да пребудет с тобой Христос, - снова сказал он. - Чем я могу тебе помочь?

Мари хотелось поговорить с Жюдикелем потому, что он знал Тиарнана. Но, оказавшись с ним лицом к лицу, она осознала, что на самом деле пытается выведать тайну исповеди. С Тиарнаном ее не связывали никакие узы, которые оправдывали бы такой интерес: она не была ему ни сестрой, ни возлюбленной. Суровое аскетическое лицо Жюдикеля и его пронизательные темные глаза не приглашали откровенничать. Конечно же, он просто укорит ее за неуместное любопытство и прогонит! Однако ей по-прежнему мучительно хотелось услышать, что Элин была не права. Именно любовь к Тиарнану помогла Мари отпустить призрак матери и освободиться. А если Тиарнан не заслуживал любви, то где же тогда ее

собственная свобода?

Она, молча стояла на коленях в течение долгой минуты, пытаясь найти способ объяснить, почему ей необходимо знать правду, и задать вопрос так, чтобы ответ не требовал нарушения тайны.

- Я слышала о вас от лорда Тиарнана Таленсакского, - сказала она наконец, - человека, которому я многим обязана. Меня зовут Мари, Мари Пантьевр Шаландрийская. Тиарнан спас меня от разбойников - наверное, вы слышали об этом.

Имя Тиарнана заставило сердце Жюдикеля дрогнуть. Волк не приходил к нему в хижину уже несколько недель, и он прекрасно знал, как неумолимо его преследует Ален. Он молился за своего приемного сына, испытывая все более сильный страх.

- Он сам мне об этом рассказал, - проговорил Жюдикель как мог спокойно. - Я был его исповедником.

- Я об этом слышала. Что мне хотелось... не знаю, как мне это сказать.

- Ты можешь не опасаться сказать что-то неосторожное, - успокоил ее Жюдикель. - В свое время я слышал немало таких слов и никогда их не повторял, говорились ли они во время исповеди или нет.

- Спасибо, - отозвалась Мари, нервно улыбаясь. - Хорошо. Я... что-то чувствовала к Тиарнану.

При этом признании она покраснела и поспешно опустила глаза. Ей было очень трудно открывать свое сердце перед этим человеком, зная, что он может ее осудить. Но у нее не было другого выхода, если она надеется услышать от него то, что ей так хочется узнать.

- Между нами не было ничего бесчестного, и я не думаю, что он даже заметил, что я чувствую. Но для меня это значило очень много.

Жюдикель смотрел на нее с удивлением. Она стояла на коленях почти неподвижно. Широкий серый плащ складками падал с прямых плеч, голова в простой белой повязке была опущена. Ее щеки пылали от смущения. Было видно, что ей нелегко далось это признание. Даже на первый взгляд было видно, что она не из тех женщин, кто легко дарит свою любовь. Знал ли Тиарнан о том, что она в него влюблена? Он никогда не упоминал об этом, да и о ней самой почти не упоминал. Теперь Жюдикель вспомнил о ней кое-что: ее насильно увезли из монастыря, и она пыталась туда вернуться, когда Тиарнан ее спас. Она решительно отказалась выйти замуж по приказу герцога, уважая клятву верности, которую ее отец принес Нормандии. Ясно, что эта женщина с характером. .

- Продолжай, - попросил он, уже заинтересовавшись ее признанием.

- Когда Тиарнан исчез, - сказала Мари, - его вдова приехала в Плоэрмель, где я состояла при герцогине Авуаз. Мы делили постель, и когда я попыталась выразить ей соболезнование в ее утрате, она сказала мне - мы были одни, и нас никто не слышал, - что мне не надо сожалеть, что ее муж скрывал страшную тайну и она счастлива избавиться от него. Она сказала, - Мари с гневом заставила себя произнести эти слова, - что он был худшим чудовищем, чем тот разбойник, от которого он меня спас. Я бы не стала сейчас повторять ее слова, если бы они с тех пор не терзали меня постоянно. Я понимаю, святой отец, что никогда не имела никаких прав на Тиарнана. Но... я испытывала к нему то, чего не испытывала ни к одному другому мужчине, и способность на такое чувство освободила меня от страхов, которые давно меня

преследовали. Если он был чудовищем и все мои чувства основывались на невежественных грезах, тогда я по-прежнему в тюрьме. То, в чем Тиарнан мог исповедоваться вам под печатью таинства, свято. Я не прошу, чтобы вы мне об этом рассказывали. Но меня очень утешило бы, если бы вы просто могли ответить: у его жены действительно была причина его ненавидеть? Я клянусь Богом и моей бессмертной душой, что, если вы скажете мне об этом, я никому этого не повторю. Мне хотелось бы это узнать только для моего собственного спокойствия.

Этот вопрос ранил Жюдикеля страшнее клинка. Он вспомнил истеричную молодую женщину в Таленсаке. Может ли он твердо заявить, что ее смятение было беспричинным? Церковь, которой он служит, встала бы на ее защиту. Единственное, что он мог этому противопоставить, были заверения, что Тиарнан стал таким не добровольно и что он никогда преднамеренно не причинял этим кому-то вреда. Сам он был убежден, что этот человек неповинен. Однако церковный суд с этим никогда не согласился бы.

- Дитя, что ты хочешь от меня услышать? - резко спросил он. - Я был исповедником Тиарнана, но я был не только им. Я был приходским священником Таленсака, когда он был маленьким, и почти заменял ему отца. Наполовину он таков, каким его сделал я. Так как же я могу быть судьей между ним и его женой? Если он осужден, то осужден и я. Возможно, он был чудовищем. Она определенно так считает. Я не могу в это поверить - никогда не поверю, потому что этого человека я горячо любил. Но мне нельзя доверять. Я подвел Тиарнана и могу подвести тебя тоже.

Мари подняла глаза и изумленно посмотрела на священника. Она ждала успокоения или осуждения, но не такого!

- Почему вы говорите, что подвели его?

- Потому что не смог с уверенностью сказать ему, была ли тайна, за которую его осудила жена, грехом. Если бы я его осудил и связал епитимьями, возможно, он и сейчас был бы владельцем Таленсака.

Долгие мгновения Мари молча смотрела на него.

- Значит, вы говорите мне, - с трудом проговорила она, - что не можете дать ответа, потому что сами его не знаете.

- Да, - с облегчением подтвердил Жюдикель. - Дитя, ты сказала, что твоя любовь к моему приемному сыну освободила тебя от давних страхов. Если дверь твоей темницы открыта, так ли важно, был ли ключ, который ее отпер, подлинным или поддельным?

Мари прикусила палец. Дверь действительно открылась - и она через нее прошла. Но если ключ поддельный, то все, что ждало за дверью, может оказаться таким ужасным, как она раньше боялась. Плотская любовь убила ее мать, а у источника Нимуэ чуть было не убила ее саму. Возможно, она никогда не узнает плотской любви (скорее всего она будет доживать свои дни в монастыре), но если ей не суждено ее узнать, то тем важнее знать цену того, чего она будет лишена.

- Я была в Треффенделе на этой неделе, где герцог устроил охоту, - проговорила она после долгого молчания. Почему-то ей казалось, что происшедшие там события имеют отношение к ее вопросу. - Он поймал волка...

- Волка? - резко переспросил Жюдикель.

Она посмотрела на него, изумившись страху, прозвучавшему в его голосе.

- Да, - подтвердила она.

Жюдикель опустил голову. Его руки впились в ограду так, что костяшки пальцев побелели, но он ничего не сказал. В лесу много волков. У него не было объяснений, почему его сердце мгновенно поверило тому, что это был именно тот. Не будет ни заупокойной мессы, ни похорон - только его частные молитвы за мертвого и его тайный траур.

Недоуменно глядя на него, Мари продолжила:

- Герцог Хоэл поймал этого зверя живым.

Голова Жюдикеля снова резко вскинулась вверх, глаза изумленно округлились.

- Когда собаки его загнали, он бросился к герцогу, - объяснила Мари, все сильнее удивляясь, - и лизнул ему ногу. И герцог оставил его живым и забрал с собой в охотничий дом. Он решил, что этого волка приручили, когда он был маленьким... В чем дело?

Темные глаза священника возбужденно сверкали.

- Ничего. Продолжай.

Мари озадаченно покачала головой:

- Я боялась волков. Мне приснился страшный сон про этого зверя. Когда я проснулась, то пошла посмотреть на него, чтобы увериться в том, что мой сон был неправдой. Волк, которого я боялась, оказался всего лишь испуганным животным, - медленно продолжила она. - Очень красивым зверем. И это - то же самое, что я узнала от Тиарнана. Вы правы, святой отец. Мне не нужно знать, что у него была за тайна. Даже если он был настолько виновен, как кажется его жене, то, что я узнала от него, остается правдой.

Однако Жюдикель ее не слушал.

- А что герцог собирается делать с этим волком? - спросил он.

Она пристально посмотрела на отшельника - и тут к ней пришло понимание.

- Так это ваш волк! - воскликнула она. Но он покачал головой:

- Нет. Нет. Но я знаю, чей это волк. Мари это начало забавлять.

- Он хочет его вернуть? Герцог так им доволен! Ему хочется быть единственным человеком, которому удалось приручить волка.

- Он имеет на него больше прав, чем кто бы то ни было, - осмотрительно заявил Жюдикель. Он оглянулся на небольшое распятие, висящее на стене. - Кажется... predetermined, что он попал к герцогу и герцог проявил к нему милосердие.

Лицо отшельника внезапно озарилось удивительно ясной улыбкой. Впервые после его провала в Таленсаке он почувствовал надежду. Тиарнан в безопасности, и его принял прежний сюзерен. Пусть он принят как зверь, но по крайней мере он снова оказался среди людей и защищен от безжалостного преследования со стороны врагов. Это казалось настолько чудесным, что Жюдикель почти поверил в то, что когда-нибудь снова услышит голос своего

приемного сына. Все его существо благодарно рванулось к небесам.

- Он хороший волк, да? - спросила Мари, начиная ответно улыбаться. - Как прежний владелец его лишился?

- Кража, - ответил Жюдикель. - Грустная история о Краже и предательстве. Я очень рад слышать, что это существо в безопасности. Я тревожился за его владельца.

- Но он не хочет получить его обратно?

- Герцог имеет право оставить его у себя. Спасибо тебе, дочь моя.- Улыбка Жюдикеля светилась глубокой радостью. - Ты принесла мне известие об ответе на молитву.

- И вы не будете пересказывать чьи-то откровенные слова, - сказала Мари, тоже улыбнувшись. - Понимаю.

Жюдикель обратил внимание на светлую теплоту её глаз, встретившихся с его собственными, и ощутил одну симпатию к ней. Он видел, как она с трудом шла к своему новому пониманию, и отнюдь не хотел отнестись к нему пренебрежительно, так что теперь счастлив был видеть, что она простила его невольную обиду. И внезапно он попытался представить себе, что бы сделала Мари, узнай она ту тайну, тень которой сломила Элин. Отшатнулась бы в ужасе, как Элин? Холодно осудила бы? Или... возможно ли, чтобы эта женщина, победившая свои кошмары, все поняла?

Жюдикель протянул руку через ограду и поймал Мари за руку. Ему очень хотелось дать какой-то ответ, пусть даже неточный, на тот вопрос, с которым она пришла к нему. Он был не настолько наивен, чтобы поверить, будто она смиренно приняла его отказ и больше не испытывает мучительного желания знать правду. Она любит Тиарнана - любит сильно, иначе слова Элин так не взволновали бы ее. И он вдруг почувствовал, что может довериться ее суждению.

- Дочь моя, - сказал он, - мне хотелось бы, чтобы ты вынесла суждение относительно той тайны, о которой я тебе рассказал.

Она сдвинула брови.

- Я не могу судить о тайне, которую не знаю.

- Тогда суди по своим страхам и страхам леди Элин, насколько ты их знаешь. Это будет достаточно точно. И когда ты вынесешь свое суждение, дай мне знать, потому что я приму твое решение там, где не могу положиться на мое собственное. А тем временем я стану молиться, чтобы Господь наш Иисус Христос руководил тобой.

- Ну и каков он оказался, этот святой отшельник? - спросил Тьер, когда они уже ехали обратно по реннской дороге.

Минуту Мари молчала, а потом покачала головой:

- Он очень странный.

- Ну, так они и должны быть странными. Я имею в виду - святые люди. Если бы они были простыми уважаемыми людьми, никто бы их всерьез не принимал.

Она засмеялась:

- Тебе следует стать святым.

- Может, и следует. Я отращу волосы, отпущу бороду до колен, оденусь в лохмотья и стану жить в лесной хижине, обзывая всех проходящих грешниками. И в особенности женщин, зато, что они такие очаровательные.

- Несправедливо! Отец Жюдикель был чисто выбрит и очень вежлив. А еще он сказал, что в одном вопросе поставит мое суждение выше своего.

- Вот как? Умно с его стороны. Клянусь святой Анной, он сильно поднялся в моем мнении. В этот Великий пост обя-зательно принесу милостыню в часовню Святого Майлона.

- А еще отец Жюдикель сказал, что знает, кто приручил герцогского волка, – сообщила ему Мари.

- Правда? Значит, возвращения милого маленького Изенгрима кто-то ждет?

- За этим стоит какая-то история, которую он не захотел мне рассказывать. Изенгрима предательски украли у его владельца. Но отшельник решил, что герцогу следует оставить его у себя.

- Значит, этот зверь останется при дворе?

- Мне он показался очень милым волком.

- Думаю, мертвым он был бы еще милее. Когда он бросился на герцога во время охоты, я так испугался, что... Прошу прощения. Я подумал: я устраиваю герцогу первую настоящую охоту, а он берет и все портит, дав себя убить!

- Но этого же не случилось.

- Да. Но он сердится на меня за эту историю с «не позволю». Он постоянно всем про это рассказывает. Как мне жаль, что я употребил это слово!

Мари улыбнулась:

- Тьер, неужели ты не понял, что ты его просто восхитил этим?

- Да? - изумленно спросил Тьер. Он секунду подумал, а потом вдруг разулыбался. - Господи, похоже, ты права!

Когда они добрались до Ренна, было уже очень поздно и снова пошел дождь. Они оставили лошадей в конюшне и поспешно поднялись по лестнице замка, прошли через комнату охраны и попали в зал. В огромном помещении было темно: там горел только огонь в центральном очаге. Весь пол был занят спящими рыцарями. Отряд герцога вернулся уже давно. Мари просталась с Тьером, когда из внутренней двери зала вышел слуга и сказал ей, что герцог желает поговорить с ней и ждет ее у себя в покоях.

Недоумевая, Мари поднялась по лестнице мимо галереи к личным покоям герцога и герцогини и постучала в дверь.

Хоэл сам открыл ей и жестом пригласил войти. Эта комната, служившая гардеробной и

кабинетом, была у него с герцогиней общая, так что Мари и прежде в ней бывала. Авуаз и сейчас находилась в ней – сидела за столом у окна. Канделябр с тремя свечами, стоявший рядом с ней, освещал комнату, в камине догорали алые угли. Мари с радостью заметила, что Изенгрим – на всякий случай в наморднике – сидел на цепи в дальнем углу. Мирри свернулась рядом с ним. Хоэл и Авуаз пришли к компромиссу относительно содержания нового любимца.

– Мари, милая, – сказала Авуаз, с хриплым вздохом поднимаясь на ноги, – по возвращении домой нас ожидало письмо, в котором оказались дурные известия, касающиеся тебя.

Мари растеряла всю свою веселость. Секунду она стояла неподвижно, глядя на герцогиню. Потом она перекрестилась и опустила голову. Ей было нехорошо.

– Что... что случилось? – с трудом спросила она. Однако у нее было ужасающее опасение, что она уже это знает, что она уже стояла на краю этой катастрофы.

– Сначала сядь, – приказал Хоэл, подталкивая ее ко второму стулу, поставленному у стола. – Вот так. Боюсь, что я должен тебе сказать, что твой отец умер.

Умер. Да, на этот раз лавина обрушилась, как она и боялась: он умер. Теперь он уже никогда не будет ею гордиться, не обрадуется тому, что она осталась жива. Они никогда не смогут наконец полюбить друг друга. С момента ее рождения между ними была пустота. Теперь эта пустота так и останется с ней, а он ушел. Ушел навсегда. Он никогда не вернется из Святой земли, и его тело останется лежать в далекой стране, которую она не сможет посетить, чтобы попрощаться с ним. Не будет даже могилы, которую ей можно было бы убирать цветами. Ей мучительно хотелось его любить. Ей всегда так сильно хотелось угодить ему – а он нетерпеливо смотрел вверх ее головы на своего сына. «Какая это бесчестная вещь – сердце, – отстраненно подумала она. – Я была рада, что Роберт умер, потому что отцу придется наконец меня заметить. И теперь мне за это воздалось».

Она почувствовала, как пришли слезы, и спрятала лицо в ладони. Авуаз подошла к ней сзади и обняла за плечи. Мари повернулась, вскочила, опрокинув стул, и уткнулась лицом герцогине в плечо.

– Полно, милая, полно, – мягко сказала Авуаз, поглаживая ее по спине. – Я знаю, знаю. Он был твоим единственным господином, тем человеком, которому ты хотела угодить, пусть даже для этого нужно было разочаровать всех остальных, – и вот теперь ты никогда не сможешь это сделать. Но, милая, плача об этом, радуйся за него. Умереть в крестовом походе – благо, и теперь он в раю.

Они дали ей поплакать несколько минут, а потом Авуаз заставила ее снова сесть, а Хоэл налил ей вина. Мари проглотила немного, с трудом протолкнув его в сведенное судорогой горло.

– Как он умер? – спросила она.

Оказалось, что не в бою, как ему хотелось бы. Хоэл получил известие от своего сына, Алена Фергана, который регулярно посылал ему новости о крестовом походе. Герцог дал письмо Мари и разрешил прочесть все самой. Там говорилось, что много храбрых рыцарей умерли от лихорадки по дороге из Антиохии, и среди них самым выдающимся был Гийом Пантьевр Шаландрийский, человек, всеми уважаемый за отвагу и воинскую доблесть. Мари вдруг догадалась, что этот же человек должен был сообщить и о смерти Роберта Пантьевра при осаде Никеи, почти год назад, так что Хоэл получил это известие раньше самой Мари и смог устроить ее тихое похищение из монастыря Святого Михаила. И это напомнило ей о ее собственном положении.

Теперь она редко вспоминала о том, что она пленница, которую держат ради земли, наследницей которой она считается, хотя знала, что наступит день, когда все наконец убедятся в том, что она не намерена предавать честь семьи, – и тогда эта чудесная жизнь при дворе закончится и ей придется вернуться в монастырь. И что еще хуже, ей придется там остаться. Случилось то, чего она опасалась: противоречащие друг другу принципы все-таки встали передней. Как она теперь выйдет замуж за нормандца, когда он может воевать с Бретанью и убивать храбрых молодых людей, которые были ее поклонниками? Но как она выйдет замуж за бретонца, предав отца и взяв обратно все свои гордые слова? Нет, ей придется поклясться Хоэлу в том, что она ни за кого не станет выходить замуж, и вернуться в монастырь.

Она отложила письмо и печально посмотрела на герцога и герцогиню.

– Ну что ж, – проговорила она, – владетель Шаландри мертв. Это все меняет, не так ли?

– Милая, мы не хотели обсуждать это с тобой сегодня, – сказала герцогиня. – Никто не станет заставлять тебя принять решение, пока ты так потрясена.

– Но это все меняет, так? – не сдавалась Мари. – Теперь поместье по закону переходит к его сеньору. Как наследница, я должна принести ему вассальную клятву, чтобы вступить во владение им. Только непонятно, кто этот сеньор.

Авуаз вздохнула, но Хоэл уже воинственно выпрямился.

– Я его законный сеньор, – твердо заявил он. – Мари, девочка моя, не тебе принимать решение о судьбе Шаландри. У меня есть документы, которые докажут мое право любому беспристрастному суду. Они должны убедить даже тот пристрастный суд, которому я должен буду их представить.

Мари уставилась на него, не понимая, что он говорит. При чем здесь суды?

– Мы не будем обсуждать это сегодня! – непререкаемо заявила Авуаз. – Мари, допивай вино и отправляйся спать.

– Нет! О чем вы говорите, что за суд? – спросила Мари, переводя взгляд с герцога на герцогиню и обратно. – Я думала, что вы рассчитываете получить Шаландри через меня. Я думала...

– Милая, – сказала герцогиня, – я уже давно поняла, что ты не выйдешь замуж ни за кого из наших мужчин, даже за беднягу Тьера. Так я и сказала Хоэлу. Я сказала, что Тиарнан, может, и заставил бы тебя передумать, но он женат. А потом он исчез. Нет, мы с Хоэлом уже давно ничего от тебя не ждем. Вместо этого мы решили поставить вопрос перед судом.

– Какой суд может рассматривать спор между Бретанью и Нормандией? – недоверчиво спросила Мари.

– Есть такая персона, как король Франции, – ответил Хоэл. – Согласен, он жирный старик и мало чего стоит, и он смертельно боится Роберта Нормандского, но формально он сюзерен Роберта, как и мой, и имеет право вершить суд в нашем споре. А Роберт, хочу тебе напомнить, сейчас в Святой земле, тогда как я – здесь. У меня есть неплохой шанс выиграть дело. Так что, как видишь, девочка, тебе можно не терзаться насчет того, кто имеет право на твою вассальную клятву. Ты в этом деле не судья.

Она изумленно посмотрела на Хоэла, а потом густо покраснела. Значит, вся ее решимость, вся

твердость и благородство стали лишними, и судьбу Шаландри равнодушно решат в далеком Париже?

- Хоэл, хватит! - вмешалась герцогиня. - Как ты можешь тут стоять и разговаривать, когда она только что получила известие о смерти отца? Мари, иди в постель.

Авуаз помогла Мари встать.

- Извини, - сказал Хоэл, подхватывая ее под руку, - но ты сама спросила.

Она не нужна им в качестве пленницы, они ничего от нее не ждут - и все же попрежнему к ней добры! Когда ее отец давал ей только пустоту, эти двое дарили любовь. Мари снова заплакала.

- Если в суде решат, что законные права на Шаландри принадлежат вам, - прерывающимся голосом проговорила она, - то никто не будет этому так рад, как я.

Авуаз поцеловала ее в щеку.

- Милая, - посоветовала она, - не говори сейчас ничего, о чем придется пожалеть потом. Сначала отдохни.

Когда Мари увели в постель, а герцог и герцогиня тоже отправились спать, волк лежал без сна в своем углу, сражаясь со словами. Они называли имя, которое раньше принадлежало ему, - Мари, герцог и герцогиня. Теперь он узнавал это имя, когда его слышал, несмотря на искаженный слух. Так называл его Жюдикель. Он наблюдал за происходившим, пытаясь понять, почему женщина так расстроена, а потом услышал свое имя. И теперь он лежал неподвижно, усердно пытаясь сосредоточить свой подавленный разум и сложить вместе то, что они говорили. Плохо подогнанный намордник резал уши, а окружающие его запахи человека заставляли инстинктивно напрягаться от страха, тогда как стыд из-за того, что он, скованный и безгласный, лежит в доме человека, который когда-то высоко его ставил, не давал ему заснуть. И он измучил себя, пытаясь понять то, что происходит вокруг: это хотя бы отвлекало его от всего остального. Он думал, по большей части без слов, передвигая громоздкие кирпичи понятий, как потерявший руку человек неловко двигает инструмент культей.

В письме были дурные вести для Мари: да, это он понял.

Мари ожидала, что произойдет еще что-то, а Хоэл сказал что-то, что ее удивило. Он поворачивал это так и этак, ища слова, которые бы встали на место. Да, Мари должна уехать... остаться... что?

Плохая новость письма заключалась в том, что умер ее отец, поэтому она плакала. А потом что-то непонятное, и герцогиня успокоила Мари, что никто не станет заставлять ее... Нет, было сказано не так. Герцогиня сказала Мари, что они знают: она замуж не выйдет. А потом - его имя: Тиарнан. Может, заставил... передумать.

Почему он мог заставить ее передумать? Замуж.

Только после долгого утомительного сражения он начал понимать, что Мари была в него влюблена. Он не вполне поверил своему вымученному истолкованию, но даже возможность того, что он был прав, ударила в его душу мучительной болью. Он снова вспомнил ее у источника Нимуэ, когда разбойники прижимали ее, обнаженную, к земле. Она была привлекательной женщиной, и к тому же храброй и верной. Теперь, познав предательство, он ценил верность гораздо сильнее. Но что ему теперь до всех привлекательных женщин?

Ничего. Теперь его тело будет отзываться приливом желания на запах любой суки в течке, хотя его человеческая сущность с отвращением содрогается от такой похоти. Мысль о том, что когда-то его могла любить Мари, продемонстрировала ему его падение яснее, чем намордник и цепь. Он тихо заскулил в темноте.

Он вспомнил, как Ален смотрел на него в сарае в Треффен-деле. Ален, который выглядел все таким же человечным и элегантным, но от которого исходил такой же острый запах страха, какой остался на камне у часовни. Ален знал, кто он, и уговаривал Хоэла его убить. А сам он не мог сделать ничего. Ничего – только беспомощно терпеть, как он вытерпел все остальное, что сделали с ним Ален и Элин. Он потерял всякую надежду вернуть себе человеческий облик. Но возможно, когда-нибудь, если он будет терпеть достаточно долго, он найдет способ хотя бы отчасти отплатить им. Если он будет кротким и терпеливым, намордник снимут – а Алену когда-нибудь придется явиться ко двору. Жюдикель этого не одобрит. Но Жюдикель никогда не одобрял убийств, и это никогда не останавливало его прежде. А зачем еще ему жить дальше?

Двор провел Великий пост в Ренне. Мало кто совершал поездки во время этого периода покаяния, так что гостей у герцога почти не бывало. Он даже не мог выезжать на охоту: с учетом запрета на скоромное и необходимости дать оленям возможность спокойно растить приплод, в лес гончих не пускали. Вместо этого Хоэл забавлялся с волком. Спустя примерно неделю намордник был снят, а задолго до Пасхи за ним последовала и цепь. Даже Тьер неохотно признал, что Изен-грим ведет себя безупречно. Он никогда даже не угрожал укусить, не лаял, не крал пищу со стола и, как торжествующе указал Хоэл жене, не пачкал в доме с самого первого дня. Если на него лаяли собаки, то он просто уходил с выражением такого презрения, что герцогиня хохотала над его важностью. Хоэл научил его по команде подходить, идти рядом, сидеть, стоять и приносить поноску – и все за одно утро.

- Поразительно умный зверь, – проговорил он, трепля Изенгрима за уши. – Но я это понял, еще когда на тебя охо-тился, правда?

И зенгрим его понимал. С каждым днем количество понятных ему искаженных слов все возрастало. Иногда ему даже удавалось следить за разговором, хотя это требовало особой сосредоточенности, словно он слушал речь на иностранном языке, который когда-то знал, но забыл. В постоянном окружении человеческой речи, человеческих чувств и желаний его разумная часть вырвалась из глубины на поверхность. Казалось, она достигла берега, где лежала, пытаясь отдышаться, по-прежнему омываемая морем животных инстинктов, но уже не погружаясь в них целиком.

Он был готов повиноваться Хоэлу. Герцог всегда был его избранным сюзереном, так что не было ничего позорного в том, чтобы служить ему в любом обличье. Небрежная ребячливость того, что по большей части ему говорили: «Хороший парень! Вот, угощайся!» – поначалу казалась ему постыдной, но постепенно волновала все меньше, становясь привычной. А как еще герцог должен был разговаривать с животным? Он был очень рад избавиться от намордника и цепи и старался не делать ничего такого, что могло бы их вернуть. Было очень соблазнительно огрызнуться на собаку, которая его облаивала, соблазнительно укусить пажей, которые иногда дразнили его на пари, но перед этими соблазнами он мог устоять. И если он держался рядом с Хоэлом, герцог его защищал.

В замке привыкли видеть волка, спокойно идущего следом за господином или сидящего у его ног за столом. Когда на Страстную неделю начали приезжать гости, то придворные демонстрировали им волка с гордостью и успокоительными словами.

- Это волк герцога, Изенгрим, - говорили они. - Прекрасный зверь, правда? Его можно не бояться - он ручной. И вы видите, как он любит своего хозяина.

Помимо хозяина, волк был явно привязан к герцогине и Мари. Если они входили в комнату, он обязательно подходил с ними поздороваться, прижимая нос к их руке, и ходил с ними по замку или лежал у их ног. С остальными он был только вежлив. Время и несколько случайных слов подтвердили первую ужасную Изенгрима догадку о том, что Мари его любила - вернее, любила того человека, которым он когда-то был. Это заставляло его наблюдать за ней с сожалением, которое было одновременно и горьким, и сладким. Он научился быстро находить ее запах среди множества других и все чаще обнаруживал, что ищет его. Ему нравилось то, как двигалось под платьем ее тело, ее формы, ее уверенная сдержанность. Ее голос никогда не был пронзительным, а всегда звучал негромко и приятно, и она легко смеялась, откидывая голову назад и небрежно отвечая на шутки поклонника. Если он лизал ей руку, то ее кожа имела особый сладкий вкус.

Он не мог ясно вспомнить, какой она казалась его человеческому взгляду - только ее тело у источника Нимуэ и то, как она стояла потом, с рассыпавшимися по плечам спутанными густыми волосами - темно-русыми. Но он не мог вспомнить цвета ее глаз. Когда он был человеком, то ни разу не обратил внимания на ее глаза, а теперь его мир был лишен цвета.

Он с горечью понимал, что не замечал Мари потому, что был влюблен в Элин - прекрасную, нежную Элин, которая предала его так легко и безоговорочно. Если бы та сцена у источника Нимуэ произошла на год раньше, он мог бы жениться на Мари, а Элин навсегда осталась бы для него просто дочерью соседнего лорда. Он был совершенно уверен в том, что Мари никогда не стала бы плакать и выпытывать у него его тайну. И даже если бы он рассказал ей все, она не предала бы его. Она могла бы уйти от него в монастырь, но никогда не запятнала бы себя предательством. Если бы он женился на Мари, то и сейчас был бы человеком, счастливо и мирно жил бы с женой в своем поместье. Какую сладкую боль вызывали эти мысли!

Кенмаркок, получивший место в герцогском казначействе, проявил особый интерес к Изенгриму. Это произошло в зале после воскресной мессы: герцог занимался делами со своими служащими, и Кенмаркок принес какие-то счета. Мари оказании, поблизости вместе с герцогиней.

Кенмаркок опасливо подошел к волку, а потом, еще более осторожно, протянул руку, чтобы зверь мог ее обнюхать. Изенгрим прикоснулся к ней носом и снова сел, продолжая наблюдать за клерком.

- Да ведь это же тот волк, которого я видел в мою последнюю ночь в Таленсаке, когда сидел в колодках! - воскликнул Кенмаркок. - Похоже, мне не надо было так его пугаться!

- Откуда ты знаешь, что это он? - недоверчиво спросил Тьер.

Как главный охотничий, он сидел рядом с герцогом в числе других подданных.

- Выглядит он точно так же, - ответил Кенмаркок. - И я не скоро забуду, как его увидел. Поначалу я принял его за бродячего пса, но когда он оказался в нескольких шагах от меня, то я увидел, что это волк. В лунном свете глаза у него были совсем зеленые. На мне были колодки, так что я не мог шевельнуться, и решил, что он меня убьет.

- А что ты делал в колодках? - спросил Хоэл с изумлением и любопытством: управляющий должен быть избавлен от подобных наказаний.

Кенмаркок фыркнул.

- Сказал хозяйке поместья то, чего говорить не следовало, мой господин. Я это повторять не стану. Я был расстроен отъездом из Таленсака и выпил, чтобы утешиться. Ну и зашел слишком далеко, могу сейчас в этом признаться. Но я был очень расстроен. Она поругалась с маштьерном - с лордом Тиарнаном то есть, и я по-прежнему считаю, что она виновата. Он так горевал из-за их ссоры, что когда ушел в лес в последний раз, то, должно быть, не захотел возвращаться. Отец Жюдикель пришел от своей часовни, чтобы помирить ее с мужем, но она и с ним поругалась. А вы ведь знаете, милорд, что отец Жюдикель - человек такой святости, что вся округа благодарит Бога за то, что он послал нам одного из своих святых. Тиарнан... ну, я был его человек. Я сердился за него, особенно когда его жена так поспешила выйти замуж за этого де Фужера.

- Ты имеешь в виду моего кузена, - сухо заметил Тьер.

- Простите меня, мой господин, - сказал Кенмаркок, - я слишком много говорю.

Мари не могла сказать, почему ей не давало покоя то, что сказал клерк. Потом она мысленно несколько раз перебирала услышанное, но всегда с таким чувством, словно она что-то запомнила неправильно или что-то было недосказано - иначе она не испытывала бы такого беспокойства. Но решить эту задачу не удавалось, и она выбросила ее из головы, сосредоточившись на трудах Великого поста.

Вечером Вербного воскресенья замок был полон народа. Из всех концов Бретани вассалы Хоэл а съезжались поздравить своего сюзерена и присоединиться к празднеству в рейнском соборе. Мари была удивлена, когда герцогиня выкроила в своих хлопотах время, чтобы вызвать ее к себе в покои. Придя туда, она удивилась еще больше, застав Авуаз за разговором с Сибиллой и швеей Эммой.

- А вот и ты, милая! - воскликнула Авуаз. - Я хочу, чтобы, ты примерила вот это платье.

Мари недоуменно возрилась на прекрасное платье темно-зеленого цвета. На нем было золотое шитье по лифу и вдоль длинных рукавов от локтя до середины кисти, - а на боках его скрепляли золотые пряжки.

- Оно для меня слишком великолепное, - сказала она. - И я в трауре.

Она действительно снова надела старое черное платье, которое носила в монастыре. Даже герцогиня не могла наложить на это запрет, поскольку платье надевалось в знак траура по отцу.

- Мари, - строго сказала герцогиня, - ты не поедешь в Париж в этой отвратительной черной тряпке. Я это запрещаю. Ты - наследница поместья, из-за которого мы с Хоэлом идем на немалые хлопоты, и ты поедешь туда в таком виде, который бы полностью соответствовал случаю, или не поедешь вовсе.

- Поеду в Париж? - изумленно переспросила Мари.

- Поедешь в Париж, чтобы увидеть короля, - подтвердила герцогиня. - Король Филипп согласился рассмотреть наше дело. Мы встретимся в Париже на Троицу. Но ты ни в коем случае не поедешь в этом старом черном платье. Это ты наденешь ко двору, а на дорогу я заказала тебе еще платья. Эмма сможет переделать их, если понадобится.

Сибилла захихикала:

- Посмотрите, как она пытается сказать «нет»!

- Да, - сказала Мари, краснея и смеясь. Сердце у нее трепетало от волнения. Поехать в Париж, увидеть короля Франции! Это казалось частью волшебной сказки. - Ох, моя госпожа, спасибо вам!

—Она иногда ведет себя совсем как нормальная девушка, правда? - заметила Сибилла.

- Только редко, - откликнулась герцогиня.

Глава 13

Вечером пасхального воскресенья Жюдикель молился в часовне Святого Майлона, когда нежно звякнул колокольчик.

Великий пост оказался трудным. К нему приезжали для разговора представители реннского епископа, которые подробно расспрашивали относительно костров и других проявлений поклонения демонам. Он и правда не смотрел на это с таким осуждением, как церковные власти, считая данью вежливости прежним обитателям этих земель, а не работой дьявола. Он смог поклясться, что никогда не благословлял ни одного костра, зажженного в честь какого бы то ни было волшебного создания, но сомневался в том, что епископ этим удовлетворится. После исчезновения Тиарнана он потерял уверенность в собственных взглядах на что бы то ни было. И на сухие, нетерпеливые вопросы епископских представителей ему было отвечать крайне трудно. Он считал вполне вероятным, что эта Пасха в часовне Святого Майлона окажется для него последней, что его изгонят из часовни и переведут на малозначительное место в каком-нибудь монастыре. И возможно, именно этого он заслуживает.

Сама Пасха выдалась исключительно благостной. Он совершил бдение в Светлую субботу, а в полночь, один в часовне, зажег пасхальную свечу и пропел канон, гимн радости в честь той минуты, когда вся мрачная неизбежность старости, смерти и гибели невинности низвергается, а силы зла сами работают на свою погибель. Когда утром встало солнце, он вышел из часовни на опушку леса, где цвели примулы, ветреницы и душистые фиалки. Листья на деревьях только начали разворачиваться, перекликались птицы. И на него снизошло умиротворение. Что бы с ним ни случилось, как-бы он ни заблуждался, он все равно может положиться на Бога.

Как было заведено, на пасхальную заутреню пришли многие из тех, кто обращался к нему в течение года, и он радостно отслужил мессу. Многие верующие принесли еду, и после окончания литургии они все сидели на траве перед храмом и ели, пили и разговаривали, радостно смеясь, потому что пост закончился и им снова можно было есть яйца и мясо. Жюдикель поставил козье молоко и сыр и последний горшочек летнего меда. Это было чудесно.

Пасхальным вечером он чувствовал счастливую усталость после бдения и долгого дня и с удовольствием предвкушал тот момент, когда ляжет в постель. Когда звякнул колокольчик, он решил, что это еще кто-то из верующих пришел его поздравить, и повернулся от алтаря с приветливой улыбкой. Но это была незнакомая молодая крестьянка с младенцем, завернутым в одеяло.

- Господь с тобой, дочь моя, - сказал Жюдикель. - Чего ты хочешь?

Она опустила перед ним на колени и коснулась лбом пола.

- Вы отшельник Жюдикель? - спросила она. Когда он кивнул, она проговорила: - Святой отец, в лесу неподалеку отсюда умирает человек. Я молю вас, ради милосердного Хри-с га, придите и сделайте для него, что можно.

Жюдикель взял из своей хижины фонарь и сумку с хле-бом, вином и миром, а когда узнал, что женщина весь день не ела, отдал ей остатки праздничного обеда, после чего они имеющие направились в лес.

- Ты знаешь этого человека, дочь моя, - спросил Жю-дикель, - или ты нашла его случайно?

- Я его искала, - ответила она. - Он... мой друг. Когда-тл я собиралась выйти за него замуж.

- Но не вышла.

Он посмотрел на ребенка у нее на руках.

- Нет, - подтвердила она. - Мне... не позволили. Я вышла замуж за другого.

Мужчина оказался в чаще леса примерно в двух милях к юго-западу от часовни. Он лежал в шалаше, построенном из прутьев и веток, на завшивевшей подстилке из оленьей шкуры. Одеялом ему служила еще одна изорванная шкура. Он был грязный, обросший, одетый только в штопаную рубаху из мешковины. Перед шалашом горел костер, рядом с ним стояла чашка со свежей водой. Дерюжные штаны, еще не просохшие после стирки, висели на кусте. Жюди-кель решил, что весь этот уход начался совсем недавно, когда его нашла женщина. До этого мужчина лежал больной уже довольно долго. Лицо у него осунулось, губы обметало язвами, живот вспух от голода. Когда они пришли, свет фонаря разбудил его и он открыл глаза. Под спутанными волосами темные глаза ярко горели.

- Что это? - спросил он у женщины.

Она бережно положила ребенка к теплу костра и, подойдя к мужчине, встала рядом с ним на колени.

- Это отшельник, - сказала она ему. - Я привела его от часовни Святого Майлона. Пожалуйста, поговори с ним.

Мужчина перевел свой жаркий взгляд на Жюдикеля.

- Убирайся! - приказал он.

Жюдикель встал на колени напротив женщины и дотронулся до лба больного. Как он и думал, тот пылал в жару.

- Мне кажется, что твое имя Эон, - сказал Жюдикель. - Давно ты болеешь?

- Слишком давно! - торжествующе объявил Эон. - Даже если ты побежишь к кому-то из владетелей и скажешь, что наконец поймал грабителя, я все равно умру к тому времени, когда за мной придут. Я умираю и иду в ад, но я отправлюсь туда по своей воле, а не по герцогской.

- Я никуда не собираюсь бежать, - отозвался Жюдикель. - То, что я тебя здесь видел, останется между мной, тобой и Богом. Но эта женщина твой друг, и она тревожится за тебя. Из уважения к ней тебе следует хотя бы поговорить со мной, прежде чем прогонять.

Эон замаялся и посмотрел на женщину. Та горячо кивнула, и он вздохнул.

- Это ничего не изменит, - сказал он ей, - но ради тебя... Она улыбнулась и поцеловала его в лоб, а потом вернулась к костру и взяла ребенка, который начал плакать.

- Ребенок не мой, - без предисловий заявил он. - Она не разрешала мне прикоснуться к ней с тех пор, как вышла замуж за этого парня в Племи. Она сказала ему, что хочет совершить паломничество на Пасху, и отправилась меня искать, потому что тревожилась за меня, но в остальном она его не обманывала. Это правда, Бог мне свидетель.

- Я тебе верю, - откликнулся Жюдикель, - и молю Бога, чтобы он вознаградил ее за верность ему и тебе.

- Да, - согласился Эон с едва заметной улыбкой.

- Что до тебя... - Жюдикель замолчал, мысленно моля о вразумлении, а потом продолжил: - Думаю, ты обрек себя на ад с большей готовностью, чем угодно Богу.

Эон бросил на него гневный взгляд.

- Ну, начинается проповедь! - с горечью проговорил он. - Раскайся, грешный человек! Вор, убийца, послушник своего господина, беглый крестьянин, оборотень, ползи на брюхе, как червяк, и моли о помиловании, и, может быть, ты добьешься порки и чистилища. Уж лучше я умру как мужчина.

- Ты думаешь, что Господь не ведает того, что ты выстрадал? Я слышал рассказ о том, как ты стал разбойником. Это была огромная несправедливость, и в Судный день не будет ни богатых, ни бедных, ни знати, ни крепостных и все станет просто и честно. Отвечай перед Богом за самого себя, Эон, - и он тебя услышит. Христос - твой друг и защитник, и он заступится за тебя. Но ты должен раскаяться и принять его помощь. Ведь ты знаешь, Эон, большинство из тех, кого ты грабил, были такие же бедняки, как ты, - крестьяне, работавшие в лесу, бедные фермеры, отправившиеся в паломничество, приходские священники с горсткой монет, пожертвованных паствой. А тот мужчина, которого два года назад ты со своими разбойниками ограбил и избил близ Пемпона?

Он собирался принести все, что копил годами, святому Мену, чтобы его больной сын выздоровел. Вы оставили его ослепшим, без денег, со сломанными ребрами. Он это заслужил?

- Мы не знали, для чего предназначались те деньги! Мы разозлились, когда он не захотел их отдать. Нам пришлось грабить: иначе мы не смогли бы прожить.

- А ты пытался жить по-другому?

- Правильно! Что бы я ни делал, я осужден. Оставь меня в покое и дай уйти в ад!

- Эон, зачем мне было идти в такую даль, если бы я просто хотел тебя осудить? Я мог это сделать, сидя у себя в келье. Я пришел предложить тебе отпущение грехов. Такова моя обязанность и горячее желание Господа. Чтобы его получить, ты должен только протянуть руку. Все мы грешники. Я делал то, о чем горько жалею, и могу только молить Бога, чтобы он сжалился надо мной. Ты жалеешь о том, что искалечил того мужчину у Пемпона?

Долгую минуту Эон молчал, а потом поднес слабую руку к горящим глазам.

- Да, - пробормотал он себе в ладонь и вдруг начал плакать. - Я сам себе стал противен, когда услышал его историю.

- Тогда Бог прощает тебя, сын мой. Своей смертью и воскресением, которое мы праздновали сегодня, он способен это сделать. Есть ли еще что-то, о чем ты сожалеешь?

В конце концов Эон пожалел обо всех, даже о Ритгене маб Энкаре, которого задушил. Он сбросил всю пелену насилия и греха, которая его окутывала, и Жюдикель отпустил ему грехи и соборовал. А потом он освятил хлеб и вино и дал мужчине и женщине пасхальное причастие. Когда все было совершено, Эон заснул, улыбаясь по-детски умиротворенно.

- Что ты теперь будешь делать? - спросил Жюдикель у женщины, убирая в сумку миро и вино.

- Останусь здесь, пока он не отойдет, - просто ответила она. - А потом вернусь домой.

- Зайди ко мне, если тебе понадобится еда, - предложил он ей. - Раз у тебя дитя, тебе нужны силы. А когда он отойдет, скажи мне, и я помогу его похоронить.

- Думаю, теперь уже скоро, - сказала она, глядя на Эона. - Он боялся ада, а теперь у него будет хорошая смерть. - Она перевела на Жюдикеля глаза, в которых блестели слезы, а потом поймала его руку и наклонилась к ней. - Спасибо вам, святой отец, - прошептала она. - Да вознаградит вас Господь! Вы его спасли!

- Нет, - возразил он, - это ты его спасла.

На обратном пути он шел медленно, чувствуя, как вокруг него в темноте дышит лес. Случившееся казалось ему даром от Бога, оправданием отшельнической жизни - и он был глубоко счастлив.

Он вернулся к себе в келью, задул фонарь и мирно заснул.

Герцог Хоэл выехал из Ренна двадцать шестого апреля и прибыл в Париж десятого мая. Они ехали не спеша: не гнали лошадей, останавливались в монастырских гостиницах или замках друзей, осматривали интересные места и участвовали во всех предлагаемых увеселениях. Мари все было в новинку и все радовало. Стояла последняя весна старого века, и жизнь была прекрасна. Вдоль всего их пути на полях либо шли работы, либо уже появлялись зеленые стрелки пшеницы. Лошади налегали на плуги, овцы паслись на лугах, свиньи - в зеленеющих рощах, а мужчины и женщины прекращали работу, и дети выбегали на дорогу, чтобы посмотреть, как проезжает герцог Бретонский. Где бы они ни останавливались, усердно трудились каменщики: воздвигались новые замки, в монастырях строились новые храмы, чуть ли не в каждом городе вырастали церкви. Весь мир наливался жизнью, словно весенняя листва.

Хоэл был намерен произвести при дворе хорошее впечатление, так что захватил всех придворных рыцарей, а также еще двадцать тех, кому подошло время ему послужить. Его сопровождали также трубачи, музыканты, герольд, священник, врач и писец. К немалому сожалению Мари, остальные служащие, в том числе и Тьер, остались дома. Авуаз, помимо Мари, взяла еще дюжину дам, и за герцогским отрядом следовали еще примерно шестьдесят слуг, а также вьючные мулы, лошади; были там и охотничьи собаки с ястребами. Мирри и большую часть лучших охотничьих собак с собой не взяли: время серьезной охоты с гончими было еще далеко. Однако Изенгрима взяли - в новом ошейнике с серебряными заклепками, - также как нескольких любимых алаунтов и борзых, ради их внушительного вида.

Изенгрим был очень рад, что охотничьих собак оставили дома. У Мирри началась течка, и ее острый влекущий запах был ему почти невыносим. Мысль о совокуплении с собакой и

рождении щенков, которые могут обладать частицей человеческой души, была невыразимо чудовищной. Так что дорога в Париж стала для него огромным облегчением.

Сам Париж, куда они приехали днем, оказался ненамного больше Нанта. Они миновали огромное аббатство Сен-Жермен и поехали мимо зеленеющих виноградников вдоль левого берега Сены. За широкой коричневой рекой лежал остров Сите, и прозрачный весенний воздух над ним был запятнан дымом от множества очагов. Миновав мост Сен-Мишель, они въехали в городские ворота, в вонь нечистот и гниющих овощей. Большинство парижан жили на острове, хотя некоторые уже переехали в менее людный речной порт на правом берегу. Здесь, в центре старого города, дома лепились один к другому, а шум и грязь намного превосходили рейнские. Улица служила главным рынком города. Уличные торговцы расхваливали свои товары, покупатели торговались с ними, и все начинали сыпать ругательствами, когда рыцари герцога расчищали ему дорогу. Собаки герцога облаивали кошек, разгуливающих по узким проулкам, а городские псы облаивали герцогского волка. Они поспешно проехали через эту суматоху, повернули налево – и наконец оказались у дворца короля Франции Филиппа, где их уже ждали и гостеприимно встретили.

Бретонцы приложили немало усилий, чтобы блеснуть великолепием. Этим утром собак и волка вымыли и вычесали так, что мех мягкими складками падал им на шею. Лошадей обиходили так, что каждый волосок лоснился, а копыта намазали смесью растительного масла и угля (хотя большая часть стерлась в уличной грязи). Все пятьдесят рыцарей Хоэла чистили и полировали свои доспехи, пока, по словам их сеньора, они не начали сверкать, как свежие сардины.

Сам герцог был облачен в новый алый камзол, отделанный горностаем и стянутый поясом с золотым шитьем. Герцогиня была еще великолепнее в темно-бордовом шелке, сверкавшем драгоценными камнями. Зеленое с золотом платье Мари рядом с их одеяниями казалось скромным. Они въехали в ворота дворца под звуки труб и оказались на мощеном дворе. Пятьдесят рыцарей разъехались веером, звеня копытами по булыжникам, а потом быстро спешили, загремев доспехами, и встали на колени. Герцог слез со своего белого скакуна. Мари решила, что более великолепного зрелища она еще не видела.

Однако великолепие Хоэла не произвело особого впечатления на королевский двор. Пусть Филипп и был толстым стариком и считался слабым правителем, тем не менее все самые знатные люди Франции время от времени находили нужным его навестить. Что такое был Хоэл по сравнению со сказочно богатым графом Фландрии, или могущественными герцогами Анжу и Нормандии, или высокообразованным герцогом Вильгельмом Аквитанским? Бретань была одной из самых бедных окраинных частей королевства и не представляла большого интереса для парижан. Сенешаль короля, лорд Ги де Рошфор, который вышел во двор, чтобы приветствовать гостей, только вежливо улыбнулся этой демонстрации и дал знак слугам вести коней бретонцев в конюшни.

А вот Изенгрим впечатление произвел: волк был гораздо более редким гостем, чем герцог. Когда Хоэл явился в большой зал короля с волком на малиновом шелковом поводке, придворные, сидевшие на скамьях, начали толкать друг друга локтями и перешептываться. Даже король Филипп, человек хитрый и ленивый, редко хоть чем-то интересовавшийся, выпрямился на своем месте за главным столом, поправил горностаевую мантию и рыгнул.

Хоэл преклонил колени, приветствуя сюзерена. Король поднял его на ноги, довольно небрежно поцеловал в обе щеки и спросил:

– Это действительно волк?

- Да, милорд, - подтвердил Хоэл с глубоким удовлетворением и похлопал Изенгрима по загривку.

Изенгрим лизнул ему руку.

- Э! - сказал Филипп с сомнением. - Он выглядит совсем ручным.

- Он очень хорошо воспитанный зверь, милорд, и гораздо умнее собак. Изенгрим! Поклонись своему королю.

Изенгрима научили этому трюку в пути. Он сделал шаг вперед, опустил голову и передние лапы на землю, вытянув хвост в струнку, и прикоснулся носом к королевской туфле. Филипп поспешно отодвинул ногу, а потом улыбнулся. Придворные захлопали в ладоши. Изенгрим снова выпрямился и вернулся на свое место рядом с герцогом.

- Очень почтительный зверь, - признал король. - Я всегда считал, что волки не в состоянии никого почитать. Ну-ну. Добро пожаловать в Париж, владетель Бретани.

Женщинам и знатым мужчинам из бретонского отряда отвели комнаты в северном крыле дворца. Рыцарям пришлось делить зал с людьми короля Филиппа и со своими собратьями, приехавшими с нормандским отрядом. Зал был достаточно велик, чтобы вместить их всех. Он был сравнительно новым: его, как и весь дворец, перестроил дед короля Филиппа, Роберт Благочестивый. Вечером там устроили пир в честь прибытия ко двору нормандцев и бретонцев.

В тот вечер, еще не успев войти в огромное помещение, Мари была поражена сладким, кружащим голову ароматом цветущего боярышника. А когда она следом за герцогиней прошла в низкую дверь, то увидела ослепительной белизны зал. Охажки свежесрезанного боярышника лежали на полу поверх камыша, столы были застелены выбеленным льном и уставлены серебряными солонками и блюдами. Вдоль всех стен стояли канделябры со множеством свечей, заливавших зал чистым мягким сиянием. Великолепные наряды придворных и гостей сверкали на фоне этой белизны роскошной радугой, словно они сошли со сказочных гобеленов, украшавших стены дворца. Мари снова показалось, будто она перенеслась в сказку или что она видит сон и скоро очнется от него в убогом монастыре Святого Михаила.

Выбирая места для высокопоставленных особ, королевскому сенешалю пришлось немало побеспокоиться. Сын короля, принц Людовик, отсутствовал, преследуя какого-то мятежного барона, что было удачей, за которую лорд де Рошфор благодарил Бога, поскольку жена короля, увы, присутствовала, а они с принцем друг друга терпеть не могли. (Королева Бертрада была второй женой короля. Первая жена короля, Берта Фризская, мать принца Людовика, была еще жива. Как, впрочем, и первый муж Бертрады.) Еще одной удачей, с точки зрения сенешаля, было то, что герцог Роберт Нормандский тоже отсутствовал, а это означало, что никто не претендует на место, отведенное Хоэлу по правую руку короля. Управляющий Роберта, граф Ранульф де Байо, возглавлявший делегацию Нормандии, мог занять место по левую руку королевы.

Мари провели к главному столу. Она оказалась зажата между королевским коннетаблем и старым противником Хоэла Робертом Беллемским, который когда-то навещал ее отца в Шаландри. Роберт был высокий мужчина мощного сложения с жестким выражением лица, гладкими седыми волосами; одеяние его поражало великолепием. Пока собравшиеся стояли в ожидании короля, он нетерпеливо постукивал пальцами по столу. Громко протрубили трубы, и Филипп с королевой вошли в зал, ослепляя всех золотой парчой и драгоценностями. Они заняли свои места в центре стола, и остальные наконец смогли сесть. Потом снова прозвучали

трубы, и первую перемену блюд – жареного барашка и пироги – внесли в зал на серебряном подносе, таком тяжелом, что его пришлось держать сразу двум слугам.

Роберт фыркнул и снова начал барабанить пальцами по столу. Прежде чем еду подадут всем присутствующим, сенешаль должен будет торжественно отрезать кусок королю, попробовать мясо сам и, наконец, вручить его с новыми поклонами и руладами труб. Потом ту же церемонию повторят с вином.

Но наконец весь ритуал был завершен и слуги начали раз-носить кушанья гостям. Еда была превосходной: Филипп был знатоком застольных удовольствий и набрал свою толщину частными трудами.

Роберт Беллемский повернулся к Мари с ухмылкой.

- Господь да улыбнется вам, леди, – сказал он. – Похоже я чем-то ему угодил, раз меня посадили рядом со столь прекрасной дамой. Вы приехали с бретонцами, кажется? Но Вы слишком хорошенькая, чтобы быть дочерью Хоэла. Как ваше имя?

- Вы меня знаете, лорд Роберт, – ответила она. – Я – Мари, дочь Гийома Пантьевра.

Он моргнул.

- Клянусь Богом и святым Иоанном! – воскликнул он. – И правда. Никогда бы не поверил. Толстая маленькая Мари-книгочейка превратилась в такую картинку! Похоже, плен идет тебе на пользу.

Мари была глубоко благодарна швее герцогини и рада тому, что сама герцогиня одолжила ей кое-какие свои драгоценности.

- Не совсем плен, – отозвалась она не задумываясь.

- Но я слышал, что Хоэл выкрал тебя из монастыря и держал при дворе насильно, пока ты не согласилась выйти замуж за одного из его людей.

- Меня не держат в плену, – возразила она, улыбаясь, – как вы можете видеть. Я поклялась герцогине Авуаз, что не стану пытаться убежать, если меня не будут принуждать к замужеству, и она сделала меня своей фрейлиной. Она и герцог Хоэл исключительно добры ко мне.

Роберт нахмурился:

- Добры? Тем, что похитили тебя и держат у себя насильно?

- Я отказалась сделать то, что они хотели, но они все равно относятся ко мне по-дружески и по-родственному. Да, добры.

Роберт продолжал хмуриться, и она внезапно вспомнила слова, услышанные ею в первые дни пребывания при дворе у герцога: «То, чего ты от нас ожидаешь, показывает, каковы нормандцы». Теперь она увидела, что это было правдой. Роберт не дал бы ей свободы и воли, если бы она противилась его планам. И он не мог понять, почему Хоэл так поступил.

- Но ты отказалась от тех, кого они выбирали тебе в мужа? – спросил он.

Она кивнула, не находя в себе силы продолжать разговор, и Роберт удовлетворенно хмыкнул.

- Я слышал о твоей верности, - сказал он. - Надеюсь, король примет ее во внимание, когда будет решаться судьба владения.

Мари закусила губу, не зная, как признаться в том, что она надеется на обратное.

От необходимости ответить ее избавил странный шум, донесшийся от центра стола, где Хоэл сидел рядом с королем. Подняв голову, она увидела, как герцог наклонился над своим волком, изображая вой. Изенгрим выглядел смущенным.

- Что это он делает? - спросил Роберт у королевского коннетабля.

- Кажется, король пожелал услышать, как волк воет. Королевский канцлер и еще несколько придворных тоже начали выть, делая, как и герцог, паузы, чтобы Изенгрим к ним присоединился. Изенгрим шевелил ушами и делал вид, будто не понимает. Мари встретила взглядом с герцогиней Авуаз - и вынуждена была прикрыть рот ладошкой, чтобы не захихикать. Король нетерпеливо затопал ногой, и его придворные завывали еще громче. Наконец Изенгрим с крайне недовольным видом поднял голову и завыл.

Звук начался с полурыдающего вздоха и дошел до пронзительного финала: одинокий, леденящий, мучительно-печальный и совершенно не похожий на то, что пытались издать его подражатели. Остальные пирующие оторвались от еды и уставились на волка. На мгновение стало тихо. А потом собаки - а здесь их было немало, начиная с белых борзых короля и кончая комнатными собачками дам, - начали лаять. Изенгрим опустил голову и плюхнулся на ворох боярышника позади кресла герцога.

- Откуда у герцога Хоэла этот волк? - восхищенно спросил у Мари Роберт. - Я бы заплатил за такого зверя фунт золота!

После банкета выяснилось, что король предложил за Изен-грима три фунта золота, а когда Хоэл отказался, повысил сумму до пяти фунтов.

- Я сказал, что не продам его и за сто фунтов золота! - заявил он, обеими руками потрепав волка за холку. - И действительно не продам. Никого здесь никогда не интересовало никакое мое владение. Ты принес своему хозяину почет, да, Изенгрим? Мне весь двор завидует. Хороший волк!

Волк ухмыльнулся и лизнул его в щеку.

- Ты ведь понимаешь, что он завыл только для того, чтобы ты прекратил это делать, - сказала Авуаз. - Право, Хоэл, я чуть не лопнула, стараясь не расхохотаться.

- Люди короля тоже выли, - отозвался Хоэл и передразнил их с парижским акцентом.

Авуаз согнулась от смеха.

- А что ты думаешь по поводу другого пожелания короля? - спросила она мужа, отсмеявшись и вытирая глаза.

Оказалось, что речь идет о бое волка с собаками. Глава нормандцев Ранульф де Байо предложил выставить двух своих лучших собак против волка, и короля такая затея очень заинтересовала.

Хоэл пожал плечами:

- Если у нас будет хоть какая-то возможность уклониться, мы это сделаем. Как я сказал королю, Ранульф не трудно будет найти других собак, а вот где я возьму другого волка? Хотя я готов что угодно поставить на то, что ты одолеешь этих нормандских псов, правда ведь, Изенгрим?

Мари эти слова не понравились. Герцог говорил так, словно бой волка - дело решенное, а она успела привязаться к Изенгриму. Авуаз разделяла ее тревогу.

- Хоэл, - сказала герцогиня, - ты ведь даже не знаешь, может ли он биться. Он такое доброе существо. Он даже не огрызается на собак!

- Я уверен, что он может биться, если пожелает, - ответил герцог. - Единственный раз, когда волк при мне пытался на кого-то напасть, он был по-настоящему страшен. Это было на следующий день после того, как я его поймал. Я привел де Фужера посмотреть на него. И если бы он не сидел на цепи, то, по-моему, загрыз бы этого человека. Лорд Ален побледнел и сказал, что волка надо убить.

- Правда? - удивилась Авуаз. - Я никогда не видела, чтобы он плохо себя вел.

- И я с тех пор тоже не видел. Но он - умный зверь. По-моему, он узнал в лорде Алене того, кто на него охотился. Я уверен, что он сражался бы как черт, если бы у него была причина.

И это тоже отнюдь не успокаивало.

Король не спешил решать спор о Шаландри. Королевское достоинство требовало, чтобы он развлекал посетивших его двор основных вассалов, так что в течение следующих нескольких дней оба отряда, бретонский и нормандский, порознь были приглашены на соколиную охоту, и также по отдельности наслаждались музыкой и танцами. К тому же герцогиня с удовольствием приобрела множество разнообразных товаров, начиная с ткани из Фландрии и кончая пряностями и красками для пополнения запасов замка. Мари почти все время была при ней, в нормандском отряде это сочли неприличным и пожаловались королю. Утром второго дня развлечений король Филипп приказал, чтобы ее привели к нему, и спросил, с кем она предпочла бы находиться: с нормандцами, бретонцами или его собственными слугами. Она пролепетала, что предпочла бы остаться со своей родственницей, герцогиней Бретонской. Король иронично поднял бровь и отправил ее обратно к Авуаз. Она была рада уйти, но ощущала спиной гневный взгляд Роберта Беллемского.

Этим вечером состоялся еще один официальный прием, и Мари снова посадили рядом с ним. Он моментально выразил недовольство.

- С чего это ты сказала, что предпочитаешь остаться с герцогиней? - спросил он. - В Нормандии мы все слышали о том, что ты отказалась подчиниться Хоэлу, и восхищались твоей верностью. Но с самого своего приезда в Париж ты ведешь себя так, словно ты - член бретонского отряда.

- Это так и есть, - тихо ответила она. - Я приехала сюда с ними как их гостя. Герцогиня Авуаз - моя родственница.

Не говоря уже о том, что ни вы, милорд, ни лорд Ранульф не привезли ваших жен. Мне, как незамужней женщине, не подобало бы находиться одной в вашем обществе.

Роберт нетерпеливо хмыкнул.

- Мы можем найти тебе сопровождающую. Мы надеялись увезти тебя, как только король рассмотрит дело, и подыскать тебе мужа. Ты слишком стара, чтобы оставаться незамужней.

Мари потупилась, а потом снова решительно подняла голову. По крайней мере она первым разочарует не Хоэла.

- Милорд Роберт, - проговорила она спокойно и внятно, - я не намерена выходить замуж.

Черные брови над холодными глазами нахмурились.

- Что? - недоверчиво проблеял он.

- Я была верна моему отцу и его сюзерену и отказалась выходить замуж за кого-то из рыцарей Хоэла. Но я в долгу перед герцогом и герцогиней, которые были так добры ко мне. И я могу отплатить им хотя бы тем, что откажусь выходить замуж за кого-то из нормандцев. Я твердо намерена принять постриг и передать все земли моего отца монастырю Святого Михаила. Лучшим владельцем Шаландри станет Бог.

Роберт целую минуту взирал на нее, и на его лице изумление постепенно сменялось яростью. Будучи абсолютным господином на своей земле, он не привык сдерживаться, когда ему перечили, и вышел из себя.

- Ах ты, сучка! - воскликнул он. - Хоэл дал тебе слишком много свободы, и ты решила, будто можешь делать, что тебе вздумается! Ты выйдешь замуж, когда тебе скажут и за кого тебе укажут!

- Ваше мнение расходится с церковным правом, лорд Роберт, - холодно ответила Мари. - Мне позволено отказаться от брака.

- Тогда церковное право идет поперек законов природы! - Голос Роберта превратился в придушенный рык, и остальные пирующие начали на него оборачиваться. - Женщина делает то, что ей велит ее господин, а если она этого не делает, то ее следует бить, как упрямую ослицу. Ах ты, предательница!

Именно этого Мари больше всего старалась избежать. Она почувствовала, что щеки у нее краснеют. Она подняла голову и гордо посмотрела Роберту в глаза.

- Я никого не предавала! - воскликнула она чистым звучным голосом, который был слышен даже в дальнем конце стола. - Никогда в жизни! И не предаю ни ради Нормандии, ни ради Бретани, ни ради всего мира! Я скорее умру, чем буду повинна в таком бесчестье!

Роберт резко ударил ее по лицу тыльной стороной ладони. Оплеуха сбила ее со скамьи, так что она упала боком на камыши и ударилась головой о пол. Кто-то во главе стола протестующе вскрикнул, а потом Мари услышала прямо над собой рык и, подняв затуманившийся взгляд, обнаружила, что Изенгрим встал над ней как защитник, оскалив зубы на Роберта Беллемского. Роберт стоял во весь рост, яростно глядя вниз. Когда волк зарычал, он с шипением выдернул меч из ножен. Мари почувствовала, как волк подобрался, и увидела, как его взгляд скользнул к левому боку противника со смертоносной решимостью, которая показалась ей совсем не звериной - и почему-то знакомой.

- Милорд Роберт! - воскликнул король Филипп, грузно поднимаясь со своего места и поспешно направляясь к ним. - Остановитесь!

Позади него шагали красный от гнева Хоэл и управляющий Роберта Нормандского, который раздраженно хмурился. За ними торопились Авуаз и половина придворных короля. Задыхаясь, король встал перед Робертом позади волка – и занесенный Робертом меч опустился. Мари почувствовала, как волк тоже расслабился, хотя он и продолжал стоять у нее над головой.

Король Филипп мучительно рыгнул и потерял живот.

- Что это значит, а? – спросил он.

- Эта сучка сказала, что не станет выходить замуж за нормандца, какое бы вы решение ни приняли по делу, мой господин! – возмущенно объявил Роберт.

- Ты не имел права ее бить, что бы она ни говорила! – крикнул Хоэл. – Мари, милая, ты цела?

Он протянул ей руку, и Мари за нее ухватилась. Изенгрим неохотно отошел в сторону, и Мари медленно поднялась на ноги.

- Ты не имел права ее бить, – согласился граф Ранульф, обжигая взглядом Роберта Беллемского. – Извинись. И убери свой чертов меч.

- Я обнажил меч на волка! – запротестовал Роберт, засовывая его обратно в ножны.

- Волк прибежал, чтобы защитить то, что принадлежит мне! – заорал Хоэл.

- Тебе! – крикнул Роберт в ответ. – Она не твоя! Она принадлежит герцогу Роберту!

- Она – двоюродная сестра моей жены и живет в моем доме! – яростно откликнулся Хоэл. – И если она сказала, что не выйдет замуж за нормандца, то потому что наконец поняла, что вы за люди!

- Я действительно сказала, что не выйду замуж за нормандца, – сказала Мари, вытирая окровавленный подбородок. Она отстранила поддерживавшую ее Авуаз и выпрямилась. – Но не потому.

В ней, словно бронзовая колонна, росла уверенность в том, что она не принадлежит никому, кроме себя и Бога, что все эти люди, собравшиеся вокруг нее – кто с угрозой, кто с защитой, – плетут сети, пытаясь поймать ветер. Она повернулась к королю Филиппу:

- Мой господин, вы сами знаете, что обе стороны имеют веские основания считать Шаландри своим. Если бы вопрос был бесспорным, зачем нам всем было бы находиться здесь, ожидая вашего решения? Герцог Хоэл говорит, что может доказать свои законные права. Герцог Роберт был признан сюзереном в течение сорока лет. Я обязана уважать верность моего отца – и я это делала. Но я также обязана уважать права герцога Хоэла, и, кроме того, я обязана ему и герцогине Авуаз за ту доброту, которую они ко мне проявили. Я сказала лорду Роберту и повторяю это сейчас вам: какое бы решение вы ни приняли относительно поместья, я сама не желаю нарушать ни одно из связывающих меня обязательств. Если мне не позволено выбирать мужа, церковное право и обычаи все же признают, что я могу отказаться от него. И я заявляю, что отказываюсь передать Шаландри кому бы то ни было, кроме Бога и монастыря Святого Михаила. И тот, кто его заберет, должен будет сначала лишиться меня наследства.

Все молчали потрясенные. А потом король Филипп улыбнулся.

- Так, значит, теперь два моих вассала оспаривают права на это поместье у архангела? –

спросил он. – Пугающий противник! Но, миледи Мари, дело пока не разбиралось, так что было бы лучше оставить такие заявления до той поры, когда это будет делаться.

Она низко присела:

– Простите меня, мой господин.

Короля всегда восхищали привлекательные и отважные женщины: именно поэтому он женился на Бертраде. Он одарил Мари теплой улыбкой.

– Миледи, – заявил он, – такой женщине, как вы, я готов простить почти все, что угодно. Что до лорда Беллемско-го, – тут он повернулся к Роберту, – сударь, ты ударил мою гостью за моим собственным столом и обнажил меч в моем зале. Ты отдашь мне твой меч, встанешь на колени и попросишь прощения – у меня и у этой дамы – либо сегодня же покинешь этот двор, чтобы больше никогда не возвращаться сюда.

Роберт сверкнул глазами. Ранульф де Байо ответил ему яростным взглядом.

– Проси прощения! – приказал он. – Иначе я отдам такой же приказ от имени герцога Роберта!

Даже такой непокорный вассал, как Роберт Беллемский, не мог позволить себе прогневить двух из трех сеньоров одновременно. Он медленно и неохотно встал на колени и процедил слова извинения, сначала обращаясь к королю, а потом, еще более недовольно, к Мари. Он расстегнул пряжку ножен и вручил свой меч Филиппу. Хоэл захохотал.

– Я уже во второй раз вижу, как ты отдаешь свой меч, лорд Беллемский! – объявил он. – Один раз – мне, второй раз – королю. Насколько я помню, я заставил тебя заплатить в качестве выкупа десять марок. Надеюсь, он возьмет с тебя больше.

Роберт бросил на него налитый кровью взгляд.

– Когда мы встретимся в следующий раз, я буду молить Бога, чтобы мой меч попал тебе не в руки, а в какое-нибудь место получше.

– Думаешь, что сможешь противостоять мне лучше, чем это получилось у твоего брата Жоффрея?

– Твоего рыцаря, убившего моего брата, здесь нет, – ответил Роберт. – Я слышал, с ним в лесу случилось несчастье. Надеюсь, он умирал медленно, – и молю Бога, чтобы он послал остальным твоим рыцарям такой же конец!

– Я действительно лишился услуг Тиарнана Таленсак-ского, – гордо отозвался Хоэл, – но Бог дал мне немало других храбрых рыцарей, которые за меня сражаются. И даже если он взял одного из лучших, он подарил мне другого вассала из того же леса, где пропал человек. – Он положил ладонь на голову Изенгрима. – Даже этот зверь бросился защищать то, что мне принадлежит.

– Хотя ты и боишься попробовать его в бою, – быстро вставил Ранульф.

– Клянусь Богом, не боюсь! – воскликнул Хоэл. – Я не испугался, когда вот этот лорд Роберт вторгся в мои земли, и я не боюсь выставить доброго бретонского волка против пары нормандских псов. Веди их, милорд Ранульф, веди. Изенгрим с ними разберется, правда, парень? Как я сам разберусь с любыми нормандцами, если они обращаются с презрением с

моими землями или людьми. Выставляй своих псов завтра утром, милорд, и Изенгрим убьет их обоих.

Глава 14

Изенгрим лежал в углу герцогской спальни и смотрел, как Авуаз промывает ссадины Мари. Хоэл сидел рядом на стуле, прямо над ним, и его опущенная вниз рука теребила мех у волка на загривке.

- Ох, Хоэл, - вздохнула герцогиня, - не следовало тебе это говорить.

Волк без труда ее понял. Теперь ему уже удавалось следить за большей частью разговоров на французском и бретонском, однако это по-прежнему требовало усиленной сосредоточенности.

- Изенгрим сможет убить псов Ранульфа. Правда, Изенгрим? Ты видела, как он ощерился на Роберта? Напугал его до потери памяти.

- Да я не об этом, - нетерпеливо отозвалась Авуаз. - Бог свидетель, мне будет очень жаль, если зверя убьют или искалечат. Но мне будет еще жальче, если Роберту Беллемскому вздумается снова к нам вторгаться. А ты буквально пригласил его это сделать.

Рука Хоэла на загривке у Изенгрима замерла, на секунду больно сжав шкуру.

- Авуаз, - сказал он, - я герцог. Мне положено защищать честь Бретани.

- Ты рассердился и позволил гордости управлять твоим языком, - откликнулась Авуаз. - Мари, тебе надо бы лечь, а я приготовлю компресс из листьев огуречной травы, чтобы не осталось синяков.

- Ну да, я рассердился, - сказал Хоэл, оправдываясь. - Это был гнусный, гадкий удар.

- Да, но ему уже выразили недовольство управляющий его сеньора и король Франции! Он уже превратился в быка, которого ведут за кольцо в носу. И ты же знаешь, что бык бросится в нападение, если его дразнят тряпкой. Так зачем было его дразнить?

- Если он снова к нам вторгнется, то получит такой же ответ, как и в прошлый раз, - заявил Хоэл. - Имея такого соседа, на мир надеяться нельзя, а Роберт Нормандский не пытается его сдерживать.

- Хоэл, милый мой, - с досадой бросила герцогиня, - мы с тобой прекрасно знаем, что нормандцы сильнее нас. Не надо их дразнить!

- Да знаю я, - устало отозвался Хоэл. - И знаю, что мы даже не получим Шаландри без оговорок. Я понял это еще в день нашего приезда, когда за главным столом оказалось больше нормандцев и парижан, чем бретонцев. - Он снова начал ласково трепать волка. - И тем больше оснований их немного побить, правда, Изенгрим?

- Мне очень жаль, - сказала Мари, резко садясь и прижимая компресс к щеке. - Я бы хотела отдать вам Шаландри. Роберт будет использовать его для подготовки вторжения к вам, да?

- Милочка, я не думаю, чтобы тебе это удалось, - сказала Авуаз. - Но король Филипп вряд ли безоговорочно отдаст это поместье и герцогу Роберту. Не беспокойся: в этом споре ты вела себя лучше всех. Сегодня вечером я так тобой гордилась!

Хоэл фыркнул:

- Она лишила нас шансов на это поместье. Король Филипп не упустит такой возможности. Если на какое-то поместье права заявляют два герцога и архангел, легко догадаться, что победит набожность и выиграет архангел. Авуаз улыбнулась:

- И это тебя так сильно огорчит?

Хоэл минуту смотрел на нее, а потом встал, прошел через комнату и поцеловал ее.

- Ну, об арендной плате речь все равно не шла, так? Если его получит монастырь, то это хотя бы обезопасит границу.

Мари вдруг глубоко пожалела о своей приверженности долгу. Ей следовало выйти замуж за Тьера и передать Шалан-дри Бретани. Но теперь уже слишком поздно. Король передаст поместье монастырю Святого Михаила, и ее саму передадут монастырю, и ее холодная честь будет бесполезно сохранена. Она тихо заплакала прямо в компресс, который ей сделала герцогиня.

Под компрессом слезы были не видны, но Изенгрим их почувал. Он подошел к Мари и прижался носом к ее руке, а потом лизнул ее в подбородок. На одно мучительное мгновение он представил себя мужчиной, разглаживающим ее волосы, убирающим компресс из листьев, уговаривающим ее не плакать. Сегодня вечером он яростно бросился ее защищать, но с бесконечной болью понимал, что его защита, как и его любовь, были жалким приношением низшего существа.

Однако этого прикосновения оказалось достаточно, чтобы Мари обхватила его руками за шею и заплакала ему в мех. Прикосновение ее тела теперь ничего не значило для его тела, однако близость принесла утешение им обоим.

- Ох, Изенгрим! - проговорила она спустя несколько минут, снова выпрямляясь и глядя его по голове. - Как бы мне хотелось, чтобы тебе завтра не нужно было биться!

Изенгрим только лизнул ей руку. Он был вполне готов к завтрашнему бою. Он охотно сражался за Хоэла, будучи человеком, и был готов это делать как волк. Он только жалел о том, что его противниками будут не люди, а собаки. Он был бы счастлив сразиться с Робертом Беллемским. Этим вечером в зале он легко мог бы его убить. Конечно, после этого Изенгрим и сам погиб бы: зверя, убившего барона, наверняка уничтожили бы. Но при этом заклятый враг Хоэла был бы убит и оскорбленная Мари была бы отомщена. К сожалению, Ален де Фужер оказался бы в безопасности, но тем не менее это было бы для волка подвигом и славной смертью. Убийство двух собак такого удовлетворения не принесет.

Этим вечером он хорошо поел и уснул быстро и легко. Утром, когда ему предложили только воду, он без труда справился со своими бунтующими инстинктами: идти в бой на голодный желудок лучше. Он стоял неподвижно, пока ему к ошейнику пристегивали поводок, а потом прошел за герцогом в королевский зал.

Двор предвкушал интересный бой, и все делали ставки. Большинство ставили на волка. Изенгрим неподвижно стоял в толпе почитателей, пока Хоэл выяснял, где будет проходить бой. В дворцовом саду находилась площадка для травли медведей; выяснилось, что король уже отправился туда с графом Ранульфом, чтобы посмотреть, подходит ли она для боя волка и собак. Хоэл и остальные придворные вышли по лабиринту дворцовых помещений в сад, чтобы присоединиться к королю. Они прошли по шумно хрустевшему гравию дорожек, под арками из

только что распустившихся роз и нашли медвежью яму. Она была заглублена в землю больше чем на рост человека, а ее дно и стены были выложены каменной крошкой. Вокруг ямы располагались ярусы скамей для зрителей. Король Филипп стоял у входа на скамьи и разговаривал с Ранульфом. При появлении Хоэла оба мужчины повернулись к нему и дружелюбно поздоровались.

- Ну, как насчет этого, а? - спросил Филипп, махая рукой в сторону ямы. - По-твоему, это место подойдет?

- Маловато, - ответил Хоэл, глядя на яму. - Ограниченное пространство будет в пользу собак, милорд. Но собакам лорда Ранульфа, наверное, нужна фора. Да, подойдет.

Ранульф ухмыльнулся.

- Похоже, вы очень уверены в своем волке, милорд Хоэл.

- Он - хороший волк, - ответил Хоэл, глядя Изенгрина. - Я ставлю на него двадцать марок против ваших собак.

- Идет! - моментально согласился Ранульф, и они обменялись рукопожатиями в знак договора. Король Филипп выглядел обеспокоенным. - А вы милорд, - спросил Ранульф, поворачиваясь к нему, - станете делать ставки?

Филипп смущенно помялся.

- Думаю, что поставлю на ваших собак, милорд, - медленно проговорил он. - Но мне кажется, что герцогу Хоэлу следовало бы посмотреть на них, прежде чем принимать пари.

Ранульф махнул рукой одному из своих людей, и спустя мгновение к ним вывели двух собак.

Изенгрим ожидал увидеть пару алаунтов - обычных собак для охоты на волка или кабана, высоких красивых собак примерно одного с ним размера. Однако псы Ранульфа в холке оказались на добрых четыре дюйма выше его - мохнатые, широкогрудые псы с массивными челюстями мастифов. Один из таких псов был бы для него равным противником. Два... два могли убить любого волка.

Рассудок Изенгрима померк, ошеломленный потрясением. Он слышал, как герцог протестует, а Ранульф самодовольно дразнит его:

- Вы не оговаривали породу собак, милорд Бретонский. Это - волкодавы, подарок моего кузена из Англии. Вы испугались за своего доброго бретонского волка?

Нога герцога, прижатая к боку волка, начала дрожать от гнева и возмущения. Но волк понимал, что Хоэл не захочет, не сможет отступить после своей похвальбы. Он скорее позволит разорвать своего волка у себя на глазах, чем сдастся. Изенгрим оглянулся на остальных бретонцев. От Авуаз резко пахло гневом, а от Мари, все еще с красной ссадиной и запахом огуречника, солоно пахло огорчением. Изенгрим снова посмотрел на волкодавов. В нем с трудом взял верх его человеческий разум, который сказал: «Если я человек, то я более чем равен этим псам. А если нет, то мне давно следовало умереть. И если я умру сейчас, сражаясь за моего сеньора, то это будет достойный конец!»

Он пробежал вперед, насколько позволял поводок, и демонстративно оскалился на волкодавов. Те одновременно рванулись к нему, чуть не сбив псарей с ног. Они навалились на свои

ошейники, задыхаясь, рыча и злобно лая. А он хладнокровно уселся вне их досягаемости и оглянулся на Хоэла. «Я буду с ними биться, – попытался сказать он герцогу взглядом. – Тебе не придется за меня стыдиться». Все, даже Ранульф, восхитились им. Хоэл с проклятием принял пари короля. Однако он со слезами на глазах повел Изенгрима к запертой двери подземного прохода, по которому медведей запускали в медвежью яму. Королевский слуга открыл дверь, и Хоэл наклонился, чтобы снять с ошейника поводок. После этого он встал на колени, обхватил волка за шею и почесал ему уши.

– Ты – храбрый зверь, – сказал он на простом бретонском. – Лучшего у меня не было. Видит Бог, ты меня радовал.

Он поцеловал волка в макушку, а потом встал.

– Убей их обоих ради меня, Изенгрим! – крикнул он по-французски, специально для придворных. – Убей их обоих!

Изенгрим тихо проскулил и побежал в круглую яму. Дверь за ним закрылась.

Изенгрим уселся в центре площадки, готовя себя к бою. Ему нужно было приготовиться к смерти, хоть он и надеялся остаться в живых. Собаки были крупнее и тяжелее его. Они были сильнее и менее досягаемы. Челюсти у них были ужасающими. Один укус – и он будет искалечен. И судя по виду этих волкодавов, они будут драться не на жизнь, а на смерть: сомкнув челюсти, они уже не отпустят жертву. В его пользу было то, что он скорее всего превосходил их в быстроте и ловкости, однако эти качества животному трудно было использовать в тесной яме с крутыми стенками. Но даже если ему удастся каким-то образом убить или повредить собак настолько, чтобы бой закончился, сам будет тоже искалечен и умрет. Как бы Хоэл ни ценил ручного волка, он наверняка прикажет его убить. Да, спорщики наверху, которые теперь поспешно меняли ставки в пользу собак, были правы. У волка надежды на победу почти не было.

Однако у него было еще одно преимущество, о котором не подозревал никто. Он напряг разум, заставляя себя пользоваться словами: «Я не волк». Он посмотрел наверх, на дикие, бледные лица, заполнявшие скамьи вокруг ямы, чуя их возбуждение и жажду крови. «Я – один из них», – сказал он себе. Хотя его разум плохо работал, у него все же было нечто большее, чем животная хитрость, – пронизательность и способность обманывать. Когда-то его считали одним из лучших воинов Бретани. Если ему удастся нанести удар первым, быстро и сильно, он может победить.

Дверь напротив открылась, и он услышал, как волкодавы подняли лай. Он завыл.

Вой для собак, как и для волков, был призывом к сбору стаи для общей трапезы после убийства добычи. Два пса, ворвавшиеся в яму, на мгновение растерялись – и в эту секунду растерянности Изенгрим бросился на них. Ему необходимо было немедленно искалечить хотя бы одного противника, иначе у него не оставалось надежды выжить. Он пролетел мимо запоздало оскаленных зубов ближайшей собаки и вонзил свои клыки глубоко в средний сустав задней ноги. Он почувствовал вкус крови и услышал, как хрустнула кость. Волкодав взвыл от боли и бросился на него, но он уже успел отскочить. Он отпрыгнул к стене и воспользовался силой удара для того, чтобы повернуться, отлетая к боку второй собаки. Он приземлился и ударил ее в морду, расплосовав от носа до уха, ослепляя противника. «Так, так, так!» – вопила его ярость.

Он слышал над собой крики, но не обращал на них внимания. Его волчье тело вспомнило уроки

боя, которые получал человек: наносить удар надо быстро, сильно – и пока противник не опомнился. Но ему не следует наносить удар прямо, по-волчьи: нужно сбить их с толку. Оба пса неслись на него, чтобы атаковать, но охромевший отставал, давая ему возможность иметь дело только с одним противником. Он повернулся, словно собираясь убежать, а потом прыгнул на стену ямы, еще раз воспользовавшись ею, чтобы изменить направление. На этот раз он приземлился прямо на полуослепшего волкодава. Они оба упали, и он извернулся, ища место для удара. Голова пса была вытянута вперед в попытке его укусить, и он рванул его за шею, но его зубы бесполезно скользнули по широкому ошейнику. А теперь второй волкодав догнал их. Он с рычанием бросился волку на спину и сомкнул зубы на основании хвоста. Волк отвернул голову от горла первого противника и изогнулся, чтобы достать второго. Его инстинкт требовал нанести быстрый укус и вырваться, но он безжалостно подавил его, помня о хватке мастифов. Вместо этого он сомкнул свои зубы на носу собаки.

Захлебываясь собственной кровью, пес разжал челюсти, и Изенгрим отскочил в сторону. Хвост у него жутко болел – возможно, был сломан, – но для боя хвост был не нужен. «Бей, пока они не опомнились». Он снова бросился на ослепшего волкодава со стороны невидящего глаза и яростно рванул его за переднюю лапу. А потом бросился к дальней стороне ямы и там припал к земле, пытаясь отдышаться. Он пришел в состояние, какого порой достигал в бою – когда шум, ненависть и удары сменялись необыкновенной, пьянящей яростью. И несмотря на боль в хвосте, он почувствовал себя неуязвимым.

Прихрамывая, собаки стали приближаться к нему. Они продолжали лаять, но уже не так решительно. Они начали его опасаться. Он снова завыл, дразня их, и завалился на бок, словно он был в безопасности и решил отдохнуть. Они снова смутились – и он снова воспользовался этим мимолетным смятением, чтобы нанести удар. Он вскочил, пробежал мимо них по диагонали и еще раз укусил полуослепшую собаку. На этот раз укус пришелся в заднюю ногу, и он снова ощутил приятный солоноватый вкус крови. Менее серьезно раненная собака повернулась к нему мордой, а вторая испуганно сжалась. На мгновение волк припал к земле, рыча, а потом сделал выпад в сторону разорванного носа. Собака отшатнулась, а он рванул ее за переднюю лапу и снова отскочил назад.

Собаки, охромевшие на обе лапы, с разорванными окровавленными мордами, жались на месте, оцетинив загривки и поджав хвосты. Им хотелось убежать.

Изенгрим медленно двинулся к ним вдоль стены ямы, и они начали пятиться. Он остановился, вызывающе глядя на них, а потом повернулся к ним спиной и пошел в противоположную сторону. При виде этого отступления один из волкодавов набрался храбрости и неловко бросился на него. Волк мгновенно прыгнул на стену, развернулся в прыжке и обрушился на хромого и ослепшего на один глаз пса. Тому удалось не опустить голову, и его клыки разорвали приземляющемуся волку губу, но тот всем весом прижал противника к земле и поймал зубами плотный ошейник. Он поднял голову, туго натягивая ошейник, а потом повернулся. Пес взвыл и забился, но сломанная нога не позволила ему сбросить волка с себя. А волк снова и снова наваливался на него, натягивая ошейник все туже. Вторая собака, взлаивая и взвизгивая, бросилась вперед, пытаясь собраться с духом и атаковать. Ее товарищ уже почти не шевелился. Изенгрим прекратил бросать пса о землю и встретился взглядом со второй собакой. Продолжая пристально смотреть ей в глаза, он душил ее товарища – а она стояла и скулила, пока волкодав не затих. Тогда Изенгрим отпустил ошейник и выпрямился.

Второй волкодав, поджав хвост, бросился к двери и сжался у нее, скуля от ужаса. Изенгрим стоял в центре ямы, с окровавленными мордой и хвостом. Ярость, которая теперь уже была ему не нужна, постепенно унималась. Он огляделся, ища взглядом Хоэла.

Герцог оказался рядом с королем, в первом ряду зрителей. Сияя улыбкой, он перегнулся через перила и молотил кулаками по стене ямы.

- Хороший волк, Изенгрим! - крикнул он, поймав взгляд волка. - Хороший парень! Правильно, храбрый зверь: он сдался, пощади его!

В возбуждении он кричал по-бретонски, но Изенгрим понимал его лучше, чем французский. Он ухмыльнулся герцогу и, повернувшись спиной к жмущейся у двери собаке, вышел на место под королевской скамьей и сел. Хоэл чертыхнулся, перескочил через перила и приземлился в яме рядом с Изен-гримом. Он обнял волка, не обращая внимания на кровь, а потом ухмыльнулся снизу вверх королю и графу Байо.

- Ну что, милорд Ранульф? - сказал он. - Мой волк хочет пощадить вашего жалкого пса. Хотите, чтобы его увели, или мне приказать Изенгриму его прикончить?

Полуослепшего пса все равно убили бы, но вторая собака имела шансы выздороветь. Граф Байо распорядился, чтобы ее увели, и герцог Бретонский пристегнул поводок к ошейнику волка и торжествующе увел его из ямы. Придворные, сделавшие ставки на волка и не сумевшие их снять после того, как увидели собак, бросились к ним с поздравлениями. Нормандцы приближались медленнее, и вид у них был хмурый.

- Вы мне должны двадцать марок! - торжествующе напомнил Ранульфу Хоэл.

- Этот зверь - колдун! - огрызнулся граф. - Он сражался не по-звериному.

- Вот как? Я всем говорил, что он - сообразительный зверь, намного умнее любой собаки. Вы, нормандцы, слишком полагаетесь на силу. А умение тоже играет роль. Двадцать марок, милорд. Или вы намерены отказаться платить долг, а?

Король догнал герцога.

- Я тоже вам должен двадцать марок, милорд Хоэл, - сказал он. - И я заплачу эту сумму с радостью и прибавлю к пей еще пять раз по столько, если вы отдадите мне волка.

- Не отдам ни за сто марок, ни за тысячу! - воскликнул Хоэл. - Скажите честно, милорд: будь вы на моем месте, вы бы его продали?

- Будь я на вашем месте, я возблагодарил бы Бога и оставил его себе, - ответил Филипп с улыбкой. - Хорошо. Вам следует его увести и заняться его ранами.

Бретонский отряд не знал, как им ублажить герцогского волка. Большинство сделали ставки на то, что он победит собак, и теперь с удовольствием получали деньги с парижан и с еще большим удовольствием - с нормандцев. Львиную долю выигрыша они потратили в парижских тавернах, вернувшись домой в сильном подпитии и крича на весь свет, что у графа Ранульфа было два волкодава, но теперь один мертв, а второй стал трусом благодаря одному славному бретонскому волку. Изенгриму перевязали пораненный хвост куском шелка и дали мелко нарубленного мяса, чтобы не разбередить зашитую губу. Сам волк радовался тому, что посрамил нормандцев и осчастливил своего сеньора. Но самым сладостным было то, что он сражался со зверями как человек - и победил.

На следующий день король наконец рассмотрел дело о спорном владении Шаландри. Судебное разбирательство было уделом мужчин, и Мари с герцогиней ждали решения в отведенных им

во дворце покоях. Мари, сопровождавшая герцогиню в выездах, приобрела пару книг и теперь развлекала Авуаз и ее дам, читая одну из них. Втайне ей было тревожно до тошноты. Она сожалела, что объявила о своем решении королю: ведь в противном случае он мог бы решить, что Шаландри по праву принадлежит Хоэлу.

Суд сделал перерыв в полдень, и Хоэл вернулся, чтобы быстро поесть. Он только сказал им, что решения пока не было. Он представил королю свои доказательства и высказал свои доводы. Теперь очередь нормандцев. Потом обе стороны подведут итог, а король вынесет вердикт. Хоэл поцеловал Авуаз и вернулся в суд.

Мари села на камыши рядом с Изенгримом и начала почесывать волку уши. Он положил голову ей на колени, повернув ее чуть набок, чтобы не придавить разорванную морду. Рана была довольно глубокая и шла от середины нижней губы до половины шеи, и она болела и воспалилась. Мари заметила воспаление и принесла миску с подсоленной водой и губку, чтобы промыть ее.

- Хороший волк, - прошептала она и осторожно провела по ране.

Она сидела, промывала волку рану и старалась думать о чем-то, что отвлекло бы ее от мыслей о суде. И внезапно ей вспомнился рассказ Кенмаркока о ночи в колодках, и она наконец поняла, что именно в этой истории не давало ей покоя. По словам бывшего управляющего, Элин вернулась в Та-леисак после того, как ее муж в последний раз ушел из дома, но до того, как стало понятно, что он исчез. И тем не менее она не хотела помириться с мужем: она поссорилась с Жюдикелем, когда тот пришел, чтобы помочь ей это сделать, а Жюдикель представлялся Мари не склонным к ссорам. И Мари вспомнились слова, прозвучавшие в темноте: «Мой брак с ним был моей самой большой ошибкой, и я рада, что от него избавилась». Если Элин не хотела с ним мириться, то зачем она вернулась в Таленсак?

Потому что она знала, что ее муж уже мертв, и хотела казаться невиновной в его убийстве.

Рука Мари замерла, не закончив движения. Она пыталась переубедить себя. Элин просто трагически поздно решила сделать попытку примирения. Это трагично, а не подозрительно.

Но Алэн, который любил Элин все это время, уехал из Нанта незадолго до исчезновения Тиарнана. Теперь Мари вспомнились две поездки в Сен-Мало для покупки ястребов – два возвращения без птиц и едкие высказывания Тьера по этому поводу. Они действительно совпали с исчезновением Тиарнана, или она ошибается? Впервые Алэн отправился в Сен-Мало примерно в День святого Михаила: этот праздник Мари всегда особенно чтит и помнит, что на нем Алэна не было. А вторая отлучка? Пару недель спустя. Во второй раз он даже был вооружен: Тьер обратил внимание и на это, подшучивая над тем, как нелепо ехать покупать ястреба при всем вооружении. Если даже у нее нет полной уверенности в совпадении, тем не менее сроки выглядят близкими. Пугающе близкими. Один раз он мог отправиться повидать Элин и выслушать ее мольбу об освобождении, а второй – чтобы убить соперника, который ушел на охоту один и с малым количеством оружия.

Изенгрим заскулил: Мари прижала губку к его ране. Она виновато погладила его по голове, выжала губку, окунула ее обратно в раствор и снова начала промывать рану. Пришедшая ей в голову мысль была чудовищной, и было бы непозволительно делиться с кем-то подозрениями... пока. Сначала ей надо будет уточнить кое-какие детали. Она может поговорить с Кенмаркоком и точно выяснить, когда именно исчез Тиарнан, а заодно и посмотреть, не скажет ли он еще чего-нибудь о своем бывшем господине и его охотничьих вылазках. Это будет нетрудно: Кен-маркок – человек разговорчивый и к тому же всегда рад рассказывать любому слушателю

о великолепных качествах Таленса-ка в целом и его маштърна в частности. Вторую вещь проверить будет сложнее: ей надо узнать, не получал ли Ален от кого-то вестей перед тем, как отправиться в Сен-Мало. Но если подумать... И можно будет спросить Тьера о кораблях, о том, как люди узнают, какие именно корабли приплыли, откуда Ален услышал о корабле с ястребами...

Наверное, Жюдикелю известно гораздо больше. Она хорошо понимала, что отшельник не станет выдавать никаких тайн, однако теперь вспомнила его непонятные слова о том, чтобы она сказала ему, когда вынесет окончательное суждение. Он надеялся, что ей удастся что-то выяснить – что-то, в чем он не доверял собственному суждению. Винодность Элин.

Но имеет ли она право решать это? Правильно ли, даже ради Тиарнана, пытаться выяснять подробности случившегося? У него была какая-то тайна: Элин ясно дала это понять, и Жюдикель это подтвердил. Если она вытащит подробности его исчезновения на свет Божий, то с ними может раскрыться и его тайна. И виновна Элин или нет, но расспросы Мари могут разрушить последнее, что осталось на земле у ее бывшего мужа, – его репутацию.

Если Тиарнана действительно предала жена и убил ее возлюбленный, тогда им полагается возмездие. Все ее убеждения гласили, что нельзя думать, будто преступление можно скрыть – и при этом избежать наказания. Если действительно совершено убийство, она расскажет об этом герцогу Хоэ-лу, а тот позаботится, чтобы правосудие свершилось.

Дверь распахнулась, и вошел Хоэл, лицо у которого побагровело от шеи до лысой макушки. Он рухнул в кресло и гневно воззрился на Мари.

– Ну вот! – объявил он. – Архангел выиграл!

– По крайней мере не нормандцы, – утешила его Авуаз, которая вскочила и быстро подошла к нему. – Милый, выпей чего-нибудь. День сегодня слишком жаркий, чтобы говорить о законах, не промочив горла.

Она кивнула Сибилле, которая поспешно поднесла ей кувшин с разбавленным водой вином и чистую чашку.

Хоэл жадно проглотил вино, а потом швырнул чашку в камин, где она разлетелась вдребезги. Тут Изенгрим встал и ткнулся носом в руку герцогу. Хоэл моментально смягчился и начал трепать волку загривок.

– Архангел выиграл, – повторил он, на этот раз усталым голосом. – Король Филипп выслушал все наши доводы, а потом сладко заявил, что вопрос слишком сложный, чтобы его можно было быстро решить, и что раз законная наследница владения объявила о своем намерении передать свои земли монастырю, а это намерение боголюбивое и благое, а молитвы святых монахов способствуют миру, то земля должна отойти Богу. Если Мари захочет, мы должны позволить ей уйти в монастырь Святого Михаила и принять постриг. Если она раздумает, земля все равно должна отойти монастырю, но она может взять себе все имущество, находящееся в господском доме и использовать его как приданое. Если она откажется передать владение Святому Михаилу, то вся земля отходит короне. Короне! Какое право на Шаландри имеет король, хотел бы я знать?

– Милый, – заметила Авуаз после минутного раздумья, – мне кажется, что если бы в спор не вмешался архангел, то корона заявила бы свои права на все.

Хоэл фыркнул:

- Это у него не прошло бы.

- Именно поэтому он, наверное, и остановился на архангеле,

Хоэл невесело рассмеялся и провел рукой по лысине. Мари озадаченно смотрела на него. Сердце у нее колотилось словно в надежде, хотя, казалось бы, рассчитывать не на что.

- Король предложил, чтобы я отдала поместье Шаландри, но оставила себе все имущество? - переспросила она.

Как ей было прекрасно известно, имущество Шаландри включало в себя огромное количество серебра, посуды и драгоценностей - сокровищ, вывезенных из Англии, которую ее дед помогал завоевывать герцогу Вильгельму. Ей никогда раньше не приходило в голову, что деньги можно отделить от дома и земель. Богатства деда представлялись ей частью Шаландри, как и крепостные поместья, - неким ресурсом, к которому владетель мог прибегать в случае необходимости. Теперь она поняла, что это действительно можно будет увезти - и это составит вполне приличное приданое.

Ее вопрос заставил Хоэла ухмыльнуться.

- Это король хорошо придумал, правда? - сказал он. - Ему не больше моего хочется, чтобы ты ушла в монастырь следом за своими землями.

Мари воззрилась на него еще более глупо - словно малое дитя, которое не может понять слов взрослых.

- Вы сказали, - медленно проговорила она, - что не хотите, чтобы я уехала обратно в монастырь?

- Конечно, - подтвердил Хоэл, удивленно поднимая брови. - А с чего мне этого хотеть?

Авуаз посмотрела на выражение лица Мари и рассмеялась.

- Милая, - объяснила она, - неужели тебя так удивляет, что ты нам нравишься? Ты же знаешь, каков наш двор. Он битком набит мужчинами, причем шумными и молодыми. Никому не нравится вечно жить в военном лагере. Даже сами мужчины этого не любят. И такая хорошенькая, умная девушка, как ты, несказанно украшает дом. Ты с самого приезда стала для меня огромной радостью. Поживи у нас хотя бы еще немного и не спеши становиться монахиней. Теперь у тебя есть приданое, но я знаю, что по крайней мере один рыцарь взял бы тебя, даже не будь у тебя ни гроша.

- Тьеру нужна земля, - пролепетала Мари, краснея от смущения и удивления.

- У Тьера будет земля, - заявил Хоэл, - как только кто-то из моих вассалов умрет, не оставив наследника. Я не допущу, чтобы такие люди, как Тьер, оставались ни с чем, когда идиоты вроде его кузена имеют владения. Подожди, пока Тьер получит поместье, - и посмотрим, не решит ли он снова вступить в борьбу! Но в любом случае поживи с нами подольше.

Мари недоуменно переводила взгляд с герцога на Авуаз. Герцогиня снова засмеялась.

- Это было бы просто прекрасно! - воскликнула Мари и, бросившись к ней, расцеловала ее.

«И я задержусь там, - про себя решила она, - по крайней мере до тех пор, пока не пойму,

должна ли Элин отвечать за преступление».

Глава 15

Герцог Хоэл вернулся в Бретань в первую неделю июня. В его владении Таленсак почти не обратили внимания на отъезд сюзерена и еще меньше заинтересовались его возвращением. Для Таленсака тот июнь запомнился как месяц, в котором лорд Ален удвоил плату за пользование мельницей.

С самой Пасхи Ален все более отчаянно нуждался в деньгах. Когда он вернулся домой после той катастрофически неудачной охоты на волка в Треффенделе, он решил, что осушить слезы жены легче всего будет, уничтожив в доме все следы его прежнего владельца. Он избавился от прежней мебели, предав огню ту, которую не смог продать, и заказал новую, самого лучшего качества. Он сорвал со стен охотничьи гобелены Тиарнана, свалил их вместе со всеми костюмами Тиар-иана, его доспехами, луком, копьями и мечом, которым он когда-то разрубил шлем и череп Жоффрея Беллемского, и увез их в Нант вместе с гнедым боевым конем, предложив их еврею в счет долга.

Еврею они были не нужны. Всем последователям его религии было запрещено ездить верхом и носить оружие, и он был банкиром, а не купцом. Однако ему не хотелось оскорблять своего должника, и он знал, какими сказочно дорогими бывают доспехи и боевые скакуны, поэтому взял их и передал на хранение своему компаньону-христианину до того момента, когда их можно будет продать. После этого Ален отправился за покупками с оставшимися у него от займа пятнадцатью марками и все их потратил. Огромное количество нового постельного белья для новых кроватей, новые одеяла, новый комод, один новый гобелен... Он надеялся, что регулярная арендная плата, которую он должен был получить, даст ему возможность продолжить покупки. Однако полученная сумма его разочаровала, а хозяйственные расходы к этому моменту начали тревожно расти.

Его расчистка дома ужаснула домашнюю прислугу. Ведь это был и их дом тоже! Дубовые столы в зале стояли там со времен деда Тиарнана. Они были слишком велики для простого дома и продать их было нельзя, так что их сожгли. Некоторые служанки при виде языков пламени, лижущих темное дерево, которое натирали четыре поколения им подобных, плакали, и управляющий Жильбер осыпал их ругательствами, а двоих хлестнул кнутом. Некоторые из слуг-мужчин, как Донал, вместе с Тиарнаном участвовали в военных походах герцога и с горечью смотрели, как вооружение и гнедого боевого коня отправляют в Нант. Когда Ален вернулся из Нанта со своими покупками, то недосчитался дюжины слуг. Оставшиеся были крепостными, не имевшими права уйти.

- Они еще приползут обратно с поджатыми хвостами, - презрительно заявил Жильбер. - В городах им не найти такой хорошей работы и платы, как здесь.

Возможно, он был прав, но пока в доме не хватало прислуги, а нужно было расставить новую мебель.

Ален отправился к слугам, переехавшим в деревню, и сказал, что готов забыть об их измене, если они вернуться. Никто возвращаться не захотел. Его это удивило: ни у одного из них не было ни дома, ни собственного поля, они превращались в бездомных наемников, однако упрямо отказывались вернуться на единственное место, которое у них было. Особенно сильно Ален разозлился на конюха Донала. Со времени охоты на волка он считал, что знает Донала лучше других, и благоволил ему. Однако Донал тоже переехал в деревню, в дом кузнеца Глевиана, где помогал в поле своему другу Юстину. Ален предложил Доналу более высокую плату, если он

вернется. Донал отказался, как и остальные.

- Да что с тобой такое? - разъяренно спросил у него Ален. - Ты обиделся, что я продал какую-то мебель?

Донал бесстрастно смотрел на него.

- Господин, - сказал он, - это теперь ваш дом. Вы можете делать там все, что захотите.

- Тогда почему ты оттуда ушел? - спросил Ален.

- Господин, - ответил Донал голосом дурня, - я жил в господском доме, когда там был маштjern. А теперь это ваш дом.

Ален накричал на него, но другого ответа не добился.

Вскоре он отправился в Фужер, где нанял новых слуг из числа арендаторов своего отца. Однако чтобы они согласились оставить свои дома и переехали жить в Таленсак, ему пришлось обещать им более высокую плату. А когда они приехали и увидели, как его ненавидят местные жители, плату пришлось увеличить еще больше, чтобы они остались. Вот почему ему нужны были деньги.

Он по-прежнему хотел бы повысить арендную плату, но после того, что сказал ему в Треффенделе герцог, не решился это сделать и стал искать другие источники дохода. Самым очевидным оказалась мельница. Она принадлежала ему, а деревенские жители были вынуждены ею пользоваться, чтобы молотить зерно. И он удвоил плату.

Для жителей деревни грубый гречишный хлеб, испеченный из муки с мельницы, был основой жизни. Ален не мог придумать более жестокого удара. Значит, деревня должна платить за свою жизнь вдвое больше из-за того, что господину вздумалось купить новую мебель? В тот день, когда повы-мили плату, на церковном дворе состоялось полное страстей собрание, на котором крестьяне, возмущенные произволом, единодушно решили, что не станут вносить эту жестокую и несправедливую плату. Этот июнь и последовавшее за ним лето изменили этих людей на всю оставшуюся жизнь.

Первую половину июня Мари тщательно проверяла, были ли ее подозрения относительно Алена и Элин обоснованными. Сначала она расспросила Кенмаркока. Тот, как всегда, был готов поговорить и не увидел в ее вопросах ничего странного: происшедшее в Таленсаке казалось ему настолько интересным, что его скорее удивляло, почему другие люди не задавали ему этих вопросов. Да, леди Элин решила помириться со своим мужем вскоре после того, как он ушел из дома. Она вернулась из Иффендика через два дня после того, как он ушел на свою последнюю охоту. Когда именно? О, примерно в середине октября. Да, в середине октября: Кенмар-кок вспомнил, что они закончили молотьбу к полнолунию, и в тот вечер лорд Тиарнан ушел. Из-за чего господин и госпожа поссорились? Ну, у господина была привычка уходить на охоту одному, даже без собаки, а госпожа забрала в голову, будто он ходит к другой женщине. Это была чепуха: он души в ней не чаял. Но она оскорбилась и уехала к сестре. А почему маштjern действительно уходил без собаки? Тут Кенмаркок неожиданно замялся и стал молчаливым. Ну... ходили глупые истории, но на самом деле скорее всего маштjernу просто нравилось бывать в лесу одному и не хотелось обременять себя заботами о собаке.

Мари поняла, что снова зашла в тупик, которым была тайна Тиарнана. Вряд ли Кенмаркок знал, в чем дело. Однако ей показалось вероятным, что тайна была открыта Элин - и та уехала

в Иффендик, чтобы быть подальше от него. Она вернулась только в октябре, сразу после полнолуния. В то время, когда Ален действительно уехал от герцогского двора в свою вторую безрезультатную поездку за ястребами.

Вторая часть ее расследования оказалась, как она и предвидела, более сложной. По правде говоря, ее просто невозможно было провести незаметно. Тьер был слишком сообразительным, и его не обманул небрежный тон, которым она спросила, откуда Ален узнал, что в Сен-Мало пришел корабль с ястребами.

- У дяди Жюля в городе есть свой человек, - ответил он. - А почему тебя это интересует, милая дама? Если ты хочешь заняться соколиной охотой, то тебе нет нужды дожидаться корабля. Я завтра же куплю тебе кречета.

Мари улыбнулась:

- Мне не нужно, чтобы ты покупал мне птицу. У меня будет куча денег, когда Шаландри передадут монастырю. Значит, подданный твоего дяди прислал Алену письмо?

Брови Тьера начали насмешливо изгибаться.

- Твой отец наверняка держал в Шаландри ловчих птиц, - сказал он. - И он не стал бы их брать с собой в Святую землю. Тебе не нужно покупать ястребов. - Он помолчал, глядя на нее с откровенным любопытством. - Тогда почему такой интерес к намерениям моего дяди?

- Я просто пыталась понять, откуда Ален узнал, когда туда ехать.

Тьер пристально посмотрел на нее, и его веселье исчезло.

- Тебя несколько не интересуют корабли, так? - спросил он. - Ты хочешь узнать, действительно ли Ален поехал тогда в Сен-Мало.

Тьеру уже тогда эта поездка показалась подозрительной. Ален был вполне способен внезапно решить, что ему нужна новая птица, и помчаться на поиски корабля по всему побережью Бретани, если, по слухам, на нем находился нужный ему ястреб. Однако для Алена нехарактерен был отказ от компании в такой поездке. Уезжая, он имел крайне довольный вид, который, как знал Тьер по опыту, обычно предвещал беду. И не было особых сомнений относительно того, какую именно беду мог в тот момент навлечь на себя Ален: он был до одури влюблен в Элин.

- Но он поклялся мне, - произнес Тьер, - поклялся на святом кресте, что не едет в Таленсак.

Мари немного поколебалась, а потом тихо ответила:

- Насколько я знаю, в тот момент леди Элин была в Иффендике у сестры.

- Христос и святой Михаил!

Самодовольная улыбка после принесения клятвы. Тьер еще несколько секунд смотрел на Мари, и лицо его стало напряженным. Она видела, как он мысленно сопоставил даты двух поездок кузена с еще одним событием - и содрогнулся.

- Ты что-то говорила об этом герцогу? - резко спросил он.

- Нет, - отозвалась Мари. - Я никому ничего не хочу говорить. Если только у меня не появятся

основания думать, что это правда.

- Я это выясню, - мрачно пообещал Тьер.

Не было никаких сомнений: если бы Элин позвала Алена, он немедленно отправился бы с ней встретиться. Не было сомнений в том, что он ненавидел Тиарнана и ради Элин был готов убить соперника. И все же... Как Алэн смог бы одолеть такого рыцаря, как Тиарнан, - даже с учетом того, что Тиарнан имел только лук и охотничий нож, тогда как Алэн был в полном вооружении? Тиарнан - великолепный охотник, и Алэну просто не удалось бы к нему приблизиться.

Однако было ясно, что Мари испугнула из зарослей птицу подозрений и кому-то предстоит ее поймать. Тьер был намерен узнать правду - ради Алэна.

Вот почему Тьер сам начал незаметные расспросы при дворе. Один из пажей вспомнил, что прошлым сентябре Алэн получил письмо, но с тех пор прошел почти год, а для десятилетнего мальчишки, чьи мысли и тело заняты обучением воинскому делу, год - это большой срок. Подробности оказались полностью забытыми. Тьер пошел по другому пути: он написал в Сен-Мало помощнику лорда Жюля, справляясь о корабле, который приходил туда в прошлом году и привез ловчих птиц. В начале июля пришел недоуменный ответ: такого корабля не существовало.

Получив этот ответ, Тьер промолчал. Мари при дворе не было: она уехала в Шаландри с управителем герцога Хоэла Гральоном, чтобы переписать имущество замка, а потом должна была заехать в Сен-Мишель и официально подарить свои земли монастырю Святого Михаила. Алэн солгал относительно своей поездки и отсутствовал в момент исчезновения Тиарнана. Смерть Тиарнана принесла Алэну жену и поместье. Тьер по-прежнему не верил в то, что его кузен мог подойти к человеку с дружеским приветствием, а потом пронзить ему сердце - однако он не мог избавиться от сомнений: возможно, ради того, чтобы получить Элин, Алэн пошел бы даже на такое. При мысли о том, что красивый, порывистый Алэн, юный глупец, чьи увлечения Тьер постоянно пытался сдерживать, тайно хоронил тело своей жертвы в лесу, ему стало тошно. Тьеру не хотелось даже думать об этом сейчас, пока Мари не вернулась ко двору: после ее возвращения этого уже не избежать. И он отдался своей работе. Начался сезон охоты на оленей, и дел у него было немало.

Двор снова переехал в Плоэрмель, и герцог много охотился в соседнем лесу. Кроме того, в последнюю неделю июля готовилась особая охота в честь приезда ко двору епископа Нантского Кириака. Епископ приходился Хоэлу братом и разделял фамильную страсть к охоте. В качестве подходящей дичи Тьер в конце концов остановился на шестнадцатилетнем олене, которого видели в лесу Треффендел.

Хоэлу это предложение понравилось.

- В марте в Треффенделе я был удачлив, - сказал он, ласково посмотрев на Изенгрима, который, как обычно, шел за ним по пятам. - Да, отправь туда гонца и скажи, что мы приедем вечером после Дня святого Иоанна. И позаботься о том, чтобы дамы тоже поехали. Кириак любит женщин, а ему в его дворце редко случается их видеть, бедняге!

Если герцог намеревался прибыть в Треффендел вечером после Дня святого Иоанна, то самому Тьеру и придворной прислуге следовало отправиться туда в сам праздник, чтобы подготовить охотничий дом и найти добычу. Однако Тьер заявил, что слуг не годится лишать отдыха в праздничный день, и назначил отъезд на день раньше, чтобы к Дню святого Иоанна они были

свободны. И только после того, как это решение было принято, он понял, что лишний день позволит ему самому навестить в Таленсаке своего двоюродного брата Алена. Он ухватился за эту возможность с нетерпением и страхом. Они с детства росли вместе, и подозрение, что его кузен – убийца, язвой разъедало ему сердце.

Он еще никогда не бывал в Таленсаке, но всегда слышал, что о нем отзывались как об очень красивом месте. Окрестности здесь определенно были красивыми: он выехал из зеленого леса на широкие поля, золотящиеся урожаем, зеленеющие аккуратными рядами виноградных лоз или усеянные серебряно-зелеными пятнами пасущихся коров и овец. Однако местность не выглядела приветливой. Работавшие в полях крестьяне хмуро смотрели на него, когда он проезжал мимо, а улица оказалась пустынной, хотя из дверей выглядывали полные подозрений лица. Никто не крикнул ему принятых в этих местах приветствий. Никто с ним не заговорил. Перед церковью находились люди в колодках. Рядом высился столб из свежего дерева, с которого свисали кандалы. Они были окрашены кровью, отчасти – свежей, отчасти – уже запекшейся. Похоже было, что за последнее время Таленсак видел немало порок.

Ворота господского дома были закрыты и заперты на засов. Когда Тьер в них постучал, в узком окошке привратниц-кой показался один глаз и чей-то голос спросил:

- Чего нужно?

- Меня зовут Тьер де Фужер! – крикнул в ответ Тьер. – Я приехал навестить моего кузена Алена.

Наступила короткая тишина, а потом засов отодвинули и ворота чуть приоткрылись. – Тогда вам лучше войти, милорд, – сказал испуганный крестьянин. Лицо крестьянина показалось Тьеру смутно знакомым, и говорил он на французском языке долины. Как только Тьер въехал, ворота за ним со стуком захлопнулись. Тьер начал жалеть о том, что приехал.

- Я скажу господину, что вы приехали, милорд, – сказал привратник. – Вы не могли бы поставить коня в конюшню сами? Простите, что прошу вас о таком, но у нас народу маловато.

Тьер поднял брови, но молча отвел свою лошадь в конюшню. Он еще чистил ее, когда к нему пришел Алэн и тепло его приветствовал.

Тьер извинился, что приехал без предупреждения, выслушал в ответ длинные гостеприимные заверения – и наконец Алэн провел его в дом. Элин ждала в дверях. Она тоже встретила его очень приветливо, но ее прекрасное лицо оказалось бледным, худым и напряженно нахмуренным, а глаза – красными. И если деревня выглядела ошетилившейся и мрачной, то бретонская прислуга в доме оказалась испуганной и подавленной, а многочисленные слуги из Фужера – сварливыми и шумными.

Мебель была новой и красивой, но ее не хватало: постели слуг лежали неопрятными грудями по углам, вместо того чтобы храниться в комодах. Одна стена зала была частично закрыта безвкусной вышивкой со сценами жития святого Мартина, а остальные были голыми.

Вечерняя трапеза запоздала. Они дожидались ее, беседуя о дворе, охоте в честь епископа Кириака и тому подобных пустяках. Когда еду наконец подали, мясо оказалось подгоревшим, а тушеные кролики – полусырыми: похоже, нехватка слуг распространялась и на кухню. Слуги выглядели встревоженными и сновали туда-сюда, постоянно перешептываясь. Алэн не обращал на них внимания и много пил. Нехватки в вине не было.

- У вас тут какие-то неприятности? – спросил Тьер, когда счел, что вопрос не покажется

слишком обидным. – Трое сидят в колодках, да и позорный столб явно использовали совсем недавно.

– Я этим утром приказал выпороть человека за то, что он возил свое зерно в Монфор, – тут же ответил Ален, наливаясь злобой. – Двое в колодках виноваты в том же, но только попались в первый раз...

– Возили свое зерно в Монфор? А что случилось с твоей мельницей?

– Ничего! Ничего с ней не случилось! Но она неделями простаивает, а эти упрямые, жадные дурни ездят в Монфор или мелют зерно дома. Или даже едят варево из немолотого ячменя. Я повысил плату за помол, и они отказываются платить.

Тьер мрачно подумал, что глупость Алена стала причиной очередной катастрофы – гораздо более серьезной, чем все прежние.

– Ну а чего ты хочешь, если мельница в Монфоре дешевле? – резко спросил он.

– Они – мои арендаторы и обязаны пользоваться моей мельницей! Это – мое право. Я имею право повышать плату, если хочу. А я хочу.

– Почему?

Гневный румянец Алена погас, и он опустил голову.

– Я в прошлом ноябре взял в Нанте деньги в долг, – пробормотал он. – Проценты берут разорительные, и я хотел бы заплатить его как можно быстрее. Герцог Хоэл определенно сказал, что мне не следует повышать арендную плату, и я не хочу его послушаться. И я подумал, что можно вместо этого повысить плату за помол.

Говоря это, он чувствовал себя немного неловко. На самом деле он выплатил половину долга с помощью вещей Ти-арнана, и нантский еврей с самого начала не торопил его с выплатой. Проблема заключалась в том, что теперь Ален хотел получить еще денег. Ему нужны были мебель и гобелены. Ему нужно было платить слугам из Фужера и четырем солдатам, которых он нанял охранять дом, когда начались проблемы с мельницей. К тому же вещи теперь все время терялись и ломались, и, значит, надо было покупать новые. А некоторые крепостные пытались сбежать – за ними нужно было посылать людей и обещать вознаграждение. Он снова взял бы в долг, но никто не соглашался давать ему денег под такие же проценты, пока он не заплатит свой первый долг.

– Понятно, – проговорил Тьер наконец. – Но похоже, что увеличение платы все только испортило и ты не получаешь лишних денег даже с мельницы.

– Да! – воскликнул Ален, снова разъярясь. – И все из-за упрямства местных жителей. Они могут позволить себе такую плату: арендная плата тут вполовину меньше, чем в Фужере, но им кажется, будто они имеют право молотить свое зерно за прежнюю цену. И они предпочитают остаться без муки, чем заплатить за свой хлеб-лишнюю четверть гроша в неделю.

Тьер хлопнул ладонью по столу. Сам он никогда не управлял имением, но понимал, что деревня состоит в первую очередь из людей, от которых следует ожидать консерватизма и упрямства, свойственного природе человека.

– Ради Бога, Ален, а чего еще ты ждал? – с досадой спросил он. – А ты бы сам покорно

согласился платить вдвое больше, если можно платить по-старому, проехав лишнюю милю? Ты поднял цену хлеба, и понятно, что крестьяне тебя возненавидели.

- Но я ведь уже не могу пойти на попятную! - запротестовал Ален. - Меня тут и без того ненавидят. Если они решат, что можно безнаказанно мне перечить, то одному Богу известно, чем это закончится.

Элин, которая почти ничего не говорила в присутствии Тьера, внезапно выскочила из-за стола и убежала из зала. Ален возмущенно посмотрел на кузена.

- Ты ее расстроил! - сказал он.

- Я? Я ничего не говорил.

- Это из-за твоих слов насчет недоброжелательности. Ее это очень тревожит. Слуги убегают, люди у нее за спиной ее обзывают, А ей... ей сейчас нельзя расстраиваться. У нее будет ребенок, Тьер.

- О! - воскликнул Тьер, почувствовав жалость к бледной, больной, испуганной молоденькой женщине, которая только что убежала из комнаты. Он не слишком убедительно произнес положенные поздравления. - Молю Бога послать вам обоим радость.

Ален покачал головой и уронил ее на руки.

- Я молю Бога послать нам радость, потому что пока никакой радости мы не видели! Тьер, мы должны были быть так счастливы, но сейчас это только лишний повод для тревоги.

Она так мучается последние месяцы, что мне за нее страшно. Мне хочется увезти ее отсюда. Ей нужен покой. Но я не могу никому доверить управлять поместьем в мое отсутствие. Этот мой управляющий, Жильбер, - он вор, и крестьяне ненавидят его еще сильнее, чем меня. И потом, я не могу купить ей дом, когда на мне висит долг. - Он посмотрел на Тьера со знакомой мольбой в голубых глазах. - Я так рад тебя видеть! - сказал он. - Я не знаю, что мне делать, Тьер! Здесь меня возненавидели еще до того, как я приехал, и что бы я ни делал, становится только хуже. Они все время сравнивают меня со своим маштьерном. Если бы они знали, чем был на самом деле их драгоценный маштьерн, они не захотели бы, чтобы он вернулся!

- О чем ты говоришь? - нетерпеливо бросил Тьер. Ален поморщился и покачал головой.

- Он не был благородным рыцарем, за которого все его принимали. Элин об этом узнала. Я и раньше его ненавидел, - заявил Ален внезапно, - но не так сильно, как ненавижу сейчас. Я живу в одном доме с его призраком - и это злобный, темный, смертоносный призрак. Тьер, ты умный, и герцог к тебе благоволит. Помоги мне, пожалуйста!

Тьер сжал зубы и с болью подумал: возможно, этот «злобный, темный, смертоносный призрак» - тень вины самого Алена. Ему отчаянно хотелось узнать, куда ездил его кузен, когда рассказал эту историю насчет покупки ястребов в Сен-Мало.

Но этот вопрос он задать не решился. Это было невозможно сделать, когда Ален так ждал от него какой-нибудь надежды, помощи.

- Ну так слушай, - проговорил Тьер после долгого молчания. - У герцога Хоэла есть дома по всей Бретани. Он может дать тебе один из них за чисто условную арендную плату, ради Элин, принимая во внимание ее состояние и положение дел в поместье. Если хочешь, я могу его об

этом попросить. Но ты должен будешь признаться, что у тебя не получается управлять Таленсаком, и сделать что-то, чтобы привести свои земли в порядок. Если ты знаешь, что твой подданный – вор, то выгони его и найди кого-то еще.

- Не могу! – простонал Ален. – Я же сказал тебе: здесь все меня ненавидят! Я не могу доверить управление Таленсаком никому из местных жителей!

- Тогда попроси, чтобы герцог нашел тебе какого-нибудь надежного человека.

- Не могу. Он предложил мне это в прошлом марте, когда был в Треффенделе. Он посоветовал найти кого-нибудь, для кого бретонский язык – родной. А я сказал, что лучше оставлю Жильбера.

Тьер изумленно воззрился на Алена.

- Иисус, Мария и Иосиф! – воскликнул он. – Ты сам во всем виноват! Ты получил совершенно приличное поместье, твой сеньор дал тебе совет о том, как им управлять, а ты благополучно игнорировал его слова и все вокруг себя развалил! Ален, чего ты хочешь? Остаться здесь и чувствовать всеобщую ненависть или поставить надежного управляющего и уехать жить в удобный дом в Нанте или Ванне, пока тут все немного успокоится?

На этот раз Ален не пытался оправдываться. – Я хочу уехать, – сказал он просто. – Ради Элин и ребенка я должен это сделать.

- Тогда тебе надо явиться к герцогу и попросить о помощи. Послушай, он не сделает ничего страшного, просто скажет: «Я же тебе говорил!» А если я заранее о тебе поговорю, то и это будет сказано не очень громко. Вот как тебе надо поступить: приезжай в Треффендел и присоединись к охоте на оленя. Тогда ты сможешь найти удобный момент, чтобы с ним поговорить. Я приглашаю тебя от имени герцога. Элин тоже может приехать. Там будут герцогиня и ее дамы, так что ей вполне уместно приехать с тобой. А когда они ее увидят, то захотят ей помочь. Хоэл не забыл, как Тиарнан ее обожал. Он захочет помочь ей ради своего любимца.

Он заметил, как Ален содрогнулся при упоминании имени своего соперника, и вдруг отчаянно захотел, чтобы уже наступило утро и ему можно было уехать. Таленсак призрака не имел, а вот у Алена он был, и этот призрак будет преследовать своего убийцу.

Когда через два дня герцог со своими сопровождающими прибыл в Треффендел, Мари оказалась с ними. Видее верхом на зловредной кобыле был для Тьера подобен дождю, упавшему на иссохшую землю. Он дождался, пока Мари вышла на двор, и сумел незаметно перехватить ее на обратном пути. Молча он вручил ей письмо, полученное от помощника дяди из Сен-Мало. Она взяла его, прочла – и надолго застыла на месте, глядя на него. А потом она вздохнула, перекрестилась и вернула письмо.

- Ален лгал, когда говорил, что едет в Сен-Мало, – прямо заявил Тьер. – Мы идем к герцогу?

- Тебе не нужно было задавать мне этот вопрос, – ответила Мари. – Ты и так уже знаешь ответ. Но давай сделаем это тихо.

Тьер невесело кивнул. Судить своих вассалов надлежало герцогу. Если он услышит об их сомнениях без свидетелей, то сможет выяснить, нет ли каких-то невинных объяснений поступков Алена и Элин, не вынося этого на придворный суд и не позоря их. Тьер все еще

надеялся, что Ален сможет дать объяснения, хоть у него и не было на то оснований.

- Мне очень жаль, Тьер, - мягко сказала Мари. - Мне не следовало тебя впутывать: он твой кузен.

- Ты меня не впутывала, - возразил Тьер. - Я догадался, что ты делаешь, и впутался сам. Но в этом следует участвовать и кому-то из родственников Алена. Просто чтобы помочь ему.

Это была правда, но Мари все равно расстраивалась. Она понимала, как Тьер переживает за своего кузена. И потом, убийство (если оно совершилось) было вызвано только похотью и жадностью. А Мари уже знала, что тут кроется еще что-то: в основе случившегося лежала тайна, настолько пугающая, что заставила Элин отвернуться от мужа и, возможно, заставила ее возлюбленного ради нее прибегнуть к насилию. Отчасти из желания утешить Тьера, а отчасти из стремления к полной правдивости, Мари решила рассказать ему все, что ей было известно.

Тьера все это совершенно сбilo с толку.

- А ты уверена, что это не полная чушь? - спросил он. - Тиарнан был помешан на охоте, и это можно объяснить без всяких жутких тайн.

- Тайна была, - устало возразила Мари. Она отдала бы половину своего приданого, лишь бы можно было сказать, что это не так. - Его исповедник признал это. И если мы посильнее нажмем на Алена и его жену, это скорее всего выйдет наружу. И это еще одна причина, по которой нам нужно, чтобы герцог разговаривал с Аленом без свидетелей. Я не хочу чернить репутацию ни живых, ни мертвых. Было бы хорошо, если бы нам удалось придумать повод, по которому Хоэл мог вызвать Алена.

- Это не понадобится. Ален и его жена завтра сюда приедут, - признался Тьер.

И он рассказал Мари о Таленсаке и о том, как он там побывал. Для него это признание стало большим облегчением. Воспоминание о мужчинах, возмущенно смотревших на него из колодок, о бледном, больном лице Элин и воспаленном лице Алена не оставляло его с самого отъезда, чем бы он ни занимался.

- Бедная Элин, - сказала она, когда Тьер замолчал. - И бедный Ален, и бедный Таленсак. Боже милостивый, как легко людям стать несчастными!

Мгновение он стоял, глядя на нее. Мари была одета в одно из платьев, подаренных Авуаз для поездки в Париж, - красивый светло-бежевый наряд. И на ней было рубиновое ожерелье, которого он прежде у нее не видел. Роскошь была ей к лицу, подчеркивая спокойное самообладание, которым она отличалась даже в черном монашеском одеянии. А вот лицо у нее было взволнованное. Тьеру внезапно захотелось ее поцеловать, но он удержался.

- Мы будем говорить с герцогом Хоэлом сегодня? - спросил он. - Или завтра?

- Завтра, - уверенно решила Мари, - после охоты. Пусть Хоэл сначала хорошо проведет день со своим братом.

- Как скажешь. - Тьер помолчал, продолжая наблюдать за ней. - Да, чуть не забыл, - сказал он, заставив себя улыбнуться, - как Шаландри? И как твой монастырь?

Она ответно улыбнулась - тоже не без труда. Их взгляды на секунду задержались друг на друге

в бессловесном приветствии. Людям так легко стать несчастными, но они будут бороться за те небольшие радости, которые у них есть.

- Они меня смутили, - ответила она. - Они остались прежними, а я - нет.

Он предложил ей руку, и они направились обратно к дому.

- Ты поразила Шаландри? - спросил он. Мари улыбнулась уже более естественно.

- Они и так были поражены. Им было непонятно, каково иметь архангела в качестве своего сюзерена.

- С герцогом Робертом Нормандским они не могли приобрести большого опыта общения с ангелами.

- Да, - серьезно согласилась Мари.

Как только Мари попала в Шаландри, она убедилась в том, что была права, цепляясь за свою честь. От этого зависела судьба стольких людей! Служащие и прислуга замка боялись, что поместье перейдет к Хоэлу и все они потеряют свои места. Крестьяне боялись, что явится какой-нибудь нормандец, который повысит арендную плату. И все были рады узнать, что жизнь пойдет по-прежнему, за исключением того, что деньги пойдут аббатству. Мари не смогла бы жить в этом доме, если бы ей пришлось выставить за дверь людей, знакомых ей с детства. Однако было очень странно вернуться в такое знакомое место - и обнаружить, что сама она стала совсем другой. Управляющий ее отца сначала попытался ее поучать, старый капеллан, обучавший грамоте, попытался давать советы, а прислуга попыталась относиться к ней свысока, как делали это раньше. Очень скоро им и ей самой стало ясно, что они обращаются к человеку, которого больше не существует, и они прекратили, устремили на нее озадаченные взгляды и начали называть «моя госпожа». А ведь прошло всего четыре года с тех пор, как она в последний раз была в Шаландри, и комнаты остались точно такими, какими она их помнила, и лица людей почти не изменились. Она знала, что изменилась, - но чтобы так сильно? Ей было странно и неприятно оказаться чужой в своем собственном доме. Она вместе с Гральоном осмотрела имущество, собрала часть мелких вещей и отправилась дальше в монастырь, уже подозревая, что больше никогда не вернется в Шаландри.

В монастыре Святого Михаила все было так же, как в Шаландри. Когда леди Констанция встретила Мари у ворот, то назвала ее своей милой девочкой и похвалила за благочестивое решение передать аббатству столь богатое владение. И она тоже вскоре замолчала и озадаченно уставилась на Мари. И Мари обнаружила, что обращается с настоятельницей совсем не так, как ожидала: не с искренним уважением, которое питала к ней поначалу, и не со смесью покорного повиновения и тайного презрения, которое стало ей свойственно к моменту отъезда. Вместо этого она вдруг заметила, насколько Констанция похожа на свою сестру Авуаз, и почувствовала к ней симпатию. Когда церемония передачи владения закончилась и старого управляющего Шаландри утвердили на прежнем месте, Констанция неожиданно обняла Мари и спросила:

- Ты ведь вернешься обратно, милая? Я знаю, что когда-то тебе хотелось здесь остаться, и, право, я буду очень рада, если ты это сделаешь.

«Возможно, - подумала теперь Мари, - возможно. Бывают вещи и похуже. Я могла бы заведовать монастырской библиотекой и выезжать из монастыря для покупки книг. Я могла бы работать в больнице или в школе. Я могла бы молиться и обрести мир. В том, что прежде мне было так плохо, виноват не монастырь, а я сама. Возможно, примирение с плотью необходимо

не только для того, чтобы стать женой, но и чтобы стать монахиней. Да, я все-таки могла бы найти здесь счастье. Как я могла бы найти счастье с Тьером, если бы герцог дал ему достаточно большое владение, чтобы нам можно было за счет него жить, и если бы он все-таки захотел на мне жениться, получив его. Но пусть еще какое-то время все останется как есть. Мне ни к чему спешить».

- Значит, ты их поразила, - проговорил Тьер с ухмылкой. Она искоса посмотрела на него и ответно улыбнулась. - И ты благополучно лишила себя наследства?

- Я благополучно стала такой же безземельной, как ты. Он остановился у самой двери в дом и поймал ее за руки.

- А почему бы нам сегодня не сбежать и не обвенчаться?

- И конечно же, ты уже придумал, на что мы будем в этом случае жить?

- Нечего заботиться о завтрашнем дне, пусть завтрашний день сам о себе позаботится. Довлеет дневи злоба его.

- О, так, значит, ты по-прежнему намерен стать святым и не думать о телесном! Я тебя приветствую!

Возможно, я тоже стану святой и к тебе присоединюсь. Мы станем жить в лесной хижине, есть орехи и ягоды и пить ключевую воду. Но святые не женятся. Мы будем жить вместе, как брат с сестрой.

- У твоего брата грешное кровосмесительное сердце, - заявил Тьер с улыбкой, он отпустил ее руки, чтобы открыть перед ней дверь. - Сегодня в меню пирог с костным мозгом и голуби в красном вине. Наверное, нам не следует убегать до завтра.

Следующее утро выдалось безоблачным и ярким. Белое солнце дрожало, вставая из розового летнего марева. Воздух был теплым и почти безветренным, и казалось, что вокруг Треффендела огромный лес сделал глубокий зеленый вдох, словно собираясь запеть.

Ален приехал в охотничий дом рано утром, везя Элин позади себя на крупном сером коне. Их сопровождали двое слуг и несколько гончих. На лице Элин появился легкий румянец, и она улыбалась. Перспектива уехать из Таленсака и провести день при дворе осушила ее слезы, а надежда окончательно оставить Таленсак и поселиться в Нанте впервые за последние месяцы вернула ей веру в будущее счастье.

Двор перед охотничьим домом был полон шума и суматохи. Лошадей седлали для охоты, гончие на сворах лаяли друг на друга, метались и скулили от нетерпения. Мужчины и женщины дули в охотничьи рога и выражали восхищение нарядами друг друга. Ален нашел взглядом Тьера, который вел спор с лесничим герцога и епископом Кириаком относительно помета оленя. Он остановил коня рядом с кузеном, спрыгнул на землю и помог слезть Элин. Как Ален и рассчитывал, Тьер прервал свой спор, чтобы с ними поздороваться.

- Бог в помощь, кузен! - жизнерадостно воскликнул он. - Приветствую, моя госпожа! Герцог Хоэл и герцогиня еще в доме. У нее несварение желудка, и она решила сегодня не ехать на охоту. Вам лучше бы остаться с ней, леди Элин: как я понимаю, вам не следует утомляться.

Элин улыбнулась: она тоже не была уверена в том, что целый день охоты будет ей полезен, и

она не возражала против того, чтобы провести день в комфорте вместе с герцогиней. Ален поблагодарил Тьера за его предложение и повел Элин в дом, оставив слуг держать коня.

Хоэл стоял у холодного очага в главном зале и разговаривал с Авуаз, которая успокаивала свой желудок, сидя в кресле. Мари, хлопотавшая вокруг герцогини, увидела, как в помещение вошли люди, которые огляделись и с улыбками направились к герцогу.

В следующую секунду все переменялось. Элин остановилась в центре зала и побледнела. Ален а проклятием замер рядом с ней. Авуаз изумленно выпучила глаза, а Хоэл начал поворачиваться, чтобы посмотреть, что ее так сильно удивило. Изенгрим, темный и зловещий, тихо отошел от герцога и решительно направился к супругам, низко опустив голову и оцетинив задривок. Его глаза торжествующе горели.

Элин завопила – это был страшный крик ужаса, заставивший обернуться всех присутствующих и затихнуть тех, кто находился вне дома. Ален потянулся к мечу. Волк стремительно преодолел последние шаги и прыгнул на него.

В следующую секунду Ален уже с криком катался по полу, а волчьи зубы были сомкнуты на его правой руке. Стоящая над ними Элин беспомощно верещала: – Кто-нибудь, убейте, убейте эту тварь! Никто не пошевелился: все окаменели от неожиданности. Волк выпустил порванную руку Алена и сделал новый бросок, на этот раз метя ему в горло. Продолжая вопить, Ален поймал волчью голову левой рукой и задержал окровавленные челюсти в дюймах от своей шеи. Изенгрим жутко зарычал и навалился на него, раздирая лапами тело Алена и всем весом налегая на дрожащую левую руку. И рука начала сгибаться, челюсти приближались, а с клыков Алена на лицо капали кровь и слюна. Продолжая кричать, Элин обеими руками схватила волка за ошейник и попыталась оттащить назад. Огромная темная голова стремительно повернулась, и в мгновение глаза, полные человеческой ненависти, устремились прямо на нее. Она отпустила ошейник и ударила рукой волка по морде, изливая в диком вопле свое отвращение и ненависть. Изенгрим отвернулся от Алена к ней – и ее крик превратился в визг мучительной боли. Волчьи челюсти сомкнулись на ее лице.

– Изенгрим! – заорал ужаснувшийся Хоэл и наконец бросился к своему любимцу, схватил его за ошейник и оттащил в сторону.

Элин рухнула на бок рядом с мужем. Ее лицо превратилось в кровавую маску. Она беспомощно махала руками и издавала короткие сдавленные вскрики.

Ален встал на колени, левой рукой обнажая меч.

– Чудовище! – крикнул он. – На этот раз я тебя убью! Изенгрим с рычанием рванулся к нему, чуть не вырвавшись из рук герцога.

– Немедленно положи оружие! – закричал Хоэл. – Де Фужер, позаботься о жене! Кто-нибудь, позовите даме врача! Изенгрим! Плохой, плохой!

Он подтащил волка к очагу, схватил со стула свой хлыст с серебряной рукоятью и начал яростно бить волка. Изенгрим, не сопротивляясь, припал к земле под его ударами, но его глаза по-прежнему были устремлены на Алена в отчаянном и смертоносном желании.

Элин лежала на полу. Ален склонился над ней, но с ненавистью смотрел на волка. И в это мгновение все встало на места, Мари ясно поняла, что происходит. Она издала сдавленный возглас протеста и оперлась рукой о стену.

- Милорд! - крикнул Ален. - Посмотрите, что эта тварь сделала с моей женой! Позвольте мне его убить!

- Это мой волк, - ответил Хоэл, - и он никогда раньше никому не вредил. Изенгрим! Что на тебя нашло? Ты взбесился?

В дом с улицы вбегали люди. Появились Тьер и епископ Кириак. Авуаз уже стояла на коленях рядом с Элин, прижимая к ее лицу тряпицу, чтобы остановить кровь, и смятенно оглядываясь в поисках кого-то, кто мог бы ей помочь.

- Пресвятая Богородица! - воскликнул Кириак. - Это твой волк натворил, Хоэл? Ты же говорил, что он ручной!

- Ручной! - подтвердил Хоэл, с отвращением бросая хлыст. - Он никогда такого не делал.

- Это злобная тварь! - заорал Ален. - Вонючее, злобное, дикое чудовище! Посмотрите, что оно сделало с моей женой! И со мной! - Он поднял свою разорванную окровавленную правую руку, чтобы всем было ее видно. - Моя жена ждет ребенка, и это может убить еще не родившееся дитя. Милорд, умоляю вас: убейте эту тварь! Убейте сейчас же, пока она не набросилась еще на кого-нибудь!

Хоэл посмотрел на волка - своего доброго бретонского волка, единственного в мире ручного волка, самого отважного из всех принадлежавших ему зверей. Ни одно нормальное существо не стало бы нападать на человека с такой яростью. Ален был прав: такого зверя держать опасно, его надо уничтожить.

- Милорд, - едва слышно проговорила Мари, - по-моему, я знаю, почему Изенгрим напал на этих двоих.

Хоэл снова поднял голову, исполняясь надежды.

- И что же это, Мари? - быстро спросил он.

- Милорд, - ответила она дрожащим голосом, - сейчас важнее всего позаботиться о леди Элин. Ей нужен врач, и ее нужно увести из этой толпы куда-нибудь, где будет тихо. Ее мужу следует остаться с ней и успокоить ее. А потом мы сможем обсудить, что делать с волком.

- Очень хорошо, Мари! - одобрительно воскликнула герцогиня Авуаз. - Даме нужна помощь. Лорд Ален, будьте любезны, уберите свой меч и помогите супруге!

Ален посмотрел на Элин, а потом засунул меч в ножны и встал на колени, чтобы неловко обнять ее одной рукой. Она еще раз судорожно вскрикнула, обхватила его руками и расплакалась. Появился герцогский врач, и цепляющуюся за мужа Элин унесли из зала в тихую комнату, где врач мог заняться ее ранами.

Нарядный охотничий отряд стоял, переговариваясь и глядя на волка с окровавленной мордой, который по-прежнему лежал у ног Хоэла. К ним пробился лесничий герцога.

- Вы поедете на охоту, милорд? - почтительно спросил он. - Или после случившегося вы хотите ее отменить?

Хоэл посмотрел на брата.

- Поезжай, если хочешь, Кириак, - предложил он. - Жаль будет, если все приготовления пропадут зря.

- А ты не поедешь? - спросил епископ.

- Настроение пропало. Я никакого зверя не ценил так высоко, как Изенгрима. Жаль, что ты не видел, как он бился с волкодавами графа де Байо: ты получил бы удовольствие.

- Да уж, больше, чем от этой картины, надо думать, - отозвался Кириак, пиная ногой окровавленный камыш. - Тебе придется убить этого зверя, Хоэл. И по правде говоря, хоть мне и жалко, что ты лишишься любимца, гораздо больше я жалею эту прелестную даму. Ну, если ты потерял желание охотиться на оленя, то я - нет.

Епископ ушел с лесничим, чтобы искать шестнадцатилетнего оленя. Большинство присутствующих, тихо переговариваясь, ушли вместе с ними. Тьер отправился было за ними, но посмотрел на Мари - и остался.

Авуаз вернулась от Элин.

- Она уже успокоилась, - сообщила герцогиня. - Врач сказал, что шрамы останутся у нее на всю жизнь, но нет оснований думать, что она потеряет ребенка. Слава Богу!

- Действительно, слава Богу, - серьезно отозвался Хоэл. - То, что наделал Изенгрим, и без того ужасно. Ну, Мари? Почему он напал на леди Элин?

- Милорд, - сказала она и судорожно сглотнула, потому что от потрясения у нее все еще дрожал голос. - Думаю, нам лучше обсудить это без посторонних. Можно нам пройти в ваши покои?

Глава 16

Как и все резиденции герцога, Треффендел был переполнен людьми, но собственные покои герцога были самым просторным и роскошным помещением, и там можно было разговаривать без посторонних. Они находились над большим залом и, как и его покои в Ренне, состояли из маленькой спальни и просторной гардеробной. Сейчас все поднялись в гардеробную: Хоэл, Авуаз, Мари и, по просьбе Мари, Тьер. Хоэл пристегнул поводок к ошейнику Изенгрима и уволок волка следом за собой. Когда они пришли в комнату, он привязал зверя к чугунному канделябру, стоявшему в углу.

Морда у Изенгрима все еще была влажной от крови. Ее вкус наполнял ему рот, и ее густой сладкий запах перебивал все другие запахи в комнате. В основном это была кровь Элин. Он не собирался нападать на Элин. Он намеревался убить Алена. Его неудача была двойной, и он понимал, что теперь должен ждать смерти. Хоэл уведет его в лес, погладит по голове, а потом обнажит меч и тщательно прицелится, чтобы поразить сердце и мгновенно убить. Он уже принял решение, что притворится, будто не понимает намерений герцога. Он один раз умолял о милосердии, но второй раз этого делать не станет. Его жизнь не стоит того, чтобы ее беречь, хоть он и сожалел, что не сумел убить Алена. Было горько умирать зверем, так и не заставив заплатить тех, кто сделал его таким. Но - нет, он не собирался брать плату с Элин.

Он посмотрел на Мари. Он не понимал, что она собирается сказать в его защиту, но был благодарен ей за попытку. Приятно было завоевать ее симпатию, пусть даже он упустил главное сокровище - ее любовь.

Мари стояла прямая, напряженная, она боялась, что все заметят, как она дрожит. Она несколько раз сглотнула, пытаясь справиться с перехватившей горло судорогой.

- Ну что, Мари? - сказал Хоэл. - Ты знаешь, почему Изенгрим вел себя так дурно?

- Мой господин и госпожа, - официально начала Мари, - надеюсь, вы не оскорбитесь, если сначала я заговорю о другом. Это связано с вашим вопросом. Мы с Тьером намеревались поговорить с вами сегодня о людях, на которых набросился Изенгрим.

Хоэл быстро взглянул на Тьера, который коротко кивнул, подтверждая ее слова.

- У них в Таленсаке неприятности? - спросил герцог.

- Да, - подтвердил Тьер. - Но мы собирались говорить не об этом.

Медленно и трудно он изложил дело против своего кузена. Хоэл слушал его - сначала с нетерпением, продолжая тревожиться о своем волке, но постепенно, поняв суть, с мрачным, хмурым вниманием.

- Очень гадкое дело, - сказал он, когда Тьер почти закончил. - Мне следовало бы подумать об этом раньше.

- Все знали, что Тиарнан любил ходить на охоту один, - негромко проговорила Авуаз. - И все знали, что это делать опасно. И все знали, что Эон грозился его убить. В то время этот разбойник нас очень тревожил, хотя я уже много месяцев ничего о нем не слышу.

- Недавно до меня дошел слух, что он умер в апреле, - отозвался герцог. - Последнее сообщение о совершенном грабеже пришло в марте. Но ты права: все подозрения в убийстве пали на него, а не на тех, кто был ближе и имел больший интерес.

Тьер расправил плечи. Здесь, перед герцогом, он считал своим долгом взять на себя привычную роль и снова защищать Алена.

- Милорд, я уверен, что Ален невиновен, - твердо заявил он. - По крайней мере не виновен в убийстве. Действительно, он любил Элин и мог отправиться к ней на свидание, когда говорил нам, будто едет в Сен-Мало. Но это не значит, что смерть лорда Тиарнана не была несчастным случаем. Милорд, вы знаете моего кузена: он всегда был не столько бойцом, сколько влюбленным. Скорее всего он просто встретился с дамой и сказал ей о своей вечной преданности, а она хлопала ресницами, плакала и ничего определенного не обещала. Я согласен с тем, что вам следует допросить его, чтобы все выяснить, но я твердо уверен, что он не стал бы убивать лорда Тиарнана.

- А ты, Мари? - спросила Авуаз. - Тьер защищает своего кузена. А ты берешь на себя роль обвинителя?

- Я не считаю, что Ален убил Тиарнана, - ответила Мари, сама удивляясь тому, как уверенно звучит ее голос, несмотря на то что ей предстояло говорить дальше. - Но я только что пришла к убеждению, что Тиарнан еще жив.

Она обвела взглядом три изумленных лица и разрешила себе на секунду перевести его на волка, пристально наблюдавшего за ней из угла. Она быстро отвела взгляд, опасаясь того, что может увидеть в этих обведенных черным глазах. У нее дрожали пальцы, и она сцепила руки за спиной.

- У Тиарнана была тайна, - продолжила она негромко. - Я прошу вас вспомнить об этом и задуматься, в чем она могла заключаться, потому что она лежит в основе всего. Кенмар-кок, который был у него управляющим, говорит, что его господин уходил в лес один на три-четыре дня, не беря с собой никого, оставляя дома даже свою собаку. То, что он там делал, было настолько пугающим, что когда об этом узнала его жена, она убежала к своей сестре в Иффендик и с тех пор смотрела на него с ужасом. Она сказала мне, что он был более страшным чудовищем, чем разбойник, от которого он меня спас, и что она рада от него избавиться. Но его исповедник, знавший эту тайну, никогда не был уверен в том, что это грех, и в моем присутствии укорял себя за то, что не осудил этого. Он сказал, что пристрастен и не может выносить суждение. Она глубоко вздохнула. Она уже рассказала то, что ей доверили по секрету, и вытащила на свет то, что должно было оставаться в тени. Ей придется открыть все. Каков будет суд герцога, она не знала - она могла только надеяться, что склонность его сердца совпадете ее собственной.

- Мой господин и госпожа, - продолжила она, поднимая голову выше. - Отшельник сказал мне еще одну вещь: он знал прежнего владельца волка Изенгрима. Он сказал, что волк был потерян из-за воровства и предательства и что волею провидения он попал к вам и получил от вас милосердие. До сегодняшнего дня я не могла понять, почему отшельник так радовался тому, что вы не убили волка.

Кажется, я рассказывала вам, что, когда меня везли в Ренн, я встретила в лесу волка, а потом столкнулась с Эоном. Мне приснилось, что Эон - оборотень, и потом, когда я услышала ходившие о нем рассказы, я испугалась того, что мой сон был правдивым. Но когда Эон только увидел Тиарнана, он узнал его и крикнул: «Бисклаврэ!» Он говорил на бретонском, которого я в то время не понимала. Когда я вспомнила это потом, то решила, что он угрожал Тиарнану и говорил: «Я оборотень, и если ты на меня нападешь, тебе придется плохо!» Я слышала, что волки - злобные, кровожадные звери, и потому перенесла это слово с человека, пришедшего мне на помощь, на человека, который на меня напал. Я ошиблась. Эон не был оборотнем, а Тиарнан - был.

На трех лицах отразилось недоверие, и только уважение к ней и стремительность ее речи помешали им прервать Мари. Она не смела смотреть на волка. Она выдала его тайну. Ей оставалось только молиться, чтобы ее слушатели, которые знали не только человека, но и волка, не возненавидели его, Даже когда поверят ей.

- Подумайте! - попросила она их. - Человек исчезает на охоте в лесу - а на главной улице Таленсака появляется волк. Удивительно хитроумный волк, как вы сами много раз говорили, милорд, гораздо умнее любой собаки. На самом деле гораздо умнее, чем положено быть зверю. Как загнанный волк мог догадаться просить вас о пощаде? И что сказал граф Ранульф, когда Изенгрим победил его волкодавов? «Это колдун! - сказал он. - Он сражается не как обычный зверь!» И мы все знаем, что это правда. Изенгрим бился как человек. С отвагой человека, с хитростью человека и с готовностью человека пощадить побежденного. Милорд, вы только что видели, как хорошо Изенгрим знал, что сначала нужно вывести из строя держащую меч руку, а уже потом пытаться убить человека. Откуда такое мог знать волк? И это не все, мой господин! Ищейка Мирри, собака Тиарнана, приветственно залаяла, когда увидела Изенгрима, и ласкалась к нему. И он был с ней приветлив, пока у нее не началась течка, - и тогда он ее прогнал. Какое животное так поступило бы? И Изенгрим был совершенно добр ко всем людям, кроме двух. Когда он увидел Алена сразу после поимки, он на него бросился. И когда он увидел этого же человека, только что вошедшего в зал вместе с леди Элин, он напал на них обоих. И вражда между ними и волком была взаимной. Когда Ален был здесь в марте, мы все слышали, как упорно он преследовал свою добычу, и какую награду его жена назначила за волка, и как они ставили на него капканы. И что сказал Ален только что в зале? «Чудовище! - сказал он. -

На этот раз я тебя убью!» Тут вдруг подал голос Тьер:

- На днях в Таленсаке он сказал, что если бы крестьяне знали, чем на самом деле был их маштьерн, то не захотели бы, чтобы он вернулся.

- Когда я в марте сказал ему, что мы захватили волка живым, - медленно проговорил Хоэл, - то он весь посерел, и мне показалось, что его вот-вот вырвет. Он сказал, что выпил дурной воды. Но он умолял меня убить волка. И умолял снова, когда его увидел.

Хоэл повернулся к волку, который лежал неподвижно, положив голову на лапы. Яркие глаза зверя теперь показались ему настолько полными человечности, что он поразился собственной слепоте. Он должен был сам догадаться, что это - не обычное животное.

- Тиарнан! - позвал он.

И все увидели, как зверь поднял голову и повел ушами в ответ на оклик. А потом уши опустились, а голова упала на передние лапы. Взгляд волка потерял всю выразительность. И Мари вдруг поняла, что ему тревожно - и ужасно стыдно.

- Мой Бог! - прошептал Хоэл. - Мари, ты права.

- Все, что я говорила, - это только догадки, - отозвалась она. - Но в этом доме есть два человека, которые все знают точно.

- И они нам все расскажут, - мрачно заявил Хоэл. Подойдя к двери, он громко потребовал, чтобы слуги привели лорда Алена и леди Элин.

- Хоэл, женщину не надо! - запротестовала Авуаз. - Она ранена и беременна.

- Ей все равно придется ответить, - твердо сказал Хоэл. - Если это правда - а Бог видит, я в это верю! - тогда она предала своего мужа и отдала его земли и слуг своему деспотичному любовнику, назначив цену за голову их господина. Но мы проявим милосердие к нерожденному ребенку: пусть ее принесут сюда на стуле.

Ален и Элин не встревожились, когда слуги герцога пришли за ними. Они ожидали услышать от герцога извинения и обещание того, что волка наконец убьют. У Алена правая рука была на перевязи, а Элин на стуле принесли четверо слуг. Лицо у нее было забинтовано от глаз до губ. Врач дал ей снадобье, притупившее боль, и ей казалось, будто она плывет на стуле по серым волнам. Но она увидела привязанного в углу волка - и, содрогнувшись, поспешно отвела глаза. Ален взял ее за руку и поцеловал в лоб, а она прижалась к нему, пряча свое забинтованное лицо. Он гневно посмотрел на волка, а потом перевел вызывающий взгляд на герцога. Хоэл кивком отпустил слуг, и те ушли, закрыв за собой дверь. Под мрачным взглядом герцога Ален быстро сник.

- Почему мой волк на тебя бросился? - спросил Хоэл, как только слуги вышли.

- Потому что он - дикий зверь, - яростно заявил Ален. - Все волки такие.

- Нет, - возразил Хоэл. - Этот - не такой. У него есть причина тебя ненавидеть. Что за причина?

- Милорд, - ответил Ален, удивившись, но еще не потеряв уверенности, - ручных волков не бывает. Эта тварь напала на меня и ранила мою жену!

- А ее вины в этом нет? - ровным голосом произнес Хоэл. - Леди Элин, что случилось с моим вассалом Тиарна-ном, твоим первым супругом?

Элин резко подняла голову с плеча мужа, и ее прекрасные глаза устремились на герцога, такие огромные и непроницаемо синие, словно этот вопрос ее ослепил. Ален держался спокойнее.

- Никто этого не знает, мой господин, - нетерпеливо заявил он. - Почему вы спрашиваете?

- Потому что во время его исчезновения ты уехал в доспехах, сказав, будто собираешься найти корабль, который привез в Сен-Мало ястребов. Но такого корабля не существовало. Аэта дама, которую ты давно любил, поссорилась с мужем и убежала от него. Куда ты ездил на самом деле, лорд Ален, когда говорил, будто едешь в Сен-Мало, и что ты там делал?

Ален побледнел от потрясения. Он с мольбой посмотрел на Тьера.

- Ален, - сказал Тьер, - мы знаем, что ты лгал. Пожалуйста, скажи нам правду. Она не может быть страшнее того, в чем тебя подозревают.

Ален открыл рот - и снова его закрыл. Он потряс головой.

- Тьер! - жалобно проговорил он и облизнул губы.

- Бог мой, Ален, неужели ты думаешь, что я не хочу тебе помочь? - крикнул Тьер, и голос у него охрип от боли. - Но мне сдается, что на этот раз ты вырыл себе такую яму, из которой тебя никому не вытащить. Что ты сделал? Просто скажи нам!

- Ален - герой! - вдруг крикнула Элин.

Ее одурманенный снадобьем разум понимал одно: ее мужа хотят обвинить в убийстве Тиарнана. Ей вдруг вспомнилась одежда Тиарнана, спрятанная в потайном дне сундука Алена. Если ее найдут, этого свидетельства будет достаточно, чтобы Ален погиб. И правда, какой бы она ни была неприглядной, избавит Алена от смерти.

- Он храбрый и добрый, он пришел мне на помощь! - продолжала она. - Вы не имеете права так с ним говорить! Вы не знаете, что он сделал ради меня!

Она встала со стула, нетвердо держась на ногах, качаясь на серых волнах дурмана. С отвращением устремив взгляд на туманную фигуру волка в углу, она завопила:

- Вот он! Вот ваш Тиарнан! Посмотрите на него! Грязный, вонючий, дикий зверь! Меня обманом заставили выйти замуж за чудовище, за оборотня, за дьявольскую тварь! И я должна была брать его к себе в постель и лелеять, зная, что это такое? Боже избави! Ален спас меня от него, и вам бы следовало его любить и хвалить за отвагу, а не обвинять!

Она снова рухнула на стул, содрогаясь от рыданий.

Ален бережно обнял ее и посмотрел на герцога. Его наивная привлекательность внезапно исчезла: лицо у него стало зверским и самодовольным.

- Она сказала правду, - проговорил он таким спокойным голосом, что он оказался страшнее любого крика. - Ваш любимец Тиарнан, милорд, - оборотень. Я его не убил, но если бы и убил, то эта смерть была бы более легкой, чем та, что полагалась ему по закону. Если вы его

пощадите, то будете виновны в ереси.

Тьер отвел взгляд от ставшего незнакомым лица кузена. Долгую минуту он смотрел на волка и мучительно жалел, что Ален не оказался виновен в простом убийстве. Насколько же страшнее он поступил, превратив отважного мужчину в запуганного зверя, а потом уговаривая сеньора, горюющего о смерти этого мужчины, действительно стать причиной его гибели. «Милый кузен, как ты думаешь, герцог не захочет поохотиться на волка?» Ален написал это письмо и радовался собственному хитроумию. Тьер снова посмотрел на своего кузена и понял, что потерял все, что их связывало, что детское доверие разрушено безвозвратно. Ему больше нечего было здесь делать – только желать, чтобы все поскорее закончилось.

Ален даже не взглянул на кузена, не стал больше ни о чем просить. Тьер больше не мог ему помочь.

- Что вы сделали с Тиарнаном? – яростно спросил Хоэл. – Как вы поймали его в этом облике?

- А какая разница! – торжествующе воскликнул Ален. – Вы не можете его защитить: его или убьют, как волка, или сожгут, как колдуна!

- А тебя можно или обезглавить, как предателя, или запереть, как прелюбодея! – взревел Хоэл. – Ах ты, мерзкий нахал! Тиарнан был моим лучшим рыцарем и никогда не сделал ничего плохого никому из своих соседей. И к тебе, между прочим, проявил большую снисходительность, чем ты заслуживал! И в ответ ты с помощью какого-то предательства его одолел, украл жену, украл земли, тиранил слуг, вогнал владение в долги – и охотился на него, охотился безжалостно, с его собственными псами! И что еще хуже, ты обманом заставил меня тоже охотиться на него! Ты прекрасно понимал, что не смеешь и словом обмолвиться о том, что сделал, иначе будешь обвинен по всем статьям. Вы оба! Ты, лживая сучка, он же тебя обожал!

- Он – чудовище! – завизжала Элин, обильно смачивая повязку слезами. – Посмотрите на него!

Волк отполз к самой стене и припал к земле, поджав хвост.

- Это вы чудовища! – крикнул Хоэл. – Он волк, только и всего, добрый волк, который преданно служил мне и сражался за меня, как делал это человеком. Все придворные могут это свидетельствовать. Что вы с ним сделали?

- Он – адская тварь!

- Неправда, – тихо возразила Мари. – Леди Элин, это не так. То, что сделало его таким, не имеет никакого отношения к адским силам. Тиарнан не был злым человеком, и волк – не злой зверь. Чудовище, которого вы так боитесь, – порождение вашего собственного разума. Последуйте собственному совету: посмотрите на него. Неужели вы не видите? А вы раньше видели его в этом облике?

- Я видела его сегодня утром – и он напал на меня! – прорыдала Элин. – Он злобный.

Говоря это, она не смотрела на волка.

- А разве ты не вопила, чтобы мы его убили? – резко спросил Хоэл. – И что еще хуже, ты называла его тварью, прекрасно зная, что «тварь» – это мужчина, который тебя любил и чьи дом и земли ты украла. Ты – хладнокровная мерзкая шлюха!

- Я ненавижу его дом! - страстно заявила Элин. - Жюдикель был прав: там одна горечь! Я жалею, что не согласилась на то, что мне предлагали. Мне надо было объявить брак с этим чудовищем недействительным и честно выйти замуж за Алена.

- Он тебе это предложил? - спросила Авуаз, которая заговорила в первый раз.

Элин бросила на нее полный паники взгляд и зарыдала еще громче.

- Что вы с ним сделали? - в третий раз спросил Хоэл. - Почему он не может снова превратиться в человека?

- Мы вам не скажем! - лихорадочно заявил Ален. - И вам нас не заставить! Вы не посмеете никому об этом рассказать!

- Я посмею не меньше твоего! - яростно ответил Хоэл. - Если дело дойдет до суда, то вы потеряете почти столько же, сколько Тиарнан. Вы оба лишитесь всех денег, которые у него украли, признаете себя виновными в двоеженстве и прелюбодеянии и сделаете своего нерожденного ребенка убудком. И думаю, даже церковь настоит на том, чтобы оборотню было позволено говорить за себя: она всегда требует перед казнью полной исповеди. Вы расскажете мне, что сделали, или, клянусь перед Богом, я доведу дело до суда и потребую, чтобы вас обоих допрашивали под пыткой!

Авуаз пошевелилась, собираясь протестовать, но угроза уже сломала Алена. Пытку в судебном расследовании ис-пользовали часто, и он знал, что при этом происходит.

- Нет! - отчаянно вскрикнул он. - Я все вам скажу! Не трогайте ее: она ждет ребенка и без того достаточно страдала! Нельзя больше ее мучить!

Глаза Хоэла торжествующе сверкнули.

- Тогда говори сейчас же! - приказал он.

Ален с любовью посмотрел на склоненную голову Элин, стянутую повязкой.

- Не тревожься, сокровище мое, - нежно сказал он ей. - Я не позволю, чтобы они тебя трогали. Все будет хорошо.

Элин зашмыгала носом, прижимаясь к его груди, а он положил перевязанную руку ей на голову.

- Говори! - повторил Хоэл с нескрываемым отвращением.

- Тиарнан оставлял со своей одеждой часть себя, когда превращался в ту тварь, которой он стал, - обиженно-раздраженным тоном проговорил Ален, наконец сдавшись. - Без этой части себя он не может превратиться обратно. Элин сказала мне, куда он уходит превращаться, и я отправился туда, спрятался и дождался его. Когда он ушел в лес, я украл его одежду и ту часть вместе с ней.

Герцог протяжно выдохнул. Он откинулся на спинку кресла и, сузив глаза, всмотрелся в пару перед собой.

- И где она сейчас? - спросил он.

- В моем сундуке в Таленсаке, - признался Ален. - Там двойное дно. Я обрызгал все святой

водой и завернул в напрестольную пелену, потому что боялся этой твари. Это правда.

Хоэл еще несколько мгновений не шевелился, пригвоздив Алена к месту взглядом. Элин продолжала тихо всхлипывать.

- Тьер, - сказал герцог, - немедленно поезжай в Та-ленсак и привези эти вещи. Не береги коня в дороге: возьми в поместье свежего коня и возвращайся.

Тьер молча поклонился и вышел. Хоэл снова откинулся назад, продолжая сурово смотреть на Алена и Элин.

- Вы были правы, - негромко проговорил он. - Я не хочу, чтобы это дело имело огласку. Я любил Тиарнана, я ценил Изенгрима и не видел зла ни в человеке, ни в волке. Я хочу, чтобы он остался у меня на службе. Ты сказала, дама, что тебе предложили признать твой первый брак недействительным. Ну что ж, это мы можем устроить. Если расторжение будет оформлено, тогда твой второй брачный обряд будет считаться действительным и твой ребенок не станет убудком. Мне известно, лорд Алэн, что у тебя есть долги. Я и об этом позабочусь. Больше того, я дам тебе денег, чтобы ты уехал. Говорят, что крестовый поход идет успешно и в Святой земле будет создано королевство. Если это так, то для безземельных рыцарей там найдется место - и, возможно, даже поместье. У вас появится возможность устроить свою новую жизнь. Выбирать вам можно между этим и судом, на котором вы скажете о Тиарнани правду - и сами примете последствия. Вы оба много говорили о том, какое он чудовище, но, по-моему, вы знаете, как люди отнесутся к вашим делам, поэтому все и скрывали. Надеюсь, вы хорошенько обдумаете свое решение. Сейчас вы оба можете отправляться вниз и отдыхать. Я желаю, чтобы вы остались в этом доме, пока я не разрешу вам уехать, но в остальном можете делать что хотите. В следующий раз я буду разговаривать с вами после того, как поговорю с Тиарнаном.

Ален бережно взял Элин на руки и понес к двери. Он бросил на герцога еще один возмущенный взгляд, а потом молча вышел, унося свою жену.

- Они никому не расскажут правду, - сказала Авуаз.

- Да, - отозвался Хоэл, снова откидываясь в кресле. - Если они раньше побоялись, то теперь тем более не решатся. Они сделали мерзкую, гадкую вещь. Они даже себе не могут признаться в том, что сделали, и, уж конечно, не станут говорить об этом всему свету. Они рассказали бы правду только из мести, если бы для них не оставалось выхода - а я только что дал им выход, который должен им понравиться. И это - гораздо более мягкая судьба, чем они заслуживают.

- Вы слишком суровы, - сказала Мари. - Им было страшно. Элин просто мутило от ужаса. Я ее понимаю. Я ее очень хорошо понимаю. Тиарнан очень виноват в том, что женился на ней и не понял, каким ужасным ей покажется его секрет. Вы чересчур суровы.

- Я могу понять, что ей было страшно, - ответил Хоэл. - Если бы я услышал сегодняшнее, зная его только как волка, а не как человека, то и сам бы ужаснулся. Но я не могу простить ей того, что она отвергла человека, но оставила себе поместье.

Наступило недолгое молчание, а потом, движимые сочувствием и любопытством, они посмотрели на волка, который продолжал неподвижно лежать в углу. Мари подошла и встала рядом с ним на колени, и светло-коричневые глаза посмотрели на нее с тем же бесстрастным, настороженным выражением, какое она запомнила у Тиарнана.

- Мы вас вернем, - сказала она ему. - Вы меня понимаете? Мы вернем вас обратно.

Волк не отреагировал. Она вдруг испугалась, что он не вернется. Она не посмела выразить свой страх, смутно решив, что, облекая его в слова, она может каким-то образом способствовать его осуществлению, но ее опущенные руки сжались до боли.

- А как мы объясним всем его отсутствие? - спросила Авуаз.

Хоэл пожал плечами:

- Он был расстроен ссорой с женой и неожиданно принял решение отправиться в паломничество. Если мы вернем его обратно, то сможем придумать объяснение. Его крестьяне, наверное, будут так рады получить его обратно, что не посмеют задавать вопросы, чтобы не сглазить удачу.

Наступило еще одно долгое молчание, а потом герцог с силой шлепнул рукой по подлокотнику кресла.

- Нет смысла сидеть тут до возвращения Тьера. Отсюда до Таленсака добрых восемь миль. Даже при всей спешке он не вернется раньше обеда. Авуаз, милая, я не могу сидеть на месте, не хочу быть с придворными и один оставаться тоже не хочу. Пойдем, прогуляемся вместе по лесу.

Герцогиня медленно поднялась на ноги.

- Почему бы и нет? Это поможет моему желудку успокоиться.

Герцог и герцогиня ушли. Мари принесла тазик с водой, подошла к волку и на секунду остановилась, глядя на него. Еще утром она встала бы на колени и погладила его, но теперь, узнав, кто он, уже не могла этого сделать. Она вспомнила, как он стоял в свете факелов рядом с Элин вечером в день своей свадьбы, и у нее защипало глаза от слез. А потом она вспомнила, как мучительно молчал Тьер, когда понял, что сделал его кузен, и пожалела о том, что впутала его в свое расследование. Ей казалось справедливым, чтобы член семьи присутствовал при разговоре и мог вступить за Алена, но теперь она поняла, что это глубоко ранило Тьера. И она осложнила положение, которое и без того было фантастическим и непредсказуемым, и обременила еще одну душу опасной тайной. Ради чего? Ради Тиарнана, потому что любила его? Или из-за абстрактной ненависти к совершенному предательству и стремления выяснить правду, которую снова придется скрывать?

Ею двигали оба побуждения, оба. Она перекрестилась и пошла в домовую церковь, чтобы помолиться за них всех.

Изенгрим лежал в углу, оцепенев от потрясения и стыда. Только две вещи представлялись ему совершенно ясно: вкус крови Элин у него во рту этим утром и воспоминание о соприкосновении их тел в свадебную ночь. Тогда она была так близка ему, так счастлива, так любима. Именно он превратил ее в это раненое рыдающее создание. Он не сознавал, насколько ее пугает, пока не почувствовал ее ужас, резкий и вонючий, перебивший даже запахи крови и лекарств. Укус стал только последней раной, которую он ей нанес. Теперь он это понял. Знание того, что он собой представляет, ранило ее гораздо глубже, чем его зубы. Он был не прав, напав на нее: он и так уже причинил ей больше боли, чем она заслуживала. Но когда она посмотрела ему в глаза и ударила с таким отвращением, ярость заставила его забыть. Мари сказала, что он очень виноват. Мари была права.

И все же Мари пытается ему помочь. Он безмолвно сложил в уме ее слова: «Мы вернем вас обратно». А она хочет, чтобы он вернулся? Он не смог понять, что отразилось на ее лице, когда

она стояла и смотрела на него, но пахло от нее горем. Что она и другие чувствуют, глядя на него? Отвращение? Презрение? Самое большее, на что он может надеяться, – это жалость.

«Чудовище! – называла его Элин снова и снова. – Мерзкий, вонючий, злобный зверь! Дьявольское отродье! Оборотень!» Вот нормальная реакция людей на то, что он такое. Теперь он понял, что его собственную уверенность в том, что все происходящее естественно, было возможно сохранять, только пока он хранил свою тайну. Что станет с ним теперь? Жажда снова стать человеком была почти невыносимой, но что он будет делать в мире людей, для которых он – чудовище?

Примерно в полдень Изенгрим вдруг сел. Все внутри его повернулось, подобно флюгеру под порывом ветра, перестраиваясь. Он знал это чувство: он испытывал его раньше, когда возвращался к частице себя, оставленной перед превращением. Он уже не рассчитывал испытать его снова. Дверь комнаты распахнулась, и в нее вошли Хоэл и Авуаз в сопровождении Мари, которая выглядела такой же спокойной, как всегда, и Тьера, пропыленного с дороги и несущего под мышкой полотняный сверток.

– Он оказался там, где говорил Ален, – сказал Тьер и положил сверток на стол.

Развернув узорчатую полотняную напестольную пелену, он снял ремешок с кожаного свертка, и там оказался шерстяной охотничий костюм, аккуратно сложенный, с несколькими прилипшими к нему сухими листьями из-под межевого камня.

Изенгрим отвернулся. Остальные встали вокруг одежды, и он ощутил их потрясение: вид этих вещей заставил их яснее понять, что он собой являет. Он не стал слушать их разговор; ему казалось, будто его шкура вот-вот лопнет от переполняющих его стыда и страха, и ему мучительно хотелось оказаться где-нибудь далеко, в лесу, где его единственным спутником был бы только запах листьев.

Хоэл подошел и отстегнул от его ошейника поводок, а Авуаз разложила его одежду на полу, где он мог ее видеть. Он снова отвернулся, хотя каждый мускул его дрожал от стремления дотронуться до своих вещей. Он никогда не менялся в присутствии посторонних – по крайней мере намеренно. Это было наслаждением столь же личным, как любовь. Как он может сделать это на глазах четырех зрителей и не стать для них еще более чудовищным?

– Что-то не так! – встревоженно сказал Хоэл. От него резко пахло беспокойством. – Что-то потерялось.

Изенгрим просительно посмотрел на Мари, умоляя ее о понимании. И – о чудо! – она поняла.

– Он стесняется, – сказала она. – Он не хочет превращаться перед нами.

Наступило молчание – а потом неожиданно Авуаз захохотала.

– Ну конечно! – воскликнула она. – Он же будет совершенно голым! А человеком и зверем он всегда бережно хранил свое достоинство. Хорошо, хорошо, мы пожалеем его стыдливость. – Она снова взяла одежду, вошла в маленькую спальню, которую они делили с Хоэлом, и разложила вещи на кровати. – Ну вот! – сказала она, поворачиваясь и обращаясь прямо к Изенгриму. – Ты будешь один.

Молча, внутренне содрогаясь, он прошел в дверь, и она закрыла ее позади него.

Теперь он уже чуял то, что оставил с одеждой, – невидимое, но всепроникающее: знакомый

запах его собственной человеческой сущности. Надежда и страх заставили его неподвижно застыть перед ней. А потом, закрыв глаза, ориентируясь только на запах, он подошел к кровати и коснулся того, что оставил много месяцев назад.

Мгновенно его нос потерял нюх: этот запах и все другие запахи исчезли. Звуки охотничьего дома умерли, словно весь мир был струной арфы, которую вдруг заглушили деревянным бруском. Но внутри его мир слов, который так долго был утоплен, внезапно поднялся на поверхность, сияя в океане смысла. То, что давалось огромным трудом, требовало невероятных усилий воли и сосредоточенности, стало так же легко и естественно, как открыть глаза или поднять руку. Это было настолько просто, что делающий даже не замечал, как он это делает. Он снова мог думать, рассуждать. Это было похоже на внезапное излечение от паралича. Он открыл глаза – и увидел цвета. Он стоял голый на четвереньках в спальне герцога, упираясь подбородком в свой старый охотничий костюм.

Он беззвучно заплакал, сотрясаясь от рыданий. Сев на пятки, он вытер лицо руками, а потом вытянул руки перед собой и стал смотреть, как сжимаются и разжимаются пальцы. Он вскочил на ноги и посмотрел на свое тело – крепкое, нагое и худое, – такое, каким он его помнил. Человечность, более драгоценная, чем горностаи и парча. Человечность.

Герцог его ждет. Неловко он поднял одежду и начал надевать ее на себя.

Он все еще продолжал плакать, когда закончил одеваться, и сел на кровать, пытаясь успокоиться. У него это не получилось. Все слезы, которые он не мог пролить, будучи зверем, текли из его глаз, и он согнулся пополам, обхватив колени руками и вспоминая. Он вспомнил, как вернулся к часовне и нашел выемку под камнем пустой, вспомнил, как Кенмаркок кричал на него из колодок, вспомнил ночь с капканами на волка, холод, лай гончих, намордник, цепь. Он лег на спину, пытаясь загнать слезы назад. Когда ему наконец удалось это сделать, он продолжал лежать, глядя на блики света на потолке и выравнивая дыхание. А потом он вдруг почувствовал неизмеримую благодарность и чудовищную, непреодолимую усталость. Он закрыл глаза и заснул.

Остальные сидели в соседней комнате и тихо переговаривались, решая, как лучше вернуть Тиарнана в мир людей, говорили о том, что могли бы сделать Ален и Элин, потом – о положении дел в Таленсаке и, наконец, о том, загонит ли епископ Кириак шестнадцатилетнего оленя с его роскошными рогами. Наконец у них кончились темы для разговора, и они молча переглянулись. Герцог Хоэл встал.

– Он там уже так долго, что успел бы не только одеться, но и вырастить петрушку! – объявил он. – Давайте узнаем худшее.

Он подошел к двери спальни и открыл ее.

На одно ужасающее мгновение Мари, шедшей за ним следом, показалось, что в комнате пусто. А потом она увидела тело, лежащее на кровати на спине, – длинную, обмякшую темноволосую фигуру в зеленом. Хоэл молча смотрел на тело, не зная, живое оно или мертвое. Она скользнула мимо него к кровати. Передней оказалось лицо, которое она долго видела только во сне: те же изогнутые брови и узкий подбородок под коротко подстриженной бородой. Единственным изменением стала кривая полоса побелевшей кожи и седых волос, которая шла от нижней губы по подбородку и до середины шеи, в том месте, где волк был ранен в бою с собаками. Она прикоснулась к его груди и почувствовала под пальцами биение сердца. Он спал! И при этом прикосновении его глаза открылись, встретились с ее взглядом – и он сел, глядя на нее.

- У вас глаза серые, - проговорил он хриплым неуверенным шепотом.

- Да, - ответила Мари, - но вы это знали. Он покачал головой:

- Нет, я не мог вспомнить - и не видел.

Он очень легко прикоснулся к ее щеке и тут же снова опустил руку. Его взгляд перешел к ней за спину, к Хоэлу, который продолжал неподвижно стоять в дверях. Он вскочил, опустился перед герцогом на колени и склонил голову.

- Мой господин, - прошептал он, - благодарю вас.

Хоэл сделал вдох, который был почти рыданием.

- Тиарнан! - сказал он. - О проклятие! - Он нагнулся, поставил рыцаря на ноги и обнял, хлопая по спине. - Проклятие! - повторил он. - Ох, хвала Богу!

На секунду он чуть отстранил Тиарнана, осмотрел его, встряхнул, а потом снова обнял.

- Тиарнан, дорогой мой! - воскликнула Авуаз, отрывая его от герцога и увлекая в гардеробную, где тоже его обняла и расцеловала в обе щеки. - Ах, мой дорогой, как же хорошо получить тебя обратно!

Тиарнан стоял неподвижно, растерянно. Когда герцогская чета его отпустила, он оглядел комнату, сначала посмотрев на Мари, стоявшую в дверях спальни, потом - на Тьера, стоявшего напротив, перед закрытой дверью, которая вела в другие помещения дома.

Тьер несколько мгновений пристально смотрел на него, а потом сказал:

- Тебе следовало бы снять то, что у тебя на шее. Тиарнан поднес руку к шее - и прикоснулся к ошейнику с серебряными заклепками, который был на Изенгриме. Его лицо стало бесстрастным. Он молча расстегнул ошейник и положил его на стол - при этом был так похож на Изенгрима, когда тот отворачивался от одежды, что Мари даже удивилась: как это она по этим привычным движениям сразу не поняла, что эти двое - одно.

- Спасибо, - негромко сказал он. Тьер поднял брови и пожал плечами:

- Рад быть полезным. И если ты еще не понял - то нет, я не собираюсь никому рассказывать, где ты был весь прошлый год, или передавать то, что говорилось и делалось сегодня в этой комнате. Меня здесь не было, и я ничего не знаю. И тебе лучше говорить то же.

Тиарнан кивнул, а потом снова обвел взглядом комнату.

- Но в этой комнате все должно быть иначе, - проговорил он все так же хрипло. - Вы все знаете, что я такое. Мне очень жаль.

- Почему? - спросил Хоэл. Тиарнан посмотрел прямо ему в лицо.

- Быть сеньором оборотня может считаться постыдным.

- Ты приносил мне честь и человеком, и волком. Это мне должно быть жаль.

Тиарнан покачал головой:

- Мой господин, с того момента, как я впервые стал вашим вассалом, вы не сделали ничего, о чем должны были бы жалеть.

Хоэл поднял руку и дотронулся до белой отметины на его подбородке.

- Мне не следовало рисковать в том бою человеком, - тихо сказал он. - Это было сделано из тщеславия, подсказано только гордыней. Мне повезло, что ты не погиб. А были вещи и хуже: намордник, цепь, все эти «хороший парень» и «плохой волк». Неудивительно, что ты так боролся за свое достоинство: я тебе его почти не оставил.

- Вы были хорошим господином для человека и зверя, - ответил Тиарнан. - Вы не виноваты, что обращались с волком как со зверем. Милорд, вы оказали мне милосердие тогда, когда большинство людей меня бы убили. Оказали дважды: один раз на дороге к северу отсюда и еще раз - сегодня. Моя жизнь дважды спасена вами, и я у вас в таком долгу, что никогда не смогу вам отплатить.

- Ты в долгу и у Мари, - сухо напомнила Авуаз. Тиарнан посмотрел на Мари - и ей стало трудно дышать.

- Я обязан Мари всем, - согласился он и неуверенно улыбнулся.

Это была та неровная улыбка, которую она уже не надеялась увидеть: один уголок губ улыбался, а другой оставался серьезным, а карие глаза, которые и были и не были глазами Изенгрима, стали ярче. Она почувствовала себя слабой и глупенькой и прикусила палец, словно девочка.

Тиарнан снова повернулся к Хоэлу:

- Мой господин, этим утром вы сказали лорду Алену и леди Элин, что поговорите с ними снова после разговора со мной. Я здесь и, благодарение Богу, вам и леди Мари, способен говорить. Что мне надо сказать?

Глава 17

Герцог и герцогиня задали совсем немного вопросов. Им только хотелось узнать, как Тиарнан стал таким, чтобы увериться в отсутствии поклонения дьяволу - и им нужно было убедиться в том, что он может получить признание брака недействительным. Когда эти вопросы были выяснены, ему было сказано - ласково, но твердо, - что ему следует немедленно уйти из охотничьего дома через заднюю дверь, пока не вернулись уехавшие на охоту. Хоэл сможет сказать, что убил Изенгрима и закопал в лесу. Это будет то, чего все ожидали, и не вызовет удивления. А вот возвращение Тиарнана из мертвых вызовет немалое изумление, и для того, чтобы он Могжить, не вызывая подозрений, необходимо было, чтобы никто не связал его появление с исчезновением Изенгрима. Ему нужно сначала объявиться в собственном поместье, и, при удаче, никто даже не узнает, что он вернулся в тот день, когда умер ручной волк герцога.

- Приезжай к моему двору, как только наведешь порядок в своих владениях, - приказал Хоэл и поспешно выпроводил своего вассала за дверь.

И вот в середине жаркого июльского дня Тиарнан оказался на опушке леса за охотничьим домом в Треффенделе, все еще ошеломленный внезапным превращением. Никто не смотрел, как он уходит из охотничьего дома, и никто не предложил ему встретиться с женой - за что он был им благодарен. Листья неподвижно висели на ветках, воздух был полон кошмары и

комаров. Ему было жарко в куртке и штанах, которые он выбрал для октябрьской прохлады, так что он снял куртку и повесил ее себе на плечо. Простое человеческое действие снова вывело его из равновесия, и ему пришлось остановиться. Он так привык к жизни волка, что человеческий облик казался чуждым, он чувствовал себя странно хрупким, словно его разум был разбитым стеклом, которое только что склеили, так что клей еще не успел застыть. Когда у него перестало отчаянно колотиться сердце, он огляделся, чтобы сориентироваться. Он не забыл лес Броселианд, который знал в обоих обликах. Повернув на северо-восток, он быстро зашагал к дому.

Он оказался в Таленсаке в тот час, когда крестьяне уже закончили работу в полях и занимались скотиной у себя на подворьях. Ему хотелось как можно скорее попасть домой, но когда он вышел из леса Треффендела на свою землю, его быстрые шаги замедлились. В дороге он успел немного овладеть собой, но все еще чувствовал себя потрясенным и уязвимым – такого с ним не было с детства. Он не слышал разговоров о том, что происходило в Таленсаке, и не разделял уверенности герцога в том, что его там будут рады видеть. Что он скажет людям? Что они подумают о его неожиданном возвращении? Он знал, что жизнь в его поместье шла ровно и люди относились к нему одобрительно, но это он принимал как нечто само собой разумеющееся: таков был Таленсак. От него не требовалось особых усилий, потому что в Таленсаке все делалось правильно. Он неукоснительно вершил суд и улаживал споры между соседями, потому что Жюдикель приучил его выполнять свой долг, но на это уходило совсем немного времени. По дороге от опушки леса к пустым полям он думал о том, что Таленсак – это рай и что он никогда не ценил своего незаслуженного счастья быть его владельцем. Не ценил, пока не был изгнан вон.

Он остановился на краю поля и стал смотреть на раскинувшуюся перед ним долину: просторы полей и леса, церковь, деревня и господский дом были затянуты серебристым маревом летнего вечера. Здесь лежала часть его души, оставленная так же беззаботно, как та, другая, частица под камнем, и также катастрофически потерянная. Сможет ли он вернуть ее? Он вспомнил пересказанные Тьером слова Алена о том, что местные жители не захотели бы его возвращения, если бы знали, что он такое на самом деле. «Чудовище, дьявольское отродье, оборотень».

Он резким движением расправил плечи и зашагал вперед. Это его дом. Больше ему идти некуда.

Когда он поравнялся с домом кузнеца на краю деревни, то по старой привычке задержался у колодца. Он как раз ставил ведро, когда хозяйка дома вышла с коромыслом, чтобы набрать воды. При виде его она замерла и побледнела. А потом она уронила ведро и закричала. Быстро пятясь назад, она крестилась и продолжала кричать.

Тиарнан выпрямился. Ее крики дрожали в нем, так что новые скрепы в его душе болели. Он не знал, что делать: казалось, она все-таки слышала о том, что он такое. Он решил, что, как человек, не позволит, чтобы его прогнали также легко, как волка.

– Юдит, дочь Конуола, – резко сказал он, – почему ты кричишь?

Она замолчала как раз в тот момент, когда ее муж и брат выбежали из-за дома, чтобы проверить, что происходит, – и тоже замерли. Донал, бежавший следом за Юстином, врезался в него, и Тиарнан удивился, почему он оказался в доме кузнеца.

– Ох, маштьерн! – воскликнула Юдит. – Это вы?

- Что значит этот вопрос?

- Маштьерн! - воскликнул Юстин Браз, подбегая ближе и останавливаясь. На его крупнокостном лице отразилась робость, которой прежде Тиарнан никогда у него не замечал. - Это и правда вы?

- Почему вы меня спрашиваете? Кем я еще могу быть?

Глевиан, муж Юдит, выкатил глаза.

- Вы... не мертвый?

- А я бы стал пить воду из твоего колодца, если бы был мертвый? - нетерпеливо спросил Тиарнан.

Четыре лица расплылись в улыбках глубочайшей радости. Из соседних домов тоже стали выбегать люди. Они замирали на месте, а потом бросались к ним.

- Это маштьерн! - кричали они друг другу в радостном изумлении.

- Ох, мой господин! - воскликнула Юдит, смеясь, плача и заламывая руки от счастья. - Я решила, что вы - призрак.

- Вы вернулись? - спросил Юстин все с той же непривычной робостью.

- А разве это не Таленсак и не мой дом? Юстин восторженно взвыл.

- Слава Богу! - воскликнул он и, упав перед Тиарнаном на колени, поцеловал ему руки.

Юстин всегда считал целование рук уделом крепостных, женщин и иностранцев, так что Тиарнан удивленно отдернул руки. Юстин сиял улыбкой и колотил кулаком по земле в бессловесном восторге. Его выпороли зато, что он возил зерно в Монфор; он стал первым в деревне, кого так наказали. Его приковали к новому позорному столбу на деревенской площади, и один из наемников Алена, привезенных им из Фужера, дал ему двадцать ударов кнутом, отсчитывая их по-французски. Пойманный и беспомощный, не имея даже возможности увидеть падающие удары, Юстин закричал на «девять», заплакал на «шестнадцать» и взмолился о пощаде на «восемнадцать». Он не забудет этого до конца жизни. Но теперь маштьерн вернулся и кошмар закончился.

Донал стоял позади Юстина и улыбался так, что лицу было больно.

- Маштьерн! - сказал он. - Слава Богу! Лорд Тиарнан, мы все думали, что вы умерли. Уже почти год прошел...

И, говоря это, он подумал, что Тиарнан, возможно, и не знает, что отсутствовал почти год. Маштьерн стоял перед ними в том же зеленом костюме, который был на нем, когда он уходил из Таленсака прошлой осенью, а на его обычно сдержанном лице выражалось полное недоумение. Говорили, что в полых холмах время всегда течет по-другому, что человек может уйти туда всего на один день - и, вернувшись, обнаружить, что дома прошло семь лет или столетие. Донал давно решил, что если кто-то и присоединится к дикой охоте, то это будет именно Тиарнан, который знал лес не по-человечески хорошо. Его взгляд упал на белую отметину на подбородке господина, и его подозрения подтвердились. Это был не шрам, а пятно, которое называлось знаком фей и приписывалось сверхъестественному оружию

прекрасного народа. Тиарнан был в полых холмах, и их обитатели пытались помешать ему вернуться обратно! Однако об этом не следовало говорить вслух, чтобы обитатели холмов не решили вернуться и поймать беглеца. Донал поспешно схватил Тиарнана за руку, словно прикосновение было средством, которое удержит его в мире людей.

- Мой дорогой господин, добро пожаловать! - сказал он. - Добро пожаловать домой!

Каждую секунду к толпе присоединялись все новые люди, и все они радостно улыбались, возбужденно кричали и хлопали в ладоши. Тиарнан, ошеломленный шумом и бурными эмоциями, озадаченно тряхнул головой и, не зная, что делать, пошел по деревне. Все последовали за ним, криками оповещая жителей, что вернулся маштьерн, живой. Тем временем другие объясняли ему, что его жена принесла герцогу вассальную клятву за владение и тут же вышла замуж за чужака из Фужера, с жестоким жадным нравом, который привел с собой мерзкого, вороватого управляющего.

- Ради Бога, не спрашивай его, где он был! - прошептал Донал Юстину, пока они шли следом за остальными.

- Я что - дурак? - огрызнулся Юстин. - Ты видел метку у него на подбородке? Они не хотели его отпускать, так?

Кто-то залез на колокольню и начал звонить в колокол, и все население деревни высыпало на площадь. Тиарнан с ужасом увидел, что два его крепостных плетутся за другими в ножных кандалах, а потом он увидел других несчастных в колодках, заляпанный кровью позорный столб и остановился как вкопанный. Вид орудия пытки поразил его также глубоко, как любого жителя его деревни.

- Что это? - Он указал на столб.

- Его велел поставить лорд-чужак, - ответил Глевиан. - Я не хотел делать для него кандалы, маштьерн, а Мало не хотел тесать столб, но нас заставили. Он приказал, так что нам пришлось. Понимаете, мы не надеялись, что вы вернетесь.

- И его использовали?

- О да, маштьерн. С тех пор как лорд-чужак удвоил плату за помол, его использовали. Юстина первым выпороли у него, а потом Ринана, и Гериша, и Жерэ, и Гурмелона...

Тиарнан посмотрел на Юстину, наконец поняв, откуда взялась его робость. Он вспомнил вкус крови Алена, который ощутил этим утром, и страстно пожалел о том, что ему не удалось вонзить клыки в то манящее горло. Как он посмел - о Боже! - насиловать Таленсак?

- Завалите его, - процедил Тиарнан сквозь зубы, - и сожгите. Можешь сначала снять наручники, если хочешь, Глевиан, чтобы превратить их во что-то полезное. У кого ключи от колодок?

Управляющий Алена Жильбер пришел в деревню уже через несколько минут, чтобы узнать, с какой стати там звонили в колокол. Он взял с собой четырех солдат, вооруженных ножами и дубинками. Он обнаружил, что на деревенской площади разожжен костер, что на него уложен позорный столб, а вся деревня собралась вокруг и раздувает пламя. При его приближении крестьяне замолчали, ухмыляясь и подталкивая друг друга локтями. В центре толпы, разговаривая с деревенским священником и кузнецом, стоял человек, которого он не знал:

худой, темноволосый, в пропитанной потом белой рубашке и зеленых штанах. При его приближении незнакомец повернулся в его сторону, а священник и кузнец что-то ему прошептали. Не успел Жильбер заговорить, как незнакомец отрывисто спросил что-то по-бретонски.

- Изволь говорить со мной на французском! - гневно сказал Жильбер. - Это ты устроил беспорядок?

Толпа захохотала и затопала ногами, словно он сказал что-то смешное, - и это его смутило.

Незнакомец одарил его взглядом, заставившим попятиться. Лицо этого человека было бесстрастным, и только глаза горели яростью.

- Я попросил ключ от колодок, - сказал незнакомец уже по-французски. - Мне сказали, что он у тебя.

- У меня, - ответил Жильбер, снова набираясь храбрости. - И похоже, он мне нужен, чтобы посадить в них тебя. Как ты смеешь являться в деревню моего господина и устраивать беспорядки?

Крестьяне восторженно взревели.

- Как твое имя, откуда ты и что здесь делаешь? - крикнул Жильбер, багровея.

Незнакомец посмотрел на него с презрением.

- Мое имя Тиарнан, сын Менкомина, - спокойно проговорил он. - Я - владетель Таленсака, и я иду домой. Теперь ты знаешь. Ты немедленно освободишь моих людей из колодок, или я отправлю тебя к твоему господину с разрезанным языком, чтобы научить вежливости, и с отрубленной рукой, чтобы отучить брать чужие деньги.

Приехавший на следующее утро Тьер обнаружил, что работающие в полях крестьяне распевают песни, что деревенская площадь хранит остатки костра и пира, а управляющий Жильбер сидит в колодках под охраной четырех недовольных солдат. Видимо, охрану поставили для того, чтобы управляющего не забросали камнями и не покалечили. Жителям было разрешено выразить свое отношение к Жильберу: Тьер еще никогда не видел, чтобы человек был настолько покрыт всякой дрянью. Он присвистнул и переехал мост, ведущий к господскому дому. На этот раз ворота стояли распахнутыми. Привратник из Фужера исчез, а перед привратницей лежали груды скарба: обратно возвращались жители Таленсака с семьями.

Когда Тьер галопом примчался в Таленсак накануне, он сказал слугам, что на Алена и Элин напал ручной волк герцога и он приехал, чтобы взять для них кое-какие вещи. Их ранами объяснил он и то, что они останутся ночевать в Треффенделе. Теперь он вернулся, чтобы забрать своего коня. Он старательно изобразил неведение перед новым привратником, спросив, что случилось за время с прошедшего полудня, и выразил изумление от услышанного. Привратник открыто ликовал и посоветовал Тьеру сообщить своему кузену и его шлюхе, чтобы они в Таленсак не возвращались. Тьер ничего не мог на это ответить. Он с горечью понимал, что ненависть привратника вполне оправдана.

Привратник не хотел пускать его к лорду Тиарнану, но Тьер настоял на своем, прибегнув к имени герцога Хоэла, и подъехал к дому. Один из столов выставили на солнце к двери, и

Тиарнан с деревенским священником сидели за ним, просматривая хозяйственные записи поместья. Несколько слуг стояли вокруг, наблюдая за ними, а еще несколько мужчин и женщин сновали в дом и на двор с какими-то вещами. Слуги из Фужера собирали вещи, чтобы уехать, а таленсакцы радостно возвращались на свои места.

- Бог в помощь, лорд Тиарнан Таленсакский! - воскликнул Тьер, спешиваясь. - Герцог Хоэл будет очень рад услышать, что вы живы. Я поздравляю вас с возвращением.

Тиарнан не ожидал так скоро снова увидеть Тьера. Появление того, кто знал о нем правду, вызвало волну смятения. Но Тьер добровольно пообещал хранить тайну Тиарнана и заслуживал вежливого обращения.

- Да хранит вас Бог, лорд Тьер де Фужер, - отозвался он. - Добро пожаловать в поместье. Что вас привело?

- Я приехал за моим конем, - спокойно сообщил Тьер. - Я оставил его здесь вчера, когда приезжал за вещами моего кузена Алена. Наверное, вам сказали, что он сейчас в Треффенделе у герцога, отправляется от раны.

Тиарнан опустил глаза. От такого лицемерия ему стало не по себе. Необходимо поговорить с Тьером откровенно и без посторонних. Хотелось поскорее узнать, какое решение приняли Алэн и Элин.

- Прошу извинить нас, - сказал он священнику, - мы ненадолго уединимся. Я хочу расспросить лорда Тьера, как дела у моего сюзерена, герцога.

Это была вполне убедительная причина для уединения - и к тому же это была правда. Священник поклонился, расплываясь в улыбке, и Тиарнан увел своего гостя в дом.

Тьер обнаружил, что перемены, охватившие все владение, в большом зале были втрое заметнее. Вышитый родовой герб Алена с изображением святого Мартина был растянут лицевой стороной вниз на новых столах, новое постельное белье Алена лежало поверх большими грудями. Всюду кто-то паковал и распаковывал вещи. Слуги из Фужера собрались молчаливым островком среди шумных, радостных, хохочущих таленсакцев.

Слуги, которые крутились на дворе, прошли за ними в дом, и Тиарнан отправил одного из них за вином для гостя, а потом нетерпеливо сказал остальным, что если у них нет особого интереса к делам герцога, им следует заняться собственными. Они неохотно проводили взглядом своего господина, ушедшего с гостем наверх, в спальню.

Большая новая кровать Алена была перевернута на бок, а сундук с одеждой, выпотрошенный Тьером накануне, исчез. Свет косым потоком падал из открытого окна на голые доски пола и рассыпанный по ним камыш. Тиарнан секунду помедлил, а потом вернулся на лестницу и крикнул, чтобы слуги принесли вместе с вином пару скамеек.

Тьер рассмеялся, и Тиарнан бросил на него удивленный взгляд. Пришедшие с вином и скамейками слуги пытались снова остаться, так что их пришлось выгонять.

- Они боятся спустить с вас глаза, да? - сказал Тьер, усаживаясь. - Может быть, вы когда-нибудь позже найдете время дать мне уроки по управлению поместьем. Мне бы хотелось, чтобы меня так обожали.

- Ваш кузен обращался с ними очень дурно, - сказал Тиарнан. - Они все еще боятся, что он

вернется. Я буду рад, когда они поймут, что он не сможет этого сделать, и перестанут надо мной висеть.

Он налил в две чаши вина и осторожно поставил кувшин на неровный пол.

Тьер взял чашу и сделал глоток вина. Это оказалось не то отличное бордо, которым его угощал Ален, а местное таленсакское вино, некрепкое и кислое. Тиарнан был явно намерен не прикасаться к тому, что принадлежало Алену: ни к вышивке, ни к постельному белью, ни к кровати, ни к вину. Что было к лучшему, поскольку Ален этим утром попросил Тьера позаботиться о том, чтобы из поместья было вывезено все его имущество.

- Я купил все это на мои собственные деньги, - сказал он, - и не хочу, чтобы хоть что-то досталось чудовищу.

Он не испытывал ни стыда, ни раскаяния, хотя «собственные деньги» были взяты в долг в Нанте под обеспечение Таленсака, на который он не имел ни малейших прав. Раскаиваться приходилось Тьеру - и он это делал. Ему было мучительно стыдно за кузена. Он говорил себе, что ему следует попытаться посмотреть на все глазами Алена, что человек, чье вино он сейчас пьет, - неестественное чудовище и что Ален был вправде... Но он не мог убедить себя в том, что Ален был вправде сделать то, что он сделал с Тиарнаном, и еще меньше - то, что сделал с Таленсаком. Мари не ошибалась. В человеке, сидевшем перед ним, не было зла, как не было зла и в волке. Это говорила не вера, а опыт.

Тьер несколько мгновений внимательно смотрел на своего соперника. Тиарнан сидел прямой и сдержанный, держа чашу с вином на колене. Его лицо сохраняло привычное настороженно-вежливое выражение. Мысль о том, что человеческое тело может преобразиться и стать телом зверя, была тревожной и неприятной, но порождала странные вопросы, которые Тьер не мог задать.

- Мой кузен сюда не вернется, - сообщил Тьер. - Он решил принять предложение герцога о поездке на Святую землю для него и его жены.

Тиарнан медленно выдохнул, это был почти вздох облегчения.

- Передайте ему, - проговорил он бесстрастно, - чтобы до отъезда он не попадался мне на пути. Мне бы хотелось сохранить жизнь вашего кузена, чтобы не пропали труды, которые ради меня взял на себя герцог, но если он мне встретится, я его убью. У меня слишком много причин его ненавидеть.

Его лицо оставалось намеренно невыразительным, но зрачки глаз сократились смертоносно узко, став похожими на острие копья. Глядя на него, Тьер вспомнил волка, рвавшегося к горлу Алена, и содрогнулся.

- Он не намерен с вами встречаться, - заверил Тьер.

- Хорошо, - отозвался Тиарнан и сделал глоток вина. Тьер кашлянул.

- Герцог Хоэл подаст от вашего имени прошение о признании вашего брака незаконным, как только официально узнает о том, что вы вернулись и хотите это сделать. Видимо, это произойдет сегодня, когда я вернусь в Треффендел. Я этим утром имел приватный разговор с Аленом. Он так и рвался дать мне поручения для своих здешних слуг и приказать, чтобы ему возвратили все, что он купил, пока был тут господином. Я ответил ему, что не могу передать им такой приказ, пока он официально не узнает о вашем возвращении, но хочу предупредить

вас, что он скорее всего пришлет длинный список. Герцог намерен дать ему и Элин в пользование дом в Ренне, пока не будут улажены все формальности. Он хочет, чтобы все было отправлено туда – вооружение, одежда, мебель, белье, лошади, ловчие птицы, вино... Все. О, и денежная сумма вместо приданого Элин.

Лицо Тиарнана оставалось бесстрастно-яростным.

- Он получит обратно свои вещи, но он растратил все деньги, какие были в поместье, и денег мне взять неоткуда. Что он и сам прекрасно знает. Я надеюсь забрать кое-что у его вороватого управляющего, но у других людей на эти деньги больше права. А поскольку ваш кузен продал мои доспехи, оружие и боевого коня, а также всю мою одежду, птиц и мебель из моего дома, то мне нечего продать, чтобы выручить эту сумму. Больше того, мне придется брать деньги в долг, чтобы выкупить обратно коня и вооружение и иметь возможность служить герцогу.

- И одежду тоже? – спросил Тьер, глядя на его одежду – простую синюю куртку и коричневые штаны. Он впервые заметил, что рукава куртки слишком короткие.

- И одежду тоже. То, что на мне надето, я одолжил у одного из моих слуг.

Синяя куртка была воскресным нарядом Донала. Тьер ощутил еще один укол стыда, которого сам Ален не чувствовал.

- Ален ничего не упустил, да? – проговорил он, пытаясь прогнать боль легким цинизмом. – Мне очень жаль. Вы, должно быть, сможете получить своего коня, оружие и все прочее от того человека в Нанте после того, как герцог уплатит долг Алена. И если вы обратитесь к герцогу Хоэлу, то, думаю, он будет рад помочь вам выплатить и стоимость приданого.

Тиарнан нетерпеливо покачал головой. Он считал, что и без того обошелся Хоэлу слишком дорого. Он даже не хотел просить о возмещении ущерба, хотя вполне имел на это право, поскольку нового владельца у поместья все же не появилось. А теперь еще требование вернуть приданое Элин! Этих денег вообще не существовало в виде серебра: они с лордом Эрве перевели их в права на лесные угодья. Однако это было справедливым: когда брак признавался недействительным, женщина по закону имела право получить приданое обратно.

- То, на что Элин имеет право, – сказал он Тьеру, – она получит. Передайте вашему кузену, что я обойдусь с ним по справедливости и не присвою ничего, что мне не принадлежит.

Тут Тьеру вспомнилось, как Тиарнан вернул Алену доспехи и меч, оставленные в Компере. Сейчас, как и тогда, его великодушие будет потрачено зря. Он покачал головой.

- А знаете, это не заставит его хоть немного устыдиться того, что он с вами сделал, – с горечью сказал Тьер. – Он считает, что имел право на все им украденное, и глубоко возмущен тем, как с ним сейчас обошлись.

Сдержанная ярость Тиарнана сменилась открытым презрением.

- И тем не менее я обойдусь с ним по справедливости. Тьер вздохнул.

- Ну, хотя бы получите удовлетворение, чувствуя себя несравненно благороднее его!

Тиарнан сверкнул глазами.

- А почему бы и нет? Другого удовлетворения я от него не получу.

Тьер вздрогнул: он уже забыл, как этот человек умел тонко шутить, сохраняя невозмутимый вид. Их взгляды встретились – и внезапно мрачная серьезность обоих улетучилась. То, что было между Аленом и Тиарнаном, осталось в стороне: Тьер не имел к этому отношения. Все-таки это был не его стыд.

Тьер сел прямее, чувствуя себя гораздо более непринужденно, и выпил немного вина.

- Ваши слуги были бы счастливы обойтись с Аленом так, как обошлись с Жильбером! – жизнерадостно заявил он.

Глаза сверкнули снова.

- Когда поедете назад, можете захватить Жильбера к его господину.

- В таком ароматном состоянии? Нет уж, спасибо! Пусть идет сам.

Тиарнан улыбнулся. Он ожидал, что этот разговор окажется куда более трудным. Поскольку Тьеру была известна его тайна, у Тиарнана было чувство, будто он стоит перед ним раздетым. Однако Тьер держался так, словно эта тайна не имела никакого значения, и Тиарнан был ему благодарен. Он подумал, что Тьер всегда был человеком порядочным – в отличие от своего кузена. Наверное, Мари будете ним очень счастлива.

Когда Тиарнан был человеком, волчьи воспоминания всегда бывали у него впечатляющими, но какими-то размытыми, бессловесными, как воспоминания раннего детства. И сейчас его человеческий разум только начал переваривать опыт Изенгрима. Однако он уже сознавал, что чувство, которое он начал испытывать к Мари в волчьем облике, трансформировалось в страстную человеческую любовь. Накануне ночью, ложась спать, он подумал о ней и был охвачен новой волной тошнотворной неуверенности, от которой у него на глаза навернулись слезы отчаяния. Когда-то она была в него влюблена, но теперь ей известно, что он такое, и его вид причиняет ей боль. Ему мучительно хотелось увидеть ее снова, но он боялся этого. Он знал, чем был для Элин, и ему не хотелось увидеть такое же отвращение на лице Мари. Она сказала, что очень хорошо понимает Элин. Конечно, Мари спасла его от верной смерти и вернула к настоящей жизни, но он мог только догадываться, что побудило ее к этому. Ему казалось, что главным образом это были честность и стремление к справедливости. Он не смел соблазняться надеждой на то, что она хоть немного его любит: это может привести только к еще одной катастрофе. Вся его уверенность была разрушена грузом чудовищных унижений, и он боялся их повторения. Ему была уже знакома та горечь, когда любимая женщина смотрела на него как на чудовище, и он не хотел ощутить ее снова. Пусть Тьер женится на Мари и подарит ей счастье. Когда она будет счастлива замужем, то буря чувств, которые терзают его сейчас, уляжется.

- Когда вы получите владение, – неторопливо сказал он Тьеру, – то будете управлять им лучше, чем ваш кузен.

- Надо надеяться, иначе оно недолго будет моим! – отозвался Тьер, ухмыляясь. – Но надежды его получить у меня нет, как это ни обидно!

Тиарнан серьезно посмотрел на него и негромко проговорил:

- Герцог Хоэл сказал леди Мари, что вы получите владение, как только один из его вассалов умрет, не оставив наследника. Он сказал, что не допустит, чтобы такой человек, как вы, оставался ни с чем. Он уговаривал даму выйти за вас замуж.

Тьер был потрясен. Он поставил чашу и недоверчиво воззрился на Тиарнана. Тиарнан смотрел на него в упор, и его глаза снова стали такими же непроницаемыми, как у Изенгрима.

- Когда герцог это сказал? - спросил Тьер.

- Когда мы были в Париже.

Тьер поперхнулся. Конечно! Волк был в Париже и мог слышать, но...

- Значит, вы слушали? - спросил он. - И могли понимать?

Тиарнан отвел глаза и устремил взгляд на дно своей чаши.

- Если я сосредоточивался, то мог понимать. Это было нелегко, но в тот момент я слушал. Если герцог ничего вам об этом не говорил, то, наверное, потому, что хочет вас удивить. Вы - его любимец.

- Я?

- С того дня, когда не позволили ему рисковать жизнью.

Голос Тиарнана звучал сухо. Тьер вдруг очень ясно вспомнил, как именно он не позволил герцогу рискнуть жизнью: измученный волк, дрожа, распластался у ног коня герцога, а он сам надевает на него ошейник и намордник.

- Мой Бог! - прошептал Тьер. А потом, после короткого размышления, резко спросил: - Почему вы мне это рассказали?

Тиарнан разглядывал дно чаши, словно рассчитывал прочесть по осадку свою судьбу.

- Вы питаете интерес к некоей даме. Я решил, что вам следует знать: если вы на ней женитесь, то сможете ее обеспечить.

- Вы хотите сказать, что вас эта дама не интересует? - недоверчиво спросил Тьер.

Накануне он окончательно убедился в обратном. Тиарнан вскинул голову.

- Ради Христа! - воскликнул он страстным шепотом. - Перестаньте делать вид, будто не знаете, что я такое! Как я могу подойти к даме, когда ей известно, что я... Посмотрите, что это сделало с Элин!

- Но... - начал было Тьер, а потом замолчал, борясь с собой.

По лицу Тиарнана было понятно, что он так же равнодушен к Мари, как трут - к огню, но он явно считал, что не имеет никакой надежды. Секунду Тьер балансировал на плоту расчетов. Он любит Мари, а если Тиарнан станет искать ее руки, у него самого не останется надежды ее завоевать. Когда тем вечером в Треффенделе Тьер сделал Мари полушутливое-полусерьезное предложение, она знала, что у него есть надежда получить землю. Однако она ничего не сказала, превратив все в шутку. Если не хотела принимать его предложение тогда, когда она считала Тиарнана мертвым, то разве у него есть надежда сейчас, когда ей известно, что его соперник жив? И потом, Тиарнан только что великодушно дал Тьеру новые основания для надежды - разве сам Тьер способен в ответ обмануть отчаявшегося соперника? Подобную уловку мог бы применить Ален.

- Мари, конечно, знает, что вы такое, - проговорил Тьер спокойным, бесстрастным тоном, не выдававшим его душевной боли, - но, похоже, ей это не важно.

Тиарнан воззрился на Тьера так, как он сам только что взирал на хозяина дома.

- Но я чуял... - начал было он, а потом замолчал и быстро отвернулся.

О том, что он почуял, будучи волком, упоминать не следовало: это делало его еще большим чудовищем. Тьер с любопытством взглянул на него:

- Как бы то ни было, я определенно считаю вас своим самым серьезным соперником.

Тиарнан смотрел на Тьера с изумлением. В его глазах начала загораться робкая надежда.

- Вы - более благородный соперник, чем ваш кузен, - проговорил он после минутного молчания и улыбнулся.

- Глупо с моей стороны, правда? - отозвался Тьер, ухмыляясь.

«Не знаю, почему мне нравится этот парень. Если он решит ухаживать за Мари, у меня надежд не останется, это ясно по тому, как она вчера на него смотрела. А ведь он - оборотень, невозможное дело! Мне следовало бы испытывать к нему отвращение. А вместо этого мы сидим и ухмыляемся друг другу. Ну что же, Мари его любит, а он станет обожать ее, словно Богородицу. А что до меня, то я не отступлюсь от Мари, пока есть надежда, а потом пойду искать счастья. Если я буду иметь землю, у меня должно где-нибудь неплохо получиться!»

Он взял свою чашу, осушил ее и поставил обратно на пол.

- Ну, спасибо вам за вино, - сказал он. - А теперь мне надо взять коня и возвращаться в Треффендел.

Спустя три дня, когда герцог уезжал из Треффендела, Мари снова попросила, чтобы ей дали сопровождение до часовни Святого Майлона. Тьер предложил поехать с ней, но она отказалась: ей хотелось получить возможность подумать, оценить свое положение, а он уже перестал делать вид, будто больше не добивается ее любви. Она нашла одного из слуг герцога, у которого было какое-то дело в одном из соседних владений. Он согласился проводить ее до часовни, а потом через пару часов забрать по дороге назад.

Когда она звонила в маленький мелодичный колокольчик над дверью, у нее было ощущение, будто она прибыла в надежную гавань.

В часовне было сумрачно и пусто. На алтаре лежал букетик диких цветов, и падавшие сквозь плетеные ставни лучи усеивали цветы пятнами света. Мари вдруг почувствовала себя счастливой. С той минуты, как она разгадала тайну Тиарнана, ее не покидало беспокойство. И когда ни одной из катастроф, которых она боялась, не произошло, это чувство только возросло - но теперь наконец к ней пришло спокойствие. Она встала на колени перед алтарем и начала молиться.

Когда через несколько минут в часовню пришел Жюдикель, узор из лучей перелился от алтаря на пол перед ней и лежал на камыше, словно горсть драгоценных камней. Мари стояла на коленях в своем бежевом платье, прямая и простая, как молодое деревце, а ее склоненная голова была накрыта вуалью темного золота. Он какое-то время стоял в дверях, наблюдая за

ней. Тиарнан прислал ему из Тален-сака письмо, так что он знал, что сделала Мари. Его радость и благодарность были безмерными, однако он не спешил излить их в словах. Время способно исказить многое, но эта секунда была наполнена чистотой благословения Божьего.

- Да пребудет с тобой Господь, дочь моя, - проговорил он наконец.

Она повернулась, подняла на него свои сияющие глаза и улыбнулась.

- Да пребудет с вами Господь, святой отец. Вы просили меня вернуться, когда я вынесу свое окончательное суждение.

Он медленно прошел через часовню, поклонился алтарю и встал на колени, повернувшись лицом к ней.

- Два дня назад я получил письмо от моего приемного сына, - тихо сказал он. - Он написал, что многим вам обязан. Я благодарен так, что и словами не выразить.

Она потупилась, краснея.

- Итак, вы вынесли окончательное суждение? Она пожала плечами:

- Окончательное? Не знаю. Разве кто-то, кроме Бога, может выносить окончательное суждение? И вы знаете Тиарнана гораздо лучше, чем я. Но по тому, что я вижу, знаю и чувствую, я согласна с вами: он не чудовище. Мир, сотворенный Богом, не чудовищен. И за то, какими мы стали от природы - как бы это ни случилось, - нас нельзя винить. Наша вина заключается только в нашем сердце и поступках, которые оно диктует. Так что я считаю, что жена Тиарнана боялась теней, а вы были правы перед Богом, когда не назначили Тиарнану епитимью за то, чем он был. Хотя с точки зрения мира он был бы в большей безопасности, если бы вы это сделали, но кто-то ведь должен смотреть на мир глазами Бога, с любовью, а не со страхом.

Жюдикель протяжно вздохнул и опустил голову.

- Вы дали мне больше, чем я ожидал, - проговорил он после долгого молчания.

- Это всего лишь мое мнение, - отозвалась Мари с улыбкой. - На него не следует полагаться.

Спустя несколько минут они все еще вели негромкий разговор, когда колокольчик у входа прозвонил снова. Оба оглянулись - и увидели, как в часовню входит сам Тиарнан. Потрясенный, он резко остановился. Мари, тоже пораженная его появлением, густо покраснела.

Жюдикель вскочил на ноги, перепрыгнул через ограждение, подбежал к Тиарнану и горячо его обнял.

- Слава Богу, что ты у нас снова в нужном виде! - с жаром сказал он, держа его за плечи и чуть встряхивая. - Слава Богу! - Тут он отступил назад и гневно нахмурился. - Зачем ты надел эту одежду?

На Тиарнана снова был зеленый охотничий костюм.

- Остальную мою одежду продали, - отозвался Тиарнан с кривой улыбкой. - Беспокоиться не нужно: я сегодня даже не один. Меня за дверью ждут два человека, и я еще должен

радоваться, что смог уехать с таким немногочисленным сопровождением. Весь Таленсак хлопочет вокруг меня, словно нянюшка вокруг младенца.

- Отлично! - строго заявил Жюдикель. - Может быть, они не дадут тебе ошибиться.

- Я пришел сюда, чтобы поговорить с вами, святой отец, - неуверенно сказал Тиарнан. - Я не ожидал застать здесь леди Мари. Бог да хранит вас, леди. Вы ведь приехали сюда не одна?

- У меня есть сопровождающий, который вернется за мной через пару часов, - ответила Мари и прикусила губу, услышав, как чопорно звучит ее голос.

Заноза снова вернулась в ее сердце в Треффенделе, когда Тиарнан прикоснулся к ее лицу и сказал: «У вас глаза серые». Она не ожидала, что снова почувствует это беспокойство. В ночь его свадьбы она отказалась от всех надежд на брак с ним, и ей не приходило в голову, что его брак может быть признан недействительным. А теперь она боялась этой боли - и боялась его благодарности. Она не рассчитывала увидеть его до того, как он вернется в Нант ко двору.

- Мне можно будет занять его место? - быстро предложил Тиарнан.

- До самого Нанта, лорд Тиарнан? Я слышала, что ваше поместье нуждается в немалом внимании, и не думаю, чтобы вы захотели прямо сейчас уехать оттуда ко двору.

- Вчера вечером вернулся мой управляющий Кенмаркок, так что я стал более свободен. Мне можно ненадолго уехать ко двору. Я все равно собирался отправиться в Нант через пару дней, чтобы попробовать вернуть моего коня и вооружение. Леди Мари, если бы я мог оказать вам хоть какую-то услугу, я был бы более чем рад это сделать. Я знаю, скольким я вам обязан.

Мари стало трудно дышать.

- Лорд Тиарнан, я тоже многим вам обязана. Давайте скажем, что теперь мы квиты.

Жюдикель быстро переводил взгляд с Мари на Тиарнана и обратно, и теперь его строгое лицо осветилось доброй улыбкой.

- Может быть, сын мой, - весело предложил он, - если ты не торопишься исповедать свои грехи, мы могли бы пойти ко мне в хижину и разделить трапезу? Уже время обедать.

Когда они вышли из часовни, двое сопровождающих Тиарнана поспешно направились к ним, действительно напоминая обеспокоенных нянюшек. Тиарнан посмотрел на них с глубоким неудовольствием, а Мари прикусила палец, чтобы не засмеяться.

Эта пара отправилась с ними к Жюдикелю, прихватив с собой привезенную из поместья еду, и все пятеро уселись в огороде, где сладко пахло пряными травами. Они поели хлеба, сыра и вишен, запивая их козьим молоком. А потом Тиарнан сурово посмотрел на своих слуг и приказал им пойти присмотреть за лошадьми.

- И за лошадей леди Мари тоже, - добавил он. - Это гнедая кобыла, которая привязана под деревом. Отведите их к ручью и напоите, а потом хорошенько почистите.

- Вы останетесь с Жюдикелем и чужестранной дамой? - подозрительно спросил один из слуг.

- «Чужестранную даму» зовут леди Мари Пантьевр. Она родня герцогини, и сам герцог уважает ее за мудрость. Тебе, Донал, не следует говорить о ней так непочтительно. А что, по-

вашему, я собираюсь делать? Идите и позаботьтесь о лошадях. Я не звал вас с собой, так что не жалуйтесь, если вам скучно.

Двое слуг ушли, несколько раз тревожно оглянувшись, и Мари снова прикусила палец.

Тиарнан раздраженно кинул вишневую косточку в их удаляющиеся спины.

- Не знаю, что, по их мнению, может случиться, если они выпустят меня из виду! - с досадой проговорил он.

- Ты уже один раз внезапно исчез в этих местах, - резко сказал Жюдикель. - И они остались на милость людей, которые относились к ним с презрением. Естественно, им страшно снова оставить тебя здесь одного. То, что происходит с тобой, влияет и на них. Тебе следует об этом помнить, Тиарнан.

Тиарнан сразу же стал серьезным.

- Мне теперь об этом не забыть. Юстина Браза, сына Конуола, выпороли, вы слышали об этом? Мне сказали, что он плакал и молил о пощаде. Юстин, который в жизни никого не боялся! Его приковали к позорному столбу, и один из людей де Фужера бил его кнутом за то, что он отвез зерно в Монфор! И он был только первым.

- Я знаю, что происходило в Таленсаке, - тихо отозвался Жюдикель. - Все лето ко мне рекой текли люди, просившие помощи и совета. И я хочу знать: ты их снова бросишь?

Наступило молчание.

- Не знаю, - наконец проговорил Тиарнан напряженно. - Я не хотел бы.

В эту минуту он чувствовал, что никогда не захочет отбросить снова свою человеческую сущность. То, что он прежде делал в лесу, теперь представлялось ему всего лишь игрой в дикого зверя: пробыв волком несколько дней, он возвращался домой в свое приветливое поместье, отдыхал и наедался. Реальностью же были холод и голод без надежды на избавление, отчаянное одиночество и постоянные опасности. Он никогда этого не забудет и не хочет снова это вкусить.

- Я был бы рад избавиться от этого, - сказал он Жюдикелю тихо.

- У других людей тоже бывают сильные страсти, но они их побеждают, - строго заявил Жюдикель. - Ради твоих людей и ради самого себя тебе следует сделать это. Это было опасно и прежде, но теперь, после того как ты исчез почти на год и вернулся, когда тебя уже объявили погибшим, тебе не удастся просто ускользнуть. За твоими приходами и уходами станут следить пристальнее, так что риск для тебя станет гораздо большим. Я предупреждаю тебя, если ты снова это сделаешь, я наложу на тебя епитимью - не за само превращение, а за то, что ты глупо и неоправданно рискуешь своей жизнью и благополучием твоих ближних. Тиарнан склонил голову:

- Это будет заслуженно.

Мари представила себе Изенгрима, сидящего на хлебе и воде и смиренно читающего молитву, и снова прикусила палец. «Это глупо! - сурово укорила она себя. - Это совсем не смешно!»

Тиарнан заметил ее жест, посмотрел на нее и встретился с ней взглядом. Его глаза вспыхнули

- и ей расхотелось смеяться. Ее вдруг отчаянно потянуло прикоснуться к его лицу, погладить белую полосу у него на подбородке, поцеловать его. Она заставила себя отвести взгляд.

Тиарнан посмотрел на ее скромно опущенную голову - и вспомнил ее тело, каким он его видел, белеющим на траве у источника Нимуэ. Со дня визита Тьера он часто думал о Мари, не зная, следует ли верить тому, что говорил Тьер. Он украдкой наблюдал за ней, тревожно пытаясь увидеть признаки отвращения. Их не было - только естественность, которая казалась ему просто чудом. Он уловил смех в ее глазах, когда Жюдикель пригрозил ему епитимьей, а когда этот смех погас, это его озадачило. Он не знал, как ему действовать дальше - и действовать ли вообще. Ему хотелось вернуть озорные искры в эти глаза, опущенные темными ресницами, заставить ее улыбнуться. Он не мог расстаться с ней прямо сейчас, ничего не выяснив, ничего не сказав.

- Моя госпожа, когда должен приехать ваш сопровождающий? - спросил он.

- Он обещал вернуться не позже девятого часа, - сразу же ответила она, снова глядя на него. - Мы собирались догнать герцога в Редоне. А если он задержится, то мы не успеем приехать до темноты.

Тиарнан кивнул. Переезжая из одного замка в другой, двор обычно останавливался в большом монастыре.

- Вы будете жить при дворе в Нанте, - неуверенно спросил он, - или вы собираетесь уйти следом за своими землями в монастырь?

- Я этого еще не решила, лорд Тиарнан.

Она снова опустила взгляд и чуть отвернулась. Он любовался ее профилем: высоким лбом и смелыми чертами лица, линией шеи, белой и нежной, под золотыми крыльями вуали.

- Я знаю, что лорд Тьер все еще надеется, что вы выйдете за него замуж, и что герцог Хоэл намерен дать ему землю, - сказал он, пристально наблюдая за ее реакцией.

Она даже не моргнула, о чем-то думая.

- Наверное, вы это слышали, правда? - тихо отозвалась она. - Я и этого еще не решила, лорд Тиарнан.

- Леди Мари, - начал он, сам не зная, что собирается сказать, но сознавая, что должен сказать что-то, чтобы она не сочла этот вариант единственным, - когда лорд Тьер приезжал в Таленсак на следующий день после моего возвращения туда, мы с ним решили, что мы - соперники. Простите, если то, что я сейчас скажу, вам неприятно, но сам Тьер считал, что мое дело небезнадежно. Я знаю, что он - человек благородный и достойный, и знаю, что я сам... - Он снова сбился, борясь с острыми и неподатливыми словами, которые не давали ему выразить то, что было по-настоящему важным. Ее лицо обратилось к нему, и глаза были ясными и удивленными, но в них по-прежнему не было и следа отвращения, что позволило ему продолжить: - Я знаю, что я... человек, который оказался плохим мужем для одной женщины, и я...

Он снова замолчал перед неизбежной жестокостью уродливого слова, которое по-прежнему ощущал как несправедливое.

- Я знаю, что вы такое, - негромко сказала Мари без всякого следа ужаса или жалости.

Он судорожно вздохнул и упрямо продолжил:

- Возможно, вы презираете меня за это. Вы сказали, что понимаете чувства Элин. Если вы меня презираете и не хотите, чтобы я вас беспокоил, скажите мне об этом прямо сейчас, и я буду стараться это честно соблюдать. Но если вы можете, то позвольте моей любви стоять рядом с любовью Тьера и святого Михаила, когда вы будете принимать решение.

У Мари пылали щеки. Она смотрела в землю и покусывала палец. Она хотела было сказать ему, что не следовало говорить такое до тех пор, пока его первый брак не будет признан недействительным, но сразу же поняла, что ничего подобного не скажет. Элин ранила его гораздо глубже, чем можно было ожидать, если его привычное самообладание уступило место смиренным извинениям зато, что он посмел ее любить. Мари подняла глаза и увидела, как он тревожно на нее смотрит.

- Лорд Тиарнан, - прошептала она, - я могла бы испытывать к вам немало чувств, но среди них нет презрения и ужаса. Если мне и были понятны чувства леди Элин, то только из жалости. Что до меня, то я...

Она замолчала, не зная, чем закончить эту фразу. Но похоже, это не нужно было делать: лицо Тиарнана светилось, словно костер.

Между тем Жюдикель поднялся со своего места.

- Мне пора прополоть огород, - объявил он. Взяв мотыгу, он ушел в дальний конец грядок. Тиарнан с удивлением проводил его взглядом, а потом повернулся к Мари и широко улыбнулся.

- Это было благословение, - сказал он ей. - Из деликатности Жюдикель больше ничего не скажет.

Он придвинулся к ней, нежно обхватил ее лицо ладонями, как делал это в ее снах, и поцеловал. Ей показалось, будто ее сердце подхватил водопад. Когда Тиарнан поднял голову, она улыбнулась, глядя ему в глаза, а потом обхватила руками за шею, наслаждаясь его близостью и теплом. Прижав ладонь к его щеке, она прикоснулась к белому следу на подбородке, и ей показалось, что это наполнило какую-то пустоту, с которой она жила всю жизнь. Когда его руки сомкнулись вокруг нее, все снова встало на свои места и тело и душа стали двигаться согласно, словно два конца одного коромысла.

- Я тебя люблю, - сказала она, наконец закончив фразу.

От автора

Этот роман основан на стихотворной повести «Об оборотне» поэтессы двенадцатого века Марии Французской. Я отнесла действие к концу двенадцатого века, но, как и подобает в средневековом романе, не всегда придерживалась точности в изображении некоторых исторических деталей.